

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Вопросы всеобщей истории
Выпуск 18

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
(ЕЖЕГОДНИК)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
DEPARTMENT OF GENERAL HISTORY

THE WEST, THE EAST & RUSSIA

PROBLEMS OF NATIONAL AND POLITICAL
IDENTITY IN HISTORICAL RESEARCH

Problems of General History
Volume 18

COLLECTION OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ARTICLES
(ALMANAC)

Ekaterinburg
2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД, ВОСТОК и РОССИЯ

**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Вопросы всеобщей истории
Выпуск 18

СБОРНИК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ
(ЕЖЕГОДНИК)

Екатеринбург
2016

УДК 930.1
ББК Т
3-30

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания
(Решение № 535 от 12.10.2016)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

д-р ист. наук, проф. *В. Н. Земцов*

д.и.н., проф. Хр.С. Глушков (Болгария), д.и.н., проф. А.М. Лукашевич
(Беларусь), к.и.н., *А. А. Постникова*, к.и.н. *М. В. Шистеров*, к.и.н.,
доц. *Т. Г. Шумкина*

Отв. секретарь – *А. И. Голотина*

3-30 **Запад, Восток и Россия:** Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях: Вопросы всеобщей истории: Сборник научных и учеб.-метод. трудов (Ежегодник). Вып. 18 / под ред. проф. В. Н. Земцова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – 306 с.

The West, the East and Russia: Problems of National and Political Identity in Historical Research: Problems of General History: Collection of Scientific and Educational Articles (Almanac). Vol. 18 / Ed. Prof. V. N. Zemtov. – Ekaterinburg: USPU, 2016. – 306 p.

ISBN 978-5-7186-0794-9

18-й выпуск сборника научных трудов «Вопросы всеобщей истории» посвящен проблемам отражения вопросов идентичности в исторических исследованиях.

В сборник включены доклады и сообщения, представленные на Четвертых «Сутыринских чтениях» (Екатеринбург, 26 сентября 2016 г.) и стенограмма «круглого стола» «Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях» (Екатеринбург, 15 апреля 2016 г.).

Сборник предназначен для преподавателей учебных заведений, студентов, всех, кого интересуют проблемы исторической науки.

18th edition of collection of scientific articles —Problems of General Historyl is devoted to the problems reflect issues of identity in historical research.

The collection includes papers and reports presented at the Fourth «Sutyryn's readings» (Ekaterinburg, September 26, 2016) and the transcript of the «round table» «Problems of national and political identity in historical research» (Ekaterinburg, April 15, 2016).

The collection is intended for professors, students and all those interested in problems of historical science.

ISBN 978-5-7186-0794-9

© Коллектив авторов, 2016
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

I. Материалы региональной научной конференции «Человек и общество в условиях революции (Четвертые Сутыринские чтения)»

Л. В. Алексеева	Отражение военно-революционных событий 1917 – 1921 гг. в учебнике «История Ханты-Мансийского автономного округа»	7
А. А. Богданова	Формирование исторической памяти о ключевых событиях XX века на уроках истории	14
В. Н. Земцов	Французская революция XVIII века и необыкновенные судьбы двух ее участников (по книге А.В. Чудинова «Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза»)	20
И. М. Клименко	Революция и социальная политика	24
А. М. Кручинин	Екатеринбургский погром 26 апреля 1917	30
В. Ф. Мезенцев	Проблемы и перспективы теории революции в современных западных исследованиях	33
М. Н. Начапкин	Мировосприятие представителей консервативных классов в эпоху перемен: революция 1917 г. и Гражданская война в воспоминаниях и дневниках очевидцев	39
И. А. Новиков	Революцией призванный: византинист М.Я. Сюзюмов на Урале	48
И. С. Огоновская	Школьный учебник истории СССР – России как инструмент и источник формирования исторической памяти (на примере революционных событий 1917 г.)	58
Д.Л. Островкин	И. С. Белостоцкий – «революционер» советского здравоохранения на Урале	74
А. П. Павленко	Белый террор в западной Сибири детскими глазами (воспоминания О.И. Остяковой)	78
А. А. Постникова	«Французский» Наполеон в условиях европейской интеграции	83
Ю. С. Пыльцын	«Навеки заклеить предателя есаула Мугуева». История одного дезертирства	96
А. В. Ражев	Февральская революция в России и военная политика Великобритании в январе-апреле 1917 г.	102
В. А. Сутырин	П.П. Бажов в Революции 1917 г.	107
А. Л. Устинов	Влияние производственных показателей металлургических заводов Южного Урала последней четверти XVIII – начала XIX вв. на складывание предпосылок промышленной революции: источниковедческий анализ (на примере Каслинского и Кыштымского заводов)	110
М. А. Фельдман	После революционных потрясений: региональная элита Урала к моменту создания Уральской области	116
Г.Н. Шапошников	Медицинская революция в Европе (к историографии вопроса)	122
М. В. Шистеров	После романизации?	127
Т. Г. Шумкина	Февральская революция 1917 г. в России (к историографии проблемы)	132

II. <u>Материалы региональной научной конференции «Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях»</u>	140	
III. <u>Статьи и сообщения</u>		
П. С. Атанасов	Томас Джефферсон и рабство	174
В.С. Гедько, А.М. Лукашевич В.М. Железняк	Становление пограничной службы в Республике Беларусь (1991–1994 гг.) Эпоха Наполеоновских войн в современном образовательном пространстве ФРГ	184 197
Э.А. Замов Д.Н. Караваева	Джордж Альмиранте: фашист после фашизма —The past makes the perfect present!, или категоризация современной английской идентичности	208 217
Н. Клеманс Т.А. Косых	Вокруг одного портрета Город на семи холмах: Лиссабон в 1808–1813 гг. глазами британских солдат	234 244
А.А. Нечаева	Валлийская идентичность в XX в.: проблемы переосмысления	252
А.А. Постникова	Русская кампания Наполеона 1812 г. в зеркале информационной войны (по материалам французской и русской прессы 1812 г.)	260
Е. С. Соколова	О роли надсословных стратегий в моделировании национально-политической идентичности партикулярных институтов права Российской империи (к постановке проблемы) Война 1812-1815 гг. и «транспортная революция» в США	280 292
В. А. Шихов		
<u>IV. Рецензии</u>		
В.Н. Земцов	Семиотика имперской столицы: Париж	301

I. Материалы региональной научной конференции «Человек и общество в условиях революции (Четвертые Сутыринские чтения)»

УДК 930:37.016 Код ВАК
13.00.02, 07.00.02

Л. В. Алексеева

ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 – 1921 ГГ. В УЧЕБНИКЕ «ИСТОРИЯ ХАНТЫ- МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА»

В тезисах доклада кратко представлены состояние преподавания курса истории Ханты-Мансийского автономного округа в округе и отражение в одноименном учебнике отдельно взятой темы, посвященной событиям 1917-1921 гг. Обозначенные вопросы рассматриваются в контексте проблемы изучения региональной истории в стране. Автор делает вывод, что для региона нужен новый учебник по истории края, чему способствует современная образовательная политика и наличие в науке соответствующих трудов, выполненных региональными историками.

Ключевые слова: региональная история, округ, ХМАО, событие, процесс, преподавание.

В Нижневарттовском государственном университете изучение региональной истории и методики ее преподавания является важнейшим научным направлением¹. Известно, что обновление школьного исторического образования на современном этапе включает внесение системных изменений в цели и способы достижения нового качества образования, в содержание предмета, в организацию учебного процесса, что, в свою очередь, влечет необходимость пересмотра методов обучения, использование новых образовательных технологий, разработку новых методических и дидактических материалов. В новой образовательной ситуации от преподавателя истории требуется творческий подход к обучению учащихся, постоянное совершенствование собственной теоретической и методической квалификации.

Алексеева Любовь Васильевна, профессор кафедры истории России Нижневарттовского государственного университета (628602, г. Нижневарттовск, ул. Мира, 3-Б); доктор исторических наук, профессор.

Alekseeva Lubov, professor of the Department of Russian History of Nizhnevartovsk State University (628602, Nizhnevartovsk, Peace street, 3-B); Dr. of History, professor.
Телефон/Phone: +79527061040. Электронная почта/E-mail: lvalexeeva@mail.ru

¹ См.: Алексеева, Святченко 2014: 71-84.

В 2000 г. в Ханты-Мансийском округе началось преподавание курса региональной истории в 10-11 кл. В Нижневартовске к тому времени уже функционировал созданный по инициативе Л.В. Алексеевой Координационный совет по историко-обществоведческому образованию, одной из задач которого являлось оказание теоретической и методической помощи учителям в преподавании нового курса². Курс преподавался в течение 15 лет, но в настоящее время наблюдается негативная тенденция, характеризующаяся в ряде школ округа отменой данного курса вовсе, а в некоторых – ограничением его преподавания лишь в 10 кл. Тоже можно сказать и о курсах локальной истории. Изучение истории населенных пунктов не организовано должным образом, в лучшем случае лишь упоминается о каких-либо событиях из их прошлого на уроках отечественной истории. Сложившаяся ситуация с преподаванием региональной и локальной истории в округе не может быть охарактеризована положительно, что отмечалось и на окружном августовском педагогическом совещании, проходившем в Сургуте 29-30 августа 2016 г.

В этой связи нельзя не подчеркнуть, что за последние 20 лет учеными-историками ХМАО выполнены масштабные исследования, позволяющие с учетом новейших достижений науки создать принципиально новый учебник, однако, пока школьники изучают региональную историю по учебнику «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней», который, безусловно, сыграл свою положительную роль в развитии регионального исторического образования, но в настоящее время, по многим позициям уже устарел.

В учебнике событиям 1917-1921 гг. на территории края уделен один параграф (§ 34 «Военно-революционные потрясения на Обь-Иртышском Севере»)³. Авторы выделили основные понятия: гражданская война, национализация, демократизация, продразверстка, демократические свободы, партизанское движение. Параграф структурирован следующим образом: 1. Революционные события 1917 г. 2. Переход власти к Советам. 3. Гражданская война. 4. Антибольшевистское восстание. В тексте учебника нашли отражение такие процессы как:

1. *Формирование новых органов власти*: комитеты, земские учреждения, революционные комитеты, советы (однако приводились факты лишь на примере Сургута, Самарово и Березово, нет сведений об установлении советской власти в Обдорске, Ларьяке – крупных населенных пунктах края, ничего не сообщается об отношении абorigенов к новой (советской) власти). Жаль, что авторы учебника не обратились к трудам В.В. Цыся⁴ – известного специалиста, занимающегося

² Алексеева 2000: 122-126.

³ Редин 2000: 329-336.

⁴ Цысь 1998: 7-11.

изучением вопросов истории края в период 1917-1920-х гг., к тому времени опубликовавшего серию работ по указанным сюжетам. В 2000 г., когда учебник появился, в одном из краеведческих сборников В.В. Цысь указывал на погрешности, допущенные авторами при описании ими структуры органов власти периода Временного правительства. Например, он писал: «авторы утверждают, что в Сургуте и Березове были созданы общественные комитеты, то есть коалиционные комитеты общественных организаций, включавшие представителей всех политических сил, кроме монархистов (с. 330). Данная характеристика применима к городам юга губернии, но не к Сургуту и Березову, где никаких партий и политических организаций не существовало. ... Ничего не говорится о сельских исполнительных комитетах, о милиции, сменившей полицию»⁵.

2. *Военные столкновения в ходе Гражданской войны, ликвидация и восстановление советской власти* (указываются персоналии:

И.Г. Пейцель – комиссар отряда красногвардейцев, П.И. Лопарев и К.Г. Башмаков – командиры партизанских отрядов и некоторые другие участники событий). Весьма скромно сообщается о Западно-Сибирском крестьянском восстании, авторы ограничились лишь констатацией того, что в марте 1921 г. повстанцы добились некоторых успехов, а с наступлением навигации пришли красные, захватив Сургут и Самарово. Хотя следует заметить, что еще в 1999 г. была опубликована статья В.В. Цыся на эту тему, в которой подробно описывались события, происходившие в Сургутском уезде⁶.

К числу сюжетов, обойденных авторами учебника вниманием, относятся хозяйство, всеобщая трудовая повинность, торговля, снабжение населения, экономическая политика белых правительств, положение с обучением детей в 1917-1921 гг. Некоторые сведения об указанных событиях уже были отражены в исследованиях В.В. Цыся⁷ (в период подготовки авторами текста учебника, которые, вероятно, не имели информации об их существовании).

К параграфу прилагается карта-схема «Гражданская война на территории Обь-Иртышья (1918-1921 гг.) (С. 335). Как заметил В.В. Цысь, на карте неверно указан маршрут рейда П.И. Лопарева. «Движение отряда осуществлялось не по направлению Тюмень-Тавда-Шаим-юго-восток (в сторону Демьянского) – левый берег Иртыша) до Самарово), как это можно понять из карты; а Тюмень-Туринск-Шаим-северо-восток (до Красноленинского) - вверх по Оби (до Самарово)»⁸.

⁵ Цысь 2000 (а): 60.

⁶ Цысь 1999 (а): 71-72.

⁷ Цысь 1993: 97-101; Цысь 1999 (б): 27-36.

⁸ Цысь 2000 (а): 60.

Параграф снабжен семью иллюстрациями, пять из которых не имеют прямого отношения к излагаемым событиям. К теме относятся лишь портреты большевистских активистов (Т.Д. Сенькин, П.И. Лопарев) (С. 331, 333). Методический аппарат параграфа представлен словарем урока (аналогия, эвакуация, коммуникация, резерв, фураж, аннулировать), а также вопросами, адресованными учащимся: 1. Какие первые мероприятия провела в крае новая власть? (ученику не совсем ясно, о какой власти идет речь, ведь она сменилась в крае шесть раз!); 2. Что послужило причиной антибольшевистского восстания в Северо-Западной Сибири весной-летом 1921 г.? 3. Какие слои населения явились движущей силой этого восстания? К параграфу прилагаются и задания: 1. Составьте хронологическую таблицу «Утверждение советской власти в нашем крае»; 2. Подготовьте сообщение «Военно-революционные события 1917-1921 гг.» или «Гражданская война» в вашем городе (поселке, селе) на основе материалов местного музея, библиотеки, рассказов старожил.

Проведенный анализ содержания параграфа свидетельствует о том, что на момент создания учебника авторы не располагали сведениями, которые позволили бы более подробно и ярко представить драматические события, развернувшиеся в регионе в период 1917-1921 гг.

В настоящее время по данной теме учеными кафедры истории России Нижневартковского государственного университета накоплен большой по объему исследовательский материал, издано большое количество статей⁹, тезисов¹⁰, несколько монографий¹¹, где указанные события описываются достаточно полно, чему способствовала кропотливая работа по выявлению источников в архивах различных уровней.

Заключая, следует подчеркнуть, что в условиях нового этапа модернизации системы школьного исторического образования, обусловленного разработкой Концепции нового УМК по отечественной истории и принятием историко-культурного стандарта¹² перед учителями истории общеобразовательной школы встают новые задачи, в том числе и по определению места и роли региональной истории в учебном процессе, в реализации приоритетов государственной поли-

⁹ Алексеева 2005 (б): 158-175; Алексеева 2005 (г): 18-22; Алексеева 2006 (а): 63-66; Алексеева Л.В. 2006 (б): 120-124; Алексеева 2006 (г): 105-109; Цысь 2000 (б): 26-30; Цысь 2001 (а): 52-53; Цысь 2006 (а): 245; Цысь 2006 (б): 245-246; Цысь 2006 (в): 264-265; Цысь 2006 (г): 278-279 и др.

¹⁰ Алексеева 2005 (в): 64-67; Алексеева 2006 (в): 51-57; Цысь 2001 (б): 143-153; Цысь 2001 (в): 72-83; Цысь 2004: 99-112; Цысь 2005 (а): 135-149; Цысь 2005 (б): 91-101; Цысь 2005 (в): 83-88 и др.

¹¹ Алексеева 2002; Алексеева 2005 (а).

¹² Концепции нового УМК 2016 – Концепции нового УМК по отечественной истории. – URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>. Загл. с экрана (дата обращения: 03.02.2016).

тики в сфере исторического образования. В частности, в историко-культурном стандарте разъясняется понятие «Этнокультурный компонент», что следует понимать как изучение истории страны через историю регионов. Следовательно, в школьном курсе истории необходимо усилить акцент на многонациональном и поликонфессиональном составе населения страны как важнейшей особенности отечественной истории. Преподавание региональной истории в контексте истории России является необходимой составляющей развития демократического государства, формирования современной толерантной личности, готовой к восприятию этнического и конфессионального многообразия мира. Для каждого из регионов России должен быть сформирован перечень «сквозных» исторических сюжетов, основанных на балансе между историей государства, общества и отдельных людей, между политической, социальной и культурной историей, между историей национальной, мировой и локальной. Что касается Ханты-Мансийского автономного округа, то необходимо создание нового учебника по региональной истории, соответствующего последним достижениям науки и новым задачам образования.

Список источников и литературы

- Алексеева 2000** – Алексеева Л.В. Современная реформа школьного исторического образования: региональный аспект, достижения и нерешенные проблемы // Западная Сибирь: проблемы истории и историографии. Тезисы докладов и сообщений региональной научной конференции (г. Нижневартовск, 28-29 ноября 2000 г.). – Нижневартовск, 2000. – С. 122-126.
- Алексеева 2002** – Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917-1941 гг.: Национально-государственное строительство и население. Монография. – Нижневартовск, 2002. – 264 с.
- Алексеева 2005 (а)** – Алексеева Л.В. Крайний Север Западной Сибири в 1917-1941 гг.: по пути советизации (на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа). – Екатеринбург, 2005. – 156 с.
- Алексеева 2005 (б)** – Алексеева Л.В. Об административном устройстве и управлении на Крайнем Севере Западной Сибири в 1917 - первой половине 1920-х гг. // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. – Екатеринбург-Салехард, 2005. – С. 158-175.
- Алексеева 2005 (в)** – Алексеева Л.В. Советские преобразования 1917-1941 гг. на Севере Западной Сибири в трудах ученых молодых сибирских вузов // Образ науки в университетском образовании. Материалы XVII науч. конф. – М., 2005. – С. 64-67.

- Алексеева 2005 (г)** – Алексеева Л.В. Тихон Сенькин – гроза Обского Севера // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования. – СПб., 2005. – Ч. 1. – С. 18-22.
- Алексеева 2006 (а)** – Алексеева Л.В. Захват власти большевиками и формирование революционных органов власти на Ямальском Севере // Северный регион: Наука. Образование. Культура. – 2006. – № 1 (13). – С. 63-66.
- Алексеева 2006 (б)** – Алексеева Л.В. О борьбе туземного населения Обдорской волости за выделение в самостоятельную административную единицу // Крестьянство восточных регионов и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905-1921 гг.). – Ишим, 2006. – С. 120-124.
- Алексеева 2006 (в)** – Алексеева Л.В. О советских органах власти на Ямальском Севере после поражения колчаковцев // Семнадцатые Словцовские чтения. – Тюмень, 2005. – С. 92-95.
- Алексеева 2006 (г)** – Алексеева Л.В. Ревкомы и советы Ямальского Севера после победы над колчаковцами // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. – СПб., 2006. – Ч. 2. Материалы IX межд. научной конф. 15-16 мая 2006 г. – С. 105-109.
- Алексеева 2006 (д)** – Алексеева Л.В. Хозяйство Обдорского Севера в 1917-1921 гг. // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. – Екатеринбург, 2006. – С. 51-57.
- Алексеева, Святченко 2014** – Алексеева Л.В., Святченко И.В. Изучение региональной истории в общеобразовательных школах Ханты-Мансийского автономного округа и необходимость создания модели регионального исторического образования // Актуальные проблемы преподавания истории в образовательных организациях различных типов. Коллективная монография / Под общ. ред. Л.В. Алексеевой. – Нижневартовск: изд-во НВГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 71-84.
- Концепции нового УМК 2016** – Концепции нового УМК по отечественной истории. – URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>.
- Редин 2000** – Военно-революционные потрясения на Обь-Иртышском Севере // История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Учебник для старших классов / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург, 2000. – С. 329-336.
- Цысь 1993** – Цысь В.В. Проведение трудовой повинности на территории Тюменской губернии // Научно-практическая конференция «Словцовские чтения». Тезисы докладов. – Тюмень, 1993. – С. 97-101.

- Цысь 1998** – Цысь В.В. Из истории советского строительства в Сургутском уезде в период Гражданской войны // *Мира не узнаешь, не зная края своего. Материалы вторых краевед. чтений.* – Нижневартовск, 1998. – С. 7-11.
- Цысь 1999 (а)** – Цысь В.В. Боевые действия на территории Сургутско-го уезда во время Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // *Науч. тр. Нижневарт. гос. пед. ин-та. Сер. «История».* – Нижневартовск, 1999. – Вып. 1. – С. 71-72.
- Цысь 1999 (б)** – Цысь В.В. Сургутский уезд в период военного коммунизма // *Западная Сибирь: история и современность. Краевед. зап.* – Екатеринбург, 1999. – Вып. 2. – С. 27-36.
- Цысь 2000 (а)** – Цысь В.В. «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней» о событиях 1917-1921 гг. на территории округа // *Тезисы докладов и сообщ. Третьей рег. музейной научно-практ. конф., посв. 70-летию ХМАО.* – Нижневартовск, 2000. – С. 60.
- Цысь 2000 (б)** – Цысь В.В. Потребительская кооперация Среднего Приобья в период Западно-Сибирского крестьянского восстания // *Открывая Родину, узнаем себя. Материалы второй районной краеведческой конференции, посв. 70-летию ХМАО.* – Излучинск, 2000. – С. 26-30.
- Цысь 2001 (а)** – Цысь В.В. А.А. Неборак // *Мира не узнаешь, не зная края своего. Материалы пятых краевед. чтений.* – Нижневартовск, 2001. – С. 52-53.
- Цысь 2001 (б)** – Цысь В.В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тюменском Севере // *Новое в исторической науке: в помощь преподавателю истории. Сб. науч.-метод. тр.* – Нижневартовск, 2001. – Вып. 2. – С. 143-153.
- Цысь 2001 (в)** – Цысь В.В. П.И. Лопарев – организатор кооперативного движения на Тюменском Севере в годы Гражданской войны // *Западная Сибирь: история и современность. Краевед. зап.* – Тюмень, 2001. – Вып. 4. – С. 72-83.
- Цысь 2004** – Цысь В.В. Боевые действия на Севере Западной Сибири в конце 1919 - начале 1920 гг. // *Западная Сибирь: история и современность. Краевед. зап.* – Тюмень, 2004. – Вып. 6. – С. 99-112.
- Цысь 2005 (а)** – Цысь В.В. Березовский уезд при Временном правительстве (февраль 1917 - весна 1918 гг.) // *Проблемы истории Сибири XVI-XX вв. Межвуз. сб. науч. тр.* – Нижневартовск, 2005. – Вып. 1. – С. 135-149.
- Цысь 2005 (б)** – Цысь В.В. Из истории социально-экономического развития Севера Западной Сибири при антибольшевистских правительствах периода Гражданской войны (середина 1918-

1919 гг.) // Западная Сибирь: история и современность. Краевед. зап. – Тюмень, 2005. – Вып. 7. – С. 91-101.

Цысь 2005 (в) – Цысь В.В. О некоторых особенностях установления советской власти в с. Самарово в 1918 г. // Подорожник. Краеведческий альманах. – Тюмень, 2005. – Вып. 7. – С. 83-88.

Цысь 2005 (г) – Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917-1921 гг.). Монография. – Нижневартовск, 2005. – 268 с.

Цысь 2006 (а) – Цысь В.В. Ревкомы // Ямал. Энциклопедия ЯНАО. – Салехард, 2006. – Т. 4. – С. 245.

Цысь 2006 (б) – Цысь В.В. Революция 1917 г. в крае // Там же. – С. 245-246.

Цысь 2006 (в) – Цысь В.В. Северный завоз // Там же. – С. 264-265.

Цысь 2006 (г) – Цысь В.В. Советизация // Там же. – С.278-279.

Lubov V. Alekseeva

REFLECTION OF THE MILITARY REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917-1921 IN THE TEXTBOOK "HISTORY OF THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS DISTRICT"

In the abstract of the report briefly presents the state of teaching the history of the Khanty-Mansi Autonomous district and in the reflection in the same textbook individual topics dedicated to the events of 1917-1921, the outlined issues are considered in the context of the study of regional history in the country. The author concludes that the region needs a new textbook on the history of the region, aided by modern educational policy and the presence in science of relevant works carried out by the regional historians.

Key words: regional history, Okrug, Khanty-Mansiysk, event, process, teaching.

ВАК 13.00.02, 07.00.02

А. А. Богданова

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЯХ XX ВЕКА НА УРОКАХ ИСТОРИИ

В статье анализируются важнейшие подходы при формировании исторической памяти у учащихся на уроках истории. На основе изучения Великой

Богданова Альмира Абдулхаевна, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (453100, Россия, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49); кандидат педагогических наук, доцент.

Отечественной войны автором обоснованы методические приемы и средства изучения ключевых событий истории XX в.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, история.

Ушедшее столетие оставило заметный след в истории человечества: мировые войны, революции и крушение империй, гигантские социальные эксперименты строительства тоталитарных обществ, глобализация и ее последствия и т.д.

В памяти современных школьников отечественная история XX в. прочно ассоциируется с такими событиями, как революции 1905 и 1917 гг., мировыми войнами. Безусловно, наиболее значимым событием прошлого века является Великая Отечественная война. В нашей стране знают и помнят события Великой Отечественной войны, так как сохранились крепкие традиции воздания почести всем ветеранам и погибшим участникам войны, созданы мемориалы памяти и музеи воинской славы, многие читают о ней книги и смотрят фильмы. И, действительно, память о Великой Отечественной войне – это сегодня одно из ключевых исторических событий XX в., которое еще объединяет население России и стран СНГ, которое подавляющее большинство оценивает как выдающийся период отечественной истории и как событие, которое характеризует дух, характер нашего народа. Более того, можно утверждать, что в условиях современного идеологического и геополитического противостояния, неоднозначной оценки всего советского периода отечественной истории победа в Великой Отечественной войне стала, фактически, единственной позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества.

Все вышесказанное делает необходимым усиление внимания к процессу формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне у подрастающего поколения – современных школьников, выросшего в условиях демократии и толерантности, но при ослаблении внимания к патриотическому воспитанию граждан страны. Актуальность пристального внимания к процессу формирования исторической памяти у школьников определяется также необходимостью объективного осмысления причин, опыта и уроков Великой Отечественной войны советского народа 1941-1945 гг. в условиях агрессивной волны фальсификаций и извращений ее истории, героизации нацистских преступников, провокационных заявлений со стороны некоторых современных западных политиков.

Bogdanova Almira, associate professor of the Department of history of Motherland and methods of the teaching history of Sterlitamak Branch of the Bashkir State University (453100, Russia, Sterlitamak, Lenina Avenue, 49); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (3473) 43-49-38. Электронная почта/E-mail: almira-bogdanova@mail.ru

Исследователями в области военно-исторической антропологии А.С. Сенявским и Е.С. Сенявской¹³ выделены механизмы формирования исторической памяти как феномена массового сознания. По их мнению, историческая память делится на кратковременную и долго-временную¹⁴, при этом кратковременная связана с непосредственными участниками или свидетелями событий. Долговременная же историческая память, во-первых, всегда символична и мифологизирована и, во-вторых, основным ее содержанием являются исторические символы как опорные точки национального самосознания. С естественным уходом людей-современников событий историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более насыщенной «реальностями» дня сегодняшнего. «Историческая память со временем еще больше политически и идеологически актуализируется»¹⁵, – нельзя не согласиться с исследователем М.В. Соколовой, так как на сегодняшний момент память о Великой Отечественной войне представляет собой систему как правдивых и истинных, так и ложных, искаженных знаний, представлений, понятий, образов и т.д.

Современная геополитическая ситуация: вхождение Крыма в состав России, военное противостояние на юго-востоке Украины, возмущение нацистских преступников и возрождение фашистской символики на Украине, – требует от преподавателей недопустимости принижения и фальсификации уроков войны, более внимательного отношения к исторической памяти о ней.

Представления о Великой Отечественной войне формируются разными путями. Выделим наиболее важные способы и средства формирования исторической памяти о войне у подрастающего поколения.

У школьников самым важным источником знаний о Великой Отечественной войне является дисциплина «История». Несмотря на многие негативные моменты: ничтожно малое количество часов, отводимых на изучение войны, некорректное освещение событий важнейшего военного противостояния XX в. в некоторых школьных учебниках, – предмет «История» остается важнейшей мировоззренческой дисциплиной, формирующей у учащихся знания о Второй мировой и Великой Отечественной войнах.

Отметим и положительные тенденции последних лет, свидетельствующие об усилении внимания государства и общества к событиям ушедшей войны. Так, при обсуждении Историко-культурного стандарта на расширенном заседании Совета Российского исторического общества 30 октября 2013 г. была принята концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, в которой

¹³ Сенявский, Сенявская 2007: 139-150.

¹⁴ Там же: 142.

¹⁵ Соколова 2008: 45.

обращается особое внимание на формирование гражданственности и патриотизма при обучении истории: «При формировании у школьников на материале отечественной истории чувства патриотизма нужно иметь в виду, что гордость военными победами предков – неотъемлемая часть отечественного исторического сознания. Желательно акцентировать внимание на массовом героизме в войнах освободительных, прежде всего Отечественных 1812 и 1941-1945 гг. Важно подчеркнуть подвиг народа как пример высокой гражданственности и самопожертвования во имя Отечества»¹⁶.

Еще одним моментом, свидетельствующим об особом отношении государства к событиям Великой Отечественной войны является выделение в контрольных измерительных материалах для проведения в 2016 г. ЕГЭ по истории отдельных обязательных позиций вопросов по истории Великой Отечественной войны, при этом один вопрос обязательно проверяет знания о «фактах героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны»¹⁷.

Вопрос о героях войны требует особого внимания. Если, благодаря школьной программе и учебникам, имена полководцев хорошо известны современным школьникам: это Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, И.Х. Баграмян, то имена других героев не всегда знакомы подрастающему поколению. Иногда, называя героев, школьники не могут осветить содержание их подвигов. Речь идет об Александре Матросове, Иване Кожедубе, Александре Покрышкине, Зое Космодемьянской, Николае Гастелло, Андрее Кижеватове, Николае Кузнецове, молодоговардейцах, панфиловцах и др. Изъятие из школьной программы «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, «Молодой гвардии» А. Фадеева и невозможность увидеть по телевидению фильм по мотивам этого романа стали следствием политики дегероизации и извращения реалий Великой Отечественной войны; это привело к тому, что современное поколение школьников затрудняется назвать ставшие бессмертными имена героев войны.

Историческая память сохраняет несколько десятков фамилий конструкторов военной техники, которые также приближали Победу. Наиболее известны М.Т. Калашников, А.С. Яковлев, В.А. Дегтярёв, С.В. Ильюшин, С.А. Лавочкин, М.И. Кошкин, А.Н. Туполев, А.И. Микоян, С.П. Королёв, О.К. Антонов, Г.С. Шпагин. Из персоналий героев войны необходимо выделить особую когорту людей, приближавших Победу: это писатели — военные корреспонденты К. Симонов, А. Твардовский, Б. Полевой, М. Шолохов, А. Гайдар, И. Эренбург. Необходимо помнить и имена артистов военных лет. Силой своего таланта

¹⁶ Общественное обсуждение проекта 2013.

¹⁷ Демонстрационные варианты 2016.

они поддерживали боевой дух советской армии, выступая на фронтовых импровизированных сценах в короткие минуты военного затишья: это – М. Бернес, Л. Утёсов, К. Шульженко, Л. Русланова, Л. Орлова, Н. Крючков, М. Жаров, В. Серова, М. Ладынина и др. Это далеко неполный список персоналий – героев военных лет: полководцев, героев, конструкторов, писателей-военкоров, артистов, поэтов и композиторов, помнить о которых мы обязаны.

В этой связи недопустимым является попытка «дегероизации» – свержения старых и выдвижения новых «героев». Современное молодое поколение, благодаря учебной и научно-популярной литературе, средствам массовой информации, произведениям литературы и искусства, знает о главе украинских националистов Степане Бандере, руководителе «Русской освободительной армии» генерале Власове, командующем карательной дивизией в Белоруссии группенфюрере СС фон Панвице и многих других и, к сожалению, не знает, к примеру, Алексея Маресьева, генерала Карбышева, героев войны своего города или района. Нельзя не согласиться в этой связи с мнением исследователя из Екатеринбурга В.Д. Камынина, что историческое сознание позитивно, т.е. в социальной памяти отражаются и должны отражаться только те события и персоналии, которые отвечают идеям «справедливости, устойчивости этнонациональных образований, культурно-исторической традиции»¹⁸. Недаром говорят: народ, забывший своих героев, погибает.

Память о Великой Отечественной войне жива благодаря произведениям литературы, музыки, телевидения. Здесь факты, процессы и события более систематизированы и обобщены.

Сохранению исторической памяти способствуют общение с непосредственными участниками событий военных лет: ветеранами, тружениками тыла, поколением «детей войны». В этом случае есть возможность соприкоснуться с «живой», то есть непосредственной памятью народа, хранителем которой выступает как отдельный член общества, так и семья, нация, государство. Привлечение учащихся к исследовательским проектам по теме «Великая Отечественная война в истории моей семьи» (сбор устных сведений, систематизация документов и семейных реликвий) позволит учащимся убедиться в том, что людям военного поколения мы обязаны миром, свободой, жизнью, российской гражданственностью.

История – это коллективная память народа, основа его самоидентификации, самосознания и культуры. Смысл существования народа, по словам академика Дмитрия Лихачева¹⁹, состоит именно в создании его собственной уникальной и самобытной культуры, ее сохра-

¹⁸ Камынин 2011: 60.

¹⁹ Лихачев 2016.

нении и передаче наиболее значимых ценностей новым поколениям. В этом смысле Победа в Великой Отечественной войне – это не просто выдающееся военное достижение, но и важнейший момент в становлении и сохранении культуры российского народа. Формирование исторической памяти на уроках изучения истории Великой Отечественной войны помогает учащимся лучше и глубже понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе возможное будущее.

Список источников и литературы

- Демонстрационные варианты 2016** – Демонстрационные варианты контрольно-измерительных материалов ЕГЭ 2016 г. – URL: <http://www.ege.edu.ru/ru/main/demovers/>
- Камынин 2011** – Камынин В.Д. Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – N 1 (86) // URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18983/1/iurp-2011-86-08.pdf>
- Лихачев 2016** – Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – URL: http://modernlib.ru/books/lihachev_dmitriy/pisma_o_dobrom_i_prekrasnom/read/
- Общественное обсуждение проекта 2013** – Общественное обсуждение проекта Историко-культурного стандарта. – URL: минобрнауки.рф/документы/3483
- Сенявский, Сенявская 2007** – Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. – 2007. – № 2.
- Соколова 2008** – Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. – 2008. – № 7.

Almira A. Bogdanova

THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF KEY EVENTS OF THE TWENTIETH CENTURY IN HISTORY LESSONS

The article analyzes the most important approaches in the formation of the historical memory of the students in history classes. On the basis of the Great Patriotic War, the author substantiated methodical ways and means to explore the key events of the history of the twentieth century.

Key words: historical memory, the Great Patriotic war, the history.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII ВЕКА И НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СУДЬБЫ ДВУХ ЕЕ УЧАСТНИКОВ

(по книге А.В. Чудинова «Жильбер Ромм и Павел
Строганов: история необычного союза»²⁰)

Публикация представляет собой вариант рецензии на книгу известного специалиста по истории Французской революции XVIII в. А.В. Чудинова, посвященную ключевому персонажу российской истории начала XIX в. П.А. Строганову и загадочной фигуре его воспитателя Ж. Ромма. Отмечается, вслед за А.В. Чудиновым, определяющее и, во многом, парадоксальное влияние на судьбы героев книги их участие в событиях Французской революции. Если Ромм становится активным революционером и сгорает в огне бурных событий, то Строганов, вопреки прежним представлениям историков, обретает устойчивый «иммунитет» к революционным планам и действиям.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., П.А. Строганов, Ж. Ромм, историк А.В. Чудинов.

Нет ничего более завораживающего, чем обращение спустя много лет к темам и персонажам, которые волновали тебя в далекой юности. Уверен, что не я один, увидев книгу Александра Чудинова, вспомнил свое давнее знакомство (через небольшой очерк Юрия Тынянова и издание великого князя Николая Михайловича) с волнующей историей русского графа Павла Александровича Строганова, ставшего «жакобеном» в революционном Париже, потом превратившегося в ближайшего друга Александра I эпохи Негласного комитета, сражавшегося при Бородине, а перед смертью непременно пожелавшего увидеть замок Эльсинор. Фигура другого главного героя книги – Жильбера Ромма – русскоязычному читателю известна намного меньше, хотя и совершенно неведомой ее назвать нельзя. Имя Ромма в связи с фигурой Павла Строганова возникает примерно так, как фраза из учебника: «Воспитателем будущего императора Александра I был знаменитый швейцарский математик Ф.С. Лагарп, республиканец по убеждениям».

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; доктор исторических наук, профессор.

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Professor of Chair of Modern and Current History of Ural Federal University after first President of Russia B.N. Eltzin; Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru

²⁰ Чудинов 2010.

Тем большее восхищение благодаря книге Чудинова вызывает превращение (по крайней мере, для меня) Жильбера Ромма в персонаж, не менее интересный, чем фигура русского героя повествования. Отдельные публикации, посвященные Ромму (автором многих из них был Чудинов), которые появлялись в России, все же не могли создать у читающей публики цельного образа столь многоликой личности, какой был воспитатель юного Попо.

Известно, что начало любого произведения (тем более исторического) должно быть интригующим, создающим то настроение, которое возникает у путешественника в начале пути в неведомую сказочную страну. Книга Чудинова начинается именно так: в зале старинного овернского замка, где благородный старец с необыкновенно красивым именем Алессандро Галанте-Гарроне благословляет автора на непростой, но столь чудесный и волнующий путь по дорогам России и Европы далекого XVIII в. Это ощущение волшебного странствия, своего рода паломничества, не исчезает у читателя даже тогда, когда он знакомится с тем, что принято называть «обзором историографии и источников». Скорее, наоборот, – интерес и «чувство дороги» только возрастают, когда автор знакомит нас с захватывающей историей бу-маг Ромма и Строганова, в которую оказались вплетены судьбы многих историков, литераторов и просто «интерпретаторов» этого «не-обычного союза». Постепенно, двигаясь за автором, начинаешь ощущать, что впереди ждет что-то совершенно неожиданное, – столь полно сохранились источники, прежде всего те, которые принято называть источниками личного происхождения, о жизни, мыслях и чувствах этих двух людей. В сущности, такой объем источников, который позволяет не только проследить вехи биографии, но и «залезть» в голову и душу человека, жившего столетия назад, сам по себе уже составляет для историка великую удачу и счастье. Правда, за этой «удачей» стоят годы и годы каторжного труда исследователя, труда, связанного не только с выявлением и обработкой материала, но и скрупулезным анализом частных деталей, с прислушиванием к интонациям текста, с тем, что на языке «традиционного» историка все еще называется «вживанием в прошлое». Часто это бывает тем более трудно сделать, когда речь идет о давно исчезнувших историко-культурных реалиях, в особенности реалиях чужой культуры. Книга Александра Чудинова убеждает, что это возможно – и возможно не только на уровне «интуитивных предположений» (в эти «ловушки» при обращении к Ромму и Строганову попадали многие исследователи, в том числе такие искушенные, как Юрий Лотман), но и на основе достаточно жесткой системы доказательств и убедительной (насколько это возможно на сегодняшний день) интерпретации текста. Это сочетание скрупулезности анализа источника с живостью изложения и нескрываемой симпатией, и даже

любовью, автора к своим героям характеризует всю книгу Чудинова – от аннотации до эпилога. Жизненный путь, движения ума и сердца главных героев предстают перед нами на фоне чудесных зарисовок то жизни маленького овернского городка 1750 г., когда в нем рождается Жильбер Ромм, то нравов ученой среды «республики наук», то городов и весей необъятной России – от Петербурга и Москвы до подножия Уральских гор, от Белого до Черного морей. Этот фон дополняется завораживающими своей сказочной обыденностью деталями – шляпой, которую не следует надевать, но только держать на сгибе руки, абрикосовым конфитюром, подсчетом расходов на дрова, которые должен был делать молодой и амбициозный провинциал Ромм, вознамерившийся «завоевать» Париж. Как тут не вспомнить трудно объяснимое чувство очарования, когда мы в далеком детстве читали о подобных деталях у Александра Дюма в «Трех мушкетерах», где речь шла о юном гасконце, штурмовавшем столицу Франции полутора столетиями раньше. Поразительно, но в книге Александра Чудинова, несмотря на всю строгость научного исследования, нет-нет, да и проскользнет тонкая изящная ирония, столь характерная для Дюма.

Может, все-таки пора обратиться к главной теме книги – к «необычному союзу» Жильбера Ромма и Павла Строганова? Пожалуй, все-таки еще рано. Есть еще один план этого произведения – «второстепенные» персонажи. Начинается этот «второй ряд» героев книги с образов родителей и родственников Ромма, дополняется поразительной исчерпывающей характеристикой его однокашников, затем проступают черты предмета его юношеской любви – Мадлен Буавен, которые сменяются сонмом представителей парижской «республики наук», среди которых выделяется целый слой неудачников, подобных Жану-Поллю Марату. Неожиданно промчалась яркой кометой личность Бомарше... И далее, далее, далее. Но особенно великолепной оказалась галерея женеvских ученых, на образы которых так редко падает взор российских историков и читателей: физиолога и археографа Жана Сенебье; теолога, историка и философа Якоба Верне; химика П.Ф. Тенгри, физика Марка Пикте, астронома и математика Жака Андрэ Малле-Фавра; наконец, Ораса Бенедикта де Соссюра, великого представителя великой научной династии! Можно представить, как пришлось сдерживать себя автору, когда он обратился к эпохе Французской революции, дабы не отвлекать читателя от основной линии повествования! И все же... Жаль, что один из персонажей революционного Парижа не проступил на страницах книги более четко – Теруань де Мерикур, неистовая женщина, ставшая объектом обожания юного гражданина Очера. Впрочем, следует пожалеть, что не только эта «архивистка» Якобинского клуба не была «прописана» автором книги более явственно и зримо, но и многие другие персонажи, особенно

«русского происхождения» – Иван Симолин, Андрей Воронихин, А. Машков и многие другие. Собственно, у каждого из них была своя история, а у некоторых – и свои историки. Кстати, в книге есть и своего рода «третий ряд» персонажей – это исследователи, которых, как и Александра Чудинова, увлекли в свое время две необычные личности – Жильбер Ромм и Павел Строганов.

Наконец, мы подошли к главным героям книги. Следует признать: Александр Чудинов изменил, и сделал это достаточно убедительно, прежние, весьма расхожие, представления не только о «необычном союзе» этих двух людей, но и о личности каждого из них. Мы говорим, прежде всего, о представлениях, бытовавших среди российской читающей публики. Думаю, не ошибусь, если скажу, что и за рубежом (во Франции и Италии) никто из исследователей не смог столь последовательно и полно прочертить тот интеллектуальный и нравственный путь, который прошли, двигаясь вместе и порознь, эти два человека. Нам бы не хотелось прибегать к беглой констатации того, в чем именно состоял этот путь (эти пути): читатель должен сам решить эту несложную после публикации книги Чудинова задачу. Мы можем только в восхищении признать убедительность авторской версии. Признать. Но вместе с тем и выразить сомнение: не слишком ли автор умалил масштабность личности Ромма? Разносторонний (хоть и не состоявшийся) ученый, талантливый воспитатель, неутомимый путешественник, ловкий шпион, выдающийся революционер... Да еще и томный, и одновременно дерзкий воздыхатель, а со временем, по видимому, еще и пылкий любовник... Только одно перечисление этого множества лиц Ромма не может не вызывать восхищения. Невольно задаешься вопросом: смогла бы менее выдающаяся личность «создать» столь необыкновенного (даже для той необыкновенной эпохи) человека, каким стал Павел Строганов? Напряженность в их отношениях, а затем и взаимное отторжение просто не могли не произойти. Однако это было вовсе не результатом педантизма и ограниченности Ромма как воспитателя или его измены ученику из-за увлеченности революцией. Это был естественный результат того типа воспитания, когда ученик начинает собственный путь, отторгая многое из того, что ему по инерции, но все более неуверенно навязывает учитель. Впрочем, все это только наши ощущения, вызванные далеко не столь глубоким знанием предмета, которое проявил автор книги.

И еще одно соображение, вызванное желанием и надеждой. Желанием увидеть, что будет происходить с графом Павлом Строгановым дальше, в другой, возможно, в самой настоящей жизни, начавшейся с распадом Негласного комитета и закончившейся в 1817 г., уже после наполеоновских войн. Воссоздав жизненный путь, от рождения до смерти, одного из двух героев книги (Ромма), важно то же сделать и в

отношении другого (Строганова). В противном случае возможно ли вообще понять характер и глубину того влияния, которое оказал на Павла Строганова «необычный союз», связавший учителя и ученика на многие годы? Вряд ли.

Список источников и литературы

Чудинов 2010 – Чудинов А.В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 344 с.

Vladimir N. Zemtsov

THE FRENCH REVOLUTION OF THE XVIII CENTURY AND THE EXTRAORDINARY FATES OF TWO OF ITS PARTICIPANTS (based on the book OF A. V. Tchudinov «Gilbert Romm and Paul Stroganov: the story of an unusual Alliance»)

The publication is a version of the book reviews well-known expert on the history of the French revolution of the XVIII century A. V. Tchudinov, the sacred key to the character of the Russian history of the beginning of the XIX century P. A. Stroganov and mysterious figure of his teacher J. Romm. It is noted, after A. V. Tchudinov, which defines and, in many respects, a paradoxical influence on the fate of the characters in the book their participation in the events of the French revolution. If Romm became an active revolutionary and burns in the fire of tumultuous events, Stroganov, contrary to previous views of historians, finds sustainable gains "immune" to the revolutionary plans and actions.

Key words: French revolution of the XVIII century, P. A. Stroganov, J. Romm, the historian A. V. Tchudinov.

Код ВАК 22.00.08

И. М. Клименко

РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В статье анализируется влияние Октябрьской революции 1917 г. на направление и содержание социальной политики. Отмечается, что Октябрьская революция и последовавшие в России социальные перемены резко ускорили реформирование социальной политики в странах с развитой демократией. Делается вывод о том, что эволюционный (реформаторский) путь изменения

Клименко Иван Михайлович, зав. кафедрой Отечественной истории и теории и методики обучения истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат педагогических наук, доцент.

социальной политики оказался гораздо более полным и устойчивым, чем революционный.

Ключевые слова: революция, государство, социальные функции, социальное назначение, социальные реформы, социальная справедливость, социальное партнерство.

В преддверии юбилея российских революций 1917 г. вполне логично в очередной раз попытаться ответить на вопрос, какое наследство оставили эти коллизии нам, россиянам XXI века. Наиболее актуальным такой вопрос является для педагогов всех уровней. Безоценочно излагать историю подобного глобального потрясения практически невозможно. Как повлияла революция на нашу страну, на весь мир? Что удалось в ходе преобразований достичь, что оказалось преждевременным, а что ошибочным? Почему не удалось избежать жестокой действительности революции и гражданской войны? Как влияет революция 1917 г. на Россию и мир сегодня? Что необходимо предпринимать, чтобы избежать страшных последствий революций? Проблема наследия революции настолько глобальна, что нет возможности осветить ее в одиночку, хотя бы частично. Поэтому автор выбрал такую часть общественного бытия, где результаты революции проявились наиболее ярко, а именно, социальную политику государства. Вдвойне интересно это еще и потому, что Б.А. Сутырин сам уделял большое внимание данной проблематике и, в частности, в соавторстве с К.В. Кузьминым, опубликовал учебное пособие для вузов «История социальной работы»²¹

Теоцентрические и рационалистические модели социальной деятельности государств и правительств на рубеже XIX-XX вв. показали свою несостоятельность. Как писал Н.И. Бердяев: «В XX веке мироощущение человека и мирозерцание передовых слоев человечества было окрашено в ярко социальный цвет»²². Мощные социальные движения, во многом вдохновляемые идеями К. Маркса, а по содержанию включающие стремление к равенству, социальной справедливости и национальному освобождению, прокатились в этот период волнами по всем странам и континентам. Наиболее последовательно идеи К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина были проведены во второй русской революции 1917 г. – в Октябрьской. Главной идеей была идея социального переворота. Трудящиеся, в первую очередь пролетарии, должны были стать всем, а эксплуататоры, т. е. весь истеблишмент

Klimenko Ivan, the Head of the Department of Russian History and Theory and Methods of Teaching History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-58. Электронная почта/E-mail: Klimenko@uspu.ru

²¹ Кузьмин, Сутырин 2003.

²² Бердяев 1990: 88.

государства, – ничем. Главное противоречие между трудом и капиталом должно быть решено без всяких компромиссов и взаимных уступок в пользу труда. Народ – это трудящиеся, а капиталисты – паразиты на теле народа и не имеют права на существование. Именно такая модель и была реализована в первые годы Советской власти. Веками создававшиеся переплетения политической, экономической, военной и прочих элит, монархические и церковные институты, династические международные связи – все было сметено и уничтожено бурей революции. В случае с Россией не помогла восстановить статус-кво даже военная интервенция.

Новый мир создал новую систему распределения – уравнительную. Никто (из трудящихся) не должен быть обделен. Все блага общества распределяются централизованно. Отстающие отрасли и территории подтягиваются к передовым. Даже если общественное богатство невелико, все равно оно должно быть распределено между жителями поровну и т.д. Такая модель социальной политики получила название «государственный патернализм». Для того чтобы завершить процесс демократизации данной модели оставалось только признать право на социальную защиту всех, без исключения. Понятно, что в Советском Союзе это было невозможно по идеологическим причинам.

Для абсолютного большинства населения такая модель была приемлема и послужила прообразом моделей социальной политики стран Северной Европы. Одно время даже существовал термин «шведский социализм». Конечно, он был неверен, так как источником общественного богатства, все-таки, была капиталистическая экономика.

Со времен Платона и Аристотеля и до нашего времени мыслители всего мира поднимали вопрос о роли и значении государства для простого человека многократно. Разброс мнений, естественно, колоссальный. Но в подавляющем большинстве идей можно проследить превалирование именно социальной функции государства. Достижение цели «прекрасного существования» для Платона, как представляется, обусловлено реализацией главной задачи государства – обеспечение справедливости, которая, по мнению философа, состоит в том, чтобы каждое из трех выделенных им начал государства (совещательное, защитное и деловое) занималось своим делом, не нарушая границ своего влияния.

Взгляды предшественников научного социализма (Ш. Фурье, Г. Мабли, Т. Мор) во многом созвучны взглядам Платона и Аристотеля. Объединяет эти взгляды отрицание собственности и стремление добиться счастливой жизни в идеальном государстве, различные проекты которого рассмотрены в трудах великих мыслителей. Ш. Фурье обратил внимание на то, что «... природа по воле случая наделяет каждо-

го... из бесконечных разнообразных способностей для достижения превосходства в той или иной социальной функции»²³.

Ж. Ж. Руссо первым и самым важным следствием из установленных им принципов политического права видит то, «...что одна только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо»²⁴. Безусловно, у государства имеются и другие функции: сохранение самого государства, охрана безопасности граждан, экономическое развитие. Но все функции государства, в конечном итоге, направлены на поддержание жизни граждан, их безопасности и благоденствия, т.е. носят социальный характер.

Именно социальные преобразования и система социальной защиты советского государства впервые доказали, что обеспечить относительно справедливое распределение общественных благ возможно. Децильный коэффициент (соотношение между уровнями доходов 10 процентов самой богатой части населения к 10 процентам самой бедной части), равный 5, был показан в Советском Союзе на протяжении значительного послевоенного периода. Даже государства Северной Европы, являющиеся лидерами современного мира по равномерному распределению богатства, в качестве промежуточной цели выдвигают децильный коэффициент равный 10. Крах советской системы был предопределен не системой распределения, а системой получения этих богатств. Добиваться постоянных успехов в экономике, не позволяя наиболее предприимчивой части населения выделиться из общего ряда, оказалось невозможно. Отсутствие материальной заинтересованности работников в результатах своего труда оказалось ахиллесовой пятой советской системы.

Для миллионов трудящихся всего мира пример Советской России оказался вдохновляющим. А для мирового истеблишмента – пугающим. Ни интервенция, ни экономическая и дипломатическая блокада не дали результатов. А социальные волнения в собственных странах продолжались. У наиболее прагматичной части политического руководства утвердилось понимание необходимости поиска социального партнерства, достижения социального мира. Власть имущие сформировали в начале двадцатых годов прошлого века социальный заказ и оплатили его. Достаточно быстро социальная наука предложила решения проблемы. Уже в августе 1935 г. президент Франклин Рузвельт подписал Акт социальной безопасности. В 1942 г. в Англии начал реализовываться План Бевериджа. В этих документах впервые были сформулированы понятия «социальный мир» и «социальное партнерство». Пример Октябрьской революции и упорная борьба трудя-

²³ Фурье 1938: 31.

²⁴ Руссо 1969: 104.

щихся за свои права приносят результат. Человек труда получает в лице государства мощного третейского судью в борьбе за справедливое распределение прибавочной стоимости.

В послевоенный период международные организации приняли ряд документов, в которых нашли закрепление разнообразные практики социальной защиты, от корпоративного патернализма в Юго-Восточной Азии до профсоюзной модели в Испании.

Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948 г. приняла резолюцию 217 А (III), согласно которой введена в действие Всеобщая декларация прав человека. В ней, в частности, отмечена необходимость «создания такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений, и будут свободны от страха и нужды»!

Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

В 7 статье Конституции Российской Федерации (именно та статья, которая ранее закрепляла руководящую и направляющую роль КПСС) записано: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Можно заметить двойственность формулировки. С одной стороны, Россия – социальное государство. А с другой стороны, условия, обеспечивающие социальную жизнь, только создаются. Создаются они гораздо медленнее, чем в тех странах, которые преобразовали свою социальную политику не путем революций, а реформами. Так, например, доля заработной платы в стоимости валового внутреннего продукта в России в два раза меньше, чем в Центральной Европе и почти в три раза меньше, чем в США. В современной России представлены элементы практически всех моделей социальной политики, включая и акционерную, и этатическую модели. Но ни одна из них не дает нужного эффекта. Причина этого в отсутствии политической воли. Политическая власть находится в руках крупнейшей буржуазии, которая создает законы, защищающие ее интересы. Все средства массовой информации работают на создание положительного имиджа, как самой власти, так и ее внутренней политики. На примере пенсионного законодательства можно видеть, как рушатся все идеи создания модели, защищающие пожилого человека. С самого начала идея накопительной пенсии была обречена на провал. Основная причина – ничтожные заработные платы основной массы населения. Например, ежемесячная прибавка от накопления к базовой пенсии у человека, зарабатывающего двадцать тысяч, составила бы всего от четырех до пяти тысяч рублей. Это, кстати, без учета инфляции. Только абсолютные цифры. Когда двадцать лет, отведенные на

реформирование пенсионной системы прошли, силы, руководящие страной, без лишнего шума затеяли новую реформу.

Какие выводы можно сделать, рассматривая влияние Октября на социальную политику. Во-первых, октябрьская революция и последовавшие в России социальные перемены, резко ускорили реформирование социальной политики в странах с развитой демократией. Революция и Советская власть стали катализаторами всемирной борьбы пролетариата за свои права. Истеблишмент был вынужден искать научное обоснование деятельности компромиссного характера для того, чтобы сохранить свое привилегированное положение.

Во-вторых, в тех странах, где социальная политика подвергалась постепенным реформам, а не взрывному изменению революционным путем изменения оказались гораздо более полными и устойчивыми. Отмечая всемирное влияние Октябрьской революции на положительное решение основного противоречия между трудом и капиталом, мы вынуждены признать предпочтительность реформаторского пути. В том числе, и в современной России.

Список источников и литературы

Бердяев 1990 – Бердяев Н.И. Души народов // Судьба России. Сборник статей (1914 - 1917). – М. 1990.

Кузьмин, Сутырин 2003 – Кузьмин К.В., Сутырин Б.А. История социальной работы за рубежом и в России. – М., 2003.

Руссо 1969 – Руссо Ж. Ж. Трактаты. – М., 1969.

Фурье 1938 – Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. – М., 1938.

Ivan M. Klimenko

REVOLUTION AND SOCIAL POLICY

The article analyzes the influence of the October revolution of 1917 to the direction and content of social policy. It is noted that the October revolution and the subsequent social changes have dramatically accelerated the reform of social policy in the countries with developed democracy. It is concluded that evolutionary (reformist) way to change social policy was much more complete and stable than revolutionary.

Key words: revolution, the state, social function, social purpose, social reform, social justice, social partnership.

А. М. Кручинин

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ПОГРОМ 26 АПРЕЛЯ 1917

Статья посвящена событиям, связанным с революционным погромом в Екатеринбурге в 1917 г. Главный удар погромщиков, среди которых большую часть составляли солдаты запасных полков, обрушился на символы старого режима – памятники, портреты и изображения государственного герба на вывесках. В революционных переворотах практически всегда сносят памятники прежнего режима, что является для масс ритуалом его ниспровержения.

Ключевые слова: Екатеринбург, революция, памятники, портреты, погром, революционные ритуалы.

В марте 1917 г. после получения известий об отречении императора Николая II и о начавшейся революции все российское общество пришло в необычное движение и возбуждение. Стали возникать многочисленные партийные, профессиональные, национальные и любительские объединения. Энергия общества была через край и обрушилась на старые правительственные учреждения, были немедленно распущены полиция и жандармерия, пострадали символы старого порядка²⁵.

Повсюду срывали государственные гербы, вывески и медальоны с изображениями двуглавых орлов. Уже в марте 1917 г., в Киеве был сброшен с пьедестала памятник П.А. Столыпину, а в Екатеринославе – памятник Екатерине II. Эйфория борьбы с памятниками не миновала и уральские города: из зала Челябинской городской думы были удалены портреты царствующих особ, начиная с Екатерины II и заканчивая изображениями Николая II и цесаревича Алексея. 18 апреля в Ирбите при праздновании дня Свободы ночью был свергнут памятник Екатерине II работы знаменитого скульптора М.О. Микешина. Молва обвиняла в этом анархизирующих солдат 168-го запасного пехотного полка, стоявшего в уездном городе²⁶.

В конце апреля 1917 г. волна борьбы с памятниками докатилась и до Екатеринбурга. Вечером 25 апреля на станцию Екатеринбург-I прибыл эшелон с маршевой ротой солдат-сибиряков из г. Ачинска и остановился на дневку²⁷. Сейчас трудно сказать из какого запасного

Кручинин Александр Михайлович, зам. председателя Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит» (620050, Россия, г. Екатеринбург, 50 а/я 67).

Kruchinin Alexander, vice president of Ekaterinburg Military-Historical Society «Gorny Shchit» (620050, Russia, Ekaterinburg, 50 а/я 67).

Электронная почта/E-mail: evik2@mail.ru

²⁵ Нарский 2001: 179.

²⁶ Там же: 179-180.

²⁷ Уральская жизнь 1917 (а).

полка была эта маршевая рота, так как в Ачинске их было два: 13-й и 31-й Сибирские стрелковые запасные полки. Рота решила, что она еще успеет прибыть на фронт к заключению мира с германцами «без ан-нексий и контрибуций» и задержалась в Екатеринбурге для углубления революции. Свои впечатления о появлении этой роты передал в воспоминаниях тогдашний заместитель председателя исполнительной комиссии Екатеринбургского комитета общественной безопасности В.П. Аничков: «И вот в один прекрасный день на улицах Екатеринбург-га появилось это храброе воинство, до такой степени разукрашенное в красные лоскуты, что издали напоминало скорее бабий хоровод из прежнего доброго времени, чем роту солдат. Солдаты эти шли вперед не в стройных колоннах или шеренгах.... Нет, «революционная дисциплина», очевидно, требовала и здесь новых форм, нового, небывалого построения. Поэтому эта красная рота, взявшись за руки и образовав большой круг, катилась колесом по земле, причем каждому солдату приходилось идти то левым боком, то пятиться назад. Таким порядком докатилась она до Совета депутатов, ... где им вызвали духовой оркестр для торжественного прохождения по городу»²⁸.

На митинге у памятника Александру II было решено на следующий день устроить сибирякам проводы, а предварительно провести на Верх-Исетской площади еще один митинг. На следующий день, 26 апреля, после митинга, часов около 11 утра, группы возбужденных солдат стали расходиться по Екатеринбург, сбивая по дороге, еще уцелевшие вывески с магазинов и общественных зданий, на которых находились изображения государственного герба. Со встречающихся чиновников сбивали фуражки и уничтожали кокарды. «Завидев это милое воинство, в городе поднялась паника. Все магазины, банки и частные квартиры закрыли свои обычно гостеприимные двери, опасаясь погрома. Но, слава Богу, до этого не дошло. Все внимание ... было направлено на уничтожение главной язвы народной, эмблемы контр-революции – памятников императорам и изображений российского герба»²⁹.

Толпа солдат и примкнувшая к ним разнузданная публика во-рвалась в музей Уральского общества любителей естествознания и принялась уничтожать гипсовые бюсты Екатерины II, Александра II и других. Были унесены чугунные литые бюсты Александра II и Николая II. Были уничтожены портреты Петра I, Екатерины II, Александра III, Николая II и сорвана корона с рамы портрета великого князя Николая Михайловича³⁰. Помимо царских портретов, досталось и изобра-

²⁸ Аничков 1998: 40.

²⁹ Там же.

³⁰ Зорина 1996: 149.

жениям А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского³¹.

В здание Городской управы на Покровском проспекте ворвалась толпа более чем в сто человек, под предводительством какого-то прапорщика, и в зале думских заседаний начала уничтожать царские портреты, которые были выдраны из рам и порваны. Заодно были уничтожены и портреты городских голов города Екатеринбурга. Находившийся в зале чугунный бюст императора Александра II был выброшен на улицу и разбит. Среди служащих управы началась паника и они, включая исполняющего обязанности городского головы И.К. Анфиногенова, убежали из здания.

Затем под ударами борцов с контрреволюцией оказались, находившиеся на городской плотине, большие чугунные бюсты императора Петра I – основателя горнозаводского дела на Урале и императрицы Екатерины I – в чью честь был назван город. Сорвать бюсты руками не удалось, пришлось идти за плотину в железнодорожные мастерские за инструментом. Сорвав бюсты, солдаты унесли их в мастерские, где и разбили под паровым молотом. Затем была сделана попытка свергнуть памятник императору Александру II на Кафедральной площади, но памятник оказался надежно прикреплен к постаменту и все усилия ни к чему ни привели. Тогда в знак глумления на монумент одели рогожу.

Насытившись разрушениями, толпа начала расходиться. Ачинцы и часть солдат местного гарнизона пошли на вокзал, другая часть разошлась по казармам. Все это время милиции не было видно, она появилась только к вечеру и стала охранять памятник императору Александру II. Несколько ранее состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, которое призвало граждан к спокойствию³².

Отголоски этого события довольно долго волновали екатеринбургское общество, но после Гражданской войны это событие изгладилось из памяти. О нем вновь заговорили только в 1990-е гг. Был найден постамент от бюста императора Петра I, бюст императора отлили вновь и восстановленный памятник украсил собой исторический сквер, а работнику Литературного музея В.К. Некрасову однажды довелось реставрировать один из портретов музея УОЛЕ, пострадавших в далеком 1917 г. от погромщиков.

Для революционной оппозиции установленные властью памятники всегда служат символами «темных сил» правящего режима. Почти в каждой революции производится снос и уничтожение памятников прежней эпохи, и эти расправы представляют для масс ритуал ниспровержения старого режима.

³¹ Аничков 1998: 41.

³² Уральская жизнь 1917 (6).

Список источников и литературы

- Аничков 1998** – Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. 1917 – 1922. – М., 1998.
- Зорина 1996** – Зорина Л.И. История Уральского общества любителей естествознания. – Екатеринбург, 1996.
- Нарский 2001** – Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. – М., 2001.
- Уральская жизнь 1917 (а)** – События 26 апреля // Уральская жизнь. – 1917. – 28 апреля.
- Уральская жизнь 1917 (б)** – Хроника // Там же. – 30 апреля.

A. M. Kruchinin

ЕКАТЕРИНБУРГ POGROM OF THE 26TH OF APRIL, 1917

The article considers the history of the revolutionary pogrom in Ekaterinburg in 1917. The main blow of the pogrom-makers, most of which were soldiers of reserve regiments, was directed at the symbols of the old regime – monuments, portraits and drawings of the state emblem on signboards. Demolishing of the monuments of an old regime is a common occurrence for revolutions and the ritual of its overthrow for the masses.

К e y w o r d s : Ekaterinburg, revolution, monuments, portraits, pogrom, revolutionary rituals.

Код ВАК 07.00.03

В. Ф. Мезенцев

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье анализируются основные теоретические подходы и концепции, используемые современными западными исследователями революций, и перспективы теоретического осмысления этого исторического феномена.

Мезенцев Виктор Федорович, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) Российского государственного профессионально-педагогического университета (622031, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57); кандидат исторических наук, доцент.

Mezentsev Victor, associate professor of the Department of Humanitarian and Socio-economic Sciences of Nizhniy Tagil State Social-Pedagogical Institute (branch) of Russian State Vocational Pedagogical University (622031, Russia, Nizhniy Tagil, Krasnogvardeyskaya Street, 57); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (3435) 25-53-29. Электронный сайт/Web: <http://ntspi.ru>

Ключевые слова: теория революции, структуралистский и культуралистский подходы, Т. Скочпол, Дж. Голдстоун, Т. Уикхэм-Кроули.

Попытки теоретического осмысления феномена революции в историческом ракурсе вызывают типичную коллизию, осложняющую взаимоотношения между методологически ориентированными на социологические обобщения и позитивистскими по своему глубинному содержанию конкретно-историческими исследованиями.

Попытки дать ясную, точную и всеохватывающую формулу революции, как правило, вызывают скептическое отношение со стороны историков, погруженных в сложную и неоднозначную реальность фактов изучаемого исторического материала, поскольку часто теоретические обобщения сопровождаются вынужденным игнорированием множества конкретных особенностей политических, социальных, религиозных, национальных и прочих условий, без учета которых историк не может рассматривать изучаемое им явление. Так в коллективной работе, посвященной истории революций на Западе, ее редактор в вводном очерке, выделяя некоторые объединяющие черты революций, одновременно отмечает как неизбежность различное понимание авторов, занимающихся конкретными историческими сюжетами этих общих черт, которые корректируются и дополняются особенностями каждой конкретной ситуации³³.

Наряду с этим, выделение неких существенных, фундаментальных элементов, из которых складывается само явление революции, во-первых, вызывает дискуссии среди сторонников различных методологических направлений, во-вторых, даже если исследователь принимает некую конкретную концепцию, имеющийся фактический материал не в полной мере соответствует всем предполагаемым теоретически характеристикам самого исторического явления.

Тем не менее, теоретический анализ является важным ресурсом более глубокого изучения таких сложных явлений, как социальные революции. Этому посвящено большое количество работ зарубежных исследователей, к которым в последнее время можно добавить и ряд отечественных.

Прежде всего, вызывает сложность само определение понятия революции. Эта сложность имеет несколько аспектов. Так много дискуссий вызывал и вызывает вопрос разграничения социальной и политической революции, а также революции и других типов социальных выступлений. Наиболее признанным является в этом отношении ставшее классическим определение Т. Скочпол, которая определила социальную революцию как быстрое и основательное преобразование общества и его классовой структуры, сопровождаемое и отчасти допол-

33 Revolutions and the Revolutionary Tradition 2000: 1.

няемое классовыми движениями (revolts) снизу. В противоположность социальной, согласно ее определению, политическая революция представляет собой трансформацию государственных структур без соответствующих изменений в структуре общества и классов. Социальные выступления (rebellions), в свою очередь, это восстания (revolts) угнетенных классов без каких-либо изменений политических или социальных структур³⁴.

Подобное определение, однако, вызывает вопросы, которые, по сути, и породили несколько отдельных направлений в изучении теоретических аспектов революции. Достаточно сказать, что только среди так называемого «государство-ориентированного» подхода специалисты выделяют четыре направления³⁵. Основной проблемой здесь является выделение государства, как автономного и самодостаточного элемента социальной организации. Можно ли говорить о вероятности изменения структур государства без каких-либо сопровождающих его разнообразных социальных изменений? Этот и подобные ему вопросы неизбежно влекут за собой необходимость изучения тех факторов и обстоятельств, которые вызывают, сопровождают и завершают радикальные трансформации общественного устройства.

Одним из важных аспектов изучения феномена революции являются временные границы этого явления. В одном случае речь идет об ограниченном во времени событии, в других случаях — о растянутом хронологически процессе, который может также включать и выживание предпосылок революции, и ее отдаленные последствия.

Так Теда Скочпол, давая свое известное определение социальной революции, обращает внимание на то, что анализ революции не может быть ограничен только ее причинами и предпосылками, но обязательно должен учитывать итоги и последствия, мимо чего проходит основная масса исследователей³⁶.

Джэк Голдстоун отмечает, что большинство исследователей фокусируют внимание на причинах революции, однако очень важно также изучение того, что происходит после падения старого режима. Итоги революции не связаны напрямую с ее предпосылками, они определяются в процессе самой революции, которая начинается с того, что существующий режим теряет контроль над частью территории и населения³⁷.

В исследовании Бекера и Голдстоуна приводятся данные о продолжительности становления революционных режимов. Рассмотрев 47 примеров становления новых режимов после революционного сверже-

34 Skocpol 1979: 4.

35 Goodwin 1997: 10.

36 Skocpol 1994: 5-6.

37 Goldstone 2014: 26.

ния прежних, начиная с Нидерландской революции 1572 г. до революций в Восточной Европе в начале 1990-х гг., они пришли к выводу, что в среднем время утверждения нового революционного режима составляет восемь лет³⁸.

Расширение временного пространства, в рамках которого рассматриваются революционные процессы, создает более широкий контекст, способствующий пониманию существенных изменений, которые происходят в результате революции в обществе, с другой стороны, это ведет к тому, что сама революция как некое особое явление, начинает растворяться в общем процессе развития общества. Возможно, это бывает оправданно, когда выделяется какая-то отдельная сторона происходящих в ходе революции изменений, но в случае расширения на все аспекты, грозит утратой гносеологической ценности самой категории революция для изучения динамики социального развития.

Еще одной проблемой, которая выходит на первое место в спорах между сторонниками различных подходов к анализу революций в истории, является сама возможность сравнительного изучения этих явлений, происходивших в различные исторические эпохи, на разных континентах и в разных культурно-цивилизационных условиях. Достаточно ярко это проявилось в дискуссиях между Т. Скочпол и ее оппонентами при обсуждении возможности применения структурного метода к изучению Великой французской революции. В то время как первая, будучи последовательным сторонником структуралистского подхода к исследованию революций, при котором главное внимание уделяется формированию и эволюции устойчивых во времени общественных структур, которые и определяют вероятность и формы революционных процессов, обращала внимание на такие долговременные факторы как финансовая система, административная и военная иерархия и т.д.; У. Сьюэлл и Л. Хант сделали упор на категориях идеологии, риторики, публичного политического дискурса, которые формировали, по их мнению, уникальность самой этой революции. Вступая с ними в полемику, Скочпол подчеркивала, что та же идеология лишь оформляет структурные по своей сути элементы революционного процесса³⁹. Т. Уикхэм-Кроули в связи с этим отмечает, что структурные ограничения по-разному проявляются на разных этапах развития революции, они имеют первоочередное значение в складывании предпосылок революции, в то время как культурные и идеологические факторы оказывают свое воздействие на ход революции уже после свержения прежнего режима, когда возникшее пластичное состояние, исчезновение преж-

38 Becker, Goldstone 2005: 190.

39 Skocpol 1994: 327-330.

них упорядочивающих структур, создают больше возможностей для проявления культурных особенностей конкретного социума⁴⁰.

Результатом подобных дискуссий становится стремление сторонников структурного подхода найти структуры и в тех сферах, которые до этого были основным полем оперирования их оппонентов. Так шиизм и большевизм, которые в каждом конкретном случае связаны с особенностями революций в Иране и России, в рамках структурного подхода рассматриваются как идеологии, имеющие много общих черт (включая идеи равенства, дуалистического подхода к миру, исторической миссии и т.д.).

Различные варианты именно структуралистского подхода занимают основное место среди работ, посвященных теории революции. Как подчеркивает Т. Уикхэм-Кроули, выделение культурной специфики народов и революционных групп никак не позволяет ответить на вопрос о том, почему революция произошла именно здесь, а не в другом месте, именно в это время, а не в какое другое⁴¹.

Однако представители так называемого четвертого поколения исследователей, обращающихся к теории революции, полагают, что структуралистский подход как жесткая и ограничивающая конструкция, должен быть дополнен некоторым элементом человеческой индивидуальности. «Я уверен, что возможно создать хорошо продуманную и аргументированную теорию, которая признает силу и влияние, как людей, так и структур», – утверждает Эрик Селбин, и в качестве подтверждающего его интенцию материала обращается к латиноамериканским революциям, которые, по его мнению, как раз и демонстрируют как «сознательный выбор и намеренные действия людей играют критическую роль в процессе революции»⁴².

Главная проблема, которую пытаются решить Э. Селбин и его единомышленники, состоит в том, как объяснить и обосновать связь между социальными, политическими и иными объективно существующими структурами и субъективной по своей природе активностью людей, в первую очередь революционных лидеров, которые осуществляют радикальные перемены. Основное внимание здесь уделяется тому, как революционные идеи и идеалы концентрируются и выполняют мобилизующую функцию в рамках революционного процесса. В том числе отмечается значимость накопления революционного опыта, примеров успешных и неудачных революций как факторов, носящих объективный характер, но влияющих на субъективные намерения и действия людей. Сторонники этого подхода значительное место уделя-

40 Wickham-Crowley 1997: 41.

41 Ibid: 61.

42 Selbin 1997: 119.

ют разработке таких концептуальных категорий, как коллективная память и символическая политика.

В целом, теоретическое осмысление революций в истории переживает подъем, открываются новые аспекты и проблемы. Отмечается, что само понимание революции связано с пониманием всех тех условий, которые сложились в новое время, эпоху модернити. Не всегда осознаваемое современниками, но отчетливо видимое в ретроспективе, понимание революции как создающей новый мир, которого раньше не существовало, и формирует революцию именно как явление исторически характерное именно для периода становления современного общества⁴³.

Следует отметить также постоянное развитие теоретических построений, направленных на более широкий и всесторонний охват революционных факторов и процессов⁴⁴.

Список источников и литературы

- Голдстоун 2006** – Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5 (56). – С. 58-103.
- Becker, Goldstone 2005** – Becker J., Goldstone J.A. How Fast Can You Build A State? State Building in Revolutions // States and Development: Historical Antecedents of Stagnation and Advance / Ed. by Matthew Lange and Dietrich Rueschemeyer. – Palgrave, 2005.
- Goldstone 2014** – Goldstone J. Revolutions: A very short introduction. – Oxford, 2014.
- Goodwin 1997** – Goodwin J. State-centered approaches to social revolutions: strengths and limitations of a theoretical tradition // Theorizing revolutions / Ed. by John Foran. – L.: Routledge. 1997.
- Revolution 2005** – Revolution // New dictionary of the history of ideas / ed. by Maryanne Cline Horowitz. – Thomson Gale, 2005. – Vol. 5. – P. 2113-2118.
- Revolutions and the Revolutionary Tradition 2000** – Revolutions and the Revolutionary Tradition In the West 1560–1991 / Ed. by David Parker. – London and New York: Routledge, 2000.
- Selbin 1997** – Selbin E. Revolution in the real world: Bringing agency back in // Theorizing revolutions / ed. by John Foran. – L.: Routledge. 1997.
- Skocpol 1979** – Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

43 Revolution 2005: 2113-2118.

44 Голдстоун 2006: 58-103.

Skocpol 1994 – Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Wickham-Crowley 1997 – Wickham-Crowley T.P. Structural theories of revolution // Theorizing revolutions / ed. by John Foran. – L.: Routledge. 1997.

Victor F. Mezentsev

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE THEORY OF REVOLUTION IN THE MODERN WESTERN STUDIES

The article analyzes the main theoretical approaches and concepts used by modern western researchers of revolutions and perspectives of theoretical understanding of the historical phenomenon.

Key words: theory of revolution, structural and cultural approaches, T. Skocpol, J. Goldstone, T. Wickham-Crowley.

Код ВАК 07.00.02

М. Н. Начапкин

МИРОВОСПРИЯТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНСЕРВАТИВНЫХ КЛАССОВ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДНЕВНИКАХ ОЧЕВИДЦЕВ

В статье рассматриваются воспоминания представителей консервативных классов – публицистов, дворян-помещиков, деятелей земского управления, мещан, посвященные оценке революционных событий 1917-1918 гг. Проведен анализ роли революции, которую она сыграла не только в судьбе отдельных людей, но и всего русского народа. Восприятие революционных событий показано глазами современников. Это очень важно для современного понимания революции 1917 г.

Ключевые слова: анархия, революция, воспоминания, консерватизм, дневники, катастрофа, насилие.

Китайская мудрость гласит «не дай Вам жить в эпоху перемен». 26 февраля 2017 г. исполнится ровно сто лет со дня начала Февраль-

Начапкин Максим Николаевич, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11); кандидат исторических наук, доцент.

Nachapkin Maxim, associate professor of the Department of office documentation, history and legal support of Russian State Vocational Pedagogical University (620012, Russia, Ekaterinburg, Mashinostroiteley street, 11); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 338-44-37. Электронная почта/E-mail: maks.nachapkin@mail.ru

ской революции. Эта революция привела не только к крушению монархии, но и уничтожению старого мироустройства. Уничтожение таких устоев государства, как регулярная армия, прокуратура, суд, военная контрразведка, жандармерия, институтов губернаторской и земской власти привело к параличу и анархии государственного управления и, в конечном счете, к захвату власти большевиками в октябре 1917 г. Поэтому правильно сделал вывод Николай Стариков: «Февраль и Октябрь 1917 года. Это части одного целого. Это пули, выпущенные из одного оружия. Это ступени одной лестницы, ведущие к крушению России»⁴⁵. Самыми пострадавшими от революции оказались представители консервативных классов – дворяне, чиновники, консервативные мыслители и публицисты, предприниматели, духовенство. Характеризуя мировоззрение консерваторов, Вячеслав Никонов правильно отметил, что консерватор: «... во всех случаях предсказуемость и продуманность действий предпочтет экспериментам над обществом, умеренность – экстремизму, компромисс – безжалостной борьбе за уничтожение, собственное достоинство – самобичеванию, стабильную государственную власть – анархии беспредела, идею сильного Отечества – отступлению России по всем фронтам»⁴⁶. К этому можно было бы добавить, что консервативные слои российского общества придавали большое значение религии, сохранению моральных традиций в жизни общества, отстаивали необходимость законности, порядка и сохранения частной собственности.

Лев Александрович Тихомиров (1852-1923) – бывший идеолог «Народной Воли», ставший монархистом и консерватором, редактором «Московских ведомостей», на протяжении 30 лет вел свой дневник. В 2008 г. этот существенный источник по истории России был опубликован А.В. Репниковым. Дневник содержит интересные оценки Первой мировой войны, февральской революции, состояния российского общества. Он передает нам все те слухи, страхи, сплетни, которые распространялись среди людей. Так в начале января 1917 г. Тихомиров пишет об убийстве Распутина, расколе внутри династии Романовых по вопросу наказания одного из убийц старца, князя Дмитрия Павловича. Много внимания Лев Александрович уделяет тяжелой экономической ситуации в стране: нехватке хлеба и другого продовольствия, перебоям в работе транспорта, дороговизне продуктов. Рассуждая о причинах длинных очередей у булочных, демонстрациях под лозунгами «Долой войну, хлеба нет», Тихомиров высказывает несколько предположений: немецкая провокация, расстройство государственного управления: «Когда министры меняются чуть ли не каждый месяц – какой может быть порядок! Рассказывают (вероятно, враки, но рисует

⁴⁵ Стариков 2011: 5.

⁴⁶ Никонов 1999: 8.

настроение), будто Государыня просит, чтобы Государь предоставил все внутреннее управление, а сам был при армии... Это выдуманно, вероятно, для возбуждения народа, потому что к Государыне относятся ужасно нехорошо, и такое про нее рассказывают, что страх берет. Обвиняют ее даже в сношениях с Вильгельмом»⁴⁷. Тихомиров отмечал, что бессилие армии общество объясняло изменой, тайными переговорами окружения Александры Федоровны с Берлином: «...каким-то офицерам стало известно, что в среде лиц, окружающих Императрицу, велись переговоры с Берлином об отступлении наших войск от Риги. Эти офицеры сообщили документы Родзянко, который, не сообщая Государственной думе, сообщил Императору. В ответ на это последовал Указ о роспуске Думы. С этого и началась история восстания»⁴⁸. Еще одной причиной неудачи русской армии Лев Александрович, ссылаясь на мнение генерала Брусилова, называет никуда не годное ко-мандование войсками императором Николаем II.

Судя по настроениям дневниковых записей, в последние месяцы 1916 г. Тихомиров сильно разочаровался во власти, в ее возможности усовершенствовать существующую систему. Характеризуя начавшиеся 24 февраля 1917 г. беспорядки в Петрограде, он приводит точки зрения случившегося из разных источников: бунт нескольких полков в защиту распущенной Государственной Думы, заговор Думы и правительства с целью свержения монархии: «Страшные вести, если правда, ибо чем кончится? ... Безумное Правительство, но и Государственная дума тоже хороша. В такое время поднимать междоусобную войну! Конечно, я не знаю, кто и что затевает в этом, очевидно, сознательном заговоре. Но из того, что слышу, не вижу, чтобы этим создавалось нам правительство. А ведь нам нужен не многоглаво-партийный Парламент, а крепкая и не совсем глупая власть»⁴⁹. 1 марта 1917 г., пройдя по городу, Лев Александрович увидел толпы народа, читающие «Бюл-летень революции», войска с красными знаменами, абсолютное отсутствие полиции, т.е. полнейшую анархию: «Вообще положение быстро приходит в полную анархию. Видимо, в Петрограде умеют устраивать только возмущения, а не организовать власть»⁵⁰. Исследователь био-графии Тихомирова А.В. Репников привел такой интересный факт, что 8 марта 1917 г. Тихомиров явился в милицию и дал подписку: «Я, нижеподписавшийся, Лев Александрович Тихомиров, даю сию подписку в том, что Новое Правительство я признаю, и все распоряжения оно исполню и во всем ему буду повиноваться»⁵¹. Правда, к августу 1917 г.

⁴⁷ Дневник Тихомирова 2008: 325.

⁴⁸ Там же: 322.

⁴⁹ Дневник Тихомирова 2008: 343-344.

⁵⁰ Там же: 347.

⁵¹ Там же: 21.

популярность Временного правительств и А.Ф. Керенского у Тихомирова сошла на нет. Оно не сумело ни объединить страну, ни завершить войну, ни решить ни одной из острых проблем страны.

Один из основоположников русской социологии Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) в 1924 г. опубликовал в Нью-Йорке работу «Бойня: революция 1917 года». Сорокин, оппозиционно настроенный к царской власти преподаватель, отмечал, что в каждой революции прослеживается три фазы. Для начальной фазы характерна радость освобождения населения от тирании старого режима и ожидания обещающих реформ. Правительство в этот период гуманно, его политика мягка и нерешительна. В то же время попустительство преступникам приводит к тому, что в народе начинает «просыпаться зверь». Вторая фаза революции – деструктивная. Сорокин так ее характеризует: «Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий все на своем пути. Она безжалостно искореняет не только обветшавшие, но все еще жизнеспособные институты и ценности общества, и тем самым уничтожает не только свой век, политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп»⁵². Революционное правительство начинает насильственно создавать новые порядки. На третьей фазе революции власть уже укореняется и начинает проводить более обдуманную политику. В 1917 г. Сорокин наблюдал своими глазами две фазы революции. День 27 февраля 1917 г. запомнился ему следующими событиями: огромными толпами возбужденных людей – солдат, рабочих, женщин на улицах, большими пожарами полицейских участков, судов: «Внезапно на Литейном проспекте я увидел пожар. Великолепное здание Окружного суда сверкало огнями... Можно было видеть, как горят другие правительственные дома и среди них полицейские участки. Однако и не предпринимались попытки прекратить пожары. В огневых отблесках лица прохожих и зевак выглядели демонически; они ликовали, смеялись и танцевали. Повсюду валялись нагромождения резных российских двуглавых орлов, эти имперские эмблемы срывались со зданий и подбрасывались в костры под аплодисменты толпы. Старый режим исчезал в пепле, и никто не горевал по этому поводу. Никого не заботило, что огонь может перебраться на частные дома... Лес рубят, щепки летят»⁵³. В отблесках пламени толпы солдат и зевак грабили винные магазины. Никто не старался им помешать. На следующий день анархия и хаос усилились. Автомшины с вооруженными солдатами носились по городу в поисках контрреволюционеров и жандармов. Сорокин пришел в Государственную Думу, где стал свидетелем одного ужасного события: «...в Думу ворвался один офицер и прокри-

⁵² Сорокин 1992: 223.

⁵³ Там же: 223.

чал: «Офицеры Балтийского флота умерщвлены солдатами и матросами!» ... Я похолодел от ужаса. Воистину было полным безумием ожидать бескровной революции»⁵⁴.

С этого времени он стал бояться экстремистов и психологии толпы, для которой был характерен не только звериный инстинкт, но и глупость. Питирим не мог понять первых шагов Временного правительства. Оно фактически одобрило безумный, с его точки зрения, приказ № 1 по армии о создании полковых солдатских комитетов и подчинении им офицеров. Отмену смертной казни, подготовленную в декларации кадетом Набоковым, Сорокин также считал мерой совершенно губительной в условиях войны. Он обращает внимание на то, что февральская революция разнуздала самые жестокие инстинкты, отринула нравственные и правовые нормы, способствовала грабежу и паразитизму. Рабочие, вместо работы на заводах, большую часть времени проводили в политических митингах; солдаты отказывались идти на фронт под предлогом защиты революционного Петрограда: «Именно в эти дни поступала информация о крестьянских захватах частных усадеб, грабежах и поджогах. На улицах можно было встретить пьяных солдат, непристойно ругающихся и горланящих: «Да здравствует свобода! Раз свобода, то все дозволено!»»⁵⁵.

Такая оценка анархии и вседозволенности низших классов населения совершенно совпадает с воспоминаниями Василия Васильевича Татарина (1864-1931), который был в 1917 г. каширским уездным предводителем дворянства. После революции ему удалось эмигрировать во Францию. Революция ему запомнилась несколькими вещами: во-первых, никто не пожелал выступить в защиту правительства, никто не сожалел о его падении; во-вторых, на местах сразу исчезли все общественные течения правее кадетов, в том числе монархисты-консерваторы; в третьих, в городе началось господство толпы. По ее требованию из тюрьмы были освобождены все заключенные, в том числе и за уголовные преступления: «Толпа наглядно почувствовала свою силу и полное бессилие властей. Всякое требование ее, даже неразумное и бесцельное, исполнялось беспрекословно и без малейшего промедления. Управления властей больше не существовало. Распоряжаться мог всякий, кто хотел и как хотел»⁵⁶. Татарин считал, что в свершившейся революции были виноваты и представители старого, царского правительства, которые не могли остановить революции, и нового, Временного правительства, которые были не подготовлены к принятию власти и не смогли удержать ее в определенных границах, исключая анархию, самосуд, произвол, беззаконие. Для Василия

⁵⁴ Там же: 227.

⁵⁵ Сорокин 1992: 229.

⁵⁶ Россия 1917 года в эго-документах 2015: 38.

Васильевича было очевидно, что самые разрушительные последствия революция произвела в сознании многомиллионной массы крестьянства: «Всякий мужик, не исключая и самого глупого, прекрасно понимал, что значило жить под царем. Жить под царем значило: подати платить, воинскую повинность отбывать, властям повиноваться, чужого не брать. Все это могло ему нравиться или не нравиться, но все было ясно. Оставшись без царя во главе управления, мужик остался без царя в голове. Все вопросы религии, нравственности, семьи, собственности, государства были поставлены перед ним сразу и без всякой предварительной подготовки. Нужно ли удивляться, что он запутался в них как в темном лесу... Не было возможности остановить его внимание на каком-нибудь одном предмете, ограничить обсуждение какими-либо рамками. Всякий разговор заканчивался классическими словами: «Довольно вы нашей кровушки попили», – и сводился на нет»⁵⁷.

Бывший царский офицер Б.А. Энгельгарт (1877-1962) также отметил в своих воспоминаниях быстрое изменение настроения крестьян. Уже летом 1917 г. в деревнях появились банды разбойников, которые занимались грабежом помещичьих усадеб, причем среди разбойников были и зажиточные крестьяне. Он описывает интересный эпизод, связанный с вывозом спирта с помещичьего заводика. Крестьяне, узнав о предстоящем вывозе спирта, решили этому воспрепятствовать: «Поначалу спокойное настроение крестьян становилось все более и более возбужденным. Началось понемногу, а потом стали все громче и громче раздаваться, с одной стороны недовольство предстоящей операцией, а с другой – требования взять ее в свои руки»⁵⁸. В результате Энгельгарту пришлось вылить запасы спирта, стоившие 10-12 тыс. руб. золотом в озеро. Еще при Временном правительстве крестьяне захватили кирпич, на принадлежащем Борису Александровичу кирпичном заводе и увезли его. Они также самовольно совершали массовые порубки леса. Уже тогда он почувствовал себя осколком старого мира. Но наиболее тяжелое время наступило для Энгельгарта с приходом к власти большевиков. Уже в декабре 1917 г. представителями советской власти был описан скот, инвентарь и все наличное зерно в амбаре. Новая власть отняла землю, разделив ее на мелкие участки. Борису Александровичу было жалко заложенного в имение труда: «Теперь мне казалось, что с уходом моим от дела все, с любовью, налаженною мною, развалится, земля будет разбита на мелкие участки, породистые коровы, высокие удои которых поддерживались правильным уходом и обильным кормлением, разойдутся по рукам и утратят свои превосходные качества, вообще мой восьми-десятилетний труд

⁵⁷ Россия 1917 года в эго-документах 2015: 38.

⁵⁸ Там же: 131.

пропадет даром»⁵⁹. Однако, разрушение высокопродуктивных помещичьих имений было только одной стороной медали. Трагедией революции было еще и то, что были уничтожены усадебные дома – хранители культурной жизни многих поколений: «Приходилось покинуть наш большой дом... Портреты предков в напудренных париках, старинный фарфор на стенах, ряды старых и современных фотографий, библиотека с книгами 18-го века, в старинных кожаных переплетах, со всеми русскими классиками 19-го века, с полным комплектом «Отечественных Записок», передового журнала семидесятых годов... – все говорило о культурной жизни нескольких поколений»⁶⁰.

Еще один очень интересные воспоминания оставил после себя дворянин, морской офицер, земской начальник 2-го участка Пронского уезда Рязанской губернии Евгений Евгеньевич Драшусов (1885-1969). Он также писал о быстро менявшемся поведении крестьян. В марте 1917 г., через две недели после отречения царя, он поехал в свое имение Юраково в Рязанской губернии, где жили его родители и две сестры. Приехав в имение, Евгений решил созвать крестьянский сход: «Не без волнения я начал с ними беседу. Это все еще были те же хорошо знакомые мне мужики... Но головы уже не обнажились при появлении барина, как велось это встарь, и вместо прежних, лукаво-просительных и дружелюбно-покорных глаз, на меня пристально впились сотни дерзко-любопытных взоров, таящих за собой какую-то неприязненную решимость»⁶¹. Драшусов предложил крестьянам взять в аренду по выгодной цене пахотные земли, луговой покос, купить по дешевой цене лошадей. Благодаря этому, ему удалось на время успокоить крестьян. Крайне неблагоприятное впечатление на Евгения Евгеньевича произвела процедура покупки крестьянами лошадей. Они переругались и чуть не передрались между собой: «Большинство крестьян оказались, конечно, безденежными и много лошадей пошло в кредит под туманные, хотя и многословные обещания скорой уплаты. Тяжело было видеть картину этого полуразрушения, зловеще предвещающее грядущее разграбление и погром. Пустели конные двory, и замирала издавна налаженная жизнь, бывшая полным импульсом жизнь усадьбы; чувствовалось, что смертный приговор уже произнесен»⁶².

Урегулировав на некоторое время отношения с крестьянами, Евгений уехал в Петроград. Приехав в имение через несколько месяцев, он не узнал крестьян. Крестьяне перешли к прямым поджогам. С плохо скрываемым злорадством, они смотрели на сожженные помещичьи поля и риги. Драшусов был вынужден распродать остатки ско-

⁵⁹ Там же: 133.

⁶⁰ Россия 1917 года в эго-документах 2015: 134.

⁶¹ Там же: 259.

⁶² Там же.

та, инвентаря и имущества усадьбы крестьянам: «Одновременно с торжищем в усадьбе заколачивались ставнями окна дома. Постепенно, гвоздь за гвоздем, забивалась крышка гроба, где хранился весь вековой уклад нашей жизни и вместе с ним и частица всей ломающейся и гибнущей исторической жизни России»⁶³. С каждым днем настроение крестьян приобретало все более враждебный характер. Доброжелатели из крестьян советовали своим бывшим помещикам поскорее уехать, намекая на то, что они могут быть заживо сожженными в своем доме. Собрав урожай, семья Драшусова сумела добраться до Рязани, где у них была своя квартира. Через некоторое время Евгений Евгеньевич эмигрировал в Бельгию, где и прожил до 1969 г.

Еще одним ярким свидетельством разрушительных последствий революции 1917 г. стал дневник консервативного публициста «Нового времени» Михаила Осиповича Меньшикова (1859-1918). Он проживал в Валдае в 1917-1918 гг. Там же 20 сентября 1918 г. возле Иверского монастыря он был расстрелян чекистами. Меньшиков считал, что значительная часть вины за разрушительную революцию лежит на монархии. Чтобы не допустить ее, государственной власти надлежало усиленно развивать образование – гимназическое и вузовское; заботиться о народной гигиене, бороться с пьянством; увеличить хуторские наделы крестьян с удлинением за них выкупа; ввести патриаршество и свободу веры; собрать Земской собор и ввести конституцию; национализировать добычу угля, нефти, леса; покрыть всю страну сетью железных дорог; преобразовать суд; дать регионам такие права, как у штатов в США. К сожалению, мало что из этого было сделано. 20 марта 1917 г. он отметил в своем дневнике: «Чтобы убить Россию по-дьявольски, т.е. с наименьшими средствами, ... достаточно предоставить Россию самой себе. В самой России сложился губительный яд, сжигающий ее медленно, но верно: народная анархия, развязанность от культуры, религии и совести. Идет великое самоистребление народное...»⁶⁴.

Практически каждая страница дневника наполнена тревогой о судьбе детей, заботами о том, где достать деньги, пищу и дрова. Через год после начала февральской революции Меньшиков написал в своем дневнике следующую оценку этой «великой и бескровной» революции, которая привела к власти большевиков: «27 февраля 1918. Год русской великой революции. Мы еще живы, благодарению Создателю. Но мы ограблены, разорены, лишены работы, изгнаны из своего города и дома, обречены на голодную смерть. А десятки тысяч людей замучены и убиты. А вся Россия сброшена в пропасть еще не бывалого в истории позора и бедствия. Что дальше будет и подумать страшно, т.е.

⁶³ Там же: 268.

⁶⁴ Российский архив 1993: 24.

было бы страшно, если бы мозг не был уже досыта и до бесчувствия забит впечатлениями насилия и ужаса»⁶⁵.

В преддверии грядущего столетия февральской революции важно извлечь уроки из этого трагического события. Не нужно повторять ошибок, которые привели к нему. Какие же уроки нужно извлечь? Во-первых, что общественное согласие невозможно в стране, где существует чудовищное материальное расслоение общества, где нет легальных возможностей для трудящихся защищать свои права. Во-вторых, революция возможна в тех странах, где нет демократических методов политической борьбы и свободы слова. В-третьих, революция неизбежна в тех государствах, где власть упрямо отстаивает интересы олигархического меньшинства, не считаясь с мнением всего народа. В-четвертых, революция стала возможной из-за культурно-технической отсталости России, и поэтому очень важно не разрушать, а преумножать отечественную систему науки и образования. В-пятых, как отмечал И.Л. Солоневич⁶⁶, февральская революция 1917 г. стала следствием вырождения правящего слоя и неудачных для России войн.

Список источников и литературы

- Дневник Тихомирова 2008** – Дневник Л.А. Тихомирова 1915-1917 гг. / Сост. А.В. Репников. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – 440 с.
- Никонов 1999** – Никонов В.А. Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора / В. Никонов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 888 с.
- Российский архив 1993** – «Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). – Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. – М.: Студия «ТРИТЭ»; Российский Архив, 1993. – 271 с.
- Россия 1917 года в эго-документах 2015** – Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания / Авт. сост. Н.В. Суржикова, М.И. Вебер: Институт истории и археологии УрО РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2015. – 510 с.
- Солоневич 1997** – Солоневич И.Л. Белая Империя / И. Солоневич. – М.: «Москва», 1997. – 368 с.
- Сорокин 1992** – Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
- Стариков 2011** – Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской революции» / Н. Стариков. – М.: Эксмо; Яуза, 2011. – 416 с.

⁶⁵ Там же: 36.

⁶⁶ Солоневич 1997: 24.

Maxim N. Nachapkin

**THE WORLDVIEW OF CONSERVATIVE CLASSES IN
TURBULENT TIMES: THE REVOLUTION OF 1917 AND
THE CIVIL WAR IN THE MEMOIRS AND DIARIES OF
EYEWITNESSES**

The article deals with the memories of Representatives conservative classes – publicists, landlords nobility, zemsky management figures, the middle class, on assessment of the revolutionary events of 1917-1918. Analysis was made of role revolution, which played in the fate of not only the fate of individuals, but of the entire Russian people. Perception of revolutionary events has been shown through the eyes of his contemporaries. It is very important for the modern understanding of the 1917 revolution.

Key words: anarchy, revolution, memories, conservatism, diaries, disaster, violence.

Код ВАК 07.00.02; 07.00.09

И. А. Новиков

**РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЙ:
ВИЗАНТИНИСТ М.Я. СЮЗЮМОВ НА УРАЛЕ**

В статье рассмотрена судьба М.Я. Сюзюмова – участника Гражданской войны в России на Восточном фронте, волею обстоятельств оказавшегося в 1920 г. в городе Златоусте и внесшего заметный вклад в становление советского школьного и вузовского образования на Урале, инициатор создания краеведческого и филателистического обществ.

Ключевые слова: Великая российская революция, М.Я. Сюзюмов, Восточный фронт, Урал, Златоуст, Свердловск, Свердловский педагогический институт, краеведение, филателия.

Михаил Яковлевич Сюзюмов – один из корифеев уральской исторической науки и советской школы византиноведения. Его жизни и творчеству посвящены работы коллег и учеников Михаила Яковлеви-

Новиков Игорь Александрович, доцент кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69); кандидат исторических наук, доцент.

Novikov Igor, associate professor of the Department of Russian history and law of the South Ural State University of Humanities and Education (454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin's avenue, 69); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (351) 216-36-55. Электронная почта/E-mail: novikovia69@mail.ru

ча⁶⁷, историков Урала⁶⁸, но поиск в архивах Екатеринбурга и Златоуста позволил найти малоизвестные страницы жизни М.Я. Сюзюмова.

Первая мировая война, Великая российская революция, которая привела к социальным потрясениям и гражданской войне, к перемещению огромной массы населения. Поэтому в послереволюционные годы на авансцену истории выходят новые личности, волею случая или обстоятельств оказавшиеся вдалеке от столиц, в том числе и на Урале, среди них был и Михаил Яковлевич Сюзюмов, более известен его свердловский период с 1929 г., но девять лет его жизни связаны со Златоустом, здесь он женился, у него родились дети.

В Государственном архиве Свердловской области в фонде «Р-802 – Сюзюмов Михаил Яковлевич» хранится несколько автобиографий, написанных известным ученым. Закончив в 1916 г. Юрьевский университет М.Я. Сюзюмов был оставлен на историко-филологическом факультете для написания магистерской диссертации. Однако научные изыскания по истории Византии он вынужден был прервать в феврале 1918 г. в связи с наступлением немецкой армии и выехать в Петроград⁶⁹. М.Я. Сюзюмов вряд ли предполагал, что он навсегда покинул Юрьев, а научные занятия по истории Византии прервутся более чем на двадцать лет.

Октябрьские события 1917 г. застали М.Я. Сюзюмова в Петрограде, где он работал по теме магистерской диссертации. Позднее он рассказывал студентам, что «сидя в публичной библиотеке, он услышал какие-то выстрелы, а наутро узнал, что произошла революция»⁷⁰. Потеряв возможность официально заниматься историей Византии, так как это направление науки не соответствовало установившейся в стране идеологии, М.Я. Сюзюмов летом 1918 г. вместе с отцом и братом записался в формирующуюся в Луге 4-ю Петроградскую дивизию Красной Армии и осенью 1918 г. в ее составе был направлен на Восточный фронт⁷¹. В своей автобиографии М.Я. Сюзюмов написал: «Всю гражданскую войну провел я в должности делопроизводителя по хозяйственной части роты связи 79 бригады 27 дивизии. В мае 1920 г. демобилизован как работник просвещения. Я направился в Петроград, но по дороге как тифозный больной снят был с поезда в городе Златоусте»⁷². Было это в августе 1920 г.⁷³ С поезда его могли снять и в Кургане, и в Челябинске, и в Миассе или на любой другой мелкой желез-

⁶⁷ См., например: Поляковская 1993: 170–182; Поляковская 1995: 56–63 и другие ее работы; Пихоя 1973: 4–20; Козлов 2004: 317–319; Козлов 2010: 255–259.

⁶⁸ Кругликова 2000: 9–24; Новиков 2013: 52–59.

⁶⁹ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 1 об.

⁷⁰ Поляковская 1993: 171.

⁷¹ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 1 об.

⁷² Там же. – Л. 2.

⁷³ Там же. – Л. 5 об.

нодорожной станции, но судьба соблаговолила Михаилу Яковлевичу, что будущий византинист оказался в городе, названном в честь Иоанна Златоуста – Константинопольского архиепископа, одного из наиболее известных Святых раннего периода христианства и Византийской империи. Таким образом, в Златоусте и на Урале Михаил Яковлевич оказался случайно. В его златоустовском периоде необходимо выделить три направления деятельности: педагогическое, краеведческое и филологическое.

Когда выяснилось, что выздоровевший красноармеец Сюзюмов имеет высшее образование, его назначили в школу 2-й ступени сразу заведующим. Это была единственная в Златоусте средняя школа, которая располагалась в здании, где до революции находилась Городская Дума и городское училище. Первыми учениками М.Я. Сюзюмова стали недоучившиеся из-за гражданской войны, а также кто имел начальное образование и хотел получить среднее. Воспользовавшись революционной ситуацией перестройки школы, но-вый заведующий вместе с коллегами-единомышленниками, фактически, создали свою авторскую школу. 1920-е гг. – период становления новой советской школы, новых методов, планов, иногда абсурдных, но это было время «Идей».

Златоуст начала 1920-х гг. представлял крупный промышленный центр Урала с военным и металлургическим заводом, Оружейной фабрикой, но все это было в большей степени разрушено, оборудование вывезено отступающими войсками А.В. Колчака в Сибирь, рабочие также только в 1921-1922 гг. постепенно возвращались из Томска. Усугубила ситуацию административная реформа – образование Башкирской АССР и уничтожение Уфимской губернии, что добавило разнородности в управлении. Наступивший голод привел к притоку большой массы крестьянского населения из различных населенных пунктов Златоустовского и соседнего Троицкого уездов, которые пытались в городе найти пропитание, а на заводе – работу. Только что закончилась военная фаза гражданской войны, но в лесах еще было много дезертиров и бывших солдат армии А.В. Колчака. Социальную нестабильность добавляли антибольшевистские крестьянские и казацкие выступления, в соседних юго-восточных районах активные развернула свои действия повстанческая «Голубая» армия. В учреждениях образования катастрофически не хватало учителей, так как в 1918 г. из 105 учителей только 18 (17%) согласились работать в советской школе, поэтому 87 были уволены и покинули город с отступающими войсками А.В. Колчака⁷⁴. В таких непростых условиях М.Я. Сюзюмов стал заведующим школой 2-й ступени.

Не сразу сложилась система «сюзюмовской» школы. Он создал коллектив единомышленников, творчески и новаторски подходящих к изучению школьных предметов. Многие из коллег-учителей позднее стали известными учеными. Сам М.Я. Сюзюмов – доктор исторических наук в Свердловском

⁷⁴ Просвещение на Южном Урале 1928: 14-15.

педагогическом институте и Уральском государственном университете; учитель математики Николай Павлович Лузин – профессор, заведующий кафедрой математики в Уфе. Школьникам запомнились неповторимые уроки учителя словесности Николая Дмитриевича Миронова, учителя химии и физики Юрия Владимировича Яковлева, учителя труда, выпускника Строгановского художественно-промышленного училища Ивана Васильевича Рябова.

В школе было осуществлено сочетание классно-урочной системы с бригадно-лабораторным методом по гуманитарным и естественным наукам: географии, обществознанию и языкам. Особое внимание уделялось наглядности. Школе повезло, что сохранилась часть приборов и оборудования от старого городского училища. Это позволило оборудовать не только физический и химический кабинеты, но и метеостанцию с астрономической обсерваторией на крыше школы. Так как не хватало пособий и иллюстраций для проведения занятий, учителя часто давали задания изготовить различные модели, плакаты, таблицы, портреты ученых и писателей. Словесник Н.Д. Миронов многие из изученных на уроках произведений экранизировал на сцене школьного театра.

Специализацией школы были химико-лабораторный, статистический и декоративно-прикладного искусства классы (их называли уклоны)⁷⁵. По-этому для повышения качества знаний и получения практических навыков были оборудованы специализированные классы: математическо-астрономический в 1924-1926 гг. и в 1926 г. для занятий химией⁷⁶. Ученики химико-лабораторного класса много времени проводили в лаборатории Златоустовского завода, основанной еще в середине XIX в. П.П. Аносовым, а после окончания школы получали квалификацию лаборанта и поступали работать на завод или продолжали обучение в вузах. Бухгалтера также могли применить свои знания на заводах Южного Урала. Декоративно-прикладной уклон школы связан с производством холодного украшенного оружия на Златоустовской оружейной фабрике. Именно в этом классе у талантливых учеников закладывались навыки рисования на металле.

Но особое место среди педагогов и любовь учащихся все же занимал заведующий школой Михаил Яковлевич Сюзюмов. Всего в школе было пять классов: с 1-го по 5-й, но параллельные классы обозначались не привычными нам буквами: «а», «б», «в» или цифрами: «1», «2», «3», а буквами греческого алфавита «α», «β», «γ», «δ». Связано это было с научной увлеченностью Михаила Яковлевича – «Историей Византии». На своих уроках он увлеченно и красочно рассказывал о многих исторических событиях, давал яркие и запоминающиеся характеристики историческим личностям от героев античности до новейшего времени. Рассказывая о сражениях прошлого, М.Я. Сюзюмов использовал обширную коллекцию оловянных солдатиков разных времен и народов. На учительском столе разыгрывались с мельчайшими подробностями-

⁷⁵ Просвещение на Южном Урале 1928: 70.

⁷⁶ Октябрь на Южном Урале 1927: 107; 109.

ми былые баталии. Широко использовал на уроках и свое увлечение филателией, подбирая из своей коллекции марки, иллюстрирующие тему урока. Свои лингвистические способности – знание древнегреческого, латинского, французского и немецкого языков – он также использовал на занятиях, разъясняя по-русски корень или общий смысл того или иного иностранного термина или крылатого выражения.

М.Я. Сюзюмов не признавал догм и незыблемых авторитетов в науке и старался привить это своим ученикам. Он учил их анализировать исторические события, делать самостоятельные выводы, проводить исторические параллели. Школьная традиция давать прозвища учителям не миновала и Михаила Яковлевича – для тех, кого он учил, Михаил Яковлевич навсегда остался «Михелем»; прозвище произносилось учениками очень уважительно и, скорее всего, имело в своей основе подмеченную страсть М.Я. Сюзюмова к истории и иностранным языкам.

Бывшим ученикам Михаил Яковлевич запомнился как очень живой, веселый, энергичный, увлекающийся: «Рост ниже среднего, худощавое лицо интеллигента с высоким лбом и большими залысынами, короткая стрижка, сосредоточенный взгляд сквозь пенсне или круглые очки в тонкой металлической оправе, очень подвижен, походка быстрая, торопливая и, если по лестнице, то только через ступеньку, на уроках не сидел за преподавательским столом, а ходил у доски, иногда присаживаясь на угол стола, при объяснении нового материала для большей доказательности иногда рубил рукой воздух, голос на учеников повышал редко»⁷⁷.

Будучи незаурядной, всесторонней личностью, он и своих учеников стремился вырастить такими. «Школа Сюзюмова» была для них вторым домом, где они проводили не только дни, но и вечера, посещая различные кружки, в том числе исторический и филателистический, которые вел М.Я. Сюзюмов, ставили спектакли, проводили танцевальные и музыкальные вечера, обучались под его руководством вальсу и мазурке, а в преддверии первомайских и новогодних праздников сочиняли самодельные оперетты на школьном материале, которые пользовались огромным успехом и надолго запомнились не только ученикам, но и их родителям.

Возглавляя в школе кружок юных филателистов, в 1925 г. М.Я. Сюзюмов выступил с предложением о новых принципах филателистического коллекционирования, основанных на сюжетном содержании рисованных знаков почт, оплаты. Впервые в советской филателии он сформулировал основные принципы тематического коллекционирования, вошедшие в историю филателии как «Златоустовская платформа», которая не сразу, но получила признание среди коллекционеров и дала тематическую направленность коллекционированию марок⁷⁸. Руководимый М.Я. Сюзюмовым кружок юных филателистов включал не

⁷⁷ Окунцов 1992.

⁷⁸ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 275. – Л. 12 об.; Стальбаум 1971: 9-20.

только учеников школы, но и преподавателей, студентов техникума, которые выпускали стенную газету «Филателист», организовывали выставки марок тематической направленности⁷⁹.

В Златоусте Михаил Яковлевич приложил свои силы и умения не только в становлении советского образования в школе 2-й ступени, но и в организации Златоустовского окружного общества краеведения. В 1920-е гг. краеведению придается общественно-государственный статус. Архивы и музеи перешли на государственное финансирование и под его контроль. Основную массу краеведов стали составлять выходцы «снизу» – в большей степени радетели сохранения не «старой» истории, а развития новых направлений. Одним из самых крупных и творческих краеведческих обществ на Урале в 1920-е гг. являлось Златоустовское окружное общество краеведения, которое было организовано 7 марта 1925 г.⁸⁰, а одним из инициаторов его создания стал заведующий школы 2-й ступени Михаил Яковлевич Сюзюмов.

Подготовительная работа по созданию общества началась с открытия в Златоусте 26 февраля 1924 г. постоянной производственно-технической выставки заводов Южно-Уральского горнозаводского треста. Целью и задачами созданного общества стало всестороннее изучение Южного Урала. Инициативная группа создала «Временное бюро краеведения» из 5 человек под председательством М.Ф. Шестопалова⁸¹, которое взяло на себя подготовку учредительной конференции, которая состоялась 20-21 мая в механико-металлургическом техникуме. Было избрано правление во главе с Г.И. Степановым – председателем окружного планового комитета, обязанности секретаря поручили исполнять М.Ф. Шестопалову. В число членов вошел и заведующий школой 2-ой ступени М.Я. Сюзюмов⁸². В архиве Златоустовского городского округа сохранились анкеты кандидатов на вступление в Златоустовское окружное общество краеведения. В анкете, написанной М.Я. Сюзюмовым и подписанной Михаилом Яковлевичем, указано, что он получил членский билет № 5 ЗООК⁸³.

Прошедшая учредительная конференция определила задачи дальнейшей работы краеведов округа. Основными задачи стали изучение производительных сил, подготовка начинающих краеведов и инструктирование ячеек краеведов округа. Кроме того, общество стремилось к распространению научных сведений о местном крае и содействовало к пробуждению интереса к краеведению среди организаций и широких масс населения. Члены общества считали, что «в дальнейшем

⁷⁹ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 275. – Л. 12 об.

⁸⁰ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 275. – Л. 11.

⁸¹ Шадрина 2011: 439.

⁸² АЗГО. – Ф. И-107. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 11; Первухина 1997: 167-168.

⁸³ Там же. Ф. И-208. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 14-14 об.

жизнь и условия округа толкают к тому, чтобы краеведческая организация была действительно центром научной мысли и, чтобы ее достижения можно было использовать для улучшения хозяйства округа», а этого возможно добиться только при расширении ячеек и оказания материальной поддержки⁸⁴. Поэтому на заседании правления общества 21 апреля 1926 г. было принято решение об организации в городе 6 ячеек: заводской, просвещенческой, советских служащих, комсомольской, в педтехникуме и при школе 2-й ступени, в создании которых активное участие принял М.Я. Сюзюмов⁸⁵.

Для пропаганды краеведения, доведения до населения результатов своих исследований общество краеведения активно использовало не только страницы городской газеты «Пролетарская мысль», но издавало краеведческие работы отдельными изданиями. В 1926-1928 гг. были опубликованы девять работ, в том числе две о развитии образования на территории Златоустовского округа, где большая часть материала была посвящена школе 2-й ступени⁸⁶. В 1927-1928 гг. М.Я. Сюзюмов руководил секцией народного образования Златоуста и был избран в члены Президиума Златоустовского Городского Совета 10 созыва⁸⁷. Ученица М.Я. Сюзюмова М.А. Поляковская назвала его пребывание в Златоусте – «голубым периодом» в жизни Михаила Яковлевича⁸⁸.

Краеведческая направленность М.Я. Сюзюмова проявилась спустя годы. Просматривая его фонд в Государственном архиве Свердловской области среди его неопубликованных работ, мы неожиданно обнаружили рукопись по истории Южного Урала – «Южно-Уральская горная промышленность в период восстания крестьян под руководством Е.И. Пугачева»⁸⁹. Содержание дела не совсем соотносится с его оглавлением. Из 67 страниц: 40 – это выписки из документов и литературы на листочках, обрывках, разрезанные и вырезанные, частично написаны карандашом и только 27 – черновой вариант рукописи с собственным, особым взглядом М.Я. Сюзюмова, выводы и положения которого отличаются от устоявшейся советской концепции по этому вопросу.

Таким образом, М.Я. Сюзюмов в 1920-1929 гг. внес заметный вклад как в становление школьного образования Златоуста, так и в деятельность общества краеведов. Однако в 1929 г. он переехал в Свердловск. Отъезд из Златоуста руководителя краеведческого общества М.Ф. Шестопалова и одного из его активных членов М.Я. Сюзю-

⁸⁴ Там же. Ф. И-107. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 9-10.

⁸⁵ АЗГО. – Ф. И-107. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 36-36 об.

⁸⁶ Сюзюмов 1928: 72-73; Просвещение на Южном Урале 1928: 63-70.

⁸⁷ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 5 об.

⁸⁸ Поляковская 1993: 171.

⁸⁹ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 528. – Л. 1.

мова ослабили окружное общество краеведения, перестали выходить записки общества, что в конечном итоге привело к прекращению разносторонней краеведческой жизни в городе.

В Свердловске М.Я. Сюзюмов сначала работал в школе: заведующим школой-десятилеткой № 25, которая располагалась напротив правления Пермской железной дороги, заведующим учебной частью в железнодорожной школе ФЗО Пермской железной дороги и школе-гиганте № 11, преподавателем истории в школе № 168, а с осени 1938 г. в Свердловском педагогическом институте преподавателем латинского языка и истории Средних веков, и по совместительству в Уральском государственном университете⁹⁰.

Аресты 1930-х гг. не обошли стороной и М.Я. Сюзюмова: в 1936 г. он был арестован за связи с иностранными коллекционерами марок и осужден на 3 года лишения свободы, но провел в свердловской тюрьме 9 месяцев и был неожиданно освобожден⁹¹. Научный и педагогический талант, любовь школьников и студентов к Михаилу Яковлевичу встречало естественную зависть к нему. Поэтому не миновала его судьба быть оговоренным коллегой. Были обвинения М.Я. Сюзюмова в троцкизме и невозможность устроиться на работу: «Все мои попытки получить должность преподавателя истории в Свердловске оказались безуспешными. Во всех учреждениях я получал в той или иной форме отказ, причем единственной причиной была моя судимость. На тот факт, что я имею помилование ВЦИКа, никто не обращает внимания»⁹². Спустя годы Михаил Яковлевич, вспоминая об этом времени, сказал, что «он как историк благодарен судьбе, позволившей ему познать совершенно незнакомую среду и познакомиться с интересными людьми»⁹³. Только после освобождения он смог снова заняться своим любимым делом – Историей Византии, войдя в плеяду византинистов мирового уровня. Американский ученый Александер назвал М.Я. Сюзюмова «Нестором русских византинистов»⁹⁴.

Таким образом, летом 1918 г. Михаил Яковлевич Сюзюмов добровольцем вступил в Красную Армию, участвовал в боевых действиях гражданской войны на Восточном фронте в составе 27-й дивизии, которая участвовала в июле 1919 г. в восстановлении советской власти на Южном Урале. В 1920-е гг. в течение девяти лет, с 1920 по 1929 гг., его судьба была связана со Златоустом и становлением здесь школьного образования, с деятельностью Златоустовского окружного общества краеведения, а увлечение филателией выразилось в формировании

⁹⁰ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 2-2 об.

⁹¹ Там же. – Л. 2 об.

⁹² Поляковская 2007: 182.

⁹³ Там же.

⁹⁴ ГАСО. – Ф. Р-802. – Оп. 1. – Д. 275. – Л. 1.

нового тематического коллекционирования. В день похорон Михаила Яковлевича студенты-заочники дали залп на кладбище в память о нем как об участнике Гражданской войны⁹⁵. Почему М.Я. Сюзюмов вообще оказался в армии, в армии «Красной», а не «Белой», так и осталось неразгаданной тайной.

Михаил Яковлевич, по нашему мнению, всю жизнь был революционером: имел свой особый взгляд по многим вопросам – и при проведении уроков, и в руководстве школой и обществом краеведения, при изучении истории Византии, при сокращении часов по гуманитарным дисциплинам. В начале 1960-х гг. М.Я. Сюзюмов написал в одном из своих писем, что «если не изменится это дюринганско-махистско-богдановское направление в организации университетского исторического образования – то у нас совсем не будет людей, читающих книги по византиноведению... Конечно, историческая наука, в конце концов, выживет, но не знаю, доживу ли я до этого: покровщина – очень трудноизлечимая болезнь – особого рода проказа на фронте исторической науки»⁹⁶. Как актуальны эти слова Михаила Яковлевича в настоящее время.

Список источников и литературы

АЗГО – Архив Златоустовского городского округа.
ГАСО – Государственный архив Свердловской области.

Козлов 2004 – Козлов А.С. К 100-летию учителя: Памяти М. Я. Сюзюмова // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 31.

Козлов 2010 – Козлов А.С. Научный подвиг Сюзюмова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 79. – № 3.

Кругликова 2000 – Кругликова Г.И. Михаил Яковлевич Сюзюмов и Евгений Георгиевич Суров: этапы жизни и деятельности // Проблемы всеобщей истории в контексте подготовки педагогических кадров. Вопросы всеобщей истории: сб. тр. – Вып. 2. – Екатеринбург, 2000.

Новиков 2013 – Новиков И.А. Из истории краеведческого движения на Южном Урале в 1920-е гг. (на примере деятельности Общества краеведения Златоустовского округа Уральской области) // Шестые Всероссийские краеведческие чтения (Москва-Можайск, 1-2 июня 2012 г.) / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. – М., 2013.

⁹⁵ Поляковская 1995: 58.

⁹⁶ Цит. по: Поляковская 2007: 182.

- Октябрь на Южном Урале 1927** – Октябрь на Южном Урале. – Златоуст, 1927.
- Окунцов 1992** – Окунцов Ю.П. Михель и его школа // Златоустовский рабочий. – 1992. – 6 ноября.
- Первухина 1997** – Первухина К. Сюзюмов М.Я. // Златоустовская энциклопедия: в 2-х т. / Ред.-сост. А.В. Козлов, Н.А. Косиков, В.В. Чабаненко. – Т. 2. – Златоуст, 1997.
- Пихоя 1973** – Пихоя Р.Г. Михаил Яковлевич Сюзюмов: (к 80-летию со дня рождения) // Античная древность и средние века. – Вып. 10. – Свердловск, 1973.
- Поляковская 1993** – Поляковская М.А. Ученый и время: к 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова // Византийский временник. – М., 1993. – Т. 54 (79). – С. 170-182.
- Поляковская 1995** – Поляковская М.А. М.Я. Сюзюмов: парадоксы жизни и творчества // Известия Уральского государственного университета. – 1995. – № 4.
- Поляковская 2007** – Поляковская М.А. Из архива профессора М.Я. Сюзюмова // Историк и его эпоха: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Данилова (24-25 апреля 2007 г.). – Тюмень, 2007. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/34616> (дата обращения 20.02.2016).
- Просвещение на Южном Урале 1928** – Просвещение на Южном Урале. Краткий обзор культурного строительства в Златоустовском округе за 1917-1927 год / Под ред. А. Петрова. – Златоуст, 1928.
- Стальбаум 1971** – Стальбаум Б. Златоустовская платформа // Советский коллекционер. – 1971. – № 9.
- Сюзюмов 1928** – Сюзюмов М.Я. Организация управления школою // Материалы к I-му окружному съезду по народному образованию / Под ред. М.М. Никитина. – Златоуст, 1928.
- Шадрина 2011** – Шадрина Т.В. Златоустовский музей и краеведение: грани взаимодействия // Вторые Всероссийские краеведческие чтения (Москва. 26-27 мая 2008 г.); Четвертые Всероссийские краеведческие чтения (Челябинск. 20-22 мая 2010 г.) / Отв. ред. В.Ф. Козлов, сост. А.Г. Смирнова. – Ч. II. – М., 2011.

Igor A. Novikov

**CALLED BY REVOLUTION:
BYZANTIUM M.J. SYUZYUMOV IN THE URALS**

The article deals with the fate of M.J. Syuzyumov – participant of the Civil war in Russia on the Eastern front who in cases of force was in Zlatoust in 1920 and

contributed much in development of the Soviet school and university education in the Urals, he was an initiator of the local history and philatelic societies.

Key words: The Great Russian Revolution, Syuzumov M.J., Eastern Front, the Urals, Zlatoust, Sverdlovsk, Sverdlovsk Pedagogical Institute, local history, philately.

Код ВАК 07.00.09; 07.00.02

И. С. Огоновская

ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ СССР – РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТ И ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 г.)

Автор рассматривает проблему влияния школьных учебников истории СССР – России на формирование исторической памяти обучающихся; связывает содержание учебников с идеологическими установками власти, развитием исторической науки, целями и задачами исторического образования в школе; иллюстрирует данные выводы на примере изучения в школе революционных событий 1917 г. и их оценок в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая российская революция, история России, историческая память, общее образование, учебник истории, Февральская революция.

Историческая память, по определению авторов словаря по методологии исторической науки, – это процесс осовременивания прошлого в сознании индивидуальных или коллективных субъектов⁹⁷. Нам ближе определение исторической памяти как устойчивых субъективных представлений о прошлом, выраженных в восприятии, мнениях и оценках этого прошлого, передаваемых от поколения к поколению. Эти представления, мнения и оценки формируются на основе различных источников – устных традиций, достижений исторической науки, нарративных источников (мемуары, художественная литература, учебники истории), идеологических документов власти, массового общественного и индивидуально-исторического сознания, коммемора-

Огоновская Изабелла Станиславовна, доцент кафедры гуманитарного образования СУНЦ (Специализированный учебно-научный центр) Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Д. Зверева, 30); кандидат исторических наук, доцент.

Ogonovskaya Isabella, associate professor of the Department of SESC (Specialised Educational Scientific Centre) of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620137, Ekaterinburg, Danila Zverev Street, 30); PhD, associate professor.

Электронная почта/E-mail: izabella-irro@mail.ru

⁹⁷ Теория и методология исторической науки 2014: 170.

ции, историко-культурных произведений, аудиовизуальных источников (кино, телевидение, радио) и др.

Школьный учебник истории в традиционном определении – это учебная книга, излагающая содержание предмета «История» и определяющая виды деятельности обучающихся с учетом требований нормативного документа (в настоящее время – Федерального государственного образовательного стандарта), возрастных и иных особенностей обучающихся. Вместе с тем, по нашему глубокому убеждению, это и один из главных источников формирования исторической памяти. Историческое образование осуществляется в России с 5 по 11 классы, при этом отечественная история изучается на базе двух концентров: в основной школе (6-9 классы) и средней (полной) школе (10-11 классы). По данным Росстата России, на 1 сентября 2016 г. в стране насчитывалось 12,962 млн детей, обучающихся в общеобразовательной школе. Все они в определенный период обучения будут изучать историю России на системных основаниях. С учетом населения страны в 146,5 млн человек сделаем вывод о том, что отечественную историю в общеобразовательных учреждениях изучают более 11% населения страны. Это солидный показатель, если добавить к ним около 65 тыс. учителей истории и обществознания, родителей учеников, имеющих доступ к учебникам. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что учебники истории – это массовые издания, имеющие широкий круг читателей. Отметим при этом, что обязательное основное образование в России позволяет всем гражданам страны в период обучения в общеобразовательных учреждениях познакомиться с ключевыми событиями и персоналиями истории. Отсюда следует еще один вывод: именно благодаря учебникам истории в первую очередь формируются представления и знания россиян об особенностях российского государства, его политических структурах, экономике, культуре, науке, технике и т.д., развиваются навыки исторического мышления, формируются историческая память и историческое сознание, соединяющее в одно целое интерпретацию прошлого с пониманием настоящего и определением перспективы на будущее⁹⁸.

В рамках заявленной темы следует рассмотреть понятие «инструмент», которому даны в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой два важных для нас определения: 1) орудие для производства каких-нибудь работ; 2) средство, способ, применяемый для достижения чего-нибудь⁹⁹. Понятие «источник» определяется теми же авторами как письменный памятник, документ, на основе которого строится научное исследование¹⁰⁰. В нашем случае оба понятия будут связаны с целями

⁹⁸ Теория и методология исторической науки 2014: 170.

⁹⁹ Ожегов, Шведова 1994: 243.

¹⁰⁰ Там же: 250.

и задачами исторического образования и процессом воспитания граждан СССР – России. В результате использования такого инструмента и источника формирования исторической памяти, как учебник истории, должен получаться результат: строитель социализма и коммунизма, активный гражданин, защитник Отечества, интернационалист, гуманист или кто-то еще (в соответствии с планируемым результатом).

Общеизвестно, что после прихода к власти большевиков преподавание истории в школе было отменено, а отдельные исторические темы вошли в обобщенные политизированные и социологизированные учебники обществоведения. Как утверждал глава советских историков академик М.Н. Покровский, из всего исторического наследия достойно изучения исключительно то, что соответствует политическим и идеологическим задачам. Он считал, что для полноценного освоения марксизма необходимо комплексное изучение естественных и гуманитарных наук: от рассказа о явлениях природы (исключительно с материалистической точки зрения) следовало переходить к изучению сельского хозяйства, подробно говоря об угнетенном крестьянстве и его классовой борьбе, а далее можно было изучать сведения о промышленности, возникновении капитала и формировании пролетариата и в итоге говорить о классовой гегемонии пролетариата и неизбежности мировой революции¹⁰¹.

К изучению истории вернулись только в 1934 г. на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР», изучение которой должно было подводить учащегося «к марксистскому пониманию истории». Предполагалось преподавание гражданской истории в живой занимательной форме – с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей¹⁰². Марксистское понимание истории базировалось на материалистическом понимании законов развития человеческого общества: главной силой, определяющей всю общественную жизнь людей, является развитие способов производства материальных благ; в результате развития производительных сил изменяются производственные отношения; смена общественно-экономических формаций (смена одних производственных отношений другими, более прогрессивными) – необходимое следствие развития производительных сил общества; утверждение новых производственных отношений происходит обычно путем революционного свержения старых производственных отношений; история общественного развития – это история производителей материальных благ, история трудящихся масс, история народов, а не только действия королей и полководцев, завоевателей и

¹⁰¹ Покровский 1927.

¹⁰² Народное образование в СССР 1974: 166.

покорителей государств; общественное бытие определяет общественное сознание (образ мыслей людей, их взглядов, идей, теорий); общественные и политические учреждения и идеи или задерживают общественное развитие, как реакционные силы, служащие отсталым слоям и классам общества, или двигают это развитие вперед, служа передовым, революционным классам¹⁰³.

Таким образом, обучающийся в советской школе ученик должен был усвоить на всю жизнь, что бытие определяет сознание, что революции – локомотивы истории и их делают народные массы, что классовая борьба – неперенный атрибут эпохи строительства социализма.

С конца 1980-х гг. начались изменения в сфере исторического образования. Как отмечалось в «Стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях» (1994), это выразилось в оперативной замене политизированных и социологизированных учебников, процессе их деидеологизации, заполнении «белых пятен», отказе от примитивно понимаемого классового подхода к анализу исторических явлений при сохранении скорректированной традиционной марксистской парадигмы. Уже в середине 1990-х гг. была поставлена задача отказа от монополии государственно-партийной идеологии и перехода к плюрализму идеологии, обращение к системе ценностей, связанных с лучшими национальными традициями и с общечеловеческой традицией гуманизма как глобального мировоззрения. Новая концепция исторического образования должна была учитывать баланс политических, культурных, этнонациональных и иных ценностей при доминанте общенациональных (государственных) ценностей¹⁰⁴. В результате такого подхода школьник должен был задуматься о том, что революция – это насилие, что альтернативой революции могут быть реформы, что движущей силой революции могут быть и либеральные силы, выступающие за гражданские права и политические свободы, формирование правового государства.

Цели и задачи исторического образования в 2000-е гг. определял федеральный компонент государственного стандарта (ГОС) общего образования для основной и средней (полной) школы (2004). Для основной школы (5-9 классы) – это воспитание патриотизма, уважения к истории и традициям нашей Родины, к правам и свободам человека, демократическим принципам общественной жизни; формирование ценностных ориентаций в ходе ознакомления с исторически сложившимися культурными, религиозными, этно-национальными традициями и применение их для жизни в поликультурном обществе; освоение знаний о важнейших событиях, процессах отечественной и всеобщей

¹⁰³ Краткий философский словарь 1940: 90-91.

¹⁰⁴ О Стратегии развития исторического и обществоведческого образования 1998: 25-27.

истории, овладение элементарными методами исторического познания. Задачами для старшей школы (10-11 классы) провозглашались воспитание гражданственности, национальной идентичности, развитие мировоззренческих убеждений учащихся на основе осмысления ими исторически сложившихся культурных, религиозных, этнонациональных традиций, нравственных и социальных установок, идеологических доктрин; развитие способности понимать историческую обусловленность явлений и процессов современного мира, определять собственную позицию по отношению к окружающей реальности, соотносить свои взгляды и принципы с исторически возникшими мировоззренческими системами; формирование исторического мышления; освоение систематизированных знаний об истории человечества; и др.¹⁰⁵ Такой подход означал на практике включение обучающихся в процесс осмысления позитивных и негативных сторон российской истории, понимания субъективности мнений и оценок в отношении наиболее спорных событий в истории России – войн, революций, а также исторических личностей.

Цели и задачи современного исторического образования обозначены в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) основного (2010) и общего (полного) образования (2012), а также историко-культурном стандарте, утвержденном Российским историческим обществом (2013). В целом, эти задачи можно сформулировать следующим образом: формирование гражданской, этнонациональной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, осмысление им опыта российской истории как части мировой истории, усвоение базовых национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур; формирование мировоззрения, соответствующего современному уровню развития науки и общественной практики; владение комплексом знаний об истории России и человечества в целом¹⁰⁶. Принципиально важным на современном этапе исторического образования является развитие у обучающихся навыков критического, системного мышления, позволяющих избавляться от сложившихся стереотипов, отличать историческую правду от мифологии, более объективно оценивать прошлое.

Определяющую роль в процессе формирования исторической памяти долгое время играли и до сих пор играют ряд факторов (идеология, политическая конъюнктура, преданность власти людей, пишущих исторические труды, наличие открытых исторических источников

¹⁰⁵ История. Федеральный компонент государственного стандарта 2004: 111, 266, 274.

¹⁰⁶ Федеральный государственный образовательный стандарт 2013; Основное общее образование 2013: 13.

и т.п.), оказывающих влияние на развитие исторической науки и влекущие за собой изменения в понимании некоторых фактов, событий, оценках персоналий. Тема революций в России – одна из самых объемных в школьном курсе истории и самых сложных по целому ряду обстоятельств: идеологических, субъективных, информационных. Вместе с тем обращение к школьным учебникам истории, в полной мере отражающим состояние исторической науки в тот или иной период, позволяет получить срез такого многофакторного и динамичного явления как революция. В нашем случае речь идет о революционных событиях 1917 г., получавших и получающих самые противоречивые оценки до настоящего времени. Именно об этом писал в 1961 г. английский историк Э. Карр: «Легче обозвать коммунизм «выдумкой Карла Марса»... чем анализировать его происхождение и характер, легче приписывать большевистскую революцию тупости Николая II и германскому золоту, чем глубоко изучать ее социальные причины»¹⁰⁷.

В силу того, что объем данной публикации не позволяет охватить весь спектр проблем и событий 1917 г., остановимся лишь на некоторых из них.

Понятийный аппарат темы «Россия от Февраля к Октябрю 1917 г.». Как отмечено выше, школьные учебники всегда создавались под определенную историческую концепцию, что ярко выражено в понятийном аппарате учебных изданий. Так для советских учебников ключевыми были такие понятия, как «империалистическая война», «Февральская революция», «пролетариат», «советы», «министры-капиталисты», «социализм», «классовая борьба», «диктатура пролетариата», «мировая революция», «соглашатели», «предатели», «двоевластие», «апрельские тезисы», «национально-освободительное движение», «триумфальное шествие советской власти» и т.д. Весь указанный набор позволяет без труда выстроить логику содержания учебников: империалистическая война ухудшила положение народных масс и привела к Февральской революции, движущей силой которой стал пролетариат, возглавляемый большевиками и создавший самостоятельные органы власти – советы, в состав которых первоначально вошли соглашатели и предатели интересов рабочего класса – меньшевики и эсеры, вступившие на путь сотрудничества с министрами-капиталистами – буржуазным Временным правительством (двоевластие) и не решавшие насущных задач того времени (вопрос о мире и о земле), в результате чего обострилась классовая борьба, национально-освободительное движение на окраинах и свершилась Великая Ок-

¹⁰⁷ Карр 1991: 8.

тябрьская социалистическая революция, завершившаяся триумфальным шествием советской власти¹⁰⁸.

В учебниках 1990-2010-х гг. спектр исторических понятий значительно расширился за счет дополнительного ряда: модернизация, либеральная оппозиция, альтернативный путь развития, заговор, переворот, охлократия, Великая российская революция, антибольшевистское сопротивление и т.д. Новый взгляд на революционные события 1917 г. стал выглядеть следующим образом: центральным событием этого периода является Февральская революция, в которой практически не участвовали большевики, но были активны рабочие, солдаты, либеральная оппозиция, недовольная отсутствием либеральных прав и свобод, консервацией устаревших институтов власти, противоречащих идущей модернизации, порождающей новые противоречия, которые не смогла разрешить новая власть, тем самым, породив разгул охлократии и позволив большевикам совершить антиправительственный переворот, в результате которого им не удалось построить то социалистическое общество, контуры которого были очерчены основоположниками марксизма¹⁰⁹.

В учебниках 2000-х гг. появляется понятие «Великая российская революция». А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов и С.В. Мироненко (2009) предприняли попытку дать ему определение как периода, состоящего из февральского, приведшего к леворадикальной диктатуре, и октябрьского, перевернувшего социально-экономические, политические, культурные устои России и оказавшего влияние на весь мир, этапов¹¹⁰. А.А. Данилов и его соавторы (2009) считают Великую российскую революцию общенациональной, обусловленной всем ходом российской истории и являющуюся ее закономерным продолжением с целью устранения внутренних и внешних препятствий для дальнейшего исторического развития России¹¹¹.

В историко-культурном стандарте (ИКС), утвержденном Российским историческим обществом в 2013 г. и взятом в качестве методологической базы для новых «единых» учебников истории, понятие «Великая российская революция» введено только в отношении событий 1917 г. В учебнике издательства «Дрофа» (2016) данное понятие вообще отсутствует, в учебнике издательства «Просвещение» (2016) оно обозначено, но никак не определяется¹¹².

¹⁰⁸ Панкратова 1941: 128-178; Шестаков 1950: 185-205; Панкратова 1962; Берхин, Федосов 1976: 78-110; и др.

¹⁰⁹ Жарова, Мишина 1992: 124-177; Данилов, Филиппов 2009: 107-152; Данилов 2013: 198-218; Волобуев 2016: 23-49; Торкунов 2016: 27-41; и др.

¹¹⁰ Левандовский 2009: 91.

¹¹¹ Данилов, Филиппов 2009: 112.

¹¹² Торкунов 2016: 27, 36.

Хронологические рамки революционных событий конца 1910-х

22. Советские историки на протяжении многих лет придерживались концепции трех революций в России: 1905-1907 гг., Февральской буржуазно-демократической революции и Великой Октябрьской социалистической революции, при этом Февральская революция считалась «прологом Октября».

В учебниках перестроечного времени и 1990-х гг. события февраля и октября 1917 г. по-прежнему рассматриваются как два этапа революции, однако некоторые авторы предлагают совершенно иные подходы к революционным событиям в стране. Так, по мнению историков В.П. Островского и А.И. Уткина (1995), «революция в России прошла долгий и кровавый четырехлетний путь» (март 1917 – март 1921 г.), включавший короткую «демократическую эйфорию» и этап полного безвластия («когда небольшая группа энергичных и активных людей смогла резко расширить свое влияние и закрепиться у власти»), сопряженный со сменой идейных приоритетов: «от либеральных при правительстве Г. Львова, через умеренно-социалистическое правительство А. Керенского до радикально-коммунистических в правительстве В. Ленина»¹¹³. Включение Гражданской войны в рамки революции авторы объясняют тем, что в этот период путем жестких мер большевики сумели удержать власть: «В марте 1921 г. революция в России завершилась... победой большевиков, руководство которых предприняло отступление с целью закрепления революционных устоев»¹¹⁴.

А.А. Данилов и его коллеги (2009) употребляют понятие «Великая российская революция» и приводят в своем учебнике концепцию историка А.П. Ненарокова, выделяющего четыре этапа единого революционного процесса 1917-1921 гг.: февраль – август; начало сентября – октябрь 1917 г., Октябрьская революция – разгон Учредительного собрания, январь 1918 г. – март 1921 г. (введение нэпа)¹¹⁵.

Февральская революция и ее оценки. Февраль 1917 г. – epochальное событие в истории страны, подведшее черту под многовековой русской историей и историей самодержавия, ставшего со второй половины XIX в. одной из главных препон на пути прогресса России, и открывшее путь для демократического развития России. Вплоть до начала 1930-х гг. 12 марта – день победы Февральской революции по новому стилю – был «красным днем» в советском календаре.

Февральские события 1917 г. в советских учебниках трактовались как «буржуазно-демократическая революция», подготовленная большевиками и совершенная пролетариатом, не решившая своих за-

¹¹³ Островский, Уткин 1995: 188-189.

¹¹⁴ Там же: 165.

¹¹⁵ Данилов, Филиппов 2009: 150.

дач и ставшая «прологом Октября». Так авторы книги для чтения «Наш Союз» (1930) пишут: «Спекулянтам, помещикам, фабрикантам и чиновникам Февральская революция принесла свободу, беспечальное житье и широкий простор для наживы. Рабочему, мелкому ремесленнику, крестьянину революция оставила тот же тяжелый труд, те же лишения и зависимость, которые были и раньше»¹¹⁶. А.М. Панкратова и ее соавторы (1941) подчеркивают, что «революцию совершили рабочие и крестьяне в солдатских шинелях», однако «не им достались плоды победы», так как эсеры и меньшевики, считавшие, что «революция уже закончилась», «в ночь на 2 марта, втайне от большевиков, ... стол-ковались с думцами о создании нового буржуазного правительства»¹¹⁷. Эти же оценки сохранились и в более поздних изданиях. Те же А.М. Панкратова с соавторами писали, что широкие народные массы, в том числе и часть рабочих, не искушенных в политике, «были опьянены первыми успехами революции... проявили бессознательно доверчивое отношение к Временному правительству». Оценивая итоги революции, они констатировали, что на самом деле «Февральская революция ликвидировала только царскую монархию», но «оставила в неприкосновенности помещичью собственность на землю и не вырвала Россию из войны, которая несла стране экономическую катастрофу, потерю ею независимости и новые страдания миллионам трудящихся»¹¹⁸.

Более взвешенные оценки Февральской революции появились в учебниках 1970-х гг. Сохраняя посыл о ведущей роли российского пролетариата, приведшего за собой «на штурм самодержавия миллионные массы крестьянства, солдат и трудящихся разных национальностей», И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1976) отмечают, что Февральская революция победила – была свергнута царская монархия, проведены ряд буржуазно-демократических преобразований: декларированы свобода слова, печати, собраний, объявлена широкая амнистия – из царских тюрем и из ссылки вернулись пролетарские революционеры, которые смогли принять активное участие в революционной борьбе», стали легальными все партии, ранее находившиеся на нелегальном положении, вышла из подполья «самая гонимая царизмом» большевистская партия, была ликвидирована царская цензура, вновь стала выходить большевистская газета «Правда», «на короткий срок Россия стала самой свободной буржуазной страной в мире»¹¹⁹.

В эпоху перестройки в большинстве случаев в школьных учебниках истории сохранялись прежние подходы в оценках событий и личностей. Так, в учебнике Ю.И. Кораблева, И.А. Федосова, Ю.С. Бо-

¹¹⁶ Наш Союз 1930: 267.

¹¹⁷ Панкратова 1941: 133.

¹¹⁸ Панкратова 1962: 84.

¹¹⁹ Берхин, Федосов 1976: 130-131.

рисова (1989) достаточно подробно рассматривался вопрос о работе большевиков в массах накануне Февральской революции, отмечалось стремление русской буржуазии достичь соглашения с царем, чтобы бороться с революционным движением, делался вывод о том, что деятельность Временного правительства вела страну «по пути разрухи, голода, к неминуемой катастрофе» и единственным путем национальной спасения страны была социалистическая революция, которая могла «дать народу мир, землю, подлинную свободу, преодолеть разруху, уничтожить национальный гнет»¹²⁰.

В учебниках так называемого «переходного периода» (1990-е гг.) очень обстоятельно рассмотрена деятельность Временного правительства по решению социально-экономических и политических задач, противоречия этой деятельности, представлены ранее недопустимые оценки позиции большевиков, направленной на развитие в стране новой социальной революции, равной анархии, на установление диктатуры пролетариата за счет интересов других слоев общества (мнение кадетов – авт.)¹²¹.

Оценивая результаты февральского этапа Великой российской революции, историк А.А. Левандовский и его коллеги (2009) пишут, что Временное правительство немало сделало для широкой демократизации страны, однако «в области социально-экономической проявило предельную сдержанность», а также не решило вопрос о созыве Учредительного собрания, откладывая решение вопроса о выходе из войны, противоречившем обязательствам России перед союзниками¹²².

Д.Д. Данилов с соавторами (2013) употребляют в отношении февраля 1917 г. понятие «переворот», хотя констатируют установление в России демократического и правового государства, и одновременно с этим отмечают, что у Временного правительства не было реальных рычагов управления страной, которое, по сути, перешло к советам, которым доверяли вооруженные массы солдат (в столице и на фронте) и рабочие, захватившие оружие в столице¹²³.

Причины Февральской революции (или событий февраля 1917

г.). Внимательное знакомство с учебниками разных лет позволяет сделать вывод о том, что в советское время среди причин Февральской революции 1917 г. доминировали те, которые укладывались в ленинскую формулировку революционной ситуации: «низы не хотят жить по-старому» (тяжелое положение народных масс при царизме в целом и в условиях Первой мировой войны, в частности; хозяйственная разруха в тылу; инфляция; обнищание и разорение в деревне; ухудшение

¹²⁰Кораблёв, Федосов, Борисов 1989: 88-89, 100.

¹²¹Жарова, Мишина 1992: 142.

¹²²Левандовский 2009: 76-77.

¹²³Данилов 2013: 201.

положения рабочего класса, сохранение столыпинских законов о земле; зависимость угнетенных национальностей от империалистической буржуазии и рост национально-освободительного движения); «верхи не могут управлять по-старому» (падение авторитета самодержавия, активное вмешательство буржуазии в государственные дела, распутищина, «министерская чехарда», противостояние правительства и Государственной думы); «значительное повышение активности масс», прежде всего, в силу агитационной работы большевиков среди солдат на фронте и в столице, среди молодежи и рабочих¹²⁴.

Между тем, спектр причин Февральской революции гораздо шире. Авторы учебников 1990-2010-х гг. поднимают вопрос о противоречивости российской модернизации, о системном кризисе Российской империи, ускоренном внешним вызовом, о доминировании среди причин революции не политического (конфликты в «верхах»), а социального (борьба низов за выживание и растущая активность охлократии) и психологического (ментального) факторов. Есть также авторы, которые обращают внимание на деятельность масонских лож, падение нравственного авторитета власти, слабые личные качества министров. Одновременно с этим историки подчеркивают, что роль большевиков в событиях февраля 1917 г. ничтожна. Как пишут В.П. Островский и А.И. Уткин (1995), помимо Николая II «совершенно не верил в то, что это возможно, живший в Швейцарии В.И. Ульянов», писавший в начале января 1917 г.: «Мы, старое поколение, не увидим будущей революции...»¹²⁵.

Октябрь 1917 г. и его оценки. Автор учебника истории XX в. И.И. Долуцкий (1994), завершая раздел «Российская революция», задает обучающимся вопрос: что произошло в октябре 1917 г. – революция, мятеж, переворот, заговор?¹²⁶ Высказанные оценки, в том или ином виде, встречаются в учебниках истории различных эпох.

Считается, что определение «Великая Октябрьская революция» впервые прозвучало в декларации, оглашенной Ф. Раскольниковым от имени фракции большевиков в Учредительном собрании, однако в первое десятилетие после революции название Октябрьский переворот можно встретить в работах В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского, И.В. Сталина и др. В дальнейшем слово «переворот» стало ассоциироваться с заговором и захватом власти (по аналогии с дворцовыми переворотами XVIII в.), и к концу 1930-х гг. в советской официальной историографии утвердилось название Великая Октябрьская социалистическая революция, которая рассматривалась в контексте двух революций: Февральской буржуазно-демократической (пало са-

¹²⁴Панкратова 1941: 116-125; Шестаков 1950: 183-184.

¹²⁵Островский, Уткин 1995: 125.

¹²⁶Долуцкий 1994: 169.

модержавие и провозглашены буржуазные права и свободы, однако не решены вопросы о мире, о земле), создавшей условия для перехода к социалистическому этапу революции, и непосредственно социалистической революции.

В учебных изданиях 1930-1980-х гг. события октября 1917 г. оцениваются как Великая Октябрьская революция¹²⁷; Великая Октябрьская социалистическая революция¹²⁸; Великая Октябрьская социалистическая революция, социалистическая советская революция, Великая пролетарская революция¹²⁹; Великая Октябрьская социалистическая революция¹³⁰; социалистическая революция, Октябрьская революция¹³¹; социалистическая революция¹³²; однако уже в 1990-е гг. авторы учебников отказались от эпитета «Великая Октябрьская», заменив его «октябрьским вооруженным восстанием»¹³³.

В учебнике под редакцией А.А. Данилова и А.В. Филиппова (2009) целый подраздел посвящен дискуссии о характере октябрьских событий, которые рассматриваются как: *Великая Октябрьская революция*, открывшая эпоху перехода от капитализма к социализму (коммунизму) во всем мире; *военный переворот* с опорой на революционную часть армии и флота; *заговор* – захват власти кучкой большевистских лидеров, которые навязали стране трагический путь развития страны; *анархический бунт*, разрушительная революция люмпенов, которая отбросила страну далеко назад¹³⁴. Здесь же приводится мнение Б.Н. Миронова, рассматривающего октябрьские события с позиции теории модернизации и считающего, что *Октябрьская революция* но-сила до известной степени антимодернизационный характер, так как прервала длинную и трудную дорогу создания рыночной экономики, правового государства и гражданского общества в России¹³⁵. Существует и трактовка октября 1917 г. как двухфазового явления, в рамках которого первоначально произошел захват власти большевиками (переворот), за которым последовала подлинная революция (изменение политического режима, социальной структуры общества, преобразование хозяйственного уклада, отношений собственности, духовной атмосферы)¹³⁶. В последние годы авторы учебников стали употреблять понятие «*Великая российская революция*».

¹²⁷Наш Союз 1930: 263.

¹²⁸Панкратова 1941: 136.

¹²⁹Шестаков 1950: 190, 203, 205.

¹³⁰Панкратова 1962: 85; Кукушкин 1988: 159; и др.

¹³¹Берхин, Федосов 1976: 162, 172.

¹³²Кораблёв, Федосов, Борисов 1989: 135.

¹³³Жарова, Мишина 1992: 177.

¹³⁴Данилов, Филиппов 2009: 148.

¹³⁵Там же: 149.

¹³⁶Там же.

В целом дать точную характеристику событиям октября достаточно сложно, именно поэтому даже историки-профессионалы противоречивы в своих формулировках. К примеру, О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов (2016) ставят десятиклассников в тяжелое положение, так как один из разделов параграфа «Большевики захватывают власть» называют «Рабочая и крестьянская революция совершилась» (берут его в кавычки, неточно цитируют, не указывают, что это слова Ленина); в середине параграфа ставят перед обучающимися несколько вопросов: Взятие власти в октябре 1917 г. называют по-разному: «Великая Октябрьская социалистическая революция», «Октябрьский переворот» и др. Почему идут споры о названии этого события? Какое название представляется правильным вам? Почему?; одновременно с этим в разделе «Вопросы и задания» предлагают обучающимся сравнить Октябрьское восстание и Корниловское вооруженное выступление, то есть, по сути, предъявляют свое видение событий как Октябрьское восстание; но затем в названии заголовка параграфа 6 говорят о первых революционных преобразованиях большевиков¹³⁷. Вполне понятно, что в этой ситуации школьникам нелегко ответить на поставленные вопросы.

Существенно отличаются мнения советских авторов и авторов эпохи новой России в оценках последствий Октября 1917 г. Так для первых особо значимым является организация советского государства как братского социалистического союза всех народов; полное освобождение народов России; отказ от уплаты иностранным государствам всех долгов; разделение мира на два лагеря и то, что на одной шестой части земного шара, в России, укрепилась власть пролетариата – строителя социализма; основание III Коммунистического Интернационала (Коминтерна) – руководителя рабочего класса во всем мире, а также организация похода против советской власти со стороны врагов – помещиков, капиталистов, генералов, попов, меньшевиков и эсеров и военная интервенция капиталистических государств, оказавших военную поддержку кадетским и эсеро-меньшевицким мятежникам¹³⁸.

Вторые пишут о ликвидации сословного неравенства, уравнивании в правах женщин и мужчин, удовлетворении вековых чаяний многомиллионных масс трудового крестьянства (декрет о земле), рабочих (8-часовой рабочий день, социальная защита), плюсах «культурной революции» и одновременно с этим о подмене советами институтов парламентского типа, ущемлении политических прав большей части населения страны, создании однопартийной системы, при которой правящая партия находилась вне контроля общества, учреждении карательных органов, уничтожении частной собственности и, как след-

¹³⁷ Волобуев 2016: 45, 47, 49-50.

¹³⁸ Шестаков 1950: 205-207, 218, 220.

стве, значительном снижении заинтересованности в результатах собственного труда, последовавшей в результате политики экспроприации экспроприаторов Гражданской войне и др.¹³⁹

Подводя итог всему вышеизложенному, можно отметить, что в советский период и до настоящего времени школьные учебники истории являются важным инструментом влияния на сознание обучающихся, их отношение к окружающему миру, историческому прошлому страны, власти, историческим событиям и персоналиям, помогают понять истоки существующих в настоящее время проблем. На примере далекого 1917 г. молодые россияне могут видеть, к чему приводит нежелание власти решать назревшие социально-экономические проблемы, как леворадикальные настроения захлестывают общество в том случае, если либеральные лозунги не подкреплены конкретными делами, чем заканчиваются революции и кто пользуется их плодами, почему историческое образование столь важно и с какой целью переписываются учебники истории. Хочется верить, что изучая историю, молодые граждане России проникаются уважением к противоречивому прошлому своей страны и начинают понимать, что такое личная ответственность за ее судьбу.

Список источников и литературы

Берхин, Федосов 1976 – Берхин И.Б. История СССР: учеб. для 9 класса / И.Б. Берхин, И.А. Федосов; под ред. М.П. Кима. – М.: Просвещение, 1976.

Волобуев 2016 – Волобуев О.В. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов. – М.: Дрофа, 2016.

Данилов 2013 – Данилов Д.Д. История России и мира. Середина XIX – начало XXI в. (От веры в прогресс до мировых войн. 1850-1939 гг.). 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый и профильный уровни): в 2 кн. Кн. 1 / Д.Д. Данилов, В.Г. Петрович, Д.Ю. Беличенко, П.И. Селинов, В.М. Антонов, А.В. Кузнецов, Д.В. Лисейцев. – М.: Баллас, 2013.

Данилов, Филиппов 2009 – История России, 1900-1945 гг. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / А.А. Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинов и др.; под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. – М.: Просвещение, 2009.

Долуцкий 1994 – Долуцкий И.И. Отечественная история. XX век. Часть 1: Учебник для X кл. сред. шк. – М.: Мнемозина, 1994.

¹³⁹ Левандовский 2009: 95-96, 98-99, 105.

- Жарова, Мишина 1992** – Жарова Л.Н. История Отечества, 1900-1940 гг.: учеб. кн. для ст. классов сред. учеб. заведений / Л.Н. Жарова, И.А. Мишина. – М.: Просвещение, 1992.
- История. Федеральный компонент государственного стандарта 2004** – История. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования // Сборник нормативных документов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования / Сост. Э.Д. Днепров, А.Г. Аркадьев. – М.: Дрофа, 2004.
- Карр 1991** – Карр Э. Что такое история? – М.: Наука, 1991.
- Кораблёв, Федосов, Борисов 1989** – История СССР: Учеб. для 10 кл. сред. шк. / Ю.И. Кораблев, И.А. Федосов, Ю.С. Борисов; под ред. Ю.И. Кораблева. – М.: Просвещение, 1989.
- Краткий философский словарь 1940** – Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. – Изд. второе, доп. – М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940.
- Кукушкин 1988** – История СССР: Учеб. для 9 кл. сред. шк. / Ю.И. Кораблев, Ю.С. Кукушкин, И.А. Федосов, В.П. Шерстобитов / Под ред. Ю.С. Кукушкина. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1988.
- Левандовский 2009** – Левандовский А.А. История России, XX – начало XX века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2009.
- Народное образование в СССР 1974** – Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг. / Сост.: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. – М.: Педагогика, 1974.
- Наш Союз 1930** – Наш Союз (СССР): Книга для чтения и работы для IV года обучения / Под ред. Л.Г. Тереховой. – Изд. девятое. – М.;Л.: Работник просвещения, 1930.
- О Стратегии развития исторического и обществоведческого образования 1998** – О Стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях. Решение коллегии МО РФ от 28 декабря 1994 г. № 24/1 // Справочник преподавателя общественных дисциплин / Авторы-сост. Е.Е. Вяземский, Т.И. Тюляева. – М.: Центр гуманитарного образования, 1998.
- Ожегов, Шведова 1994** – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994.
- Основное общее образование 2013** – Основное общее образование: федеральный государственный образовательный стандарт:

сборник нормативно-правовых материалов. – М.: Вентана-Граф, 2013.

- Островский, Уткин 1995** – Островский В.П. История России. XX век. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учеб. заведений / В.П. Островский, А.И. Уткин. – М.: Дрофа, 1995.
- Панкратова 1941** – История СССР: учеб. для X класса средней школы / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт; под ред. А.М. Панкратовой. – Изд. второе. – М.: Учпедгиз, 1941.
- Панкратова 1962** – История СССР: учеб. для 10 класса средней школы / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт; под ред. А.М. Панкратовой. – Изд. 21-е. – М.: Учпедгиз, 1962.
- Покровский 1927** – Покровский М.Н. Историзм и современность в программах школ II ступени. – М., 1927.
- Теория и методология исторической науки 2014** – Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014.
- Торкунов 2016** – История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016.
- Федеральный государственный образовательный стандарт 2013** – Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. – М.: Просвещение, 2013.
- Шестаков 1950** – История СССР. Краткий курс: Учеб. для 4-го класса / Под ред. А.В. Шестакова. – М.: Учпедгиз, 1950.

Isabella S. Ogonovskaya

HISTORY TEXTBOOKS OF THE USSR – RUSSIA AS A TOOL AND SOURCE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY (ON THE EXAMPLE OF REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917)

The author considers the problem of the influence of school history textbooks of the USSR – Russia on the formation of the historical memory of the students; It binds the content of textbooks to the ideological power, the development of historical science, the aims and objectives of history education in schools; illustrates these findings on an example of studying in the school of the revolutionary events of 1917 and their evaluation in different historical epochs.

Key words: the Great October Socialist Revolution, the Great Russian Revolution, Russian history, historical memory, general education, a history book, the February revolution.

Д.Л. Островкин

И. С. БЕЛОСТОЦКИЙ – «РЕВОЛЮЦИОНЕР» СОВЕТСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА УРАЛЕ

Статья посвящена деятельности первого руководителя Екатеринбургского губернского (а с 1923 г. – Уральского областного) отдела здравоохранения И. С. Белостоцкого. Выявлены основные достижения Ивана Степановича в деле организации советской медицины на Урале.

Ключевые слова: здравоохранение, советская медицина, Урал, И. С. Белостоцкий.

Восстановление советской власти в уездах Екатеринбургской губернии было достигнуто в результате побед Красной Армии летом 1919 г. Ревкомы – местные органы новой власти – создавались при организационной поддержке политических органов военных частей и не знали реального положения дел на подведомственной территории. Тем не менее, они были вынуждены заняться делом организации медицинского обслуживания населения немедленно.

Во главе Екатеринбургского губернского (а с 1923 г. – Уральского областного) отдела здравоохранения встал талантливый организатор и революционер И.С. Белостоцкий¹⁴⁰. Именно ему и его товарищам пришлось впервые в мировой практике воплощать в жизнь провозглашенные гуманистические принципы и формировать организационную основу общедоступного государственного здравоохранения.

Родился Иван Степанович Белостоцкий в 1882 г. в слободе Амвросиевка Таганрогского округа области войска Донского. В 1904 г. он устроился на работу токарем на Черноморский машиностроительный завод в г. Николаев, вступил в ряды социал-демократической рабочей партии. В 1911 г. И.С. Белостоцкий принимал участие в партийной школе, которую организовал В.И. Ленин в Лонжюмо, где познакомился с будущим наркомом здравоохранения Н.А. Семашко и А.В. Луначарским.

Накануне революционных событий в 1917 г. И.С. Белостоцкий переехал на Урал и поступил работать токарем на Лысьвенский завод Пермской губернии¹⁴¹. В 1919 г. неожиданно для себя постановлением

Островкин Денис Леонидович, аспирант кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Ostrovkin Denis, postgraduate student of the Department of Russian History of Ural State Pedagogical University, (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (905) 802-87-20. Электронная почта/E-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru

¹⁴⁰Карташов, Константиновский 1963: 216.

¹⁴¹Васильева 2012: 32.

Реввоенсовета он был назначен заведующим Екатеринбургским губернским отделом здравоохранения.

О том времени Иван Степанович оставил воспоминания, написанные им самим, ныне хранящиеся в Свердловском областном музее истории медицины. «Это назначение тогда мне показалось нелепым, токаря по металлу и вдруг назначают заведующим отделом здравоохранения. Но председатель мне объяснил, что я имею что-то вроде здравоохранительного стажа, т.к. в 1915 – 1916 гг. был председателем страхкассы рабочих патронного завода в Туле. В Лысьве также был в 1917 – 1918 гг. председателем страховой кассы, имевшей свою больницу и амбулаторию. В Перми в конце 1918 г. в течение двух месяцев заведовал областным отделом здравоохранения и социального обеспечения. В Вятке в 1919 г. заведовал медицинской секцией отдела труда в течение четырех месяцев»¹⁴².

Первые мероприятия И.С. Белостоцкого были связаны с выполнением государственных и военных приказов, касающихся здравоохранения. Необходимо было наладить работу больниц, заново развернуть сеть врачебных участков и фельдшерских пунктов в уездах, которые были разорены в результате боевых действий, а персонал мобилизован или разбежался. Ввиду длительного военного разорения, разрушения привычного образа жизни всех слоев населения здравоохранение губернии находилось в упадке, свирепствовали инфекционные заболевания.

Иван Степанович немедленно начал борьбу с эпидемическими болезнями в Екатеринбургской губернии. Широкое распространение получила деятельность Чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом, организованная под его руководством. Началось строительство тифозных барачков, бань, прачечных, создавались эпидемиологические отряды. Губздравотдел проводил широкую санитарно-просветительскую работу среди населения, которая должна была внедрить в сознание людей мысль, что эти болезни являются «расплатой за неопрятное содержание своего жилища и тела»¹⁴³. Активные действия местных органов здравоохранения привели к тому, что уже к концу 1923 г. заболеваемость многими болезнями пошла на убыль.

После окончания Гражданской войны в Екатеринбургской губернии общая нехватка врачей составляла около 100 специалистов (остался всего 21 врач из 120 в довоенное время)¹⁴⁴. И.С. Белостоцкий начал решать проблему с присущей ему основательностью – ходатайствовал об учреждении медицинского факультета в составе Уральского государственного университета. Именно он с товарищами был од-

¹⁴²Свердловский областной музей истории медицины.

¹⁴³ГАСО. – Ф. Р-47. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 41.

¹⁴⁴Новоселов, Гудошников 1968: 66.

ним из организаторов высшего медицинского образования на Среднем Урале. На факультет сразу были приняты студенты почти всех курсов – с первого по четвертый (532 человека)¹⁴⁵. Кроме того, Иван Степано-вич попросил наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко «при-слать в Екатеринбург 50 врачей, медперсонал, медикаменты». И хотя врачей катастрофически не хватало по всей стране, нарком просьбу выполнил.

До 1923 г. основные усилия руководителя Екатеринбургского губернского отдела здравоохранения были направлены на организацию советского здравоохранения на местах. При этом часть больницы переехала в здания, оставшиеся после установления Советской власти без хозяев. Лишь с организацией Уральской области Облздравотдел занялся перспективным планированием больничного строительства. Благодаря И.С. Белостоцкому с 1925 по 1928 гг. в Уральской области велось строительство 77 новых лечебных учреждений, среди которых наиболее значимыми являлись Детский костный тубсанаторий, Физиотерапевтический институт и Институт профзаболеваний. Наряду с лечебной сетью появился за это время 31 пункт первичной помощи на предприятиях и 11 станций скорой помощи¹⁴⁶. При нем ежегодно увеличивалось финансирование здравоохранения. Так в 1924 – 1925 гг. медицинские расходы на одного жителя Уральской области составляли 1 руб. 49 коп., а в 1928 – 1929 гг. – 3 руб. 48 коп. Общее финансирование здравоохранения в Уральской области с 1924 по 1929 гг. выросло в 2,5 раза (с 9690,3 тыс. руб. до 24949,2 тыс. руб. соответственно)¹⁴⁷!

За свои заслуги в деле строительства здравоохранения на Урале в 1928 г. И.С. Белостоцкий был награжден грамотой Минздрава РСФСР «Герою фронта здравоохранения». Однако высокие достижения на профессиональном поприще не уберегли его от клеветы с первых полос газет. 1 ноября 1929 г. в газете «Правда» была напечатана статья под заглавием «Почему?», в которой обличался заведующий И.С. Белостоцкий. В частности, было написано, что за счет финансовых средств Здравотдела Иван Степанович построил себе в с. Шпаньковское удобную дачу – летнюю резиденцию, на которой содержал конюшню из породистых лошадей. Но, что страшнее, покровительствовал белогвардейцам, а также «темным лицам» без согласования с партийной ячейкой в 1921 – 1923 гг.¹⁴⁸

Сразу же после выхода этой статьи в Облздравотделе прошли массовые проверки работников, было принято решение, согласованное

¹⁴⁵История Уральской государственной медицинской академии 2000: 16.

¹⁴⁶ГАСО. – Ф. Р-159. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 321.

¹⁴⁷Там же. – Д. 5. – Л. 16.

¹⁴⁸ГАСО. – Ф. Р-627. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 266.

с областным РКИ, о пересмотре и замене большинства личного состава, исходя из их как «политической пригодности, так и работоспособности». Белостокскому пришлось освободить должность руководителя областного здравоохранения.

В дальнейшем Иван Степанович с 1930 г. работал на строительстве Челябинского тракторного завода, а с 1934 г. руководил благоустройством Челябинска и цехами ЧТЗ. В 1967 г. челябинцы заслуженно признали его почетным гражданином города. Скончался И.С. Белостокский в 1968 г.

Таким образом, Иван Степанович стал настоящим «революционером» здравоохранения на Урале. При его непосредственном руководстве были заложены принципы бесплатности, бессловности и доступности здравоохранения для нужд всего населения. Благодаря И.С. Белостокскому, со стороны местных органов власти было актуализировано внимание к проблемам здравоохранения. Началось перспективное планирование медицинского дела, происходило ежегодное увеличение финансирования работы Облздрави. На территории Уральской области повсеместно вводились в эксплуатацию новые больничные здания, расширялось количество медицинских пунктов.

Список источников и литературы

ГАСО – Государственный архив Свердловской области.

Свердловский областной музей истории медицины – Свердловский областной музей истории медицины. Коллекция документов фонда Документографической информационно-поисковой системы. Инв. № 1783.

Васильева 2012 – Васильева О. Герой фронта здравоохранения // Медицина и здоровье. – 2012. – № 1 (69).

История Уральской государственной медицинской академии 2000 – История Уральской государственной медицинской академии в биографиях (1930 – 2000 гг.). – Екатеринбург: УГМА, 2000.

Карташов, Константиновский 1963 – Карташов Н., Константиновский Л. Большая жизнь. – Челябинск, 1963.

Новоселов, Гудошников 1968 – Новоселов Р.С., Гудошников Ф.Ф. Из истории становления советского здравоохранения на Урале // Советское здравоохранение. – 1968. – № 1.

Denis L. Ostrovkin

I. S. BELOSTOTSKY – "REVOLUTIONARY" OF THE SOVIET HEALTH IN THE URALS

The article is devoted to the activities of the first head of the Yekaterinburg provincial (and since 1923 – the Ural regional) health department I. Belostotsky. The basic achievements of Ivan Stepanovich in the organization of Soviet medicine in the Urals.

Key words: health, soviet medicine, Ural, I. S. Belostotsky.

Код ВАК 07.00.02

А. П. Павленко

БЕЛЫЙ ТЕРРОР В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ДЕТСКИМИ ГЛАЗАМИ (ВОСПОМИНАНИЯ О.И. ОСТЯКОВОЙ)

В статье рассматриваются неопубликованные мемуары О.И. Остяковой. Этот источник позволяет изучать историю детства в период Гражданской войны, детскую повседневность провинциального города в 1919 г., историю белого террора в Западной Сибири.

Ключевые слова: Гражданская война, белый террор, история детства, Ялуторовск, археография.

В ходе Гражданской войны в России 1917-1921 гг. противоборствующие стороны широко использовали организованный террор для борьбы со своими противниками. Естественно, что эта трагическая страница прошлого привлекает повышенное внимание исследователей. История террора отражена в многочисленных источниках разного видового происхождения, в т.ч. в воспоминаниях. Большую часть мемуаров о красном и белом терроре оставили очевидцы, меньше – организаторы и участники расправ или лица, которые сами чуть не стали жертвами. Редки воспоминания, отражающие взгляд на террор людей, которые в период Гражданской войны были детьми. Именно такой источник был обнаружен нами в фондах Ялуторовского музейного комплекса (ЯМК). Стоит отметить, что в провинциальных архивохранилищах иногда откладываются очень интересные, информативные источники, которые мало используются исследователями или совсем не введены в научный оборот.

Павленко Алексей Павлович, преподаватель Российского государственного профессионально-педагогического университета (620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 9); кандидат исторических наук.

Pavlenko Aleksey, the lecturer of Russian State Vocational Pedagogical University (620012, Russia, Ekaterinburg, Mashinostroiteley Street, 9); PhD.

Электронная почта / E-mail: Pavlenko-09@yandex.ru

Детство военной поры активно изучается в отечественной историографии, но подавляющее большинство работ на эту тематику посвящены эпохе Великой Отечественной войны, единичные работы – Первой мировой. Исследования детства времен Гражданской войны делятся по двум магистральным темам – становление советского законодательства в области защиты детей и борьба с беспризорностью.

Автором рассматриваемых воспоминаний является Ольга Ивановна Остякова (в девичестве Громыко), родившаяся в 1908 г. в уездном городе Ялуторовске Тобольской губернии. Описываемые в мемуарах события произошли летом 1919 г. в этом городе, перед отступлением армии А.В. Колчака. На этот момент будущей мемуаристке только исполнилось 11 лет.

Мемуары созданы спустя 62 года после описываемых в них трагических событий, в 1981 г. в Саратове, и высланы в Ялуторовский краеведческий музей, в фондах которого отложился комплекс воспоминаний участников и очевидцев Революции и Гражданской войны. Источник представляет собой рукописный подлинник небольшого объема¹⁴⁹.

Несмотря на то, что мемуары созданы спустя многие годы после описываемых в них казней, автор отмечает: эти события «крепко врезались в мою память на всю жизнь. Не ошибусь, если скажу, что и в мои 70 лет все подробности не потускнели». Вспоминать трагические эпизоды Гражданской войны, очевидцем которых она была в детстве, О.И. Остяковой было непросто. Она откровенно указывает: «Вспоминаемая минувшие события, я страшно волнуюсь и расстраиваюсь. Всё пережитое встает перед глазами»¹⁵⁰.

О.И. Остякова вспоминает, что маленькие жители белого Ялуторовска, «ребятишки, мальчишки и девчонки, как все дети, вообще были очень любознательны». В условиях социального катаклизма интерес детей был сосредоточен, как ни странно, вокруг местной тюрьмы. «Всё время мы вертелись около тюрьмы» – пишет о детском досуге мемуаристка. Дети с интересом наблюдали, «кого приводили в тюрьму из ялуторовцев, кого отпускали, а кого вели под усиленным конвоем по Тюменской дороге»¹⁵¹.

Летом 1919 г. О.И. Остякова стала очевидцем двух казней. При отступлении колчаковских войск перед белыми властями встала проблема: что делать с заключенными в тюрьмах? Из тюрем Урала большевиков эвакуировали в Сибирь, причем в пути скрылось много арестантов и часть надзирателей. Из Тюмени заблаговременно было эвакуировано почти 10 тыс. арестованных большевиков, пленных красно-

¹⁴⁹ ЯМК. – Ф. 9283.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

армейцев, уголовников, совершивших тяжкие преступления¹⁵². Иначе развивались события в Ялуторовске.

Мемуаристка вспоминала: «Однажды под вечер в тюрьму пришел кавалерийский отряд». Она назвала их «каппелевцы» из «батальона смерти»¹⁵³. Ф. Плотников, также писавший об этом событии, использует точно такие же определения¹⁵⁴. В том и другом случае авторы, вероятно, транслируют советские штампы.

О.И. Остякова пишет, что конники были пьяны, пели нецензурные песни, свистели, ухали. После прихода отряда в тюрьму оттуда стали доноситься «душераздирающие крики, вопли, стоны заключенных, которые продолжались всю ночь». Мемуаристка в подтверждение своих слов подчеркивает: «Так говорили мои родители, соседи и все люди, которые жили близко от тюрьмы». Автор, «не выдержав всех ужасов, ... убежала ночевать к бабушке». Но дом бабушки и деда стоял пятым от тюрьмы, поэтому здесь девочка тоже «не нашла спасения от воплей и стонов. Всё было слышно». Дедушка и бабушка также не спали, О.И. Остякова в тот момент боялась, что придут «каппелевцы» и убьют её, потом заснула в «кошмарном сне»¹⁵⁵.

Под утро она стала свидетельницей того, как на казнь по улице вели толпу заключенных, причем конвоируемые подвергались постоянному избиению ногайками. Тех, кто не мог идти, везли на телегах вповалку¹⁵⁶. Мемуаристы Ф. Плотников, А.С. Питерская, Е. Федосеева (последняя сильно утрирует описание событий) также свидетельствуют о том, что заключенных большевиков, подпольщиков, деятелей Советской власти ввели на казнь демонстративно открыто, подвергая по дороге истязаниям¹⁵⁷. Вероятно, организованная таким образом казнь была рассчитана на устрашение. Всего за рекой Тобол в тот день было убито 197 человек¹⁵⁸.

В августе 1919 г., перед приходом красных, О.И. Остякова стала очевидцем ещё одного акта белого террора. Мемуаристка увидела заранее будущих жертв: по улицам Ялуторовска конвоировали арестованных, одетых в военную форму. Со слов отца она узнала, что это дезертиры, которых доставили на поезде из Тюмени. После обеда дети («Я, мои братишки, соседские мальчишки и девчонки») побежали к тюрьме. Приход новых арестантов, очевидно, заинтересовал детей. Мемуаристка пишет: «перебежали дорогу ... и уселись в траве напо-

¹⁵² Борьба за власть Советов 1967: 293-294.

¹⁵³ ЯМК. – Ф. 9283.

¹⁵⁴ ЯМК. – Ф. 2762/2. – Л. 2.

¹⁵⁵ ЯМК. – Ф. 9283.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. – Ф. 261/8. – Л. 3 об.; Ф. 2762/2. – Л. 3; Становление и развитие школьного образования 2014: 12.

¹⁵⁸ ЯМК. – Ф. 2762/2. – Л. 3, б/н; Ф. 2762/4.

тив ворот тюрьмы». Стоит отдельно остановиться на фразе автора воспоминаний, описывающей обстановку в тот момент: «На нас никто не обращал внимания, потом [мы] поиграли в пятнашки»¹⁵⁹. Таким образом, само присутствие группы детей у ворот тюрьмы, где готовилась казнь, воспринималось в 1919 г. как нормальное явление. Сами дети, в тот момент еще ничего не зная, вели себя абсолютно спокойно, играя в детские игры для занятия свободного времени.

Примерно через час ожидания из тюрьмы под конным (казаки) и пешим конвоем начали выводить привезенных дезертиров и мужчин, одетых в штатское – из заключения были взяты два десятка арестованных. Они направились на окраину города в сторону еврейского кладбища. По словам мемуаристки, дети были озадачены вопросом: «Куда их повели?», и решили проследить за конвоем. Они укрылись в березовой рощице недалеко от кладбища, и дождались, когда мимо, за кладбище, провели арестованных. Вскоре дети услышали выстрелы. Через час мимо них проследовал пеший и конный конвой без арестованных. Маленьким очевидцам стало ясно, что дезертиры и заключенные были расстреляны. Дети не бросились прочь, а выждав в кустах больше часа, побежали к месту казни. О.И. Остякова так описывает увиденное: «На поляне лежали убитые. Рядом с ними валялись вещевые мешки, вывернутые на изнанку, тут же лежал хлеб, лопатки, какие-то тряпки, многие из убитых были разуты». Тела многих расстрелянных были изуродованы ударами казацких шашек¹⁶⁰.

Эта группа детей была не только любопытной, но и очень мужественной. О.И. Остякова описывает их эмоциональную реакцию в тот момент: «Мы все плакали навзрыд с причитаниями». Однако мемуаристка пишет, что они пересмотрели всех казненных «в надежде найти живых, так как некоторые в агонии сжимали пальцы рук вместе с песком и травой». Осмотрев место казни и «боясь казаков, которые... могли приехать зарывать убитых, мы бросились бежать по домам. Давясь слезами, рассказали всё нашим родным»¹⁶¹.

Как после увиденного и пережитого сама мемуаристка и остальные дети спали ночью, в источнике ничего не сказано. Однако на следующее утро они вновь посетили место расстрела и увидели, что казненные уже присыпаны песком. Через день дети «опять прибежали посмотреть». К этому времени убитые уже были захоронены на месте казни жителями города¹⁶².

¹⁵⁹ Там же. – Ф. 9283.

¹⁶⁰ ЯМК. – Ф. 9283.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

Всего в этот раз, по данным мемуаров Ф. Плотникова, было расстреляно 96 человек¹⁶³. В числе казненных был бывший председатель Ялуторовского совета С.П. Гроховский. О.И. Остякова упоминает его имя (называя бывшим соседом), однако вместо пафосных фраз о «павшем борце за революцию и счастье трудового народа», приводит информацию о его семье и детях¹⁶⁴.

Таким образом, рассмотренная нами рукопись воспоминаний позволяет изучать историю детства «маленького человека» в период Гражданской войны. Источник позволяет понять то, как события этого социального катаклизма воспринималось детьми, исследовать их реакцию на увиденные акты насилия, их мысли и действия, когда они становились свидетелями террора. Воспоминания О.И. Остяковой представляют определенный интерес для изучения детской повседневной жизни провинциального города в Гражданскую войну. Кроме того, мемуары ценны как источник по истории белого террора. Оставленное непосредственным очевидцем описание увиденного важно для реконструкции отдельных актов белого террора в Западной Сибири в 1919 г. Таким образом, эти небольшие мемуары имеют значительный информационный потенциал.

Список источников и литературы

ЯМК – Ялуторовский музейный комплекс.

Борьба за власть Советов 1967 – Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917-1920 гг.). Сб. документальных материалов / Отв. ред. П.И. Рошевский. – Свердловск, 1967.

Становление и развитие школьного образования 2014 – Становление и развитие школьного образования Ялуторовска. – Тюмень, 2014.

Aleksey P. Pavlenko

WHITE TERROR IN WESTERN SIBERIA THROUGH THE CHILDREN'S EYES (O.I. OSTYAKOVA'S MEMORIES)

The article deals with the unpublished memoirs of O.I. Ostyakova. This source allows us to study the history of childhood in the period of the Civil War, a children's everyday life of a provincial town in 1919, the history of the white terror in Western Siberia.

¹⁶³ Там же. – Ф. 2762/2. – Л. 4, б/н.

¹⁶⁴ ЯМК. – Ф. 9283.

Key words: the Civil War, the White Terror, history of childhood, Yalutorovsk, archeography.

Код ВАК 07.00.03

А. А. Постникова

«ФРАНЦУЗСКИЙ» НАПОЛЕОН В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹⁶⁵

Автор предприняла попытку на основе материалов СМИ представить трансформацию образа Наполеоновской эпохи в политдискурсе современной Франции под влиянием процессов европейской интеграции. Автор пришла к выводу, что образ Наполеона занимает знаковое место в политическом дискурсе Франции, являя собой некий символический поиск образца совершенной властной модели. Однако трансформация облика французского императора на разных этапах развития режима V республики демонстрирует, что использование в интересах власти образа исторического лица или исторического события может привести к совершенно непредсказуемым результатам. Так, исторические мифы о Наполеоне в политическом поле современной Франции способствуют пробуждению в обществе чувства патриотизма лишь применительно к процессам европейской интеграции.

Ключевые слова: политический дискурс, образ Наполеона, общественное сознание, политическое поле, СМИ, Евросоюз.

Одним из важнейших средств репрезентации власти является использование исторических символов в качестве неотъемлемой части политического дискурса. Подобный семантический метод способствует конструированию определенных исторических представлений в сознании общества, ориентированных, как правило, на формирование чувства патриотизма. Однако, обращаясь к символам прошлого ради консолидации общества, власть сама создает для себя своеобразную «ловушку аналогий». Как только политический лидер или политическая структура допускают в своей деятельности ошибку, аналогия с прошлым доносит этот промах в гиперболизированном варианте до общественного сознания, что сразу же создает своеобразный «контрдискурс». Так, в связи с последними событиями на Украине во фран-

Постникова Алёна Александровна, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Postnikova Alyona, associate professor of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: alina33_07_87@mail.ru

¹⁶⁵ Данная статья выполнена в рамках государственного задания №2014 / 392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

цузском обществе появилось мнение о том, что позиция европейских стран по отношению к России приведет Европейский союз к «Березине»¹⁶⁶. Таким своеобразным способом СМИ пытаются предостеречь руководство своей страны от принятия политических решений, которые привели в свое время Империю Наполеона I к катастрофе¹⁶⁷.

Образ первой империи занимает важное место в политическом пространстве современной Франции в условиях европейской интеграции, являясь прообразом Евросоюза. Процесс конструирования политического дискурса с опорой на символику Наполеоновской эпохи, начиная с периода Июльской монархии и по сегодняшний день, стал для французских руководителей своеобразным средством формирования в общественном сознании образа собственной власти. В кризисные моменты французской истории образ Наполеона становился для нации способом общественной консолидации и даже возрождения государственных институтов. Именно такой кризис имел место после Второй мировой войны, когда Франции предстояло сделать свой политический выбор. После ряда отчаянных действий французы вновь обрели «своего императора» в лице президента Ш. де Голля, установившего режим V республики и заложившего традиции «политического поля» современной Франции.

Де Голль в своей деятельности как президент сосредоточил усилия на национальной консолидации французов на основе исторических символов. Принимая важные решения, он часто ссылался на действия своего предшественника – Наполеона I. Вызывая в сознании общества своеобразные исторические аналогии, он тем самым пытался завоевать его доверие. Само же общество на тот момент, по-видимому, разделяло его взгляды и верило в силу «возрожденного императора».

Стараясь вернуть французам чувство гордости за свою страну, де Голль горел идеей возрождения Франции как ключевого игрока на политической арене. В своем стремлении восстановить ведущую роль Франции в европейских делах, на этот раз через процесс европейской интеграции, он неоднократно заявлял так: «Наполеон искал национальной независимости с помощью войны, а мы могли бы достичь этой цели с помощью мира»¹⁶⁸. Свои взгляды на объединение Европы президент выразил в своей знаменитой речи о «Европе от Атлантики до Урала»¹⁶⁹. В грядущем политическом союзе стран Европы он видел своеобразную альтернативу НАТО. В этом процессе развития евро-

¹⁶⁶ Ukraine – la Berezina de L'UE: (02.02.2014).

¹⁶⁸ Larcан 2004: 423.

¹⁶⁹ De Gaulle / UE : Contre l'Europe supra-nationale & fédérale: (03.06.2014).

пейской интеграции французский президент делал ставку, прежде всего, на развитие и углубление отношений с ФРГ и СССР.

Де Голлю удалось добиться серьезного сближения с Западной Германией и, до определенной степени, – с СССР. Как следствие, и французская общественность стала проявлять повышенную заинтересованность к истории взаимоотношений Франции с народами этих стран. В частности, в эти годы выходит серьезная монография Ш. Корбе, посвященная представлениям французов о России¹⁷⁰. Эта книга стала важной вехой на непростом пути поиска взаимопонимания между двумя народами. В этой связи французы стали проявлять заметный интерес и к войне 1812 г. Сам де Голль, обращаясь к теме Наполеоновских войн, признал следующее: «Наполеон напал на Александра, и это стало самой грубой ошибкой, какую он когда-либо совершал: ничего не принуждало его к этим действиям. Эта война становится начало нашего упадка»¹⁷¹.

Образы русской кампании 1812 г., возвратившись в круг событий общенационального звучания, постепенно начинали внедряться в коммуникативную память французов как обозначение жизненного кризиса. В 1962 г. французы слышали песню П. Перрета «Березина», в которой в образе реки оказались воплощенными самые различные жизненные проблемы. Использование де Голлем образов Наполеоновской эпохи привело к многочисленным попыткам проводить аналогии между голлизмом как политическим течением и бонапартизмом; подобные сравнения стали традиционными для французской политической мысли¹⁷².

Немало было и примеров появления неких аллюзий на предмет политической карьеры де Голля и Наполеона. В журналах появлялись многочисленные статьи, посвященные сопоставлению обстоятельств прихода де Голля к власти в 1958 г. и 18 брюмера Наполеона Бонапарта, а также переворота, совершенного в 1851-1852 гг. Луи-Наполеоном Бонапартом¹⁷³. В 1959 г. вышла книга А. Оливье, в которой автор назвала 18 брюмера началом создания великой Франции, прямо проводя параллели с тогдашней современностью¹⁷⁴. Эту тему развил историк Ж. Лука-Дюбретон, обратившийся к теме формирования культа Наполеона во Франции в 1815-1848 гг. Автор высказал мысль, впрочем, отнюдь не новую, что политическая эволюция, происходившая в эти годы во Франции, способствовала формированию наполеоновской легенды¹⁷⁵. По его мнению, образ Наполеона помог королю Луи-

¹⁷⁰ Corbet 1967.

¹⁷¹ Larcen 2004: 420.

¹⁷² Bonapartisme, gaullisme, catholicisme social: (02.06.2014).

¹⁷³ La Pensée 1960: 135.

¹⁷⁴ Ollivier 1959: 1959.

¹⁷⁵ Lucas-Dubreton 1960.

Филиппу стабилизировать на некоторое время политическую ситуацию. Однако через несколько лет, также используя память об императоре, уже Луи-Наполеон Бонапарт совершил переворот и восстановил во Франции Империю. Подобные исследовательские аналогии оправдывали стремление де Голля к проведению авторитарного политического курса. Однако президент, как в свое время и император Наполеон III, попал в «ловушку памяти», которая привела его, в конечном итоге, к необходимости подать в отставку. Несмотря на подобный исход президентства де Голля, обращение к наполеоновской легенде и далее будет одной из неизменных составляющих «политического поля» V республики.

Президент Франции Ж. Помпиду, провозгласивший себя преемником политического курса де Голля, продолжил традицию эксплуатации памяти о Наполеоне. Начало президентского срока Помпиду в 1969 г. пришлось на юбилей рождения великого императора. По инициативе французского президента были проведены масштабные празднества в Аяччо, родном городе Наполеона. В публичных речах, которые Помпиду произносил на юбилейных мероприятиях, он неоднократно отмечал в качестве основного достижения политики Наполеона консолидацию нации на основе идеи величия Франции¹⁷⁶. Следует отметить, что Помпиду, в отличие от де Голля, обращался лишь к образам внешней политики императора, считая своей основной политической задачей продолжение процесса европейской интеграции. В своих статьях 19-й французский президент героизировал Наполеоновские войны, которые, по его мнению, были призваны установить мир и обеспечить процветание европейских народов. Помпиду отмечал, что, несмотря на трагическое отступление Великой армии из России, Наполеон остается для Франции символом величия, человеком, заложившим основные принципы международной политики¹⁷⁷.

Следующий за Помпиду, 20-й президент Франции В. Жискард д'Эстен, чье президентство пришлось на период серьезного экономического кризиса, оказался, в отличие от своих предшественников, более скуп на генерацию исторических аллюзий.

На рубеже 70-80-х гг. XX в. в Европе произошли большие изменения, повлиявшие на интеллектуальную жизнь Франции и предопределившие новый этап трансформации в общественном сознании образа Наполеона. В исторической науке начался процесс «деконструкции» мифов, проявилось стремление к «преодолению прошлого». Зарождение нового представления об исторических событиях как продукте памяти, созданном под воздействием государства и отдельных соци-альных групп, способствовало перемещению центра формирования

¹⁷⁶ Cérémonies Napoléon à Ajaccio: (02.06.2014).

¹⁷⁷ Quand Georges Pompidou rendait hommage à Napoléon: (03.06.2014).

образов прошлого из правительственных структур в общественные. Исчезновение великого императора как идеала власти из «политического поля» пришлось на период президентства социалиста Ф. Миттерана.

Несмотря на то что руководство страны во главе с Миттераном дистанцировалось от исторических аналогий, характерных для предшествующего времени, общество в целом не утратило надежд на «воскрешение Наполеона». Французы в образе Миттерана пытались уловить черты, которые свидетельствовали бы о «реинкарнации» великого императора. В этих поисках сходства общественность установила, что в окружении и того и другого был деятель по фамилии Савари¹⁷⁸, жену и президента, и императора звали Мария-Луиза, и что обоих полити-ков манил образ Египта¹⁷⁹. Актуализации образов Первой Империи в общественном сознании способствовало и создание Евросоюза как варианта реализации идеи Наполеона об Единой Европе. Сам французский президент, не ссылаясь на деятельность императора, возлагал большие надежды на Единую Европу, заявляя, что «Франция – наша страна, а Европа – это наше будущее»¹⁸⁰.

Деятельность Миттерана убедила французов в том, что он был призван продолжить политику Наполеона. Подобное представление попытался выразить французский актер П. Себастьен в ставшей чрезвычайно популярной музыкальной сценке «От Наполеона к Миттерану». В начале представления перед зрителем появлялся Наполеон, очутившийся на о. Св. Елены. Он начинал делиться со зрителями своими мечтами перестроить, начав с Лувра, весь Париж, но потом, осознавая, что его век подходит к закату, сожалел, что этого ему сделать уже не удастся. Неожиданно происходило перевоплощение Наполеона в Миттерана, который и завершал то, о чем мечтал когда-то французский император, – перестраивал Лувр, воздвигая перед ним несуразную египетскую пирамиду¹⁸¹. Эта сценка хорошо показывала, как неконтролируемое властями развитие «общественного мифа» о «президенте-императоре» приводило к появлению первых признаков «контрдискурса», выразившего через универсальный язык критики правящих структур.

Проявлением этого «общественного контрдискурса» стали сообщения СМИ, предрекавшие скорую «Березину» для социалистов на

¹⁷⁸ А. Савари был министром национального образования Франции в период президентства Миттерана; Ж.Р. Савари – министр полиции во время правления Наполеона.

¹⁷⁹ La synchronicité n°2 - Napoléon et François Mitterrand: (02.06. 2014). С точки зрения французских СМИ, Наполеона и Миттерана манил Египет, т.к. император предпринял египетский поход, а президент установил перед Лувром известную пирамиду, которая стала главным входом в музей.

¹⁸⁰De Mitterrand à Chirac: (02.06. 2014).

¹⁸¹De Napoléon a Mitterrand vu part Patrick Sebastien: (02.06. 2014).

очередных президентских выборах¹⁸². Действительно, в 1995 г. произошёл провал социалистов, и следующим главой Франции стал Ж. Ширак, при котором страна попыталась возвратиться к политике голлизма. Общественность, чувствуя возрождение традиций де Голля, объявила победу Ширака «Маренго» и «Аустерлицем»¹⁸³. Во многих газетах появились изображения Ширака в образе французского императора¹⁸⁴.

В этот период символы эпохи Наполеона приобретают новое звучание не только в «общественном мифе», но и в «политическом дискурсе». Ширак, ориентируясь во внутренней политике на принципы демократизма, обратился к периоду Ста дней Наполеона как примеру либерализма в условиях сохранения прочной «вертикали власти». Научное обоснование этой идеи попытался сделать министр иностранных дел Д. де Вильпен, опубликовав исследование, посвященное Ста дням Наполеона¹⁸⁵. Автор приходил к мысли о том, что в первый период правления император находился в состоянии опьянения властью, и стремление к авторитаризму привело его к краху. Критикуя подобные политические устремления Наполеона, де Вильпен выражал полное одобрение и солидарность с теми демократическими начинаниями, которые проявились в период Ста дней.

Де Вильпен неоднократно заявлял, что для торжества принципов демократизма в те 100 дней правления французского императора крайне необходим был прочный союз власти и общества. Эту проблему де Вильпен поднял и в следующей своей книге «Крик Горгульи»¹⁸⁶. Благодаря этой книге де Вильпен стал воплощением соединения в одном лице образа интеллектуала и образа политика. Автор не удержался от критики по поводу укрепления «вертикали власти», что наблюдалось в период правления предыдущих президентов Франции. В качестве основного способа предотвращения авторитаризма он предложил активное участие интеллектуалов в политике.

На период президентства Ширака в 2005 г. пришелся юбилей сражения под Аустерлицем. В своих публичных речах президент неоднократно вспоминал об этом событии, заявляя, что эта победа стала началом истории современной Франции. Возвращение образов Наполеоновской эпохи в «политическое поле» вызвало протест части французского общества. Так, национальных меньшинств возмутил тот факт, что правительство Ширака заявляя о проведении политики демократизации и мультикультурализма, в то же время использует культ

¹⁸² Le couple infernal: (02.06. 2014).

¹⁸³ Jacques Chirac: l'enthousiasme au service de la sincérité: (06.06.2014).

¹⁸⁴ [Chirac candidat ???](#): (08.06.2014).

¹⁸⁵ Villepin 2001.

¹⁸⁶ Villepin 2002.

того правителя, который обращал в рабство целые народы¹⁸⁷. Пик этой дискуссии как раз и пришелся на празднование юбилея битвы под Аустерлицем. Поэтому правительство решило, приняв настроения национальных меньшинств во внимание, дистанцироваться от проведения юбилейных мероприятий.

Стремление президента лавировать между национальными меньшинствами и коренными французами в ущерб единой истории вызвало протест интеллектуальной части общества. На волне недовольства государственной политикой в 2005 г. была создана организация «За свободу истории», от лица которой П. Нора осудил игнорирование правительством такого значимого события в истории Франции, как победы под Аустерлицем¹⁸⁸. Деятельность интеллектуалов, направленная на критику власти, повлияла на возрождение «общественного контрдискурса», который выразился в пророчестве «Березины», теперь уже для Ширака¹⁸⁹.

Столкнувшись с подобным явлением, президент перестал апеллировать к аллюзиям с Наполеоновской эпохой как варианту национальной консолидации; это, в свою очередь, привело к вытеснению образа императора из «политического поля» в сферу дискуссий по проблемам международных отношений. Стремясь поддерживать идею ведущей роли Франции в Евросоюзе, Ширак неоднократно подчеркивал, что именно Наполеон изначально смог реализовать идею европейского единства. Для проведения торжеств по случаю юбилея подписания франко-немецкого договора 1963 г. было выбрано весьма символическое место – зал Военной славы в Версале, украшенный картинами, изображающими походы и сражения Наполеона. Ориентируясь на принципы голлизма во внешней политике, Ширак стремился к установлению прочных связей с Германией и Россией. В то же время его позиция по отношению к США отличалась некоторой сдержанностью. Не случайно, когда британское правительство поддержало американского президента в проведении военных действий в Ираке, французское руководство открыто продемонстрировало по отношению к этому негативное отношение. Однако Ширак прекрасно осознавал, что для укрепления Европейского Союза все же необходимо было сохранить дружеские отношения с Великобританией. Символом этого стало посещение в 2005 г. Шираком Соединенного королевства, в ходе которого состоялись знаменательные встречи с британской королевой Елизаветой II и премьер-министром Т. Блером. Британское правительство, демонстрируя дружеские чувства по отношению к французам, к приезде президента даже переименовало зал Ватерлоо в Виндзорском

¹⁸⁷ La victoire de Napoléon célébrée dans la discrétion: (08.06.2014).

¹⁸⁸ L'institution du français: (09.06.2014).

¹⁸⁹ Chirac dans la Bérézina: (09.06.2014).

замке в Музыкальную палату, дабы не напоминать о былом соперничестве и вражде двух народов¹⁹⁰.

Возрождение культа великого императора во внешнеполитическом и внутривнутриполитическом поле Франции наиболее рельефно стало заметным в правление следующего президента – Н. Саркози, который активно обращался к памяти о Наполеоне ради создания собственного имиджа и ради оправдания своих действий в европейской политике¹⁹¹. Уже в ходе процедуры инаугурации Саркози, появившись перед парижанами под звуки марша «Маренго», дал понять, что претендует если и не на роль Наполеона, то, по крайней мере, на роль его последователя. Стремясь к консолидации различных политических сил Франции, президент в своих публичных речах стал многократно ссылаться на слова, якобы произнесенные Наполеоном: «Я приемлю в истории Франции все, начиная с Хлодвига и кончая Комитетом общественного спасения». Однако результат «исторических демаршей» Саркози оказался довольно неожиданным. Французская общественность, возрождая аналогии с правлением Наполеона, попыталась внушить Саркози мысль о том, что ему не достичь политического уровня французского императора. Характерной чертой «общественного дискурса» этого периода стала практика сопоставления отрицательных черт политики императора и президента Саркози (высокомерие по отношению к парижской элите, стремление контролировать СМИ и т.д.). Этот период явился заметным рубежом в формировании «общественного мифа» о Наполеоне, который (миф) теперь был сориентирован не на восхваление правителя, а на его критику. Можем предположить, что этот процесс был связан, прежде всего, с активизацией деятельности интеллектуалов, которые стали рассматривать любое государственное вмешательство в историю как попытку уничтожить единую память нации.

Первой откликнулась на «имперские» устремления президента интеллектуальная среда, пытаясь донести до общества чувства опасения по поводу возрождения авторитаризма. Журналист Алан Дюронель, посвятивший монографию «Консульский марш» сравнению политики Наполеона и Саркози, пришел к выводу, что саркозизм можно назвать современным вариантом бонапартизма, который уже исчерпал свои политические возможности. В 2008 г. группа французских историков и политологов опубликовала книгу «История Франции глазами Николя Саркози»¹⁹², получившую широкий резонанс в среде французской общественности. Авторы проанализировали все речи, которые произнес Николя Саркози в ходе своей избирательной кампании, длившейся с 3 сентября 2006 г. по 6 мая 2007 г. и закончившейся, как

¹⁹⁰ Blair, Chirac: (10.02.2014).

¹⁹¹ Sarkostique: (25.02.2014).

¹⁹² Comment Nicolas Sarkozy écrit l'histoire de France 2008.

известно, избранием его на пост президента Французской республики. В речах будущего президента авторы книги выявили наиболее часто упоминаемые исторические фигуры и события и составили на этой основе своеобразный «критический словарь». Разумеется, среди статей словаря присутствовала и статья «Наполеон». Составители «критического словаря» заподозрили Саркози не только в склонности к бонапартизму, но и к монархизму. Во всяком случае, именно так они интерпретировали его постоянные ссылки на королей Франции как создателей французской нации. В целом, интеллектуалы, заявившие об явных «монархических» устремлениях Саркози укрепить «вертикаль власти», создали условия для активизации «общественного контрдискурса», выразившегося в том числе в появлении изображений французского президента в регалиях Наполеона и со звучным именем «Николя Бонапарт»¹⁹³.

Следует отметить, что использование образа Наполеона во внешнеполитических устремлениях Саркози, в отличие от внутривнутриполитического поля, вызвало одобрение в интеллектуальной среде¹⁹⁴. Поддерживая президента в политике укрепления Евросоюза, писатели и историки обратились к Первой империи как к своего рода прообразу подобной организации, отмечая при этом, что если бы Наполеон «не увяз» в снегах России, то Франция до сих пор управляла бы миром. Извечные «опрокинутые в прошлое» мечты французского президента о том, чтобы наполеон победил в 1812 г., выразил экс-президент Франции В. Жискара д'Эстен в книге «Победа Великой армии». Ключевая мысль автора заключалась в том, что если бы Наполеон не задержался в Москве на столь длительный срок, то он смог бы одержать победу над Россией и создал бы более крепкий, чем существует сегодня, Европейский Союз¹⁹⁵.

Европейская идея как главный двигатель политики Наполеона оказалась представлена в известном романе Макса Гало. Он вслед за многими историками высказал убеждение, что в 1812 г. Наполеона победила только «русская зима». По роману Гало режиссер Ив Симано снял фильм «Наполеон», мгновенно ставший широко известным и популярным как во Франции, так и по всему миру. Образ Наполеона, представленный в фильме, внушает страх, уважение и сострадание одновременно. В соответствии с сюжетом картины, Наполеон, развязывая очередную войну, лишь преследовал цель укрепить положение Франции в мире и объединить вокруг нее всю Европу. В этом плане весьма характерны слова, которые в фильме накануне похода на Россию произносит близкий к императору человек обер-шталмейстер А.

¹⁹³ Sarkozy et Napoléon le petit: (07.06.2014).

¹⁹⁴ La City se déchaine contre Nicolas Sarkozy: (09.06.2014).

¹⁹⁵ Жискара Д'Эстен: (09.04.2014).

Коленкур: «Вся Европа стала французской!» Эту европейскую идиллию нарушила русская кампания 1812 г., приведшая к гибели Великой армии. Подобными напоминаниями французские интеллектуалы и деятели культуры как бы предупреждали президента: для благополучия европейского пространства необходимы дружеские отношения с Россией. Однако внешнеполитические шаги президента Саркози свидетельствовали о его проектах иного рода.

Ориентируясь на франко-немецкие интересы, Саркози был вынужден укреплять военные и политические, а не редко и экономические, связи с США, ослабляя при этом отношения с Россией. Подобная ситуация заставила французскую общественность и на этот раз обратиться к образам русской кампании Наполеона. Так, сделанное в 2011 г. Саркози заявление о начале вывода французских войск из Афганистана, вызвало появление целой серии карикатур. На одной из них был представлен сюжет, напоминавший отступление Наполеона из России с кратким пояснением: «История продолжается». Каждый неудачный шаг Саркози в политике сопровождался в периодической печати словом «Березина». К примеру, когда в 2007 г. Саркози принял активное участие в создании конституции Евросоюза, в газетах замелькали ехидные замечания: французский правитель вновь обещает спасти европейцев на Березине. Разгоревшийся в 2012 г. кризис Евросоюза также напомнил европейскому сообществу русскую кампанию 1812 г.¹⁹⁶

В период жарких выборов, проходивших во Франции в мае 2012 г., одна французская газета заметила, что кому-то из кандидатов придется пережить «Березину»¹⁹⁷. Победу одержал социалист Ф. Олланд. Но и на этот раз не прошло без аналогий с эпохой Наполеона. Для многих французов Олланд с первых же дней своего правления стал напоминать пассивного Людовика XVIII, и это привело к появлению в «общественном дискурсе» сравнения выборов 2012 г. с «Ватерлоо» для всей Франции¹⁹⁸.

В отличие от своих предшественников, Олланд не использует образы прошлого для оправдания своих политических действий. Однако общество, комментируя действия президента, продолжает, как и раньше, возрождать стереотипизированные исторические символы. Так, на протяжении всего правления Олланда ему систематически предрекают скорую «Березину»¹⁹⁹. Иногда кажется, что сегодня образ Наполеона все-таки исчез из «политического дискурса». Известный политический деятель Лионель Жоспен некоторое время назад даже

¹⁹⁶Ueli Maurer compare l'Union européenne à Napoléon: (12.06.2014).

¹⁹⁷Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny: (15.03.2012).

¹⁹⁸Le livre que Copé: (09.06.2014).

¹⁹⁹Pourquoi et comment il faut dégager Hollande (par le haut)?: (06. 06. 2014).

предрек «забвение» памяти об императоре в сознании французов²⁰⁰. Но верно ли это?

В 2017 г., по сообщениям СМИ Франции, за президентское кресло будут бороться два «Наполеона»: Доминик де Вильпен и Николя Саркози. Возможно, это будет уже эпоха «Ста дней», а образ Наполеона приобретет новое звучание в политическом и общественном дискурсе.

Итак, образ Наполеона занимает знаковое место в политическом дискурсе Франции, являя собой некий символический поиск образца совершенной властной модели. Однако трансформация облика французского императора на разных этапах развития режима V республики демонстрирует, что использование в интересах власти образа исторического лица или исторического события может привести к совершенно непредсказуемым результатам. Так, исторические мифы о Наполеоне в политическом поле современной Франции способствует пробуждению в обществе чувства патриотизма лишь применительно к процессам европейской интеграции.

Список источников и литературы

Жискара Д'Эстен – В. Жискара Д'Эстен // URL: <http://www.inopressa.ru/article/20Jun2013/abc/giscard.html> .

Bonapartisme – Bonapartisme, gaullisme, catholicisme social // URL: http://musee.sitemestre.fr/6001/html/histoire/histoire_gaullisme_catholicisme_social.html

Blair, Chirac – Blair, Chirac: We want stable Iraq // URL: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/europe/11/18/uk.chirac/> .

Bloc-notes – Bloc-notes: questions sur le scénario arrêté d'un imprévisible scrutiny // URL: <http://blog.lefigaro.fr/rioufol/2012/04/bloc-notes-questions>.

Cérémonies Napoléon – Cérémonies Napoléon à Ajaccio // URL: <http://www.ina.fr/video/CAF94060529> .

Chirac (a) – [Chirac candidat ???](http://www.kandidatur.over-blog.com/categorie-656788.html) // URL: <http://kandidatur.over-blog.com/categorie-656788.html> .

Chirac (b) – Chirac dans la Bérézina // URL: <http://edition.cnn.com/2004/WORLD/europe/11/18/uk.chirac/>

Chirac (c) – Chirac+Marengo // URL: https://www.google.ru/search?ie=UTF8&hl=ru&q=Chirac%20Napoléon&gws_rd=ssl#hl=ru&newwindow=1&q=Chirac+Marengo&start=30 .

²⁰⁰ Lionel Jospin: (08.06.2014).

- Cock 2008** – Comment Nicolas Sarkozy écrit l'histoire de France. Dictionnaire critique / Под ред. Cock L., Madeline F., Offenstadt N. et Wahnich S. Marseille, 2008.
- Corbet 1967** – Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967.
- De Gaulle** – De Gaulle / UE : Contre l'Europe supra-nationale & fédérale // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=jO4Dmj4IGqU> .
- De Mitterrand** – De Mitterrand à Chirac // URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/polit_0032-342x_1995_num_60_4_4463
- De Napoléon** – De Napoléon à Mitterrand vu par Patrick Sébastien // URL: http://www.dailymotion.com/video/xdo579_de-napoleon-a-mitterrand-vu-part-pa_fun .
- Jacques Chirac** – Jacques Chirac: l'enthousiasme au service de la sincérité // URL: http://www.lesechos.fr/09/05/1995/LesEchos/16894-013-ECH_jacques-chirac--l-enthousiasme-au-service-de-la-sincerite.htm#Iro5KEFXOIXsjyy.99 .
- Larcq 2004** – Larcq A. Napoléon jugé par le général de Gaulle // Napoléon et l'Europe. –P., 2004.
- La Pensée 1960** – La Pensée. –P., 1960. –№ 12.
- Lucas-Dubreton 1960** – Lucas-Dubreton J. Le culte de Napoléon 1815-1848. –P., 1960.
- La synchronicité n°2** – La synchronicité n°2 - Napoléon et François Mitterrand // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=i7pFWyqIGDM>
- Le couple** – Le couple infernal // URL: <http://www.samuelhuet.com/kairos/37-phileo/1049-mitt-kahn.html>
- La victoire de Napoléon** – La victoire de Napoléon célébrée dans la discrétion // URL: <http://lci.tf1.fr/france/2005-12/victoire-napoleon-celebree-dans-discretion-4861090.html>
- L'institution du français** – L'institution du français. Essai sur le co-linguisme des Carolingiens à la République // URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/rfsp_0_035_2950_1987_num_37_4_411650_T1_0559_0000_000
- La City se déchaîne** – La City se déchaîne contre Nicolas Sarkozy // URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2009/12/03/04016-20091203ARTFIG00003-la-city-se-dechaîne-contre-nicolas-sarkozy-.php>
- Le livre** – Le livre que Copé // URL: http://www.marianne.net/Le-livre-que-Cope-et-Sarkozy-lisent-en-se-rasant_a226528.html

- Lionel Jospin** – Lionel Jospin: "Napoléon, quel désastre !" // URL: <http://bibliobs.nouvelobs.com/essais/20140314.OBS9906/lionel-jospin-napoleon-quel-desastre.html>
- Ollivier 1959** – Ollivier A. Le dix-huit brumaire. –P., 1959.
- Pourquoi et comment** – Pourquoi et comment il faut dégager Hollande (par le haut) ? // URL: [http://www.marianne.net/Pourquoi-et-comment-il-faut-degager-Hollande-par-le-haut_a233468.html\(06](http://www.marianne.net/Pourquoi-et-comment-il-faut-degager-Hollande-par-le-haut_a233468.html(06)
- Quand Georges Pompidou** – Quand Georges Pompidou rendait hommage a Napoleon // URL: <http://napoleon1er.perso.neuf.fr/Discours-Georges-Pompidou.html>
- Sarkostique** – Sarkostique //URL :<http://sarkostique.over-blog.com/article-19804676.html>;
<http://voyageurdesprairies.free.fr/blog/index.php?Politique>
- Sarkozy et Napoléon** – Sarkozy et Napoléon le petit //URL: <http://www.turquieuropeenne.eu/sarkozy-et-napoleon-le-petit.html>
- Villepin 2001** – Villepin D.M. Les Cent-Jours ou l'esprit de sacrifice. –P., 2001.
- Villepin 2001** – Villepin D.M. Le cri de la gargouille. –P., 2002.
- Ukraine** – Ukraine – la Berezina de L'UE - Rapprochement Russie Chine // URL: http://www.planetenonviolence.org/Ukraine-La-Berezina-De-L-UE-Rapprochement-Russie-Chine_a3360.html
- Ueli Maurer** – Ueli Maurer compare l'Union européenne à Napoléon // URL: <http://www.tdg.ch/suisse/Ueli-Maurer-compare-l-Union-europeenne-a-Napoleon/story/15692369>

Alyona A. Postnikova

THE "FRENCH" NAPOLEON IN THE CONDITIONS OF THE EUROPEAN INTEGRATION

The author has made an attempt on the basis of materials of media to present transformation of an image of the Napoleonic era in a political discourse of modern France under the influence of processes of the European integration. The author has come to a conclusion that Napoleon's image takes the sign place in a political discourse of France, being a certain symbolical search of a sample of perfect imperious model. However transformation of shape of the French emperor at different stages of development of the mode V of the republic shows that use for the benefit of the power of an image of the historical person or a historical event can result in absolutely unpredictable results. So, historical myths about Napoleone in political field of modern France promotes awakening in the society of sense of patriotism only in relation to processes of the European integration.

Key words: political discourse, image of Napoleon, public consciousness, political field, mass media, European Union.

**«НАВЕКИ ЗАКЛЕЙМИТЬ ПРЕДАТЕЛЯ ЕСАУЛА МУГУЕВА».
ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕЗЕРТИРСТВА**

В статье рассматривается малоизученный эпизод в биографии осетинского партийного деятеля и писателя Бориса (псевдоним – Хаджи-Мурат) Мугуева: его участие в антибольшевистской борьбе, переход в 1919 г. на сторону большевиков и реакция на это дезертирство в белом лагере. Проанализировано, как излагается деятельность Б. А. Мугуева в разных его биографиях, сделана попытка обозначить все разночтения в них и сформулировать вопросы для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Гражданская война, Осетия, Кавказ, казачество.

Революция в России и последующая Гражданская война наложили отпечаток на судьбы всего мира и конкретных людей. Причем, исходя из разных конъюнктурных соображений, биографии участников русской смуты зачастую искажались, и теперь бывает крайне сложно разобраться в разночтениях в биографиях различных исторических деятелей. Об одной такой биографии и пойдет речь. В данной статье автор не пытался воссоздать полное жизнеописание исследуемой персоны, а лишь попытался показать малоизвестный факт биографии Бориса Афанасьевича Мугуева (известен так же как Хаджи-Мурат Магомедович Мугуев), и обратить внимание на иные расхождения в его биографии периода Гражданской войны.

Борис Афанасьевич родился 21 марта 1893 г. в станице Черноярской в семье офицера Терского казачьего войска Афанасия Григорьевича Мугуева²⁰¹. В статье Н. Тер-Оганова утверждается, что отец будущего литератора был урядником²⁰², что, однако, противоречит послужному списку Б. Мугуева, где написано, что он происходил «из обер-офицерских детей Терского казачьего войска»²⁰³.

Учился Б. Мугуев в Тифлисском реальном училище, закончил его, а затем избрал стезю довольно необычную для казака: поступил в Тифлисское коммерческое училище²⁰⁴. Наш герой закончил его, по всей видимости, в 1914 г., так как о его работе по специальности ин-

Пыльцын Юрий Сергеевич, аспирант кафедры истории России Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4).

Pylytsyn Yuri, postgraduate student of the Department of Russian History of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Turge-neva Street, 4).

Телефон/Phone: +7 (343) 350-27-08. Электронная почта/E-mail: imperets.92.9292@mail.ru²⁰¹ Заповев 2013.

²⁰² Тер-Оганов 2015: 88.

²⁰³ ГАРФ. – Ф. р-5351. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 2 об.

²⁰⁴ Осетия и осетины 2016.

формации нет, зато есть информация, что после начала Великой войны «не раздумывая» он поступил в Тифлисское военное училище²⁰⁵. Э. Сацаев и авторы «Энциклопедии военной разведки» пишут, что Мугуев поступил в «Тифлисское военное кавалерийское училище»²⁰⁶, что не совсем верно, так как специализированных кавалерийских училищ в Российской Империи было три – Николаевское в Санкт-Петербурге, Тверское и Елисаветградское. А учебное заведение, куда поступил Борис Мугуев, было основано как «Тифлисское пехотное юнкерское училище», а к 1914 г. именовалось «Тифлисское Великого Князя Михаила Николаевича военное училище»²⁰⁷.

После окончания 4-месячных курсов Мугуев с чином прапорщика поступил в 1-й Горско-Моздокский полк Терского казачьего войска. Полк входил в состав 1-й Кавказской казачьей дивизии генерала Баратова, действующей на левом фланге фронта, в Персии. Молодой офицер служил исправно. В октябре 1915 г. Мугуев был произведен в хорунжие. В 1916 г. за боевые отличия Мугуева произвели в сотники, а в 1917 г. он уже стал подъесаулом²⁰⁸. В дальнейшем, уже в 1960-е гг. писатель Мугуев тепло вспоминал службу в полку, с уважением отзывался о генерале Н.Н. Баратове²⁰⁹.

Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба офицера, но все изменила революция. Фронт рухнул, терские казачьи части вернулись на Терек.

В дальнейшем скупые строки биографических статей сообщают следующее: «В феврале 1918 года вступает в ряды партии большевиков. Во Владикавказе назначается заведующим агитационно-пропагандистским отделом XI армии»²¹⁰, «В 1917 г. Мугуев перешел на сторону большевиков и вернулся во Владикавказ, где продолжил военную службу»²¹¹, «В РККА с 1918. Член компартии с 1918»²¹², «В годы Гражданской войны есаул Мугуев стал командиром Красной Армии, сражался за молодую советскую республику в Северной Осетии, в Астрахани, на Кавказе»²¹³.

Однако практически все забывают такой «незначительный факт», что Б. Мугуев практически год служил в Белой армии и воевал с большевиками! Причем не только после того, как Терская область была занята войсками А.И. Деникина, но и во время восстания Бичера-

²⁰⁵ Киреев 2010: 74.

²⁰⁶ Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012: 544; Сацаев 2016.

²⁰⁷ Селиванов 2007: 81.

²⁰⁸ Киреев 2010: 74.

²⁰⁹ Заповев 2013.

²¹⁰ Осетия и осетины 2016.

²¹¹ Сацаев 2016.

²¹² Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012: 544.

²¹³ Заповев 2013.

хова. Борис Афанасьевич участвовал во взятии Владикавказа под началом полковника Беликова и в дальнейшем в боях на Тереке под командой генерала Э. Мистулова²¹⁴. Возможно, именно в повстанческой армии Г. Бичерахова подьесаул Мугуев был произведен в есаулы. До конца жизни Борис Мугуев отзывался с уважением о генерале Э. Мистулове²¹⁵.

Весной 1919 г. Б. Мугуева мобилизовали, он поступил в свой родной 1-й Горско-Моздокский полк²¹⁶, в полку он командовал 1-й сотней²¹⁷.

В «Энциклопедии военной разведки» мы можем прочитывать, что «оторванный от своих, после неудачных попыток пробиться в Советскую Россию, вступил в Новороссийске в армию А.И. Деникина»²¹⁸. Это делает биографию нашего героя еще более запутанной: почему пробиваться в советскую Россию нужно было через Новороссийск, идя, по сути, навстречу армии А.И. Деникина? Как известно, XI и XII армии, после поражения на Северном Кавказе, отошли по берегу Каспия в Астрахань. Часть – укрылась в горах Кавказа, в дальнейшем вела партизанскую борьбу, часть советских работников успела уйти в Грузию. Почему Б. Мугуев не смог уйти с ними? Но неясно в принципе, как он мог оказаться в Новороссийске, если в указанное время, по сведениям его послужного списка, он сражался в отряде генерала Мистулова.

Под г. Царицыном 11 июня 1919 г. есаул 1-го Горско-Моздокского полка Борис Афанасьевич Мугуев перебежал к большевикам и, более того, после побега красные стали разбрасывать прокламации, где Мугуев уговаривал терцев переходить на сторону большевиков²¹⁹.

На дезертирство офицера откликнулись многие официальные лица Войска. Атаман Моздокского отдела просил объявить по отделу об этом поступке, чтобы этим «навечно заклеить предателя есаула Мугуева»²²⁰. Сам атаман Вдовенко был «глубоко убежден, что славные сыны Терека, испытавшие на себе все прелести большевизма и не раз уже доказавшие свою стойкость на фронте в борьбе с гнусными врагами Родины, не пойдут ни на какие призывы изменника, а наоборот, своими сокрушающими ударами будут продолжать ковать счастье ис-

²¹⁴ ГАРФ. – Ф. р-5351. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 3.

²¹⁵ Заповев 2013.

²¹⁶ Киреев 2010: 75.

²¹⁷ ГАРФ. – Ф. р-5351. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 2 об.

²¹⁸ Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012: 544.

²¹⁹ ГАРФ. – Ф. р-5351. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 25-25 об.

²²⁰ РГВА. – Ф. 40201. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 76 об.

страдавшей Родины». Бориса Мугуева атаман приказал исключить из списков офицеров войска²²¹.

Насколько известно, это был единственный случай перехода офицера-терца к красным из терских казачьих частей ВСЮР.

Необходимо упомянуть и то, что есаул Мугуев являлся кавалером Георгиевского оружия, орденов Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и ордена Св. Георгия 4-й степени «с пальмами»²²². Под «пальмами» имеется ввиду лавровая ветвь, так как при Временном правительстве приказом Верховного главнокомандующего от 28 июня 1917 г. разрешено было (по решению солдатского комитета) награждать офицеров солдатским Георгиевским крестом за личную храбрость²²³. Исключалась какая-либо «классовая общность» у Б. Мугуева с большевиками, ведь он происходил из «обер-офицерских детей Терского казачьего войска»²²⁴. По всем признакам Б.А. Мугуев был убежденным контрреволюционером. Почему же офицер решился на такой шаг? Трусость? Но послужной список, казалось бы, отрицает это. Почему Мугуев даже не дезертировал, а целенаправленно перешел на противоположную сторону? Причем июнь 1919 г. – это далеко не худший момент в истории Белого дела на Юге России, наступление развивалось, и до катастрофы на фронте было далеко. Феликс Киреев утверждает, что причиной этого предательства явилось сочувствие большевикам²²⁵. С этим утверждением нельзя не согласиться. Можно даже выдвинуть еще более смелую версию. Как уже было отмечено, в партию Б. Мугуев вступил еще в 1918 г. и был назначен заведующим агитационно-пропагандистским отделом XI армии²²⁶. Агитацией Б. Мугуев стал заниматься практически сразу же после дезертирства. Причем впоследствии, с 1920 г., он служил в разведывательном отделении Штаба Кавказского Военного Округа²²⁷. Есть так же информация, что отец Б. Мугуева – Афанасий – так же был связан с разведкой²²⁸. Исходя из этих предпосылок, можно предположить, что Б. Мугуев был агентом Красной армии в войсках вначале Г. Бичерахова, а затем А.И. Деникина. Конечно, это всего лишь предположение, которое требует дальнейшего поиска каких-либо источников, подтверждающих данную версию.

²²¹ ГАРФ. – Ф. р-5351. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 25 об.

²²² Там же. – Д. 15. – Л. 1.

²²³ Гладков 2004: 545; Спасский 2009: 184.

²²⁴ ГАРФ. – Ф. р-5351. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 2 об.

²²⁵ Киреев 2010: 76.

²²⁶ Осетия и осетины 2016.

²²⁷ Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012: 544.

²²⁸ Ter-Oganov 2015: 88.

Необходимо также отметить, что вначале Мугуев все же проверялся «компетентными органами». Как перебежчик он был доставлен в Серпухов, а потом перевезен в Москву для допроса в Особом отделе ВЧК и Региструпре (июль 1919 г.)²²⁹. Поэтому, скорее всего, к тем лис-товкам, о которых упоминал атаман Вдовенко, Борис Мугуев отношения не имел. Впрочем, он оказался чист перед советской властью и в дальнейшем воевал в составе 11-й армии, был сотрудником ее полит-отдела, потом уполномоченным военно-политического контроля по Экспедиционному корпусу армии (1919-1920 гг.), заведующим внут-ренним управлением Терской республики (1920 г.)²³⁰. Б. А. Мугуев выступил резко против выселения казачьих станиц Сунженской линии, за это он был отстранен от должности наркома внутренних дел и от-правлен в Закавказье²³¹.

Впоследствии, после работы по линии разведки, короткое время Мугуев работал за рубежом по линии Разведывательного управления штаба РККА, являлся сотрудником (военным агентом) консульства СССР в Трапезунде, был начальником Главполитпросвета, исполняющим должность наркома просвещения, начальником Главного управления милиции (1923-1924 гг.) Горской АССР²³².

В 1926 г. Мугуев переехал в Москву, начал заниматься писательским ремеслом, участвовал он и в Великой Отечественной войне, но эти подробности биографии выходят за рамки данной статьи. Однако, понятно, что служба в белой армии, пусть и кратковременная, не афишировалась, поэтому в биографиях писателя об этой странице его жизни сказано довольно скупо и половинчато.

Революция и гражданская война круто переменили судьбы многих сотен тысяч людей. В условиях военно-политического противостояния сравнительно небольшие группы могли, не колеблясь, выступить «за» или «против» новой власти. Большинство жителей из тех районов, которые переходили из рук в руки в результате военного противостояния, были так или иначе связаны и с красными, и с белыми, причем впоследствии, некоторые факты сотрудничества предпочитали замалчивать. Отсюда – такие расхождения и белые пятна в биографиях, какие мы видим на примере есаула Терского казачьего войска Бориса Афанасьевича Мугуева. Он же советский писатель, разведчик и партийный деятель Хаджи-Мурад Магомедович Мугуев.

²²⁹ Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012: 544.

²³⁰ Там же: 544.

²³¹ Заповев 2013.

²³² Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012: 544.

Список источников и литературы

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГВА – Российский государственный военный архив.

Алексеев, Колпакиди, Кочик 2012 – Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918-1945 гг. – М., 2012.

Гладков 2004 – Гладков Н.Н. История государства Российского в наградах и знаках. – Т. 1. – М.; СПб., 2004.

Заповев 2013 – Заповев Ю.К. Рыцарь без страха и упрёка // Народы Кавказа. – № 7. – 2 апреля 2013.

Киреев 2010 – Киреев Ф.С. Герои и подвиги: уроженцы Осетии в Первой мировой войне. – Владикавказ, 2010.

Осетия и осетины 2016 – Мугуев Хаджи-Мурат (1893-1968) // Осетия и осетины // URL: <http://osetins.com/2007/10/26/muguev-khadzhi-murat-18931968.html>

Сацаев 2016 – Сацаев Э. Мугуев-Хаджи-Мурат // Осетины // URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=869>

Селиванов 2007 – Селиванов М. Нагрудные знаки и жетоны военных учебных заведений Императорской армии. – М., 2007.

Спасский 2009 – Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 г. – М., 2009.

Ter-Oganov 2015 – Ter-Oganov N. Who Are You – Khadzhi-Murat Muguev? // Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. – 2015. – Vol. (4), Is. 2.

Yuri S. Pylytsyn

«FOREVER STIGMATIZE YESAUL MUGUEVA TRAITOR». THE HISTORY OF ONE DESERTION

In this article the unexplored period of biography of Ossetia party functionary and writer Boris (pen name - Haji-Murad) Muguev is described. His participation in anti-bolshevik struggle, his switch of sides to Bolshevik faction and the reaction on this event from the white movement. It is analyzed how the work of B.A. Muguev is described in different biographic works. The attempt was made to point out all discrepancies in them and formulate the questions for further research.

Key words: Cossacks, the Civil War, Caucasus, Ossetia.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ЯНВАРЕ-АПРЕЛЕ 1917

В статье на материалах протоколов заседаний британского Военного кабинета в январе-апреле 1917 г. дается краткий обзор взглядов британского военно-политического руководства на перспективы ведения Мировой войны в условиях политического кризиса в России.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Первая мировая война, революция, Военный кабинет.

Революция в России в 1917 г. стала одним из поворотных моментов не только для отечественной, но также для всемирной истории. Политический процесс, развернувшийся в России на фоне Первой мировой войны, которая входила в решающую фазу, не мог не затронуть жизненных интересов воюющих стран. Политическое руководство наших союзников внимательно следило за происходящими событиями в Петрограде, так как беспорядки в России в перспективе могли означать резкое изменение соотношения сил на Западном фронте.

В современной литературе нередко можно встретить утверждения, что Великобритания сыграла значительную роль в подготовке февральской революции, не случайно в историографии подробно рассматривалась активная деятельность английского посла Дж. Бьюкена на кануне февральской революции²³³. Однако документы, анализу которых и посвящена данная статья, содержат иные взгляды высшего военно-политического руководства (во главе с премьер-министром Д. Ллойд Джорджем) относительно внутренних проблем России. Безусловно, главный мотив политики Великобритании – удержать российское правительство в войне – требовал уделять большое внимание проблемам военной и политической стабильности. Протоколы заседаний кабинета, а также сопутствующие меморандумы и докладные записки от различных военных и гражданских ведомств британского правительства, представляющие собой весьма ценный корпус источ-

Ражев Александр Викторович, доцент кафедры общественных и художественно-эстетических дисциплин Государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования "Челябинский институт переподготовки и повышения квалификации работников образования" (ГБУ ДПО ЧИППКРО) (454000, Россия, г. Челябинск, ул. Красноармейская, 88); кандидат исторических наук, доцент.

Razhev Alexander, associate professor of Social, Artistic and Aesthetical Disciplines Department of Chelyabinsk Institute of Personnel Development and Continuing Education (454000, Russia, Chelyabinsk, Krasnoarmeyskaya st., 88); PhD, associate professor.

Электронная почта/E-mail: razhev.ipk74@mail.ru

²³³ Ермаков 2006: 44-47; Ланцев 2012: 51-55.

ников, позволяют восстановить то представление о внутривосточных процессах в России, на которое опиралось британское руководство при планировании своей стратегии в войне.

На предстоявшей в феврале 1917 г. конференции Великобритании в первую очередь руководствовалась военными целями, к тому же союзники наметили планы масштабного наступления на всех фронтах. 1917 г. по материальным признакам сулил широкие перспективы для Антанты. Она серьезно могла рассчитывать на победоносное окончание войны в этом году²³⁴. В этой связи Военный кабинет придавал большое значение развитию наступательных потенциалов России. По-этому главе британской делегации лорду А. Милнеру было указано в своих заключениях руководствоваться соображениями не только технического, но и общеполитического характера. В итоге Военный кабинет предоставил лорду Милнеру полную свободу в контактах с императором относительно «угроз делу союзников из-за внутренней ситуации в России»²³⁵. В дальнейшем все документы кабинета относительно России вновь сосредотачиваются на военных вопросах, в первую очередь на поставках вооружений для предстоявшего наступления.

Доклады лорда Милнера и генерала Г. Вильсона (глава военной миссии), представленные кабинету 6 марта 1917 г., несмотря на отмечаемые авторами кризисные явления в России, в целом содержали оптимистические выводы. События, однако, развивались стремительно и уже 14-15 марта 1917 г. А. Бальфур информировал Кабинет о происходивших в Петрограде стихийных беспорядках, зачитывая телеграммы Дж. Бьюкенена. В тот же день Кабинет согласился признать новое российское правительство де факто²³⁶.

Протоколы не дают возможности подробно рассмотреть те настроения, которые вызвали у членов Кабинета сообщения из Петрограда. Однако по обсуждаемым вопросам правительство Великобритании интересовалось, в первую очередь, военным аспектом. Не случайно в тот же день были одобрены две приветственные телеграммы: о ходе англо-русской операции в северной Месопотамии, а также Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенскому от лица английских лейбористов. Последняя телеграмма была инициирована Бьюкененом, который отмечал важность поддержки Думского правительства, так как «она выступает за продолжение войны, и если она одержит в ближайшее время верх

²³⁴Зайончковский 2002: 617.

²³⁵PRO, CAB 23/1. L. 115. W.C.37(17)14. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 18 January, 1917.

²³⁶PRO, CAB 23/2. L. 43. W.C.98(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 15 March, 1917.

(над Советом рабочих и солдатских депутатов – прим. авт.), то Россия окажется сильнее, чем была раньше»²³⁷.

Прошедшая в Петрограде революция в первое время не вызывала особого беспокойства в Лондоне. Кабинет затрагивал тему России лишь применительно к военным вопросам. Основными вопросами были военные поставки: 800 самолетов, а также разрывных и зажигательных пуль для авиации, а также координация действий в операциях против Турции²³⁸. Хотя в это время впервые был озвучен вопрос о судьбе отрекшегося императора и его семьи.

Впервые обеспокоенность последствиями русской революции прозвучала на заседании Кабинета уже 28 марта 1917 г. Первый лорд адмиралтейства Дж. Джеллико информировал членов кабинета о серьезном расстройстве Балтийского флота вследствие «значительного падения дисциплины. В тот же день начальник имперского генерального штаба генерал У. Робертсон со ссылкой на английского представителя в Царской Ставке генерала Дж. Хэнбери-Уильямса сообщал о «неизбежной пассивности русской армии в ближайшие несколько месяцев». Русское наступление, намеченное на май, откладывалось, что должно было негативно отразиться на запланированных операциях Западного фронта в апреле 1917 г.²³⁹ В апреле 1917 г. У. Робертсон сообщил о приостановке действий русских армий в Закавказье – одном из важнейших для британцев направлений. У. Робертсон констатировал, что в такой ситуации британские войска могут столкнуться с серьезными проблемами.

Таким образом, уже спустя месяц после революционных событий в Петрограде под вопросом оказалось дальнейшее участие России в войне, а также перспективы союзников. Интересно, что тогда же Дж. Джеллико советовал приостановить отправку военных грузов в Россию. Кабинет поддержал эту инициативу, согласившись пересмотреть номенклатуру товаров и согласовать отправку лишь наиболее важных наименований.²⁴⁰ В дальнейшем протоколы Кабинета фиксируют лишь ухудшение военной ситуации на Восточном фронте из-за разраставшегося политического кризиса в России. Робертсон констатировал 18 апреля, что «в нынешних условиях не стоит ждать русского наступления в обозримом будущем, т.к. по словам генерала М.В. Алексева

237 PRO, CAB 23/2. L. 45. W.C.98(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 15 March, 1917.

238 PRO, CAB 23/2. L. 43. W.C.101(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 22 March, 1917.

239 PRO, CAB 23/13. Ll. 78-79. W.C.107(17)7.8. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 28 March, 1917.

240 PRO, CAB 23/13. Ll. 105-107. W.C.117(17)4,21. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 11 April, 1917.

этого не позволит серьезная ситуация в Петрограде».²⁴¹ В то же время военный атташе сообщал о начавшемся развале русской армии, в результате чего «русские не смогут удержать фронт... Рига падет, как только немцы пожелают ее взять».²⁴² Начальник британского генштаба даже предложил отозвать своего представителя из русской Ставки.

1 мая 1917 г. британский Военный кабинет во главе с премьер-министром Дж. Ллойд Джорджем в составе лорда Керзона (Лорд-председатель Совета и лидер Палаты лордов), лорда Милнера и А. Гендерсона (министры без портфеля), а также в присутствии приглашенных А. Бальфура (глава Форин-офис), лорда Хардинга (постоянный заместитель министра иностранных дел), лорда Сесила (министр по вопросам блокады) и генерала У. Роберстона обсуждали ситуацию на Западном фронте. Если в конце 1916 планировалось провести следующий год под знаком «великого наступления», то к маю против этого высказывались генерал А. Петен (начальник французского генштаба) и генерал М.В. Алексеев. Последний отмечал, что «Россия не сможет предпринять большое наступление в этом (1917 – прим. авт.) году, а, следовательно, союзники столкнутся с основной массой германских резервов»²⁴³. По общему мнению «Россия была самым слабым звеном Антанты». Военные предупреждали о вероятности окончательного краха России в результате масштабного военного поражения со значительными людскими потерями. В этом случае союзники на Западе рисковали остаться один на один против Германии²⁴⁴.

В целом можно говорить, что в конце апреля 1917 г. в высшем военно-политическом руководстве Великобритании начали проявляться отрицательные взгляды на перспективы участия России в войне. Критическое восприятие внутрисполитического кризиса, который к лету уже самым серьезным образом затрагивал военные интересы Англии и Франции, означал неизбежную трансформацию британской политики по отношению к своей ранее надежной союзнице.

Статья подготовлена в рамках совершенствования системы повышения квалификации учителей общественных дисциплин²⁴⁵.

²⁴¹ PRO, CAB 23/13. Vol. 1. L. 111. W.C.119(17)10. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 18 April, 1917.

²⁴² Ibid. L. 120.

²⁴³ PRO, CAB 23/13. Vol. 1. L. 12. W.C.128A(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 1 May, 1917.

²⁴⁴ PRO, CAB 23/13. Vol. 1. Ll. 13-14. W.C.128A(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 1 May, 1917.

²⁴⁵ Кузнецов, Трошков 2010: 102-104.

Список источников и литературы

- Ермаков 2006** – Ермаков В.Д. Посол Великобритании сэр Дж. Бьюкенен в Петрограде // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2006. – № 1.
- Зайончковский 2002** – Зайончковский А.М. Первая мировая война. – СПб.: Полигон, 2002.
- Кузнецов, Трошков 2010** – Кузнецов В.М., Трошков С.Н. Развитие проектировочных умений слушателей курсов повышения квалификации // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 1.
- Ланцев 2012** – Ланцев С.Н. Британская дипломатия в России накануне свержения самодержавия // Вестник Брянского государственного университета. 2012. – № 2.
- PRO, CAB 23/13. Vol. 1. L. 111. W.C.119(17)10. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 18 April, 1917.
- PRO, CAB 23/13. Vol. 1. L. 12. W.C.128A(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 1 May, 1917.
- PRO, CAB 23/13. Vol. 1. L. 13-14. W.C.128A(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet, 1 May 1917.
- PRO, CAB 23/1. L. 115. W.C.37(17)14. Cabinet, 18 Minutes of a Meeting of the War. January, 1917.
- PRO, CAB 23/2. L. 43. W.C.98(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 15 March, 1917.
- PRO, CAB 23/2. L. 43. W.C.101(17)1. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 22 March, 1917.
- PRO, CAB 23/13. L. 78-79. W.C.107(17)7.8. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 28 March, 1917.
- PRO, CAB 23/13. L. 105-107. W.C.117(17)4,21. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. 11 April, 1917.

Alexander V. Razhev

THE FEBRUARY REVOLUTION IN RUSSIA AND THE UK MILITARY POLICY IN JANUARY-APRIL 1917

The article on the materials of the British War Cabinet protocols in January-April 1917 is considered the views of the British military and political leaders on the prospects of conducting World War I in terms of the political crisis in Russia.

Key words: Russia, United Kingdom, World War I, the Revolution, the War Cabinet.

В. А. Сутырин

П. П. БАЖОВ В РЕВОЛЮЦИИ 1917

В статье раскрывается деятельность уральского писателя П.П. Бажова в условиях революций 1917 г. в России. Делается вывод о том, что его приход в Революцию был искренен и до конца своей жизни П.П. Бажов оставался преданным бойцом коммунистической партии.

Ключевые слова: П.П. Бажов, революция, Урал.

Именно так: Революция 1917 г., с обоими ее сетами – февральским и октябрьским. Именно в такой обобщенной формулировке, поскольку до самого этого события Павел Петрович, сын заводского рабочего, имел в реальности очень мало отношения к собственно пролетариям, в то же время, связавшись с революционерами, видел главной движущей силой переустройства действительной жизни народ, сиречь крестьянство, а еще точнее – старообрядческую ее часть.

Так вышло (может, ситуативно, а может, закономерно), что первыми его учителями революционной крамолы стали последователи народников шаповско-кельсиевского направления. И крамола здесь была двойная: во-первых, противу царя, а во-вторых, противу официального православия, что еще предосудительнее – ведь Паша Бажов был семинаристом!..

Окончив полный курс семинарского обучения, он вовсе не стремился пойти по духовной линии, отказавшись для начала от места целевого студента в Киевской духовной академии, а затем и от места учителя закона божия в селе в районе Невьянска. Устроила его должность преподавателя в начальных классах Екатеринбургского духовного училища, но – светских дисциплин: родного языка, чистописания, черчения, латыни... Одним словом, протестное настроение было характерно для будущего писателя, что называется, с младых ногтей.

Участие его в событиях 1905 г. в Екатеринбурге было не очень активным. Известно, что он писал стихотворные «пашквили» на своего прямого начальника и соседа по улице – владыку Владимира, за что был арестован и посажен.

Тюрьма мало кого воспитывает, а Бажова воспитала: он вышел, покаялся и... сохранил прежнее место службы по духовному ведомству. Двух недель заключения хватило ему, чтобы пересмотреть свои

Сутырин Владимир Алексеевич, кинорежиссер, сценарист, писатель, член Союза писателей РФ и Союза кинематографистов (Россия, г. Екатеринбург).

Sutyryn Vladimir, film director, scenarist, writer, the member of the Union of writers of Russian Federation and the member of the Union of cinematographers (Russia, Ekaterinburg).

Телефон/Phone: +7-912-220-55-61. Электронная почта/E-mail: vovsha@mail.ru

взгляды на жизнь и вплоть до 1917 г. в его биографии нет ничего революционного.

С началом Второй Отечественной (Первой мировой) он уезжает на жительство в Камышлов, где продолжает службу преподавателем в тамошнем духовном училище, и вот здесь грядущая революция снова напоминает своему прежнему адепту о себе. Она стягивает его в свой начинающий раскручиваться водоворот в качестве нелегального кружковца. В его квартире собираются люди разного класса и политических воззрений, в том числе и рабочие-большевики. Но сам-то он снова сближается с народниками, вернее, с их наследниками – эсерами, ко-торые делают ставку на крестьян. Это логично, поскольку Камышлов-ский уезд – территория земледельческая, хлеборобская и сам город вырос именно на крестьянском производстве, следовательно, и партия социалистов-революционеров была здесь сильнее большевистской.

Что отличало Павла Петровича от местной партверхушки? Прежде всего, грамотность, чем похвастаться провинциальные эсеры не могли. Во-вторых, выдержанность, доброжелательность, умение вести дискуссии с оппонентами и выступать перед публикой. К нему прислушивались и ему верили. Первым печатным трудом будущего писателя стал его доклад «Программа трудового крестьянства», написанный, а до того произнесенный на публике, не начетническим, а простым и понятным слогом, местами даже художественным.

С началом Революции 1917 г., когда на местах начались реальные изменения власти, Бажов был избран сначала в местный Совет, где ему пришлось работать бок о бок с представителями других партий; стал его председателем, а затем и мэром (городским головой) города Камышлова, в коем качестве проработал до окончания февральского сета Революции.

Вопрос о том, состоял ли надворный советник (чин, дающий личное дворянство) Бажов в этот период действительным членом партии социалистов-революционеров, до сих пор открыт. Никаких документальных подтверждений этому не найдено. Сам он позже утверждал в своих автобиографиях, что лишь «блокировался» с оными. Иное доказать никому не удалось. Думается, Павел Петрович не лукавил: понимая из личного опыта, что членство в оппозиционной партии чревато ухудшением его материального положения (а у Баждова на иждивении находилось 6 душ домочадцев), он служил Революции душой, не чая для себя никаких политических преференций.

Такая его революционная чистота была точно подмечена и местными большевиками, которые в апреле 1918 г., когда эсеры в знак несогласия покинули местный исполком, назначили Павла Петровича уездным комиссаром просвещения, а позже определили и в коллегию по финансовым делам, плюс к тому сделали еще и заведующим «тех-

ническо-строительным» отделом. И он послушно нес на себе все эти общественно-административные обязанности.

В итоге на съезде местного Совета большевики приглашают Бажова вступить в свою партию и в качестве бонуса предлагают считать его партийный большевистский стаж не с 26 июня 1918 г., когда съезд и происходил, а с того же числа, но предыдущего 1917 г., учитывая его заслуги на советском поприще! Случай, по-моему, беспрецедентный, как и то, что спустя полтора десятка лет эта неуставная инициатива местных товарищей выйдет ему боком... Но в 1918 г. отношение большевиков Камышлова к П.П. Бажову было безукоризненным и потому именно он ввиду приближения Колчака был направлен с ценностями уездного банка в Пермь, после чего, выполнив партийное задание, Павел Петрович возвращается в Зауралье и вливается в особую роту (прообраз политотдела) дивизии Красной Гвардии, где становится практическим руководителем газеты «Окопная правда».

1 сентября 1918 г. ему вручают партбилет (с тем бонусным стажем), а спустя месяц он уже становится секретарем партиячейки штаба дивизии...

Учитывая узкие рамки, отведенные для публикации, на этом можно и остановиться. Всех, кого интересует дальнейшее развитие событий в жизни Павла Петровича, адресую к моей книге «Павел Бажов. Биографическое повествование»²⁴⁶, вышедшей в Екатеринбурге в 2012 г. и наверняка имеющейся во всех библиотеках региона.

Из вышесказанного же хочу резюмировать два момента, абсолютно не модных сегодня, но отражающих суть личности писателя. Во-первых, его приход в Революцию был искренен и до конца дней своих Павел Петрович оставался преданным бойцом коммунистической партии. А во-вторых, Бажов был равнодушен к религии и ни один из фактов биографии автора «Малахитовой шкатулки» не подтверждает его подлинного интереса к православию. Несмотря на все это берусь утверждать, что для уральцев (используя формулу Аполлона Григорьева) **Бажов – наше всё!**

Список источников и литературы

Сутырин 2012 – Сутырин В.А. Павел Бажов. Биографическое повествование. – Екатеринбург, 2012.

²⁴⁶ Сутырин 2012.

P. P. BAZHOV IN THE REVOLUTION OF 1917

The article reveals the activity of the Ural writer P. P. Bazhov in terms of the revolutions of 1917 in Russia. It is concluded that its arrival during the Revolution, was sincere and to the end of his life P. P. Bazhov remained a loyal soldier of the Communist party.

Key words: P. P. Bazhov, the revolution, the Urals.

Код ВАК 07.00.02; 07.00.09

А. Л. Устинов

**ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ. НА
СКЛАДЫВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ПРОМЫШЛЕННОЙ
РЕВОЛЮЦИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА
ПРИМЕРЕ КАСЛИНСКОГО И КЫШТЫМСКОГО ЗАВОДОВ)**

В статье рассматриваются вопросы формирования предпосылок промышленной революции на заводах Южного Урала. Автор показывает связь отношений между приказчиками и заводчиками и производственных показателей на заводах. Делается вывод о накоплении ресурсов, необходимых для начала промышленной революции в XIX в. Статья снабжена статистическими данными.

Ключевые слова: промышленная революция, производство, частная металлургия, приказчики, предпринимательство.

Общеизвестно, что промышленный переворот, или промышленная революция в России началась с 30 – 40-х гг. XIX в., закончится только к концу столетия, да и начнется вовсе не в металлургии. Длительное господство крепостных отношений было серьезным препятствием на пути промышленного переворота. Однако такой переход не мог быть одномоментным, и его истоки надо искать в более раннее время.

Устинов Андрей Леонидович, ассистент кафедры истории, экономики и права Уральского государственного медицинского университета (620219, Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3).

Ustinov Andrey, assistant of the Department of History, Economics and Law of Ural State Medical University (620219, Russia, Yekaterinburg, Repina Street, 3).

Телефон/Phone: +7-902-25-68-617.

Электронная

почта/E-mail:

andrey.ustinoff2011@yandex.ru

Если обратиться к металлургическому производству на Южном Урале на рубеже XVIII – XIX вв., то надо отметить, что в основе своей оно оставалось первое феодальным, второе – ручным. Однако в недрах феодальных отношений и мануфактурного производства неизбежно, на наш взгляд, должны были закладываться предпосылки будущей промышленной революции. Чтобы понять, как это происходило, обратимся к анализу производственных показателей этих заводов на рубеже XVIII – XIX вв.

Данный анализ позволяет определить следующее:

1. Степень эффективности организации заводского производства в период создания капиталистического хозяйства на Урале, его рентабельность и степень загруженности производственных мощностей.
2. Честность и добропорядочность заводских служителей и приказчиков в вопросах отчетности перед заводладельцем об объемах производства и поставок металла.
3. Выявление факторов, влиявших на динамику производства и финансового оборота предприятий во временном масштабе, и причин изменения данной динамики.

Теперь о региональной специфике. Мы обращаемся к заводскому хозяйству Демидовых на Южном Урале, потому что с точки зрения исследования динамики заводского производства заводы Южного Урала представляют собой наиболее интересный феномен. Общеизвестно, что Урал – индустриальный центр России в XVIII в. – к началу XIX в. начинает сдавать свои позиции, уступая место Югу России, как новому промышленному центру, который в эпоху промышленной революции станет едва ли не ведущим. Однако Южный Урал, в отличие от Среднего, никогда не превращался в один из опорных центров российской промышленности. Отсюда необходимость провести комплексный анализ динамики социально-производственных процессов на заводах Южного Урала в период заведения на изучаемых мануфактурах капиталистического хозяйства и попытаться понять, могли ли в недрах демидовского хозяйства на Южном Урале быть заложены предпосылки для промышленной революции, начавшейся уже гораздо позднее продажи этих заводов Демидовыми.

Нашей целью является анализ социальных, производственных, управленческих факторов, которые в той или иной степени влияли на масштабы и уровень производства на Каслинском и Кыштымском заводах Никиты Демидова в последней четверти XVIII – начале XIX вв. и закладывали предпосылки промышленной революции XIX в. Задачи состоят в:

1. Изучении производственной динамики на Кыштымском и Каслинском заводах в изучаемый период и факторов, влияющих на эту динамику;

2. Анализе хозяйственной деятельности заводских служителей и приказчиков, оказывающей влияние на эту динамику;

3. Анализе финансово-производственной отчетности Кыштымской и Каслинской заводских контор по годам.

Производственные показатели на заводах иллюстрирует приведенная ниже таблица.

Таблица 1.

Изменение основных производственных показателей
Кыштымских и Каслинского заводов за период 1783 – 1809 гг.²⁴⁷

№ п/п	Год	Действие домен (из 3-х)	Число горнов	Выковка железа, пуд.	Из него отпущено в Сорokino, пуд.
1	2	3	4	5	6
1	1783	2	50	270993,00	195574,18
2	1789	1	10	150838,00	147564,31
3	1791	2	4	168143,00	137919,37
4	1792	3	36	262640,00	252494,09
5	1793	2	38	320000,00	285821,05
6	1794	2	24	176986,00	164892,17
7	1795	2	30	282473,00	251419,01
8	1796	2	4	77250,00	71051,23
9	1797	2	55	320969,00	304900,00
10	1798	3	55	225022,06	203057,12
11	1799	3	57	331482,00	307978,32
12	1800	3	57	265322,21	264809,32
13	1801	3	57	405808,17 S	381354,21
14	1802	3	45	330588,13	316374,09
15	1803	1	26	239376,26	237675,33
16	1804	2	16	189832,25	182945,03
17	1805	2	17	223295,12 S	221249,01
18	1807	1	22	258792,35 S	248009,35

²⁴⁷ Сост. по: ОГАЧО. – Ф. И-172. – Оп. 1. – Д. 54, 61, 68, 74, 77, 85, 88, 90, 94, 99, 102, 106, 116, 118, 123, 125, 130, 131, 138, 145, 152.

19	1808	1	14	208517,21	206828,16
20	1809	3	13	195622,22	195150,25

Видно, что не допускалась ситуация, чтобы ни одна домна не действовала. Следует при этом иметь в виду, что в период страды горны чаще всего не действовали, находясь в просушке, а в иные периоды число горнов могло доходить до 57.

А собственно, с чем связаны были все простои в производстве и поставках металла?

В письме приказчикам Блинову, Серебрякову, Аврамову от 30 января 1785 г. Демидов писал: «...караванного ж Тимофеева в начале за дорогой на железо провозъ, за такое шагание и лишнюю в денгах трату и за пьянство, и што долго в ходу медлили, и тем воду упускали, и за нескорую репортровку и ослушание по моимъ письмамъ, и за разные непорятки и плутни наказаль я нещадно плетми... а на провоз Тимофееву с товарищи из Петербурга до Сибири дано, за штраф же, за вышеписанныя ж непорятки толко 25 ру[блей]»²⁴⁸.

А уже в следующем письме от 4 февраля 1785 г. Никита Демидов угрожал своим подчиненным: «Выходами всеми, вижу, Вы, спафеи, совсемъ збились, к великому Вашему стыду, из чего явно видна Ваша не прилежность к лутчему смотрению и очевидное нерадение к господскому добру... Какъ доменные суточному чогуону, такъ и из кучь коробовъ угля выходы самыя препакоствныя, а в молотовых из крицы недоделы и самыя премерския, а паче удивителныя на Кыштыме, чего ни где и никогда не бывало и нетъ. Берегись гунствот, нечестивый Блиненкоъ, ребра не оставлю за такія неслыханныя мерзости»²⁴⁹.

Насколько же реален был план?

В письме от 19 февраля 1783 г. приказчики Блинов, Серебряков и Аврамов сообщали, что де «в молотовыхъ фабрикахъ работа происходит по отпуске сего при ковке полосного и сартоваго железа, хотя вода в прудахъ и очень уже мала, токмо еще доколе промаячимъ на всехъ горнахъ без запору»²⁵⁰. Производственные условия не позволяют заводам работать на полную мощность.

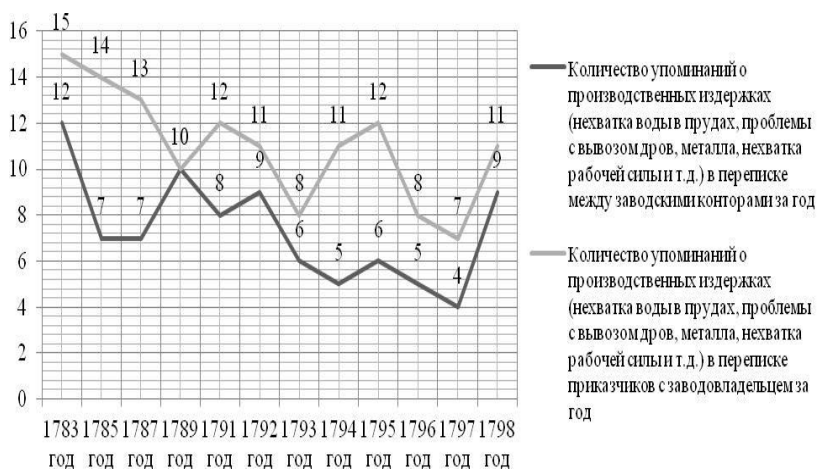
Одна из причин – высокие производственные издержки. Сравним частоту жалоб приказчиков на производственные издержки заводчику и упоминания о таких издержках в переписке друг с другом.

²⁴⁸ ОГАЧО. – Ф. И-172. – Оп. 1. – Д. 57. – Л. 1 об.

²⁴⁹ Там же. – Л. 3.

²⁵⁰ Там же. – Д. 54. – Л. 20 об.

Частота упоминаний о производственных издержках в переписке между заводскими конторами и приказчиков с заводчиком на Кыштымских и Каслинских заводах с 1783 по 1798 гг.²⁵¹

Очевидно, что сведения о производственных издержках, упоминаемые в переписке между конторами, вполне правдивы, так как вводить в заблуждение друг друга у приказчиков не было никакого интереса. Чего, однако, не скажешь о рапортах, посылаемых заводладельцу. Только в 1787 г. количество сообщений о заводских издержках в годовом исчислении в переписке между конторами и с заводладельцем совпадает (см. Схема 1). В остальные годы заводчику гораздо чаще жаловались на такие проблемы, чем сообщали об этом друг другу.

Еще одно обстоятельство, заставляющее усомниться в способности заводладельца контролировать ситуацию на заводах.

По данным записки о продаже металла, отправленного в караван из Сорокино в Лайшево, подписанной Петром Григорьевичем Демидовым, еще покойный Никита Демидов продал в 1804 г. 120,000 пуд. металла, за 1805-й г. уже Петр Демидов продал 110,000 пуд.²⁵² По материалам годовой заводской отчетности (см. Таблица 1) в 1805 г. отпущено в Сорокино было 221,249.01 пуд. металла. Видимо, это и есть то самое доказательство наличия на заводах двойной бухгалтерии.

²⁵¹ Сост. по: ОГАЧО. – Ф. И-172. – Оп. 1. – Д. 53, 55, 57, 61, 63, 68, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 81, 84, 88, 90, 94, 98, 99, 101, 102, 105, 106.

²⁵² См.: ОГАЧО. – Ф. И-172. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 20.

Петр Демидов, конечно же, придерживался иного стиля руководства, нежели его покойный дядя. Он был требователен к своим служащим, но в то же время в общении с ними не позволял себе опускаться до откровенной брани. Он пытался быть также арбитром в спорах между служащими, и неправых мог отстранить от занимаемой должности²⁵³.

Подведем итоги.

Во-первых, четко выраженной производственной динамики (динамики роста или снижения) производства выделить не представляется возможным. В то же время, хозяйство Демидовых на Южном Урале не приходило в упадок, и было вполне рентабельным и развивающимся. Производственные показатели демонстрируют продолжающееся накопление, которое не могли остановить даже нечистоплотность приказчиков и неспособность заводчиков полноценно их контролировать, а иногда это даже стимулировало такое накопление, подстегивая предпринимательскую деятельность приказчиков. В свою очередь такое накопление становится важным фактором вызревания предпосылок промышленной революции в металлургии.

Во-вторых, анализ хозяйственной деятельности заводских служащих и приказчиков показывает, что четко выраженной зависимости между этой деятельностью и динамикой производства не было. Более того, приказчики и заводские служащие фактически «без отрыва от производства» занимались собственной предпринимательской деятельностью, продавая ворованный у господина металл на сторону. Таким образом, их деятельность была направлена на увеличение собственной прибыли, а не прибыли завода и заводчика. Вместе с тем увеличение такой прибыли становилось важным фактором накопления тех ресурсов, которые станут составной частью промышленной революции XIX столетия.

Собственно, в 1809 г. заканчивается «демидовский период» истории изучаемых заводов, и сама промышленная революция придется уже не на него. Однако эти заводы (в отличие от большинства заводов региона) останутся частновладельческими. Но это уже – предмет новых исследований...

Список источников и литературы

ОГАЧО – Объединенный Государственный архив Челябинской области.

²⁵³ Там же. – Д. 139. – Л. 2.

Andrey L. Ustinov

**INFLUENCE OF INDUSTRIAL INDICATORS OF METAL
WORKS SOUTHERN URALS MOUNTAINS LAST QUARTER
XVIII – THE BEGINNINGS OF XIX CENTURIES ON FOLDING
OF PRECONDITIONS OF INDUSTRIAL REVOLUTION:
THE SOURCE STUDY ANALYSIS (ON EXAMPLE OF KASLINSKY
AND KYSHTYMSKY FACTORIES)**

In article questions of formation of preconditions of industrial revolution at factories of Southern Urals Mountains are considered. The author shows communication of relations between salesmen and factory owners and industrial indicators at factories. The conclusion is about accumulation of the resources necessary to start industrial revolution in XIX century. Article is supplied by statistical data.

Key words: industrial revolution, manufacture, private metallurgy, salesmen, business.

Код ВАК 07.00.02

М. А. Фельдман

**ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ:
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА УРАЛА
К МОМЕНТУ СОЗДАНИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье на основе использования статистических методов определены характерные черты знаковой социальной группы послереволюционной советской эпохи – «уральской региональной элиты». Сделаны выводы о факторах, влияющих на формирование и эволюцию новой элиты. При всей условности воздействия неоднородного и разнонаправленного рабочего социума, его сакрализации в пропаганде и марксистской теории, отдаленность вчерашних подпольщиков от реалий рабочего быта превращалась в социальный фактор. Указан вектор расположения «уральской региональной элиты» на ступенях управленческой лестницы.

Ключевые слова: партия, регион, элита, Урал, рабочие, управленцы, поколение, большевики.

Фельдман Михаил Аркадьевич, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66); доктор исторических наук, профессор.

Feldman Mikhail, professor of the Department of Public Administration and Policy Technologies of Ural Institute – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (620990, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66); Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-78-81. Электронная почта/E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Объединение на основе Постановления ВЦИК СССР от 3 ноября 1923 г. четырех губерний РСФСР (Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской) в единую Уральскую область, превращало ее в своеобразный полигон для реализации новой экономической политики в индустриально-аграрном крае с площадью 1659 тыс. кв. км и населением 6380 тыс. человек²⁵⁴.

Судя по тексту Предисловия к «Обзору по итогам районирования Уральской области», изданного в Свердловске в 1924 г., руководство Уральской области ориентировалось на слова А.Н. Рыкова, произнесенные им на XII-м съезде правящей партии в мае 1923 г. (на тот момент, в условиях длительной болезни В.И. Ленина, А.Н. Рыков был фактическим руководителем правительства СССР – Совета Народных Комиссаров): «управлять огромной страной на основе бюрократического централизма невозможно. Нам нужны мощные областные центры с правами, далеко превышающими права и полномочия бывших губисполкомов»²⁵⁵.

Позицию коммунистов Урала по основным проблемам общепартийной и общесоюзной жизни должна была выявить первая областная конференция (Уральской области) в середине декабря 1923 г. Наличие 227 делегатов, представлявших 23 тыс. членов партии; присутствие секретаря ЦК В.М. Молотова; подчеркнутая торжественность открытия – все это придавало форуму уральцев особое значение.

Созвучие мысли А.Н. Рыкова о широких полномочиях Уральской области содержалось в Отчетном докладе Уральского Бюро ЦК РКП (б) первой областной конференции: «конференция должна была избрать Уральский областной комитет с большими полномочиями и сложными функциями». Первый опыт появления подобного института в СССР должен был качественно улучшить управленческую работу²⁵⁶.

С точки зрения марксистских канонов, партийные организации Уральской области представляли собой «идеальную» структуру. Высокий процент рабочих (более 46%) в общей массе коммунистов, еще более возростал среди работников губернских комитетов РКП (б) – 62%. Среди 1111 ответственных работников во всех звеньях аппарата четырех губерний русские составляли 92%²⁵⁷, что соответствовало и национальному составу населения области (89,2%)²⁵⁸.

Близость позиций радикальных партий в дореволюционную эпоху обусловила тот факт, что 150 ответственных работников, или

²⁵⁴ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 90. – Л. 12.

²⁵⁵ЦДООСО. – Л. 12.

²⁵⁶Там же. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 2-а. – Л. 1.

²⁵⁷Подсчитано по: ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 2-а. – Л. 8 об., 10.

²⁵⁸Там же. – Д. 90. – Л. 13.

каждый седьмой, были выходцами из социалистических партий²⁵⁹. В начале 1920-х гг. это еще не вызывало подозрений.

Правда, только десятая часть ответственных работников имела дореволюционный партийный стаж, но это должно было компенсироваться «революционным духом» подавляющего большинства управленцев, вступивших в партию в годы Гражданской войны²⁶⁰; совместной работой по восстановлению индустрии Урала в труднейших условиях 1920-1923 гг.; наконец, молодостью управленцев: характерно, что из 135 ответственных работников *областных учреждений* Уральской области (на 15 ноября 1923 г.) – 118 или 87% были моложе 35 лет; значительными тиражами пропагандистских брошюр, вышедшими в Екатеринбурге²⁶¹.

Среди руководителей губернских комитетов РКП (б) было немало участников Гражданской войны, хорошо известных на Урале. Личность М.М. Харитонова, избранного по рекомендации ЦК РКП (б) первым секретарем Уралобкома на конференции коммунистов области в декабре 1923 г., была менее «на слуху»: даже отработав два года (1921 – 1923) секретарем Пермского губкома, среди сплоченного годами революционного подполья и событий 1917 – 1920 гг. коллектива уральской партийно-хозяйственной элиты²⁶², он не только считался «назначенцем» из центра, но и сам себя идентифицировал таким образом²⁶³.

Заметим, что принцип назначенчества широко практиковался руководством правящей партии: из шести человек, работавших первыми секретарями Уральского обкома РКП (б) за время существования Уральской области (1923-1934 гг.), пятеро были назначены партийным центром и только один человек – Д.Е. Сулимов – был избран на этот пост из числа местных руководителей.

В то же время выходцы с Урала – руководители большевиков региона в 1917 – 1920 гг. (Н.Н. Крестинский, Е.Н. Преображенский, В.Н. Андронников, Ф.Ф. Сыромолотов и многие др.) – в начале 1920-х гг. работали в ЦК РКП (б), СНК СССР, ВСНХ, во главе трестов на Украине. Частые перемещения управленцев должны были, по мысли руководства компартии, не допустить сплочения местных элит.

Но что же из себя представляла региональная местная элита? Рассмотрим этот вопрос на примере такой социальной группы, как члены областного комитета РКП (б), избранного в декабре 1923 г. на первой конференции коммунистов Уральской области.

²⁵⁹ Там же. – Л. 39-40.

²⁶⁰ Там же. – Д. 1. – Л. 1.

²⁶¹ ЦДООСО. – Д. 5. – Л. 3. Наибольшим тиражом была издана брошюра «Какое дело русским крестьянам до германской революции?».

²⁶² См.: Фельдман 2013: 679-686.

²⁶³ ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 8 об.

Из 44 членов областного комитета РКП (б) 43 являлись мужчинами. Факт, отражавший не только срез социокультурных основ участия в политической жизни граждан Советской России, но и военизированный характер самой партии.

В составе Уралобкома РКП (б), избранного на партконференции в декабре 1923 г. из 44 человек не было ни одного – по терминологии того времени – рабочего «от станка». Наличие в составе Уралобкома 25 партийных работников, 17 советских, хозяйственных, профсоюзных ответственных работников наглядно говорило о процессе формирования самостоятельной социальной группы – управленческой элиты. Преобладание в составе областного комитета РКП (б) *партийных функционеров* (более половины), без сомнения, факт показательный: на уровне региона секретари партийных комитетов получали гарантированное большинство по любым вопросам. Столь же примечательным было и соотношение советских и партийных управленцев среди членов Уралобкома: соответственно, семь и двадцать пять. Как видно, представительство Советов, фактически, позволяло иметь «совещательный голос», но не более того.

Вопрос теперь заключался в том, насколько быстро и насколько полно 32 члена обкома – рабочие по «социальному происхождению» – превратившись в управленцев и, подчиняясь партийной дисциплине, – забудут свое пролетарское прошлое.

К такому шагу способствовало то, что из 44 обкома 23 (т.е. более половины) имели стаж пребывания в партии большевиков до февраля 1917 г.: став профессиональными революционерами в юношеские годы, как правило, весьма короткий срок успели побывать в рабочей среде на производстве. При всей условности воздействия неоднородного и разнонаправленного рабочего социума; при сакрализации «рабочего класса» в пропаганде и марксистской теории, с одной стороны, и в то же время, использование как инструмента достижения политических целей, отдаленность вчерашних подпольщиков от реалий рабочего быта превращалась в весомый социальный фактор.

Следует отметить и препятствовавшие такому разрыву с прошлым обстоятельства: родственные и товарищеские связи; постановка на партийный учет, по традиции того времени, в заводских партийных ячейках; вера в социалистические идеалы.

Еще одной важной деталью было то, что если среди *всех коммунистов* Уральской области большевики со стажем пребывания в партии до февраля 1917 г. составляли менее 5%; среди всех ответственных работников *областных учреждений* Уральской области – 10,5%, то в руководящем региональном органе – Уралобкоме – картина была принципиально иная. По сути, подобное явление указывало на наличие разных социотипов и психотипов внутри партийных организаций, соз-

давая потенциальные предпосылки для будущих конфликтов поколений и нравственных ориентиров.

Качество партийной элиты иллюстрировал показатель образовательной подготовки: 32 члена обкома имели только начальное образование (судя по анкетам, нередко двухклассное), шестеро – имели среднее (чаще – горное училище) и только трое – высшее. С такой образовательной подготовкой неизбежно возрастала роль эмпирического опыта и экспериментальных действий.

Подавляющее большинство состава Уралобкома РКП (б) (31 из 45) составляли люди до 35 лет. Наконец 35 членов Уралобкома (или 80%) являлись русскими; четверо – евреи; по одному были представлены народы Прибалтики, Кавказа; Поволжья. Сопоставляя приведенные данные с характеристиками всех ответственных работников Уральской области нетрудно заметить, что по социальному происхождению, возрасту, образованию, национальному составу члены Уралобкома немногим отличались от «первой тысячи» большевиков Урала (1111 ответственных работников Уральской области).

Качественным отличием и пропуском в верхний слой региональной элиты в начале 1920-х гг. становился **партийный стаж**. Индикатор, говорящий о своеобразной проверке на преданность большевизму, указывавший на близость к партийным верхам. В начале 1920-х гг. (и до середины 1930-х гг.) близость к «ленинской гвардии» была своеобразным знаком принадлежности к «кругу избранных», как на уровне ЦК РКП (б) и СНК СССР, так и в провинции.

Жизнь, прежде всего, реалии Нэпа, становились той лабораторией проверки качества управленческого мастерства, которая выстраивала иную иерархию управленцев: на способных безусловно подчиняться директивам Центра, и способных к сколько-нибудь эффективной организации восстановления экономики. Характерно, что первая областная конференция в декабре 1923 г. выявила существенные различия во взглядах на Нэп между партийными функционерами и их товарищами, вставшими во главе совнархозов, трестов и крупнейших предприятий.

Сама специфика партийной работы подталкивала к безусловному выполнению директив сверху, идеологических нормативов, идеализации опыта прошлого. Все это способствовало консервации взглядов партийных работников; затрудняло реалистический анализ как прошедших, так и современных событий.

Однако Нэп продолжался, а с ним у региональных *хозяйственных* элит росло накопление управленческого опыта и иное, чем в годы Гражданской войны, эмпирическое осознание подходов к управлению. Даже с учетом того, что эти подходы носили явно выраженный технократический характер и в декабре 1923 г. замыкались отраслевыми

рамками, именно у хозяйственных работников – руководителей совнархозов, трестов и крупнейших заводов – на протяжении 1920-х гг. вызревало понимание реальных закономерностей развития экономики; необходимости сохранения многоукладности на длительную перспективу.

Имена ряда представителей хозяйственной региональной элиты (например, Д.Е. Сулимова и Ф.И. Локацкова, сыгравших видную роль в индустриализации) Урала и сегодня носят улицы уральских городов. Но судьба региональной элиты – вне рамок предлагаемой статьи.

Список источников и литературы

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Фельдман 2013 – Фельдман М.А. Рабочие во власти? Проблема личного участия рабочих в органах Советской власти в годы Гражданской войны // Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции «Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. 16-17 мая 2013 г. – М.: РУДН, 2013. – С. 679-686.

Mikhail A. Feldman

AFTER REVOLUTIONARY UPHEAVALS: REGIONAL ELITES OF URAL BY THE TIME OF CREATION OF THE URAL REGION

The article is based on the use of statistical methods determined the character of some iconic traits of a social group of post-revolutionary Soviet era called "the Urals-tion of the regional elite". The conclusions about the factors influencing the formation and evolution of a new elite. With all the conventions of the impact of heterogeneous and mixed the working society; its sacralization in the propaganda and Marxist theory, the remoteness of yesterday's underground from the realities of working life has become a social factor. Specified vector location "of the Ural regional elites" on the steps of the management ladder.

Key words: party, region, elite, the Ural, the workers, the managers, the generation of Bolsheviks.

Г. Н. Шапошников

МЕДИЦИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕВРОПЕ (К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА)

Медицинская революция Нового времени является важной частью общих процессов индустриальной модернизации, переходного периода от аграрного к индустриальному обществу. Автор анализирует историографию проблемы и представляет свое видение сущности и этапов медицинской революции в Европе в XVI – начале XX вв.

Ключевые слова: научная революция, медицинская революция, этапы, индустриальная модернизация, историография.

В последнее время в СМИ и в популярной литературе получил распространение термин «медицинская революция». При этом, в публикациях наблюдается определенная легковесность толкования этого понятия. Так, часть авторов называют медицинской революцией внедрение какой-либо новой методики лечения или процессы реорганизации отечественного здравоохранения. Журналисты медицинской революции назвали протестные движения в среде медиков, связанных с издержками проводимой реформы здравоохранения²⁶⁴.

В медицинской литературе данный термин практически не употребляется. Говоря об истории медицины, медики предпочитают употреблять термины «эволюция», «качественные сдвиги», «достижения», понятие «революция» у многих врачей вызывает отторжение. Так, А.П. Зильбер в содержательной монографии отмечает, что он «недолюбливает» данный термин, и сравнивает революцию не с разви-

Шапошников Геннадий Николаевич, заведующий кафедрой истории, экономики и правоведения Уральского государственного медицинского университета (620219, Россия, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3); доктор исторических наук, доцент.

Shaposhnikov Gennadiy, the Head of the Department of History, Economics and Law of Ural State Medical University (620219, Russia, Yekaterinburg, Repina Street, 3); Dr. of History, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 214-85-38. Электронная почта/E-mail: history@usma.ru

²⁶⁴ См., например: Система оздоровления «Айконе» врача Абая Емши. В г. Троицке на Южном Урале революцией в медицине журналисты назвали применение бесконтактных глюкометров для определения уровня сахара у больных диабетом и расширение практики инвазивных операций. В г. Челябинске революцией окрестили придание крупным городским медицинским центрам статуса областных и обещание губернатора Челябинской области увеличить парк машин скорой медпомощи. – URL: [http://subscribe.ru/archive/release.event/200412/01190328](http://subscribe.ru/archive/release.event/200412/01190328;); https://health.mail.ru/news/meditsinskaya_revolyutsiya/; Великая медицинская революция 2015; В стране намечается медицинская революция 2015.

тием общества, а с катастрофой²⁶⁵. Тем не менее, по его мнению, за последние 2 века в мировой и отечественной медицине прошло, по крайней мере, 4 медицинские революции. Под первой он понимает безудержное возрастание «технизации» лечения. Вторую автор обозначил, как медико-индустриальный принцип взаимно анонимного обслуживания больного. Третья пришлась на конец XX в. и заключалась в том, что медицинские услуги превратились в товар, а пациент стал потребителем. Суть четвертой революции – приоритет стандартов и протоколов, превращение больного в медицинско-санитарную единицу²⁶⁶.

Отдавая должное оригинальности такого понимания проблемы, мы считаем, что А.П. Зильбер не корректно выделил критерии самого понятия «медицинские революции»: так, в первом и во втором определении критерии стали технократические аспекты, в третьем – социально-экономические (превращение медицины в сферу услуг и товар), в четвертом – организационные (формализация и стандартизация документооборота и протоколов). Такое смещение критериев революционных поворотов привело к смещению и хронологических рамок. Превращение медицинских услуг в товар – это не реалии нынешнего столетия, но появление рыночных механизмов в Европе и России на протяжении всего Нового времени. Процессы формализации и стандартизации в здравоохранении проходили уже в XIX в. Автор данной статьи не согласен с А.П. Зильбером и в оценке революций. Революции – не катастрофы, а проявление модернизационных поворотов, которые, естественно, имеют как положительные, так и отрицательные стороны.

На наш взгляд, более содержательно к проблеме медицинских революций подошли В.И. Бородулин, А.М. Сточик, С.Н. Затравкин. Эти авторы ввели в историю медицины само понятие медицинских революций. Изучая процессы развития медицины в Новое время, т.е. в XVII - XIX вв., они пришли к выводу, что в этот период произошли преобразования, которые следует определить, как две медицинские революции. Суть их в пересмотре господствующих представлений о строении и механизмах жизнедеятельности человека, сущности болезней, возникновении новых подходов в диагностике и лечении. Первая медицинская революция охватывает XVII – конец XVIII вв. Вторая – проходила в XVIII – конце XIX вв., когда сформировалась клиническая медицина²⁶⁷. В.И. Бородулин выделил такую черту медицинской революции, как существование длительного разрыва между достижениями медицинской науки и внедрением их в практику лечения²⁶⁸.

²⁶⁵ Зильбер 2008: 19.

²⁶⁶ Там же: 20, 22, 24.

²⁶⁷ См.: Сточик, Затравкин 2015; Сточик, Затравкин 2016 (а); Сточик, Затравкин 2016 (б).

²⁶⁸ См.: Бородулин 2015 (а); Бородулин 2015 (б).

Логика вышеперечисленных специалистов, их рассуждения и аргументация весьма убедительны и научно обоснованны. В целом, отмеченные публикации являются новационными, авторы предложили по-новому взглянуть на процессы становления медицины в один из самых сложных периодов всемирной истории. Отрадно и то, что сегодня понятие медицинской революции стало применяться и в исторической литературе²⁶⁹.

Вместе с тем, вышеперечисленные авторы сосредоточили свое внимание на изучении научных открытий в медицине, ее значимых достижений, наконец, показали роль отдельных врачей. Социальные аспекты медицинской революции, отношения врачей и пациентов, изменение социальных функций медицины и общественного положения врача – и сегодня остаются менее изученными. На отсутствие интереса к социальным аспектам истории медицины в отечественных исследованиях обратили внимание такие специалисты, как Андреас Реннер, Рой Паркер, Юрген Шлюмбом, Михаэль Хагнер²⁷⁰.

Цель статьи – обосновать наше личное видение сущности и этапов медицинской революции Нового времени, выявить ее важнейшие социальные аспекты, пригласить все заинтересованные стороны к дискуссии по этой проблеме.

Сегодня многие исследователи обращают внимание на особую значимость ряда революционных поворотов в переходе от аграрных обществ к индустриальным. К анализу революционных изменений этого периода в медицине исследователи проявляют меньший интерес.

Между тем, термин медицинская революция вполне применим к истории медицины XV – начала XX вв. При этом, содержательную сторону этого понятия не стоит ограничивать достижениями медицинской мысли, новыми принципами исследований человеческого тела, формированием новых лечебно-диагностических практик или появлением клинической медицины. Тем более, не стоит делать упор на стандартизацию медицины, внедрение какой-либо новой методы лечения или случаи протестных выступлений.

На наш взгляд, понятие медицинской революции следует трактовать более широко: *ее сутью являются общие процессы перехода от традиционного и народного врачевания к научной морфоцентрической медицине*. Важнейшей составляющей этой революции стали изменение общественных представлений о болезнях и помощи больным, распространение качественно новых методов и приемов диагностики и лечения, формирование новой системы медицинского образования, широкой сети медицинских учреждений и новой государственной политики

²⁶⁹Всемирная история 2013: 96-102.

²⁷⁰Новые подходы к истории медицины 2008: 18, 41-42, 64-66; Медицина в годы войны и мира 2011: 213-214.

в области медицины. Особо следует выделить такой аспект, как улучшение социального положения врача в обществе. В результате, в конце XIX – начале XX вв. в Европе впервые в истории человечества, сложилась принципиально новая система лечения и охраны здоровья – система здравоохранения раннеиндустриального типа, т.е. явление, которое в современной западной литературе описывается как общественная медиализация²⁷¹.

Хронология медицинской революции XVI – XIX вв. нам представляется в виде трех последовательных этапов:

1. XVI в. – генезис медицинской революции, кризис греко-арабской теории врачевания, новые научные открытия в медицине на основе методологии ренессансных наук.

2. XVII – середина XIX вв. – начальный этап медицинской революции, отказ от галеновской концепции врачевания, формирование системы классификационной концепции, начало перехода от традиционного врачевания к научной медицине. Среди научных открытий этого времени особую роль сыграли достижения в физиологии и распространение декартовских и ньютоновских подходов в физиологии, анатомии, патологии.

3. Середина XIX – начало XX вв. Завершение медицинской революции, когда раннеиндустриальное общество Европы предъявило к медицине принципиально новые требования по сохранению трудоспособности населения, медиализация получила широкое общественное признание. Особую роль в становлении медицины в это время сыграли биология, химия, физиология, которые способствовали перенесению методов эксперимента, доказательности, проверки опытом и др. в клиническую практику. Показателем завершенности рассматриваемого явления стало появление медицины в современном понимании, которая превратилась в важнейшую составляющую социальной инфраструктуры общества.

Таким образом, мы считаем, что в рассматриваемый период (т.е. Новое время) в Европе *прошла одна, а не две медицинские революции*. Мы не выделяем XVIII в. как рубеж между двумя эпохальными событиями в истории медицины, поскольку появление новой концепции врачевания – классификационной медицины, не привело к революционным изменениям в диагностике и практиках лечения. Завершение медицинской революции создало условия для формирования позднеиндустриального общества в Европе.

Вместе с тем, уже в XIX в. развитие фабричного производства привело не только к бурному распространению профессиональных заболеваний – этой чумы XIX в., но и к отказу от медицинской этики Гиппократата. Вместо базовой цели медицины – вернуть пациенту здо-

²⁷¹ Новые подходы к истории медицины 2008: 24.

ровье, на первое место вышло требование вернуть массовому работнику трудоспособность. Медицина стала частью рыночных отношений и превратилась в услугу, значимость которой определялась кредитоспособностью пациента. Наконец, быстрое оформление новой социальной структуры индустриального общества привело к жесткой классовой дифференциации, что способствовало расцвету классового подхода в системе здравоохранения. Эти новые явления также явились социальными, идейными и экономическими последствиями медицинской революции.

Во второй половине XX столетия, по нашему мнению, началась и продолжается до сих пор вторая медицинская революция. Сутью ее является формирование медицины постиндустриального, информационного общества. Ее начало можно связать с эрой антибиотиков, а развитие – с открытием ДНК и внедрением в медицинскую практику компьютерных технологий. Более подробно с аргументацией нашего видения медицинских революций можно ознакомиться в развернутой публикации Г.Н. Шапошникова и А.Л. Устинова²⁷².

Список источников и литературы

- Бородулин 2015 (а)** – Бородулин В.И. История клинической медицины: лекции. URL: http://www.historymed.ru/training_aids/lectures. (дата обращения 21.01.2015)
- Бородулин 2015 (б)** – Бородулин В.И. Обзор основных этапов развития кардиологии. URL: <http://www.historymed.ru/encyclopedia/categor>. (дата обращения: 21.01.2015)
- В стране намечается медицинская революция 2015** – В стране намечается медицинская революция. URL: <http://action.avtonom.org> >...v...medicinskaya-revolyuciya/
- Великая медицинская революция 2015** – Великая медицинская революция. URL: <http://www.e-reading.by/chapter.php/1005882/58/Burovskiy>
- Всемирная история 2013** – Всемирная история: в 6 т. – Т. 3: Мир в раннее новое время / Гл. ред. акад. А.О. Чубарьян, отв. ред. В.А. Ведюшкин. – М.: Наука, 2013.
- Зильбер 2008** – Зильбер А.П. Этюды медицинского права и этики. – М.: МЕД пресс-информ, 2008.
- Медицина в годы войны и мира 2011** – Медицина в годы войны и мира: новые документы и исследования / Отв. ред. и сост. Л.А. Булгакова. – СПб.: Нестор- История, 2011.

²⁷² Шапошников, Устинов 2015: 27-33.

- Медицинская революция 2015** – Медицинская революция. URL: https://health.mail.ru/news/meditsinskaya_revolyutsiya/
- Новые подходы к истории медицины 2008** – Новые подходы к истории медицины / Под ред. Ю. Шлюмбова; пер. К.А. Левинсона. – СПб.: Алетейя, 2008.
- Сточик, Затравкин 2015** – Сточик А.М., Затравкин С.Н. Реформирование практической медицины в процессе научных революций XVII – XIX веков. URL: <http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles>. (дата обращения: 21.01.2015).
- Сточик, Затравкин 2016 (а)** – Сточик А.М., Затравкин С.Н. URL: [Состояние лечебного дела в конце XVIII века - первой половине XIX века. http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles/](http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles/) (дата обращения: 03.02.2016).
- Сточик, Затравкин 2016 (б)** – Сточик А.М., Затравкин С.Н. URL: [Разработка и внедрение новой лечебно-диагностической концепции. http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles/](http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles/) (дата обращения: 03.02.2016).
- Шапошников, Устинов 2015** – Шапошников Г.Н., Устинов А.Л. Медицинская революция XVI – XIX вв. в Европе // Актуальные вопросы современной науки. Научный журнал. – 2015. – № 2 (5). – С. 27-33.

Gennadiy N. Shaposhnikov

MEDICAL REVOLUTION IN EUROPE (HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE)

Medical revolution of modern times is an important part of the overall process of industrial modernization, transition from an agrarian to industrial society of European civilization. The author analyzes the historiography of the problem and present their vision of the nature and stages of the medical revolution in Europe in the XVI century and early XX centuries.

Key words: the scientific revolution, medical revolution, stages, industrial modernization, historiography.

Код ВАК 07.00.09

М. В. Шустеров

ПОСЛЕ РОМАНИЗАЦИИ?

Статья посвящена концепту романизации в современной зарубежной историографии. Автор выявляет некоторые особенности новейшей зарубежной историографии, разбирает ряд дискуссионных вопросов, связанных с определением

романизации, римскости, коллективной идентичности в Римской империи. В статье рассматриваются новые подходы к пониманию феномена романизации и римского империализма.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, романизация, римский империализм, римскость, историография.

В современной зарубежной романистике наблюдается устойчивый интерес к проблемам культурной идентичности и политического воображения в Римской империи, на ее протяженных границах и весьма разнородной периферии. В англоязычном антиковедении за последние десятилетия вышла целая серия монографических работ (не считая многочисленных журнальных публикаций), в которых на различном материале и с использованием разнообразных методик – от классических приемов «проработки текста» и методов «римской археологии» до современных постмодернистских и постпостмодернистских техник – анализируется разнообразие культурных практик и способов бытования человека в «римском мире» (как «взрослых богатых мужчин», так и других категорий населения, включая женщин и детей)²⁷³. При этом источниками изучения для исследователей-романистов становятся все чаще не только письменные свидетельства, дошедшие до нашего времени в виде классической антично-римской традиции (разножанровые сочинения греческих и римских авторов), но разноформатные археологические и эпиграфические материалы, в том числе памятники скульптуры и архитектуры.

При этом для большинства новейших исследований характерен – конечно, в различной степени – следующий круг проблем. Во-первых, критика традиционного концепта «романизации», сложившегося в XIX столетии в эпоху господства в европейской общественно-политической мысли модели государства-нации и «цивилизаторского этоса», или даже отказ от этого классического для римского антиковедения понятия²⁷⁴. Во-вторых, внимание к местным провинциальным элитам, маргинализированным группам населения и/или «молчаливому большинству» (рядовые граждане-мужчины, вольноотпущенники, женщины, дети): «... даже если мы не можем надежно определить место женщин, детей и бедных людей Римской империи, мы должны, по крайней мере, понять... способ, благодаря которым эти группы стали —невидимы! в римском об-

Шистеров Максим Валерьевич, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Shisterov Maxim, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD. Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: mshisterov@rambler.ru

²⁷³ См., напр.: Adams 2003; Gowing 2005; Hingley 2005; Longfellow 2011; Mattingly 2011; Scott and Webster 2003; Webster and Cooper 1996; Whittaker 1997; Whittaker 2004; Woolf 1998; etc.

²⁷⁴ Revell 2009: 5-6; Hingley 2005: 91-92.

ществе»²⁷⁵. В-третьих, акцент на местной локальной специфике, обращение к «провинциальному» материалу Римской империи²⁷⁶. В-четвертых, обновленная источниковая база – археологические и эпиграфические свидетельства (археолого-эпиграфические комплексы): римская архитектура рассматривается не с эстетической точки зрения, как принято, напри-мер, в искусствоведении, но с точки зрения формирования социально-го пространства, как воплощение «живого опыта» людей, как «рим-ское городское пространство»²⁷⁷. В-пятых, новые исследовательские под-ходы, основанные на достижениях классического источниковедения и со-временной гуманитаристики (как в части работы с источниками, так и в части концептуализации исторического материала). Укажем хотя бы на популярность среди исследователей теории структуриации Э. Гидденса, которая основана, как известно, на принципе взаимодействия и взаи-мообусловленности социальной структуры и индивида, выступающи-ми как условие и продукт друг друга²⁷⁸.

К характерным примерам, демонстрирующим указанные выше осо-бенности современной зарубежной историографии, можно отнести моно-графию специалиста по римской архитектуре и эпиграфике из Универ-ситета Саутгемптона (Англия) Л. Ревелл, которая открыто проблематизи-рует понятия «римский» и «римлянин» (Roman), ставит задачу «деконст-руировать» их, понятийно и концептуально апеллируя к постмодернист-ским исследовательским техникам²⁷⁹. Сложность определения понятийных категорий «римский» и «римлянин» (Roman), которая часто скрадывается в конкретно-исторических исследованиях, заключается, по мнению автора, в том, что под ними может пониматься и тип материальной культуры, и эт-ническая принадлежность, и географическое местоположение, и хроно-логический период, и многое другое. Как альтернативу традиционным эври-стически ограниченным и неаутентичным концептам «романизации» (Ro-manization) и/или *Romanitas*, Л. Ревелл предлагает понятие «римскость» (Roman-ness), которое определяется через интерпретацию «римского» как «дискурса *возможного*». Таким образом, «римская идентичность» тракту-ется как постоянно воссоздаваемая в повседневной практике через социаль-ные механизмы, религиозные действия и символическое пространство «римского» города этика поведения: «Для провинциалов римская идентич-ность проживалась в практических знаниях о том, как действовать в ме-няющемся социальном контексте, принимая соответствующие роли»²⁸⁰. Вместо единого, монолитного и нерасчлененного представления о «рим-

²⁷⁵ Revell 2009: 154.

²⁷⁶ Scott and Webster 2003.

²⁷⁷ Wallace-Hadrill 1994: 7.

²⁷⁸ Giddens 1984; рус. пер.: Гидденс 2003.

²⁷⁹ Revell 2009: xi.

²⁸⁰ Revell 2009: 192.

ской идентичности» появляется «несметное число потенциальных интер-претаций» того, что значит «быть римлянином»²⁸¹.

Обращает на себя внимание также то, что иной – в указанной исследовательской перспективе – становится трактовка «римского империализма», который теперь представляется многогранным, существующим в многочисленных формах и различных контекстах, переплетенных в сложную сеть отношений между людьми, социальными группами, коллективами общин, провинциальными и имперскими властями. При этом главные элементы «римского империализма» по-прежнему видятся исследователям в римской религии, урбанизме и культуре императора: эти «структуры воспроизводят римскую власть, римское общество, римскую культуру, притом, что существует общее понимание того, что значит быть римлянином»²⁸². При таком подходе не отрицается значение превосходящей военной силы Рима, который мог в случае необходимости (как то не раз бывало в действительности) сломить сопротивление инсургентов, однако акцент переносится на «союз интересов завоеванных с интересами завоевателей»²⁸³ через формирование «широкого дискурса римской идентичности», посредством «принятия» и последующего воспроизведения, трансляции в разных формах и с использованием конкретных адаптационных механизмов, «римских» (или квази-римских) представлений о «правильной жизни» в политическом, социальном и культурном отношении.

В заключении необходимо отметить, что зарубежные новаторские подходы и трактовки к пониманию римского империализма и романизации, по существу, не находят пока отклика в отечественной романистике, где сохраняется – даже в новейших исследованиях – глубоко традиционное, не учитывающее теоретико-методологических достижений второй половины XX века, понимание романизации как «процесса включения провинций в единую систему Римской империи»²⁸⁴. Можно только надеяться, что объективно развивающийся процесс глобализации науки заставит, в конце концов, отечественных антиковедов более внимательно относиться к достижениям их зарубежных коллег, не исключая, разумеется, критического анализа этих достижений.

Список источников и литературы

Гидденс 2003 – Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуры / Пер. с англ. – М., 2003.

Циркин 2011 – Циркин Ю.Б. История Древней Испании. – СПб., 2011.

²⁸¹ Ibid: x.

²⁸² Ibid:: 191.

²⁸³ Ibidem.

²⁸⁴ См. напр.: Циркин 2011: 228; Широкова 2016: 8; и др.

- Широкова 2016** – Широкова Н.С. Римская Британия: Очерки истории и культуры. – СПб., 2016.
- Adams 2003** – Adams J. N. Bilingualism and the Latin Language. – Cambridge, 2003.
- Giddens 1984** – Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the theory of structuration. – Cambridge, 1984.
- Hingley 2005** – Hingley R. Globalising Roman Culture: Unity, Diversity and Empire. – L., 2005.
- Longfellow 2011** – Longfellow B. Roman Imperialism and Civic Patronage: Form, Meaning, and Ideology in Monumental Fountain Complexes. – Cambridge, 2011.
- Mattingly 2011** – Mattingly D. J. Imperialism, Power and Identity. Experiencing the Roman Empire. – Princeton – Oxford, 2011.
- Revell 2009** – Revell L. Roman imperialism and local identities. – Cambridge, 2009.
- Scott and Webster 2003** – Roman Imperialism and Provincial Art / Eds. S. Scott, J. Webster. – Cambridge, 2003.
- Wallace-Hadrill 1994** – Wallace-Hadrill A. Houses and society in Pompeii and Herculaneum. – Princeton, 1994.
- Webster and Cooper 1996** – Roman Imperialism: Post-colonial perspectives / Eds. J. Webster, N. Cooper. – Leicester, 1996.
- Whittaker 1997** – Whittaker C. R. Frontiers of the Roman Empire: A Social and Economic Study. Baltimore – L., 1997.
- Whittaker 2004** – Whittaker C. R. Rome and its Frontiers: The Dynamics of Empire. – L., 2004.
- Woolf 1998** – Woolf G. Becoming Roman: The Origins of provincial administration in Gaul. – Cambridge, 1998.

Maxim V. Shisterov

WHAT WILL HAPPEN AFTER THE „ROMANIZATION“?

The article is devoted to problems of Romanization concept in actual foreign historiography. The author considers some controversial issues related to the definition of Romanization, Roman-ness, collective identity in the Roman Empire. The article demonstrated neoteric approaches to understanding the phenomenon of Romanization and Roman imperialism.

Key words: Ancient Rome, Roman Empire, Romanization, Roman imperialism, Roman-ness, historiography.

Т. Г. Шумкина

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

В статье предпринята попытка проанализировать основные трактовки и оценки февральских событий 1917 г. в России, сложившиеся в отечественной историографии. Выделены основные этапы изучения темы, сделан акцент на дискуссионных вопросах, новых подходах и аспектах проблемы.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., историография, предпосылки и причины революции, движущие силы революции, историческое значение.

Февральская революция 1917 г. по своему историческому значению является одним из ключевых событий в социально-политической истории России XX в., которое до сих пор вызывает многочисленные и весьма противоречивые историко-политические трактовки.

Многие аспекты данной темы долгое время оставались слабо изученными в силу недоступности как исторических, так и историографических источников. В постсоветский период возможности исследования февральско-мартовских событий 1917 г. существенно расширились за счет введения в научный оборот целого комплекса исторических документов и материалов²⁸⁵. Всё это позволило по-новому осмыслить причины, характер, значение Февральской революции, но одновременно породило новые аспекты проблемы, которые приобрели дискуссионный характер.

В данной статье предпринята попытка проанализировать основные трактовки и оценки февральских событий 1917 г. в России, сложившиеся в советской и постсоветской историографии.

Начало изучения Февральской революции пришлось на 1920-1930-е гг., когда авторами работ выступили современники событий, поэтому в них в той или иной мере получили отражение настроения предреволюционной России. В этих работах были проанализированы

Шумкина Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук, доцент.

Shumkina Tatiana, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: shumkina.77@mail.ru

²⁸⁵ См., напр.: Воспоминания о Февральской революции 1991; Февральская революция 1996; и др.

вопросы, раскрывающие социально-экономические и политические предпосылки Февральской революции²⁸⁶.

В 1940-е – середине 1950-х гг. история Февральской революции почти выпала из исследовательского поля историков. Анализу этого события уделялось не столь значительное внимание, так как Февральская революция толковалась лишь как пролог Октябрьской революции 1917 г.

Новый этап в советской историографии февральских событий 1917 г. приходится на 1960-1970-е гг., когда историки получили доступ к архивным материалам. В этот период появились работы как конкретно-исторического характера²⁸⁷, так и историографического, в которых давалась оценка взглядам советских историков по важнейшим проблемам Февраля. Авторы проанализировали основные этапы в изучении темы, ленинскую концепцию Февральской революции, включая оценку ее характера, движущих сил и значения²⁸⁸. Тогда же появились исследования с критикой «буржуазной» историографии, в которых был дан обзор мнений по данной проблеме западноевропейских и американских коллег «по цеху»²⁸⁹.

1980-е гг. были отмечены особым вниманием к анализу предпосылок падения самодержавия в России, когда появились новые подходы к исследованию социально-политической ситуации, сложившейся накануне Февральской революции. Это можно увидеть в работах М.Е. Соловьева «Большевики и Февральская революция»²⁹⁰, И.М. Пушкаревой «Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России»²⁹¹, Е.Д. Черменского «Вторая российская революция. Февраль 1917 г.»²⁹².

В советской историографии акцент был сделан на социально-экономической и политической составляющих кризиса, который, как отмечалось, приобрел, фактически, общенациональный характер и привел, в конечном итоге, к февральским событиям 1917 г. Многими авторами подчеркивалась связь социально-экономического кризиса с участием России в Первой мировой войне. Историки советского периода считали, что главным препятствием в преодолении кризиса являлась неспособность монархии осуществить быструю индустриализацию страны (для ликвидации ее экономической и культурной отсталости), сохранив при этом и внутреннюю стабильность, и положение великой державы. Отсюда делался вывод о неизбежности, объектив-

²⁸⁶ См., напр.: Авдеев 1923; Пионтковский 1924; Фокин 1932; и др.

²⁸⁷ См., напр.: Бурджалов 1967; Старцев 1978; и др.

²⁸⁸ См., напр.: Советская историография 1979; Шевырин 1987; и др.

²⁸⁹ См., напр.: Иоффе 1970; Беляев, Гребенюк, Салов 1983; и др.

²⁹⁰ Соловьев 1980.

²⁹¹ Пушкарева 1982.

²⁹² Черменский 1986.

ной обусловленности крушения царского режима. Иными словами, невозможность «мирного» выхода из социально-экономических и политических проблем царской России начала XX в. сделала Февральскую революцию 1917 г. неизбежной.

Главной силой Февраля советские историки считали народные массы, но это утверждение связывалось также с тезисом о стихийности февральского выступления. При этом создается впечатление, что из-за их действий Февраль двинулся к Октябрю 1917 г., а не остался в рамках европейской модели модернизации.

Таким образом, в советской историографии февральские события рассматривались как пролог Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Именно по этой причине Февральская революция долгое время находилась как бы «в тени» Октябрьской революции и, фактически, становилась предметом специального изучения только в связи с юбилейными датами.

1990-2000-е гг. стали новым этапом в изучении истории Февральской революции. Он характеризуется введением в научный оборот новых исторических и историографических источников, использованием различных теоретико-методологических подходов к изучению темы, разработкой новых аспектов проблемы. Так, например, на основе историко-антропологического подхода многие исследователи переключили свое внимание с социально-экономических и политических проблем истории революции на ментальность и психологию людей – представителей различных социальных групп – от высших до низших слоев общества (И.Л. Архипов, В.П. Булдаков, О.С. Поршнева, Г.Л. Соболев и др.)²⁹³.

Юбилей революции дали импульс для новых научных разработок: состоялся целый ряд конференций²⁹⁴, были подготовлены сборники научных статей²⁹⁵, в которых представлены новые подходы и аспекты в исследовании истории Февральской революции, подведены неко-торые итоги изучения темы.

Взгляды современных отечественных историков на Февральскую революцию расходятся по целому ряду вопросов. Один из наиболее дискуссионных – вопрос о ее закономерности и объективной обусловленности. При этом историки основное внимание уделяют анализу политической ситуации, сложившейся к февралю 1917 г., деятельности Государственной думы, высшей бюрократии, офицерства²⁹⁶.

²⁹³ См., напр.: Архипов 2000; Поршнева 2000; Поршнева 2007: 27-35; Яров 1999; и др.

²⁹⁴ 1917 год в судьбах России и мира 1997; 1917 год в судьбах России и мира 2007; Февральская революция 1997; и др.

²⁹⁵ Февральская революция 2007; и др.

²⁹⁶ См., напр.: Куликов 1995: 3-46; Куликов 1996; Куликов 2004; Куликов 2007; Куликов 2012; Николаев 2002; и др.

Дискутируется роль масонов в февральско-мартовских событиях 1917 г.²⁹⁷

Важное место в современной российской историографии занимает дискуссия между С.А. Нефёдовым и Б.Н. Мироновым о причинах русской революции²⁹⁸. Для Б.Н. Миронова, доказывающего, что уровень жизни населения России в начале XX в. был достаточно высоким, революция была случайностью²⁹⁹. Его противники и, прежде всего С.А. Нефёдов, утверждают, что революция имела объективные причины, и главные из этих причин – это аграрное перенаселение, крестьянское малоземелье, бедность и недостаток пропитания³⁰⁰. Дискуссия вовлекла в свою орбиту многих ведущих историков и стала важной темой российских исторических журналов³⁰¹.

Единственное, что до сих пор не отрицают историки, разделяющие это мнение и с советскими авторами, то, что одной из причин начала революционного движения стала Первая мировая война. Это мнение поддерживают Г.З. Иоффе, В.П. Булдаков и др.³⁰²

В постсоветский период стала более активно разрабатываться история изучения Февральской революции. Современные исследователи подвели некоторые итоги в изучении темы в отечественной историографии. Среди этих работ особо можно отметить статьи А.Д. Кириллова «Современные тенденции в освещении уроков и исторического значения Февральской революции 1917 г.»³⁰³, Е.В. Лазаревой «Современные исследователи о роли иностранного капитала в Февральской революции»³⁰⁴, М.А. Фельдмана «Оценки Февральской революции в России в историографии последних двух десятилетий»³⁰⁵, диссертационные исследования³⁰⁶.

В заключении хотелось бы отметить, что, несмотря на наличие большого количества работ, так или иначе связанных с анализом истории Февральской революции, уровень разработанности проблемы не представляется достаточным. Даже вопросы, казалось бы, наиболее полно раскрытые советскими историками – социально-экономические и политические предпосылки, движущие силы революции, – дискутируются и существенно дополняются на современном этапе. Таким об-

²⁹⁷ См., напр.: Архипов 2006: 145-162; Брачев 2007: 13-29; и др.

²⁹⁸ См.: О причинах Русской революции 2010.

²⁹⁹ См., напр.: Миронов 2010.

³⁰⁰ См., напр.: Нефёдов 2005: 83-96; Нефёдов 2010: 126-137; Нефёдов 2011: 97-111.

³⁰¹ См., напр.: Российская история 2011.

³⁰² См., напр.: Иоффе 2007; и др.

³⁰³ Кириллов 2007.

³⁰⁴ Лазарева 2007.

³⁰⁵ Фельдман 2005.

³⁰⁶ См., напр.: Домокуров 2004; Якубовская 2011; и др.

разом, следует констатировать, что изучение Февральской революции продолжается и, вероятно, далеко от своего завершения.

Список источников и литературы

- Авдеев 1923** – Авдеев Н.А. Революция 1917 г. (хроника событий). – Т. 1. – М.; Пд: Гос. изд., 1923.
- Архипов 2000** – Архипов И.Л. Российская политическая элита в февралю 1917 г.: Психология надежды и отчаяния. – СПб., 2000.
- Архипов 2006** – Архипов И.Л. А.И. Гучков: либерал, дуэлянт, заговорщик // Звезда. – 2006. – № 5.
- Беляев, Гребенюк, Салов 1983** – Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций / Беляев В.А., Гребенюк А.В., Салов В.И. – М., 1983.
- Брачев 2007** – Брачев В.С. На путях к дворцовому перевороту: проблема «масонского заговора» накануне революции 1917 г. // Общество. Среда. Развитие (*Terra Humana*). – 2007. – № 4.
- Бурджалов 1967** – Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.
- Воспоминания о Февральской революции 1991** – Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991.
- Домокуров 2004** – Домокуров В.В. Отечественная историография Февральской 1917 года революции в России: социально-политический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Челябинск, 2004.
- Иоффе 1970** – Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 г в англо-американской буржуазной историографии. – М., 1970.
- Иоффе 2007** – Иоффе Г.З. Почему Февраль? Почему Октябрь? // СКЕПСИС. – 2007. – URL: http://scepsis.net/library/id_1503/
- Кириллов 2007** – Кириллов А.Д. Современные тенденции в освещении уроков и исторического значения Февральской революции 1917 г. // Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2007.
- Куликов 1995** – Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. – СПб., 1995. – Вып. 5.
- Куликов 1996** – Куликов С.В. Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы. Ввод. ст., подг. текста и комм. // Русское прошлое. – СПб., 1996. – Кн.6.
- Куликов 2004** – Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917). – Рязань, 2004.

- Куликов 2007** – Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция 1917 г. К вопросу о соотношении факторов организованности и стихийности // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. – СПб., 2007.
- Куликов 2012** – Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 г. // Российская история. – 2012. – № 1.
- Лазарева 2007** – Лазарева Е.В. Современные исследователи о роли иностранного капитала в Февральской революции // Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2007.
- Миронов 2010** – Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М., 2010.
- Нефёдов 2005** – Нефёдов С.А. О экономических предпосылках русской революции // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3.
- Нефёдов 2010** – Нефёдов С.А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции // Общественные науки и современность. – 2010. – № 5.
- Нефёдов 2011** – Нефёдов С.А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции. Статья вторая // Там же. – 2011. – № 3.
- Николаев 2002** – Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. – Рязань, 2002.
- О причинах Русской революции 2010** – О причинах Русской революции / Под ред. Л.Е. Гринуна, А.В. Коротаева, С.Ю. Малкова. – М., 2010.
- 1917 год в судьбах России и мира 1997** – 1917 год в судьбах России и мира: Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: Сб. матер. междунаrod. науч. конф. / Отв. ред. П.В. Волобуев. – М., 1997.
- 1917 год в судьбах России и мира 2007** – 1917 год в судьбах России и мира: Сб. матер. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Голдин. – Архангельск, 2007.
- Пионтковский 1924** – Пионтковский С.А. Февральские дни 1917. – Л.: Прибой, 1924.
- Поршнева 2000** – Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). – Екатеринбург, 2000.
- Поршнева 2007** – Поршнева О.С. Антропологический подход в изучении Февральской революции 1917 г.: достижения и перспективы

// Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2007. – С. 27-35.

- Пушкарева 1982** – Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. – М., 1982.
- Российская история 2011** – Новая книга Б.Н. Миронова в откликах и размышлениях его коллег // Российская история. – 2011. – № 1.
- Советская историография 1979** – Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. – М., 1979.
- Соловьев 1980** – Соловьев М.Е. Большевики и Февральская революция. – М., 1980.
- Старцев 1978** – Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте - апреле 1917 г. – М., 1978.
- Февральская революция 1996** – Февральская революция 1917 г.: сб. док. и матер. – М., 1996.
- Февральская революция 1997** – Февральская революция и судьбы демократии в России. Материалы междунаод. науч. конф. (14-15 марта 1997 г.). – Ставрополь, 1997.
- Февральская революция 2007** – Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2007.
- Фельдман 2005** – Фельдман М.А. Оценки Февральской революции в России в историографии последних двух десятилетий // Отечественная история. – 2005. – № 3.
- Фокин 1932** – Фокин Е. Февраль 1917. – М.: Партиздат, 1932.
- Черменский 1986** – Черменский Е.Д. Вторая российская революция. Февраль 1917 г. – М., 1986.
- Шевырин 1987** – Шевырин В.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России (советская историография). – М., 1987.
- Якубовская 2011** – Якубовская Е.В. Февральская революция 1917 г. в оценке советской и русской зарубежной историографии 1920-30-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – М., 2011.
- Яров 1999** – Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917 – 1923 гг. – СПб., 1999.

Tatiana G. Shumkina

THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA (TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM)

The article aims to analyze the main interpretations and evaluations of the events of February 1917 in Russia, developed in the national historiography. The

main stages of studying the topic, with emphasis on discussion questions, new approaches and new aspects of the problem.

Key words: February revolution of 1917, historiography, background and causes of the revolution, the motive forces of the revolution, historical significance.

II. Материалы региональной научной конференции «Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях»

Министерство образования и науки РФ
Уральский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

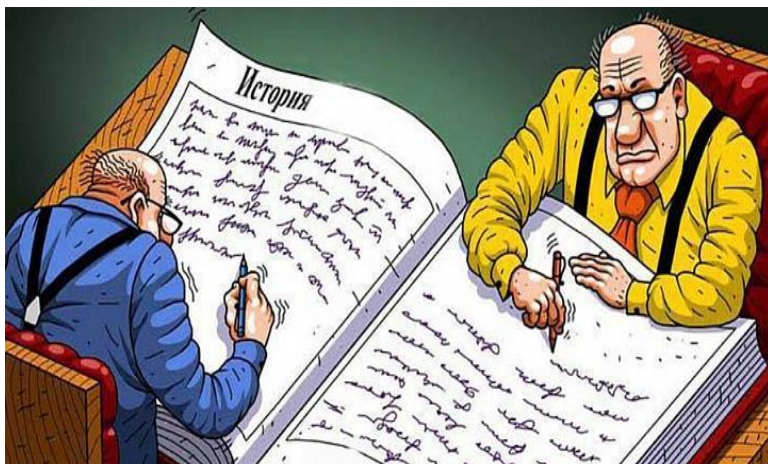
ПРОГРАММА РЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМАТЕ

«КРУГЛОГО СТОЛА»

Екатеринбург, 15 апреля 2016 г. в 16.00

Вопросы для обсуждения:

1. Мир в поисках идентичностей: неизбежность историоризации.
2. Запад: драма глобальных переидентификаций.
3. Восток: мир стабильных идентичностей?
4. Россия: поиск коллективных идентичностей.

Организационный комитет:

Бахтина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Уральского государственного педагогического университета;

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Постникова Алёна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Шистеров Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Голотина Алёна Игоревна, ст. лаборант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Ведущий дискуссии:

Земцов Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории УрГПУ.

Участники дискуссии:

Баранов Николай Николаевич, д-р ист. наук, доцент, зав. кафедрой новой и новейшей истории УрФУ;

Железняк Виктория Михайловна, студент 4-го курса исторического ф-та УрГПУ; **Забара Людмила Ивановна**, канд. философских наук, доцент, доцент каф. философии УрГПУ;

Каравасева (Федорова) Дина Николаевна, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора этноистории Института истории и археологии Уральского Отделения РАН;

Ковин Владислав Викторович, студент 3-го курса исторического ф-та УрГПУ;

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Кузьмин Вадим Александрович, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. востоковедения УрФУ;

Ляпин Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент, доцент каф. истории России УрФУ; **Мурзина Ирина Яковлевна**, д-р культурологи, профессор, зав. кафедрой культурологи УрГПУ;

Нечаева Александра Алексеевна, ассистент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Постникова Алёна Александровна, канд. ист. наук, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Смирнов Сергей Викторович, канд. ист. наук, доцент, доцент каф. новой и новейшей истории и кафедры востоковедения УрФУ; доцент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Шестакова Надежда Фёдоровна, ассистент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Шистеров Максим Валерьевич, канд. ист. наук, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ.

Стенограмма «круглого стола» конференции «Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях»
(печатается с сокращениями)

В.Н. Земцов: Уважаемые коллеги, друзья, я рад приветствовать вас в аудитории имени Бориса Алексеевича Сутырина, которую удалось открыть 17 марта. <...> Всякий раз, когда мы будем собираться в этой аудитории, будем вспоминать Бориса Алексеевича. <...>

Друзья мои, сегодняшний Круглый стол... трудно даже сказать, какой по счету, седьмой или восьмой, который кафедра проводит с участием наших уважаемых коллег. Как правило, а фактически всегда, после расшифровки видеозаписи мы публикуем материалы в нашем сборнике «Вопросы всеобщей истории». Проходит некоторое время после Круглого стола и публикации его материалов, и ты обращаешься к ним, и всякий раз убеждаешься в том, что было очень интересно, очень здорово, и даже восхищаешься тем, что говорил. (Смех). Поэтому, друзья мои, очень советую: потом, когда уже сборник выйдет (а выходит он, как правило, поздней осенью), заглянуть в него, и... вы получите большое удовольствие.

Сегодняшний Круглый стол посвящен проблемам идентичности, проблемам, которые, как оказывается, последние годы волнуют всех. Причем, какая только идентичность не оказывается в центре внимания! И мне кажется, что это веление времени и, больше того, это не мода (иногда бывает так, что конференции, круглые столы, сборники посвящаются вещам, которые просто являются модными). Мне кажется, что в данном случае это не так. Я позволю себе начать не с тех вопросов, которые у нас обозначены в информационном письме, и с которыми все наверняка знакомы. <...>

Мне бы хотелось начать с проблемы, с которой многие из моих коллег, и я тоже, сталкиваемся в последнее время. Это проблема идентичности, самоидентичности нас самих, нас, историков, и той сферы (то ли науки, то ли знания, то ли профессиональной деятельности), в которой мы находимся: что такое история, что такое историческое исследование, что такое современный историк? Мне кажется, что эта проблема идентичности историка связана с двумя аспектами. Первый аспект – это вопрос о междисциплинарности. Здесь я напомним, что в прошлом году у нас Круглый стол как раз этому и был посвящен. И мы сошлись на мнении о том, что междисциплинарность в исторических исследованиях – это вещь замечательная и, больше того, она помогает вообще истории как науке существовать и надеяться на завтрашний день. Но два дня назад, включив телевизор, наткнулся на передачу «Парламентский час». Я такое не смотрю, но как-то так «зацепи-

лось»... Шел репортаж с очередного, то ли съезда, то ли другого подобного мероприятия учителей истории. Причем, это происходило в Институте всеобщей истории, и в президиуме сидели С.Е. Нарышкин, министр образования и науки Д.В. Ливанов, А.В. Чубарьян... И целый ряд других, хорошо нам известных людей. И вот главный историк нашей страны Сергей Евгеньевич Нарышкин заявил о том, что пора, мол, отказываться от междисциплинарности в преподавании истории. И второй его тезис (тоже совершенно замечательный): а зачем нам терминология из других наук? Историки должны пользоваться тем, что у них изначально было наработано, а все остальное – это от лукавого – от социологов, от философов... Зачем это нам надо? Меня это, конечно, покорило. Потому что это вообще-то идет в разрез с теми процессами, которые для нас, для профессионалов, совершенно очевидны. Далее я начал рассуждать о том (вспомнив, кстати сказать, В.В. Согрина), что история, она существует как бы в трех аспектах: во-первых, история «народная», народное восприятие прошлого; во-вторых, национально-государственная, государственно-патриотическая история, и она во всех странах и у всех народов, конечно, существует, и она материализуется в виде учебников, прежде всего. В данном случае Нарышкин, конечно, выступал с этих позиций. Ну и, наконец, академический срез исторических знаний, истории, к которому (по крайней мере, большинство сидящих здесь) мы близки и, конечно, хотели бы в рамках его и остаться, а все бы остальные относились к прошлому так, как относятся историки-профессионалы.

Я даже часто вспоминаю 90-е гг., когда шел процесс интеграции академической науки и школьного образования, и с ностальгией вспоминаю эти времена. Но это, конечно, было еще связано с нашей какой-то наивностью: думали, что вот так, просто, это можно было сделать. И, конечно, в хрустальном дворце, в хрустальной башне долго не проживешь. Так или иначе, мы вынуждены отвечать на запросы времени, а самое главное – спрашивать себя: а кто музыку заказывает? Кто нам платит деньги? И в этом плане проблема «кто мы такие?» – это вопрос о междисциплинарности – перед нами сегодня очень остро стоит.

Второй блок проблем связан с тем, что вообще само поле исторического исследования и предмет исторического исследования очень изменились. Я напому здесь слова замечательного мыслителя, историка и философа Поля Рикёра. Он говорил о том, что «историю событий сегодня сменила история интерпретаций». И здесь сразу же на память приходят еще и М. Хальбвакс, и те, кого сегодня чаще всего цитируют в исторических работах – Э. Саид и Л. Вульф. Вот еще два замечательных имени, с которыми недавно познакомился, – американец П. Гири, автор «Мифа о нациях Средневековья» (действительно, сама идея наций стала создаваться, начала создаваться, если говорить о Ев-

ропе, именно тогда, в эпоху Средневековья; у нас, я имею ввиду Россию, это было несколько позже, думаю, что это все-таки был XVIII в.), и немецкий историк Ф.Б. Шенк, книга которого о русских образах Александра Невского, о том, как эти образы менялись, трансформировались, переведена на русский язык.

И вот... это действительно не мода. Это некая реальность, и мы осознали, что мы не воссоздаем прошлое, «каким оно было на самом деле», а мы только анализируем образ этого прошлого. И когда сегодня возникает вопрос: кто из моих аспирантов по какой специальности «пойдет» (я имею ввиду 07.00.03 – всеобщая история или 07.00.09 – историография, источниковедение и теория исторической науки), – то я вдруг обнаружил, что среди тех, кто защитился, трое шли по 09, а не по 03. И сегодня тоже такая же проблема стоит перед теми аспирантами, которые должны защищаться... Хотя аспиранты занимаются зарубежной историей, но оказывается, что очень сложно сегодня провести в диссертационном совете диссертацию по 03. Почему? Потому что мы сегодня чаще всего изучаем образы... образы памяти... и все остальные вещи, которые с этим связаны.

Блок, который сегодня также заставляет историков задуматься о своей идентичности, это проблема... национального заказа (я бы сказал так). Потому что становление исторической науки как науки (по крайней мере, она претендовала на этот статус долгое время) произошло в XVII – XVIII вв., а еще чаще в XIX в. Почему? Потому что был национальный заказ: а вы, историки, давайте скажите, откуда история нашего государства, нашего народа началась! Историки сказали: Есть! – И они нашли эти истоки. Особенно интересным образом нашли... Вы знаете трех немцев: Г.Ф. Миллер, Г.З. Байер и А.Л. Шлётцер. Они сказали, что с Рюрика началась наша история. Анна Иоанновна сказала: Наверное, так оно и было. И наши учебники до сих пор фактически с Рюрика и начинают. Но Рюрик – это мифический персонаж, по крайней мере, тот, который якобы приплыл на наши берега. И вот это противоречие (и мы сами осознаем это): национальная история, которую мы написали, – это история мифа, национального мифа. Это мы осознаем.

В.А. Ляпин: Рюрик есть национальное достояние.

В.Н. Земцов: Я согласен. Нас снимают. *(Смех)* Мы, историки, осознаем, что, в общем-то, то, что мы создавали на протяжении полутора-двух веков, это, вообще-то, вещи антиисторичные. И сегодня, наверное, перед историками стоит важная проблема создания национальной истории. Это связано с процессами глобализации. Но... процессы глобализации сегодня оказались под большим вопросом: вновь народы обращаются к своим историческим... (как они это воспринимают) корням, и оказывается, что перед нами вновь ставится

задача: ребята, давайте доказывайте то, что наш народ уникальный... Когда мы отвечаем, что другие народы тоже уникальные, тогда задается следующий вопрос: а ты с кем вообще-то? Ты чем занимаешься? Ну, и кто тебе, в конце-то концов, деньги будет платить?

Я считаю, что вот эти три момента сегодня серьезно ставят вопросы перед современными историками (не только перед отечественными, российскими; я считаю, что это характерно для всего сообщества историков, за исключением историков Востока – там вообще все идет не так, как мы привыкли считать; мы ориентируемся все-таки на европейскую традицию). А вот перед представителями этой европейской традиции, к которой я все-таки причисляю российскую традицию, эта проблема стоит именно таким образом.

После этого вступления я хотел бы перейти к обсуждению первой обозначенной в программе конференции проблемы. Это достаточно органично и естественно будет: «Мир в поисках идентичностей: неизбежность историоризации».

Пожалуйста, друзья мои, кто бы хотел продолжить мои гениальные мысли?

В.А. Ляпин: Давайте, я попробую... Вот то, о чем говорил уважаемый Владимир Николаевич в плане того, кто мы... Мы – люди, изучающие прошлое, да? Если мы будем изучать прошлое так, как требуют те, кто платят нам деньги, мы превратимся в наемников. Наемничество запрещено уголовным кодексом. *(Смех)* Мы превратимся в наемников, то есть работающих за деньги.

Что такое прошлое? Прошлое – это то, о чем нам говорит источник. Потому что другого прошлого нет. Отсюда... Совершенно верно Владимир Николаевич сказал: мы никогда не воссоздадим ту картину прошлого, которая была на самом деле. Потому что любой источник, любая совокупность источников – не полные. Даже время, которое мы с Владимиром Николаевичем изображали в движении реконструкции, времена 1812 г... Мы никогда не узнаем людей 12-го года такими, какими они были на самом деле. <...>

Образ прошлого всегда не полный, а чаще всего условный и очень сильно мифологизированный. Действительно, «мы наш, мы новый миф построим...» Миф – есть национальное достояние. Покушаться на него смертельно опасно. Споры о том, кто был У. Шекспир, в Англии запрещены. Шекспир – сын перчаточника, родившегося в Стратфорде-на-Эйвоне. Вам покажут дом, где он родился и все прочее, хотя он там не мог родиться, если он написал то, что написал Шекспир. Он не мог родиться в этом доме.

В.Н. Земцов: Владимир Александрович, Вы очень категоричны... *(Смех)*

В.А. Ляпин: Я абсолютно категоричен! Это был не тот человек или, может быть, несколько человек, скрывавшихся под этим псевдонимом. А то, что это псевдоним, абсолютно уже доказано. Кто скрывался – вот вопрос.

То же и национальный миф Франции – это девочка из лотарингской деревни, дочь обедневшего дворянина д'Арка, которая на самом деле была сводной сестрой короля. И никем иным быть не могла. (*Оживление в аудитории*) Иначе бы никто не позволил ей надеть доспехи, которые носили, во-первых, только мужчины, и, во-вторых, только дворяне. Попытка крестьянина надеть доспехи заканчивалась для него смертью.

Как написал Виктор Суворов, читать которого будет скоро государственным преступлением... так что спешите купить... Мне недавно предлагали (это в связи с упомянутым Суворовым) разговорник, русско-немецкий разговорник 1941 г., который свидетельствует о том, что пытались разговаривать... где живет бургомистр, где члены партии... Понятно, какой парии. Не в Белоруссии же они будут разговаривать... Я сказал, что вы ведь за книгу дешево не запросите, а держать ее просто так в своей домашней библиотеке... Зачем? Ради того, чтобы доказать кому-то, показать... Скоро ее кому-то показывать будет опасно. Зачем? Так что миф... Миф о Великой Отечественной войне... Миф о том обществе, которое было построено в нашей стране, и в котором мы продолжаем жить, и т.д.

Этих мифов может быть сколько угодно. И в любой стране... История любой страны – это миф.

Дальше... Это вопрос о национальном заказе. Конечно, он присутствует в представлении любого народа о своей стране, о своем прошлом. Коллеги уже заметили, что любой стране, что в какой бы стране я не был, потом начинаются какие-то пертурбации... (*Смех*)

Вопрос из зала: Где вы были в последний раз?

В.А. Ляпин: Последний раз я был в Мюнхене. Туда хлынул поток... этот самый... с Востока...

Я съездил в Киев, в котором давно мечтал побывать... Жил я недалеко от Майдана. Ну и, конечно же... «Ходите в гости по утрам...» Пошел с утра в Национальный музей. Теперь он так называется. Там целый зал на 2-м этаже, посвященный Трипольской культуре, которую вы помните (очень смутно) по какому-то там раннему классу средней школы. «С чего бы это вдруг одной из археологических культур посвящен целый зал Национального музея Украины?» – подумал я. Оказывается, трипольцы были провозглашены торжественно прямыми предками украинцев. На каком же основании? А на основании, что орнамент на трипольской керамике идентичен, по мнению авторов, узору украинской вышиванки. Вот такой уровень науки. Они от кого

угодно себя произведут, лишь бы не быть рядом с клятыми москалями. Это заказ, причем заказ очень грубый. На уровне мышления киевских, с позволения сказать, ученых. Вот так вот. То, что у нас все особенное... Это как в анекдоте. Сделайте, чтобы дважды два было четыре, но как-то по-русски... Здесь нужно всегда... истина всегда лежит где-то посередине... Не надо ударяться в какие-то крайности. Вот то, что я хотел сказать буквально вслед за словами Владимира Николаевича.

М.В. Шистеров: Я бы тоже два слова хотел сказать...

В.Н. Земцов: Ищем середину, ищем середину!

М.В. Шистеров: Мне кажется, что здесь не нужно искать середину. Такой пессимизм, на мой взгляд, нисколько не оправдан. Существовал Рюрик как историческое лицо или нет – это не принципиально в данном случае. Можно найти и другие подобные примеры. Если вспомнить антично-римскую историографию, к примеру, то, что мы прочтем у Тита Ливия? С чего он начинает свою работу? Он откровенно пишет, что Рим мог бы провозгласить своим родоначальником любого из Богов, и это было бы воспринято современниками совершенно нормально, т.к. «правила игры» устанавливают римляне. Греческий историк Фукидид, который протестовал против метода Геродота (так он себя позиционировал), пытался писать историю современности именно потому, что эта история была относительно верифицируема. Однако проблема заключается в том, что если даже пишут очевидцы и современники событий, все равно они не могут описать их объективно. Тезис о том, что историк работает с источниками, для нас является аксиомой. Но, в то же время, совершенно очевидно, что даже если источники сохранились, или даже если мы описываем события относительно близкие, все равно картина всегда остается неполной. Поэтому и начинается история интерпретаций. Мне кажется, надо просто принять это как факт потому, что бессмысленно претендовать на что-то иное. Другое дело, как к этому относиться. Мне кажется, вопрос не в том, что мы делаем, а как мы к этому относимся.

В.А. Ляпин: В.Р. Мединский говорит, что вопрос не в фактах, а вопрос в их интерпретациях.

В.Н. Земцов: Ирина Яковлевна, пожалуйста.

И.Я. Мурзина: У культурологов есть сейчас такая расхожая фраза: «Прошлое – чужая страна». Чужая страна, ключи от которой потеряны. Но само осознание проблемы рамок, определяющих и, в известной мере, ограничивающих историческое исследование ставит сегодня вопрос о поиске возможностей и путей его расширения, в том числе за счет междисциплинарного взаимодействия.

В чем специфика взгляда на прошлое у культурологов, почему нередко в исследованиях на историческом материале культурологи обнаруживают, фиксируют иные грани исторического бытия? Почему

они иногда берут на себя смелость заполнять те лакуны, которые возникают в силу отсутствия, например, исторических источников, на чем строятся их интерпретации и реконструкции исторических событий, касающихся, понятно, прежде всего, социально-культурной области?

Дело в том, что культурологи стремятся, прежде всего, к выявлению логики исторического развития культуры, поиску закономерностей появления и развития тех или иных социокультурных феноменов. Они опираются в этом на разработанную типологию культур, описывающей исторически образовавшиеся культурные миры как особые реальности, обладающие системными свойствами, описываемыми с помощью различных концептуальных моделей. Для культурологов важно чувствовать историческую обусловленность всего происходящего в истории культуры. При взгляде на истории у них нет представления о произвольности или хаотичности явлений и событий. Кажется, В.Г. Белинскому принадлежит фраза о том, что если есть идеи времени, то есть и формы времени. Именно представление об этой связи питает интерпретации истории и ее реконструкции.

Такой подход может быть применим и тогда, когда мы обращаемся к образу прошлого или мифу о прошлом. Ибо в контексте культурологического исследования акцент может быть сделан на том, как они воспроизводят, например, архетипы коллективного сознания, в том числе и национального сознания, включая деформации сознания, которые существуют. И это тесно связано с феноменом идентичности, особенностями его формирования. Потребность в реконструкции (или конструировании) прошлого заложена, на самом деле, глубоко в общественном сознании, ибо она выражает потребность социума в самоконструировании на каждом отдельном историческом этапе его существования.

У культурологов не вызывает сопротивления тот факт, что массовое сознание мифологично по своей природе. Но это не тождественно признанию его ложности, которое не дает повода для рефлексии исследователя. Мифы о прошлом, истории своей страны при таком подходе могут служить источником для анализа представлений о конструировании народом, нацией своей идентичности, поиске самостождественности во времени, изучения соционормативного ядра культуры, задающего коллективное видение целей и смыслов национального и государственного бытия, проявляющееся и в мотивах поведения отдельных исторических персонажей и в конкретных государственных решениях. При этом именно историческая наука, как представляется, способна удерживать все эти реконструкции на твердой почве, возвращая их к постоянному требованию верификации в связи с известными фактами и существующими источниками. В этом, как представляется, кроется одна из перспектив междисциплинарного подхода.

В.Н. Земцов: Ну и, наверное, вот эта междисциплинарность возможна еще и потому, что историки в последнее время стали как-то более самокритично подходить к тому, что они делают. Потому что ранее существовала очень простая такая, жесткая ситуация: у меня есть источник, я знаю, как было на самом деле, и какое право ты имеешь сюда лезть? Сегодня мы уже и к себе самим относимся несколько более скептически... И тем не менее, вот когда Владимир Александрович говорил по поводу того, что прошлое нельзя реконструировать (и мы это осознаем), мне вспомнилась старая статья Павла Юрьевича Уварова «Апокатастасис: Основной инстинкт историка». Я часто ее вспоминаю. Мы понимаем, что реанимировать всех людей, которые были до нас, невозможно, но если мы этого не сделаем, мы не сможем познать прошлое, каким оно было на самом деле. И мы все равно к этому стремимся. Мы понимаем, что этого не достичь, и все равно стремимся к этому. И вот в этом отношении, наверное (по крайней мере, для меня и для многих моих коллег), в этом заключается какой-то выход: мы осознаем пределы своих возможностей и, тем не менее, внутренний инстинкт к реконструкции прошлого заставляет нас это делать.

М.В. Шистеров: Возникает вопрос: зачем мы все это делаем? Это просто некая потребность? Для чего это делается?

С.В. Смирнов: ...это то, что реализуется. Вот, говорят, допустим, о мифологическом сознании... Здесь ведь выходим на психоанализ, но, по сути дела, мы говорим о коллективных образах, первичных, которые создаются. Человек – существо социальное, которое живет в рамках коллектива. Он себя ассоциирует с этим коллективом. То есть вот, коллективные идентичности, они изначально рождаются. То есть, они меняются просто в ходе истории, по мере развития, по мере трансформаций. Можно сказать, что управление идентификацией всегда присутствовало. Всегда присутствовало, сколько человечество себя осознает как некое существо, существующее рядом с другими существами.

В.А. Ляпин: Ну, социальное существо.

С.В. Смирнов: Конечно. И в этом плане тут большой проблемы-то, наверное, и нет. И инструменты формируют этот образ, образ в любом случае всегда... Инструменты тоже могут различаться. История – как один из инструментов формирования этих образов. И мне кажется, что даже такие понятия как наука и миф разводить тоже невозможно. Это одновременно существующие вещи, которые просто разные сферы отражают. Наука и миф работают с образами.

М.В. Шистеров: И то и другое – способы самоидентификации и построения коллективной идентичности. Собственно, историописание – это один из механизмов построения такой идентичности.

В.Н. Земцов: Вопрос только в том, он более убедителен, этот миф, или менее убедителен.

И.Я. Мурзина: Но вопрос ведь, для кого? Кого вы хотите убедить?

В.Н. Земцов: Для кого? Я постараюсь чуть позже, по крайней мере, порассуждать...

Николай Николаевич, пожалуйста.

Н.Н. Баранов: Мне представляется, что идентичность любого уровня предполагает наднациональное, она без мифов невозможна. И строгое научное знание, которое разрушает мифы, оно способно разрушить идентичность. Если позволите, я проиллюстрирую это, показав вам две картинки.

В.Н. Земцов: Картинки... Давайте картинки.

Н.Н. Баранов: Сопроводив их словами. В 2012 г. вышел в свет трехтомник, по сути, энциклопедия, которая называется «Европейские места памяти». Результат многолетнего труда под руководством четырех маститых ученых-немца, австрийца, швейцарца и голландца нескольких десятков (примерно 60) авторов, историков, в основном, молодых, амбициозных и малоизвестных. Из авторитетных только Мирослав Грох присутствует. Причем, работали примерно 14 лет, работа началась еще тогда, когда провалилась конституция ЕС. И, в принципе, результаты этой работы напрямую не связаны с текущими проблемами (Греция, мигранты и т.д.). Так вот, давайте мы проверим себя на идентичность! Попытаемся каждый за себя и все вместе ответить на проклятый вопрос: Европа ли Россия?

В.А. Ляпин: Сталинград в эти места не включен.

Н.Н. Баранов: Не включен.

В.А. Ляпин: Голову на отсечение даю... Ну, понятно... А Москва вообще не европейский город... Не помнят, не хотят помнить. Они помнят только то, что их возвеличивает. Россия... Хорошо бы, чтобы вообще вас здесь не стояло...

Н.Н. Баранов: Владимир Александрович, не так, не так... (*Демонстрирует на экране*) Вот, три тома. Уважаемое издательство «Ольденбург», на немецком языке. «Европейские места памяти». Первый том имеет подзаголовок «Мифы и основные понятия европейского самосознания», второй – «Европейский дом», третий – «Европа и мир». Причем структура томов примерно одинаковая.

Ну, вот, просто можно немножко посмеяться над оформлением обложки. Такая эклектика... Я просто не по всем позициям пробежусь. Вот первый том, а он (как и второй том) начинается разделом «Мифы», а в нем статьи: «Миф о Европе», «Миф о Европе в искусстве», «Миф о Европе в литературе». Затем – раздел «Общее наследие». Вот здесь М. Грох отметил статью «Между национальной и европейской

идентичностью». Потом смотрим раздел «Основные понятия»: статьи «Наследие античности», «Христианство», «Иудаизм», «Ислам», «Гуманизм», «Просвещение». Следующий раздел: «Основные свободы»: предсказуемый набор статей «Права человека», «Правовое государство», «Разделение властей»... «Пространство Европы», слабый раздел, я даже его пропущу. Потом – «Военный опыт и стремление к миру». Известный, я бы сказал, европейской известности историк П. Лангевитше написал статью «Европа войн» и т.д.

Самый интересный – это второй том. Первый том концептуально постановочный, а второй том все конкретизирует. Причем авторы-составители утверждают, что выбор словарных статей во многом определялся несистемными факторами. Безусловно! 123 энциклопедических статьи... Подборка случайная, но руководствовались тремя важными критериями: европейское место памяти – это такое событие, которое уже современниками осознавалось как общеевропейское явление. Потом – это такое явление, которое имело механизм ретрансляции и рецепции в европейском масштабе... Вот, «Фауст» Гёте – очень быстро перевели, отпечатали, на многих языках, распространили... Я не буду спрашивать, не буду просить поднять руки, кто дочитал «Фауста» Гёте до конца... И третий критерий... такое должно быть место памяти, которое общее для всех от Бреста до Урала...

В.А. Ляпин: От Брест, а... До Бреста, потому что... **Н.Н. Баранов:** Бреста французского!

В.А. Ляпин: А, я думал... Свердловск... *(Смех)* Потому что действительно... Европа заканчивается городскими воротами Вены. Дальше начинается Азия, как говорили в XVIII в. Все правильно! Так и осталось...

Н.Н. Баранов: Я прошу обратить ваше внимание на содержание второго тома. Первый раздел – «Мифы»: «Бык», «Геркулес», «Эней», «Антигона», «Марафон», «Герои работы»... Это вообще, наверное, для нас с вами требует разъяснения. Но... героизация труда, она присутствовала во многих идеологиях и идейно-политических построениях не только в Советском Союзе, но и при других режимах... Интересная статья – «Бастион христианства», посвященная Хорватии. Так ее назвал в начале XVI в. Папа Лев X за отчаянное сопротивление хорватов османскому вторжению на Балканы.

В.А. Ляпин: Да, потому что католическая. Потому что европеец – это католик или протестант.

Н.Н. Баранов: Здесь присутствует и некая самоирония. В раздел «Мифы» помещена статья о премии имени Карла Великого, которая ежегодно вручается в Аахене за вклад в объединение Европы, но о которой мало кто знает. Здесь же статья «Европейский гимн». А кто

знает о существовании европейского гимна? Флаг Евросоюза знают все. А гимн?

В.А. Ляпин: «Ода к радости»... **Н.Н. Баранов:** Дальше... «Совместное наследие». Не надо заги-

бать пальцы, наверное... Здесь есть «Микеланджело», «Мона Лиза», «Рембрант»... Пропускаем, пропускаем... «Ратуша», «Конные статуи», «Гомер» и «Троя», «Данте», «Шекспир», «Гёте», Толстой с «Войной и миром», «Девятая симфония» Бетховена, «Верди», «Шансон»... Но не русский... (Смех)

В.А. Ляпин: И, слава Богу... **Н.Н. Баранов:** Потом, вот, посмотрите, ... Мне показалось это

интересным... идут четыре статьи по религиозным столицам – «Рим», «Виттенберг», «Женева»... (ну, понятно, да?), «Третий Рим» и «Стамбул». А также в общеевропейское наследие входят «Университеты», «Кофейные дома» и «Пищерии».

«Основные свободы»... Здесь у меня, честно, извините... при всем уважении к специалистам по британской истории большое сомнение. Я не понимаю, как «Магна карта» может иметь значение общеевропейского места памяти?

«Толерантность». Пример: «Амстердам». Ну, да, наверное. А дальше, вот посмотрите – торжество гендерного подхода. Статья «Анна Франк» как пример основных европейских свобод. Свобода на что? Свобода на самовыражение и смерть? «Эмансипация женщин» – это Мария Скловская-Кюри. И яркая представительница движения за равноправие женщин, подруга Сартра...

Несколько голосов: Симона де Бовуар!

Н.Н. Баранов: Вот, пятый раздел «Военный опыт и стремление к миру», который может вызвать реакцию на грани отторжения к концептуальным подходам этой группы авторов. Начинается со статьи «1348 год: европейская чума и еврейские погромы». «Война против меньшинств. Варфоломеевская ночь». Дальше. Кто-нибудь знает битву при Каленберге? Она же Лысая гора.

В.А. Ляпин: А... Это касается чешской независимости. Нет?

Н.Н. Баранов: Нет. Это под Веной в 1683 г., когда Я. Собесский пришел вместе с французами, саксонцами и турок прогнали... Потом «Битва народов» под Лейпцигом – это понятно. Потом, опять-таки, «Миссолонги». Ничего, наверное, не говорит, если не занимались биографическими подробностями Байрона... Греческий городок, символ антигурецкого восстания, где сердце его до сих пор хранится. А потом – «Верден», «Герника», «Ковентри», «Аушвиц». Особая статья «Солдатские кладбища» символизирует инструментализацию войны на примере не стихийно возникшего, а целенаправленно создаваемого места воспоминания. В качестве выдающихся событий, связанных со

стремлением к организации длительного мира, представлены Вестфальский мир, Парижская мирная конференция 1919 г. и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Нет Сталинграда! Хотя и географически город в Европе находится, и масштаб сражения был поистине европейский.

Далее – раздел «Метафоры, цитаты и девизы»: «Мыслью, следовательно, существую», триада Французской революции, «Европейский дом», «Граница по Уралу», «Балканы», «Концерт держав».

Третий том, он вообще смешной... Называется «Европа и мир». Я так понимаю, что у них контракт заканчивался, они туда скидали вообще что под руку попало. Опять-таки, «Основные понятия»: «Глобализация», «Экономические измерения глобализации», «Экспансия». «Концепты»... Я вот опять не понимаю, в чем разница между основными понятиями и концептами. «Ориентализм», «Расизм» и «Постколониализм»... И «Частные случаи»... Я посмотрел... ну, вот, интересные две статьи: «Колумб 1892» и «Колумб 1992» – как праздновали открытие Америки. Авторы статей приходят к совершенно обоснованным выводам: в конце XIX в. юбилей Колумба монополизировала Испания, которая пыталась напомнить миру о своем былом имперском величии и пыталась поймать какие-то дивиденды. А в конце XX в. юбилей Колумба был полностью монополизирован Соединенными Штатами Америки.

Ну, и дальше: «Монтесума на европейской сцене», «Кунсткамеры», «Китайский ресторан» (как общеевропейское место памяти!), «Макс Вебер»... Конечно, «Че Гевара», «ЮНЕСКО».

И еще буквально два слова в контексте идентичности. 123 энциклопедические статьи, из них всего 4 – это места памяти, которые непосредственное отношение имеют к России. Это «Голстой», это «Москва – Третий Рим», это «Катынь»!

В.А. Ляпин: Ну как же без нее?

Н.Н. Баранов: Это «Граница по Уралу». Не большое место Россия занимает в концептуальных подходах авторов этого труда. Но это не единственная слабость. Потому что вот опять, по третьему тому «Европа и мир». Там три десятка статей. Из них почти половина посвящена разного рода транзитам и трансляциям между Европой и Америкой. Только одна единственная статья посвящена связям Европы с континентальным Востоком, а именно с Китаем. И то это «Китайский ресторан». (Смех)

Спасибо!

В.Н. Земцов: Очень интересно... По большому счету, мы понимаем, что, так сказать, любовь-то посторонняя у нас получается, безответная, я имею ввиду... Мы себя считаем европейцами, Европу любим, но Европа несколько иначе относится к нам. И мне все-таки

кажется, что не стоит на это слишком упираться и слишком из-за этого расстраиваться. Ну, так оно и есть. Спокойнее к этому нужно относиться. Иногда бывает, конечно, обидно, но это тут же пытаешься спрятать и говоришь себе: «Ну, ладно... Это их проблемы».

Вот, это их проблемы, и сейчас мы знаем, что проблемы Европы настолько тяжелы и настолько будут пролонгированы в будущее, что существует вообще вопрос о выживаемости европейской культуры. Очень жаль, если, конечно, европейская культура канет в лету.

Да, пожалуйста, Алена Александровна.

А.А. Постникова: Доклад Николая Николаевича навел меня на такие вот размышления... Конечно, образ прошлого, в любом случае, всегда формируется либо в рамках политической идентичности, либо национальной идентичности и, может быть, в рамках и той и другой. И сейчас, конечно, европейцы как раз пытаются в рамках политической идентичности создать какую-то свою единую историю, какие-то общие образы прошлого. Это мы прекрасно видим, например, применительно к Наполеоновской эпохе. История Наполеона переписывается, и акценты делаются на то, что вот, дескать, Наполеон стал прародителем Единой Европы, европейской интеграции. И здесь, конечно, интересно соотношение. Мне кажется, что основная часть образов прошлого создается под воздействием неких элементов политической идентичности, а уже потом становится символом национальной идентичности. Не случайно, что основные национальные мифы, скажем, о Жанне д'Арк... Или возьмем валлийские мифы, или немецкие... Они появляются в конце XVIII и на протяжении XIX в., когда европейцы активно искали некие символы, которые способствовали бы их объединению, формированию идентичности. И тот же образ Наполеона сначала появляется в рамках некоей политической идентичности французов, а потом становится национальным мифом благодаря деятельности Ш. де Голля. Мне кажется, что при обращении к истории Франции вообще очень сложно найти какие-то образы прошлого, которые сначала стали бы национальным мифом, а уже потом превратились бы в миф государственный, политический. Я думаю, что редким исключением является образ Жанны д'Арк, о котором здесь уже упоминали. Образ Жанны д'Арк изначально, после Столетней войны, активно функционирует в народной культуре. А государство обращается к этому мифу только в конце XIX в. Именно тогда начинают муссироваться различные легенды по поводу Жанны, и появляется республиканская «модель» Жанны д'Арк, потому что, дескать, она была близка к тому, что стали называть демократией, близка к народу. Но что удивительно, параллельно начинает существовать националистическая идея, «националистическая модель» Жанны д'Арк. Жанна, дескать, спасала

французов, она была за, так сказать, чистых галлов, а убили ее евреи. И Кошен тоже был евреем, и вообще-то это все был еврейский заговор.

Как дело обстоит сейчас? Миф о Жанне д'Арк на протяжении XX в. и применительно к современности... он как бы стал объектом культурной памяти: отмечают национальный праздник... Даже пленение Жанны д'Арк в Компьене... Владимир Николаевич рассказывал о том, что был на реконструкции этого события...

В.Н. Земцов: Да, это выглядело своеобразно... **А.А.**

Постникова: Но то, что касается политической идентичности и национальной идентичности... то мне кажется, что этот образ объединил и одно, и другое начало в деятельности националистических партий. Вначале – Аксьен франсез, потом – Национальный фронт, как эпохи Ле Пена-старшего, так сегодня и Марин Ле Пен... Они активно использовали и используют в своих речах такие лозунги, как «Жанна д'Арк – за Францию, за французов!»

Мне кажется, что это прекрасный пример того, как все-таки сначала этот образ способствовал национальной идентичности (кстати, многие французские историки склонны считать, что для французов понятие «нация» можно употреблять уже после Столетней войны...), а потом уже стал элементом политической идентичности. Что же касается других национальных исторических мифов, то мне кажется, что они чаще всего изначально создаются в рамках государственных структур, в связи со стремлением как-то ополитизировать историю.

В.Н. Земцов: Есть, наверное, примеры и противоположные... Я сразу вспомнил Ивана Сусанина. Очевидно, что легенды о нем ходили почти что изначально, но, конечно, активизировались только в XIX в., когда это было востребовано. И тогда...

В.А. Ляпин: У меня отец из тех мест...

В.Н. Земцов: Так это его предки! *(Смех)*

В.А. Ляпин: У меня отец из тех мест, и там этот, якобы миф, об Иване Сусанине – это жизнь. Там вот покажут, где... там вот 4 километра... Вот это сама память... Вот то *(В.Н. Земцову)*, о чем ты говорил в самом начале...

Н.Н. Баранов: А обратно-то выведут? *(Смех)*

В.А. Ляпин: А там сейчас тоже такие... вот уже бизнес делают...

В.Н. Земцов: Если поляки, говорят...

В.А. Ляпин: Там не поляки... **В.Н.**

Земцов: Понятно, что не поляки.

В.А. Ляпин: Это были украинцы, кстати говоря. Тогда можно было об украинцах тоже говорить. Банда во главе с атаманом с очень колоритным прозвищем Смага (смага это значит уголь) Чертинский,

вот. Это был очень смешанный по составу... В основном, это были запорожцы.

В.Н. Земцов: Основная проблема заключается в том, как рассказать о событии. Историки уже давно «бьются» над этим вопросом. Когда я слушаю Владимира Александровича, мне кажется, что так оно и было, потому что он умеет убедить.

В.А. Ляпин: Прекрасный пример в подтверждение этой мысли. Вот сувенирная ложечка, на которой изображена дружина Александра Невского, атакующая злодеев-рыцарей под бело-сине-красным флагом. Прелесть! Это демонстрирует современную потребность, основанную на невежестве. Проблема национальной самоидентификации возникает особенно остро у тех народов, которые исторически не имели своей государственности. К примеру, основа белорусского самосознания связана с тем, что они якобы разбили «москалей» в битве под Оршей в 1514 г. Этот день является государственным праздником Белоруссии!

Н.Н. Баранов: Владимир Александрович, формирование когнитивности невозможно без образа врага.

В.Н. Земцов: Друзья мои, давайте послушаем человека, который лучше всех нас знает Восток.

В.А. Кузьмин: В данном случае я буду рассуждать, скорее всего, европоцентристски. В ходе нашего разговора я так и не смог определиться с понятием «идентичность», потому что каждый до меня выступающий какой-то свой смысл вкладывал. Я сразу вспомнил Пивоварова Дмитрия Валентиновича, который будучи философом, предпочитал начинать дискуссию с того, чтобы определиться с понятиями.

Второй момент, на котором мне бы хотелось остановиться, связан с мифологией. Я бы разложил эти вещи на несколько составляющих. В первых, отношение к истории как к науке чисто политической. Зачастую, эта политизация зависит от первого лица государства. Это четко прослеживается, к примеру, в интерпретации Великой Отечественной войны. Был «сталинский» период, затем «хрущевский», когда Сталинградскую битву переименовали в битву на Волге. В «брежневский» период мы увидели новую трактовку, что судьба войны, конечно, решалась не в Сталинграде, а при обороне Кавказа. В «андроповский» период (тогда считалось, что Ю.В. Андропов был партизаном) стали преувеличивать роль партизан, при К.У. Черненко – погранвойск. При М.С. Горбачеве об истории войны стали говорить как о части Второй мировой войны (впервые появились факты, свидетельствующие о помощи союзников). Сейчас же наблюдаются консервативные тенденции отката назад в оценках войны к сталинским временам (меньше вспоминать о жертвах, в основном, о подвигах). Получается, что, с точки зрения С.Е. Нарышкина, мифы должны существо-

вать. Конечно, это к истории не относится. Историк отбирает факты, источники. Иногда историю путают с историософией. Предметное поле этой науки совершенно иное. К примеру, В.В. Скоробогатский, приверженец такой историософии, игнорирует источники, опираясь на широкий концепт. Другой пример: В. Резун своими книгами пытался вызвать дискуссию вокруг проблем войны. Однако научного обсуждения не получилось из-за ограниченности источниковой базы. Нужно стремиться к истине совместными усилиями всех государств (были попытки совместных публикаций сборников документов: русско-польские, российско-израильские и т.д.). К сожалению, это единичные попытки, что свидетельствует о том, насколько сложно достичь единой модели изложения мировой истории.

В.Н. Земцов: Уважаемые друзья, давайте мы установим некий порядок, потому что каждый из присутствующих желает высказаться. Я знаю, что у нас есть два небольших сообщения о том, как реально валлийцы конструировали свою идентичность. Пожалуйста, Надежда Федоровна.

Н.Ф. Шестакова: Я хотела бы поговорить о национальной идентичности валлийцев конца XV – начала XX в. Следует сказать, что в конце XVIII в. у валлийцев произошел кризис национальной идентичности, который был обусловлен рядом причин, среди которых следует отметить процессы урбанизации и индустриализации данного региона, что способствовало исчезновению традиций, ускорению англолизации общества. Свою роль сыграла политика английских властей, направленная на стирание национальных особенностей валлийцев и создание единой британской нации. Рубеж XVIII-XIX вв. был довольно парадоксальным периодом в истории Уэльса, поскольку, с одной стороны, обозначился кризис национальной идентичности, с другой – наблюдалось усиление интереса валлийцев к своей собственной истории. Они занялись мифотворчеством применительно к своей собственной истории, изобретая новые традиции, создавая новых героев, новые символы. В основу исторической памяти валлийцев в конце XVIII-начале XIX вв. легли образы, связанные с кельтским прошлым: друидизм, кельтские принцы, которые боролись с захватчиками. В результате были созданы новые традиции. Одной из таких традиций становится церемония Горседа. Вновь появился музыкальный фестиваль «Айстетвод». Появляются новые мифы, в частности, возник миф о том, что Мэдок, принц XII в., открыл Америку. Этот миф был создан на основе документов, которые сфальсифицировал Й. Моргануг. Таким образом, путем мифотворчества валлийские патриоты смогли придать Уэльсу своего рода романтический образ.

В.Н. Земцов: Однако эти традиции стали общеевропейскими. Это парадокс, когда национальный элемент становится общеевропей-

ским. О том, что сегодня происходит с национальной идентичностью в Уэльсе, расскажет Александра Алексеевна.

А.А. Нечаева: Название доклада я условно определила как «Валлийская идентичность в XX веке: проблемы переосмысления». На мой взгляд, современная валлийская идентичность сформировалась в послевоенное время. После Второй мировой войны наступил постколониальный период Британской империи, что привело к возрождению региональной идентичности. В плане валлийской идентичности... до 1955 г. некоторые писатели отмечали, что нет никакого настоящего, никакого будущего в Уэльсе, есть только прошлое. Однако историки переосмыслили прошлое и предложили иной вариант трактовки истории. Потом этот вариант перешел в учебники и учебные программы. В 1960-е гг. в учебных планах впервые вводится понятие «валлийская история». До этого времени история была только английской. Следует отметить, что валлийскую идентичность в XX в. невозможно рассматривать вне контекста валлийского национализма. В 1970-е гг. обратили внимание на то, что язык как основа валлийской идентичности становится непопулярным. В 1979 г. был проведен референдум по автономии Шотландии и Уэльса. К сожалению, он был провальным. Поэтому публицисты и историки вновь начинают переосмысливать валлийское прошлое. В конце 1980-х гг. среди молодежи становится популярной валлийская история. На уровне Министерства по делам Уэльса впервые масштабно начинают пропагандировать прошлое Уэльса: выходят фильмы, книги для широкой публики. В конце 1980-х гг. в большей степени стали обращаться к проблемам европейской идентичности, т.е. Уэльс стали рассматривать как часть Европы. В конце 1990-х гг. наступает новая волна поиска валлийской идентичности. На данном этапе символы валлийской идентичности используются для туристов. Хотелось бы заметить, что это искусственное образование.

И.Я. Мурзина: Вопрос о историософском взгляде на идентичность мне очень близок. Историк любит взять источник, повесить его в рамочку и молиться на него. Возникает две проблемы, с которыми мы очень остро сталкиваемся. Одна проблема связана с критикой источника (и эта проблема не фиксируется в общественном сознании). Вторая проблема связана с мифами и их значениями для конструирования идентичности.

Вопрос об исторической памяти и идентичности валлийцев хорошо отражен в одном ирландском фильме. Один из персонажей картины спрашивает главного героя: «Что случилось с твоим отцом? Он умер или того хуже, уехал в Лондон?». *(Смех)*

Когда мы говорим о необходимости конструирования идентичности, я согласна с тезисом, что XX век – это время конструирования

идентичности, но я все время задаю себе вопрос: «Зачем это нужно?». Если мы конструируем мифы, то мы решаем конкретную личностную проблему, в том числе проблему поиска себя. Конструирование мифа – это желание индивида связать себя с каким-то великим, прекрасным событием и тем самым противопоставить чему-то низменному и незначительному. Так мы боремся со страхом будущего – гарантируя себе процветание и как бы обеспечивая покровительство светлого и героического прошлого. В связи с этим часто сталкиваешься с вопросом конструирования идентичности (особенно в педагогической деятельности). Мне как не-историку пришлось конструировать идентичности. Это был комичный опыт, но показательный. Почему? Потому что люди, утратившие свою культурную идентичность, как например, оренбургские казаки в Екатеринбурге (откуда они возьмутся на Среднем Урале?), ищут какое-либо духовное основание, на котором можно построить свою идентичность, формировать и задавать вектор для воспитания детей. И на этом моменте комичность заканчивается, потому что вопрос идентичности – это вопрос будущего. Каким мы хотим воспитать следующее поколение? (Я лично считаю, что педагогика – это конструирование идентичности и не более того). Историческое образование, и социально-гуманитарное образование в целом, должно лежать в основе образования вообще. Однако возникает вопрос: до какого предела мы должны доходить в конструировании? Где предел нашей фантазии? В этой связи есть еще один личный пример. Как-то я попала в Углич, но попала не совсем вовремя – хотя соответствующие плакаты еще висели... Отмечался праздник «День царевича Димитрия»... И мне стало очень интересно – а что же празднуется? На плакате был изображен царевич Дмитрий с известным атрибутом – ножом. Выглядело странно... (Смех) Я не знаю, как они позиционируют свою идентичность...

Л.И. Забара: На аспирантском семинаре мы разбирали специфику исторического в рамках социального познания. И сегодня в начале разговора об историческом знании первая тема, которая должна была бы быть определена в философском аспекте – это историческое сознание и его специфика. Когда мы говорим о вхождении исторического сознания в повседневность, то надо понимать, что существуют различные уровни этого сознания. Есть обыденное сознание (и от этого никуда не деться) и критическое (куда мы и отнесем историческое). И часто на обыденное сознание идет воздействие с уровня критического сознания (транслируется преподавателем, и т.д.). Тогда получается, что когда мы говорим о месте исторического сознания в структуре общественного сознания, то все, казалось бы, становится ясным... Есть взаимосвязь форм сознания: политического, правового, исторического... И это сплетение и дает нам столько противоречий (в том числе и

противоречивых характеристик) в суждениях о развитии историческо-го сознания, о которых мы сегодня и говорим. Еще один важный во-прос – методология познания. Очевидно, что наличие таких понятий, как образ, конструкты и прочее говорит о том, что универсальный ме-тод – это метод идеализации, теоретического конструирования. Находя предмет исследования, мы конструируем его и ведем наше исследова-ние к некоторой истине, которая кажется нам наиболее вероятной и адекватной. При этом мы понимаем, что предметно-субъектное взаи-модействие привносит субъективность в исследование, и, следова-тельно, то знание, которое мы получили, не может быть абсолютно верным и универсальным. Еще один важный момент – интерпретация. Есть множество хороших работ, посвященных герменевтике... и нам понятно, что когда мы интерпретируем историческое понятие/событие, то мы имеем дело и со спецификой субъекта, и предмета, и со специ-фичными знаками, текстом и источниками, с которыми мы работаем. Поэтому вопрос о том, как на уровне понимания это интерпретировать

– это уже искусство исследователя. Интереснее всего доводить до слушателя смысл современного мифологизированного исторического познания, с которым мы сегодня имеем дело. Резюмируя все вышеска-занное, отмечу: идентичность понятие многослойное и многоплановое. Поэтому я считаю, что исследования идентичности должны также быть разноплановыми: нужно рассматривать это явление с разных ас-пектов и с использованием разных методов. Исследования должны быть комплексными и междисциплинарными. Историки, филологи, философы должны объединить усилия и работать над исследованиями идентичности вместе.

В.Н. Земцов: Людмила Ивановна, в сущности, сказала, что в це-лом все уже понятно... но для меня идентичность – явление далеко не полностью исследованное. Предложение Людмилы Ивановны инте-ресное, оно требует рабочего и технического обсуждения, поскольку наш терминологический аппарат разный. Кроме того, надо понять, насколько реально сегодня получить грант по той тематике которой мы занимаемся – мифом, по сути. Это к вопросу, поднятому Ириной Яковлевной. Ирина Яковлевна рассуждала на тему, зачем мы конст-руируем мифы. Как вы уже поняли и почувствовали, побудительные мотивы есть разные: первый мотив – боремся за гранты, второй – при-способливаемся к политической конъюнктуре, что связано не столько со стремлением получить, сколько приобрести «политический капи-тал», третий – это естественное стремление познать, стремление к исти-не. Мне кажется, что эти три обстоятельства являются определяю-щими, но их соотношение между собой может меняться.

М.В. Шистеров: Людмила Ивановна правильно указала сейчас на тот неустранимый элемент субъективности, который всегда суще-

ствуем, потому что, работая с источником, мы сначала реконструируем «факты», а потом изучаем их как объективную реальность. В этом и была, пожалуй, самая главная проблема позитивистских методов изучения источника.

К вопросу о конструировании мифа, идентичности и причинах необходимости такого конструирования: иногда возникает потребность воссоздавать миф как некоторое символическое пространство, которое формируется посредством знаков, текстов и т.д. (то есть семантически реконструировать все то, что уже отсутствует в повседневной реальности). Например, в последнее десятилетие в зарубежной историографии выходит достаточно большое количество монографий и публикаций, посвященных процессам романизации в эпоху Римской империи (изобретен концепт «римскости» (Roman-ness) и многие другие), и о том, как римская идентичность создавалась в провинциях империи: Испании, Британии, Африке. При этом основной акцент делается на том, что привитие идентичности осуществлялось путем создания объектов материальной культуры, которые воспроизводили определенные социальные формы поведения, и за счет этого шло приобщение к тому, что это такое – быть римлянином. Возвращаясь к современности, можно отметить подобные процессы: когда материальная культура разрушается, возникает потребность фиксировать ее текстуально и таким образом создавать заново. Ирина Яковлевна говорила, что XX век – это век конструирования идентичностей, но я хочу заметить, что человек всегда конструировал их. XX век – это период, когда данное явление было отрефлексировано. Отсюда следует то, о чем говорила уже Александра Алексеевна – теперь искусственно конструируемая идентичность продается в современном мире.

Д.Н. Каравасва: Антропологический подход к исследованию идентичности отличается от исторического подхода. Так, например, антропологи уверены в необходимости полевых работ, особенно если нет возможности интервьюировать респондента (своего рода источника, носителя культуры) относительно тех или иных вопросов, касающихся идентичности. Если такие методы не были применены, исследование считается не состоявшимся. Использование различных подходов призвано обогатить исследование, расширить возможности исследователя. Если говорить о том, какое понимание идентичности сейчас бытует в российской науке, то сейчас идентичность чаще всего определяют как представление о прошлом, настоящем и будущем индивида или группы людей. С моей точки зрения, идентичность – явление, которое определяется в нескольких научных плоскостях, и историк может изучать только одну из этих парадигм. В качестве примера я могу привести свое исследование. Оно посвящено англичанам в современной Британии, хронологические рамки работы – с конца 80-х гг.

XX в. и до сегодняшнего времени. В своей работе я рассматривала идентичность как синоним гражданственности. В данном контексте я исследовала исторические представления людей о самих себе, а также современные представления о географии, культуре и других аспектах идентичности, с которыми сталкивается каждый англичанин. На основании полученных данных можно говорить о конструировании идентичности. Если говорить об исследованиях сугубо исторических, то я считаю, что историку лучше оставаться в своей плоскости и использовать историческую методологию. В противном случае его позиция рискует стать уязвимой.

В.Н. Земцов: Сейчас я предлагаю перейти к проблемам идентичности на Востоке, так как это тоже очень серьезный пласт исследований и замыкаться на европейских, а, тем более, российских представлениях об идентичности было бы неразумно.

С.В. Смирнов: Во-первых, начать нужно с того, что само понятие «Восток» – это конструкт, который к Востоку никакого отношения не имеет. Это понятие сконструировано европейцами, исходя из потребностей европейцев в колониальный период, т.к. концепция сложилась в XVII-XVIII вв., и имеет мало отношения к идентичностям ази-атским. Если рассматривать идентичность как конструкт политический и региональный – то такие идентичности проявляются в Азии очень поздно – XIX век, вторая его половина. До этого времени очень сложно что-либо отследить. Рассмотрим вопрос на примере Китая. В Китае традиционная идентичность, которая всегда существовала и существует сегодня, но уже в ослабленном виде – это идентичность семейно-родовая, семейно-клановая, которая была базовой идентичностью. То есть понятие идентичности как единого народа в Китае не существовало. Китайцы отличали себя по региональному признаку, и это проявляется уже в источниках I в. н.э. Так, разные провинции высмеивали своих соседей и более отдаленные области; сохранилась масса анекдотов и историй. Единственное, что их объединяло – это императорская власть. При этом не существовало идентификации себя с властью. Односторонне, что власть могла влиять на общество и никак не наоборот. Таким образом, политическая и национальная «идентичность» проявляется в Китае уже под европейским воздействием. Традиционно в китайском языке даже не существовало понятий, синонимичных тем, которыми европейцы выражают идентичность. И китайцам приходилось изобретать понятия, используя существующие термины. Надо отметить, что эти процессы происходили только в узком слое интел-лектуальной элиты. Эти процессы охватили более широкие слои населения под влиянием событий XX века – именно тогда впервые начал формироваться национализм под влиянием фигуры Сунь Ятсена, но, правда, в таком варианте он не утвердился. На смену идеологии Сунь

Ятсена пришла коммунистическая партия, для которой сам термин «национализм» был термином ругательным. Коммунистическая доктрина не воспринимает национализм. И сегодня эти понятия уживаются не очень хорошо. Зато с политической идентичностью все проще – в современном Китае это ассоциация себя с той страной, которая строит социализм, с единым народным фронтом. Еще один интересный аспект, который надо осветить – это идентичность глобальная, которую Китай представляет на международном рынке. Китай на международной арене позиционирует себя определенным образом – используя «конфуцианский миф». «Конфуцианский миф» начинает формироваться за пределами Китая. Идеологию Конфуция приняли и интерпретировали европейские иезуиты, которые с XVI в. начинают проникать в Китай. Именно иезуиты сформировали в Европе ранний образ Китая, придав исключительное значение конфуцианству как религии ученых. Они, во-первых, назвали это учение религией (что никогда не практиковалось в самом Китае), а, во-вторых, выделили особый слой общества, который является хранителем традиций. Позднее европейские либертины будут использовать конфуцианство для борьбы со «старым порядком», показывая что «конфуцианство» – это та модель, на которую нужно ориентироваться, которую нужно внедрять в сознание элит. Китай имел позитивный образ, образ страны-носителя передового учения, чей опыт нужно перенимать. Китай стал ассоциироваться с неким конфуцианским царством, хотя никогда таковым не был. Эта линия была продолжена уже без религиозной составляющей в XX в., особенно в конце XX в. Когда исследователи стали обращаться к региону, наблюдая невероятные темпы развития, которые демонстрировали в то время азиатские страны (причем идеологические причины такого развития связывались не с опорой на европейские ценности, а на свою собственную культуру), появились такие явления, как «конфуцианский капитализм», «конфуцианская демократия». Последние лет 20 «конфуцианский миф» стали использовать как инструмент продвижения. Так концепт, сформированный извне, был адаптирован, отредактирован и использован в нужном направлении. Конфуцианство воссоздали после того, как Мао Цзэдун объявил учение «религией отсталых» и принялся за его уничтожение. Снесли все, камня на камне не оставили. Но, к чести китайцев, надо сказать, что в конце XX в. все воссоздали – начали создаваться целые институты, проводить множество исследований, получались гранты. Сейчас «Институты Конфуция» действуют по всему миру, реализуя этот миф и позиционируя Китай с нужной государству стороны.

В.А. Кузьмин: Нужно отметить, что в Китае профессия историк и история как науки не могут существовать по определению. Есть только государственный заказ.

С.В. Смирнов: История всегда была тесно связана с государством, она была частью административной структуры. Все хроники ориентированы на политические события, государство. Свободный историк появляется в Китае как явление в эпоху Мин и тогда же и исчезает.

В.А. Кузьмин: Сергей Викторович глубоко осветил тему, я со многими вещами согласен. Конечно, концепт ориентализма пришел с Запада. Я лично увидел это на таком примере: бывая неоднократно в Китае, я сталкивался с непониманием, когда говорил, что я с кафедры востоковедения. Они (китайцы) воспринимают меня как американиста. Потому что если из Китая посмотреть на восток – то там США. Для них Китай это не восток, для них это центр. У них очень интересные карты, очень интересная проекция мира. Россия отодвинута далеко на север, центр – это Китай, обе Америки периферийной дугой огибают океан. Сейчас я хочу обратиться к работам И.М. Царицына, известного япониста, к сожалению, ныне покойного. Он говорил так: «Довоенный японский национализм имел религиозную основу, послевоенный – экономическую». Экономический рост 50-60-х гг. сформировал современную националистическую позицию японцев, самоидентификацию. То есть они уже гордятся не тем, что они потомки богов, а тем, что, прежде всего, Япония – это производитель самой качественной, конкурентоспособной продукции. К слову, современное китайское общество сейчас переживает похожее явление. Мы сейчас наблюдаем у студентов из Китая чувство гордости за тот экономический подъем, который произошел в стране. Конечно же, для них важна и культурная составляющая – возрождение конфуцианства.

В США в каждом штате проживает примерно 11 млн человек, это 50 штатов – 500 млн. Наша Россия, как мы видим, не доминирует в приоритетах, даже в рамках этой политики Конфуция. Основное внимание уделяется Европе, США, потому что «их» гораздо больше, а мы в их глазах очень маленькое место занимаем, и то не без труда это место заняли... Сейчас вот у нас происходит «разворот на Восток»... Наше правительство делает «поворот» на Восток, поскольку Запад... Но вот Сергей Викторович это прекрасно знает, как тяжело это шло, потому что поначалу говорили: «Нет-нет, давайте лучше —их! ограничим, а лучше —их! вообще пусть не будет...»

Другой регион еще хочу затронуть. Оттолкнемся от того, что, в принципе, современный Восток (а наши в широком смысле Восток понимают как Азия и Африка)... Мне вот очень понравилось, как Николай Николаевич сказал про Брест... Вот он поймал... Брест, да не тот Брест... От Атлантики до Урала говорили, а некоторые говорят до Владивостока. Если в этой концепции мы – не Восток, то мы тоже часть Большого Запада, от Атлантики до Владивостока. Брест этот известный... А если брать классическое понимание Востока, то это –

Азия и Африка. И где мы имеем больше всего нестабильности, всякие конфликты? Это здесь. И причем эти конфликты, очень многие, как раз на национальной основе. Сепаратизм колоссальный! Одни племена режут других, геноцид массовый: то в Бурунди, то в Руанде, то еще где-то вырезают много людей. Многолетний конфликт на Шри-Ланке между сингалами и тамилами, сепаратистские движения в Индии, сепаратизм еще где-то... можно перечислять и перечислять. Поэтому не национальность, но великоханьский национализм, конечно, есть. Чувство того, что среди 1,5 млрд китайцев ханьцы все-таки составляют большинство.

В.А. Ляпин: Так вот он сначала гуандунец или ханец?

В.А. Кузьмин: Между собой они там подшучивают: «Так он же шаньдунец, что там с него возьмешь». Как и у нас: «Ты с Урала». (Смех) Примерно такое там все это есть, анекдоты, подшучивание, иногда часто подчеркивают, что он из такой-то провинции. Но что выступает как консолидирующий момент? Конфуцианство ведь в Китае отчасти имеет религиозный смысловой аспект, и многое в других странах имеет религиозную основу. И японцы при всей многогранности, в массе своей моноэтничны. Японцы – одна из самых моноэтничных общностей. Вот тут национальность, пожалуй, на переднем плане. У них есть меньшинства, корейцев больше всего, исторически так сложилось. Да, внутри японского общества... И у меня студенты этот факт подтверждают; они иногда видят это, когда сидят со студентами вместе и видят, что в группе 20 японок и 2 кореянки, и вот эти две кореянки в этом маленьком социуме выступают как люди второго сорта. И отношение сокурсниц к ним, и преподавателей... Их меньше спрашивают, меньше обращаются к ним. Вот есть такое, да.

Еще во времена Туркестана там никто не интересовался – таджик, узбек ли. Главное, когда его спросят: «Ты кто?», он ответит: «Я – мусульманин». А все остальное было вторично. Приведу такой пример. Вчера у меня были гости из Иранского культурного центра. Состоялся хороший разговор, говорили об образовательных программах и т.д. Мой гость хотел подчеркнуть, что Россию и Иран многое сближает. Проводил параллели. Россия – защитница, главная православная держава, все православные народы, и не важно, живущие в ней или за ее пределами, тяготеют к России.

В.А. Ляпин: В том числе и иранцы...

В.А. Кузьмин: Нет. А иранцы...

В.Н. Земцов: Шииты.

В.А. Кузьмин: Совершенно верно, Владимир Николаевич. Не все мусульмане, а шииты. Иран позиционируется как некий покровитель всех мусульман-шиитов, и в Ливане, и в Йемене. Если мы возьмем другую плоскость, не религиозную, мы сразу увидим, что и Си-

рия, и сам Иран, и Ирак – они далеко не однородные. Сирия, Сирийская Арабская республика... Сейчас мы видим и слышим, кого там только нет – туркоманы, курды... В Ираке – то же самое – и курды, и арабы разных направлений. Отсюда, все проекты, которые предлагались, и не важно, какую «начинку» дают... но попытка объединить арабов ничего не дала. Они раскололись в далекие средние века. У них есть собственная идентичность внутри страны. И этих примеров можно приводить массу. Но я бы отметил, завершая, что в данном случае идентичность носит, прежде всего, религиозный характер.

В.А. Ляпин: Хотелось бы продолжить. Христиане в понятии «Восток». Каково их место?

С.В. Смирнов: В каком понятии «Восток»? Восток вообще или...

В.А. Ляпин: Восток вообще. Возьмем Восток вообще. Значит, живут там христиане. Я прочитал у одного автора, что Россия – несомненно, европейская держава, потому что мы – христиане. Ну, прости-те, а если мы эфиопы? Они что, европейцы?

Конкурс «Евровидение»... в Баку. Оказывается, Баку – это Европа. Значит... армяне и азербайджанцы друг друга ненавидят, и те, и другие хотят страшно в Европу, грузины – тоже... У кого-то, у О.Э. Мандельштама, по-моему, Сталин назван азиатом в одном из стихотворений. Он – грузин, значит, он – азиат. Грузины кем себя позиционируют, все же?

В.А. Кузьмин: Европейцами.

В.А. Ляпин: Вот! И граница Европы и Азии проходит не по Кумо-Манычской впадине, как я усвоил со школы, а оказывается, уже по бывшей границе СССР, т.е. Грузия, Армения, Азербайджан, оказывается, это – Европа. Также как Израиль и Кипр, они тоже Европа, тоже в «Евровидении» участвуют.

В.А. Кузьмин: Подтверждая эту мысль, дополню ее словами одного из наших бывших министров иностранных дел. Когда был внутренний затяжной конфликт в Таджикистане, и там шла довольно длительная война, в которую пришлось и нам вмешиваться (это во времена А.В. Козырева было), он тогда сказал, что политически граница между Европой и Азией проходит по афгано-таджикской границе, потому что, скажем, там происходит противодействие боевикам, проникающим через Афганистан на эту территорию, и это защита тех общих ценностей, которые разделяет Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Отсюда и армяне, и азербайджанцы, и грузины – все вот, как бы, европейцы.

В.А. Ляпин: С другой стороны, калмыки, которые живут в Европе географически, они относятся к европейскому миру? Или, допустим, казанские татары, они тоже европейцы?

В.Н. Земцов: По большому счету, граница между Европой и Азией проходит, конечно, в головах у людей, в их самоощущении – кто они такие. Тут трудно четко границу провести и даже фактически невозможно. Я напоминаю, что ментальная география легко эти границы передвигает.

Я все-таки хотел бы, чтобы мы дали возможность выступить двум нашим студентам. Вика Железняк, пожалуйста.

В.М. Железняк: Я бы хотела поделиться своими размышлениями и результатами, к которым я прихожу в ходе работы над ВКР. Я занимаюсь рассмотрением образов эпохи наполеоновских войн в современном образовательном пространстве, и трактую его, это пространство, достаточно широко, в том числе я включаю сюда и медиапространство – видеоролики, фильмы, рекламу и т.д., а также учебную литературу, музейные экспозиции.

Как мне кажется, эпоха наполеоновских войн, с одной стороны, тема транснациональная, т.е. к ней постоянно обращаются, она актуализируется, в том числе обращаются и в государствах, которые не принимали непосредственного или активного участия в этом конфликте. Когда я искала информацию о рекламе, которая так или иначе отражает события эпохи, я обнаружила, что очень много рекламы о наполеоновских войнах в США, Канаде, Бразилии, Китае, Ливане, ЮАР... Таким образом, с одной стороны, тема транснациональная, наднациональная, но с другой стороны, это, все-таки, тема национальная, в том плане, что страны-участницы, которые были задействованы в этих конфликтах, имеют свой образ тех событий. Этот образ начал складываться уже, наверное, в ходе этих войн, и после них тоже очень активно формировался, и сейчас продолжает формироваться. И сегодня, наверное, в большей степени это можно проследить именно в медиапространстве.

Алёна Александровна в отношении Франции отметила, что Столетняя война выступила как основа пробуждения, объединения, консолидации нации. На мой взгляд, эпоха наполеоновских войн тоже в этом плане способствовала консолидации отдельных наций. Британской нации, например. Об этом пишут разные авторы, и британская литература очень этому способствовала.

В.Н. Земцов: И особенно консолидации русских, наверное?

В.М. Железняк: Да. Мне бы хотелось подробнее остановиться на образе России в российском образовательном пространстве и в образовательном пространстве Великобритании. В первую очередь я хотела бы сказать о медиапространстве. Самый яркий и, может быть, необычный образ эпохи у нас демонстрируется в рекламе. И вот здесь (хотя, конечно, это наблюдается не только в рекламе, но и в других сегментах медиапространства) наблюдается такая тенденция. Во-

первых, у нас, конечно же, больше всего внимания уделяется войне 1812 г. Эта война зачастую сводится к противостоянию Наполеона и Кутузова, и это отражается в сюжетах, которые выбираются для тех или иных сегментов медиапространства. Очень примечательна в этом плане реклама. Например, в 2010 г. в рекламе сухариков «Хрустим» события сводятся к противостоянию Наполеона и Кутузова. Наполеон – маленький человечек, традиционные черты, знаменитая шляпа... Кутузов – воин, может быть даже былинный, могучий, большой, по сравнению с Наполеоном, представительный...

В.Н. Земцов: Он с одним глазом или с двумя?

В.М. Железняк: С одним, с одним. *(Смех)*

В.Н. Земцов: Как и положено. Иначе не Кутузов.

В.М. Железняк: Да, как положено. Наполеон сначала кидает багетом в Кутузова, и тот его съедает на раз-два. Потом Наполеон еще какой-то едой кидает, и Кутузов все уничтожает мгновенно. Самый забавный момент в этой рекламе такой: Наполеон со словами «Круасан!» заряжает пушку и стреляет по Кутузову, но тот и это съедает. А далее появляется сам Господь с «Хрустом», и тогда вначале одна часть французской армии падает, затем другая часть армии падает и, наконец, Эйфелева башня падает... Я это к тому, что у нас в России главные герои эпохи – М.И. Кутузов...

С.В. Смирнов: Нет, Наполеон!

В.М. Железняк: И Наполеон, да, тоже. Его образ активно, как мы знаем, и в фильмах эксплуатируется. А события – это события эпохи 1812 г.

В Британии, например, ключевыми личностями являются национальные лидеры – Горацио Нельсон, герцог Веллингтон (Артур Уэлсли), и события – сражение при Трафальгаре, войны на Иберийском полуострове, Ватерлоо. Причем, все эти события – это ступени разгрома Наполеона, т.е. британцы начали разгром Наполеона при Трафальгаре, а завершили при Ватерлоо. Они свою роль в этих событиях разгрома Наполеона воспринимают как ключевую. У нас считается, что мы, русские, французов погнали из государства нашего, и это было главное... Вот тут очень это на контрасте...

Недавно читала статью берлинского исследователя Л. Петерсона; он занимается изучением англоязычных романов, написанных и изданных с 1815 по 1945 гг. И там всего наполеоновской эпохе было посвящено, насколько я помню, 534 романа, из них 21 роман – о кампании 1812 г. Хотя англичане в ней непосредственного участия не принимали, эта кампания, так или иначе, нашла отражение в исторической памяти британцев.

Наверное, буду подводить итоги своему выступлению, потому что, насколько знаю, что еще Влад готовил интересное выступление по

религиозным войнам. В том, что рассказывается о наполеоновских войнах, в том, как трактует эти события каждая нация, есть что-то специфическое. В каждой стране сложился свой образ этих событий, что было предопределено, наверное, как раз особенностями идентичности национальной. Мне кажется, что это связано как раз с национальной идентичностью.

В.Н. Земцов: Я не могу, конечно, не высказать несколько соображений. Я же, все-таки, тоже должен выступить. Со своим, как говорится, сообщением, помимо вступительного слова. Буду краток. На последней конференции на Корсике летом этого года я с удивлением обнаружил, что в ней принимает участие один японец, один китаец. Первоначально, конечно, организаторы размышляли, о чем они, китайцы и японцы, могут сказать о П. Паоли, о Наполеоне, о проблеме корсиканской независимости. Оказывается (так это надо было, конечно, и предполагать!), что у китайцев есть «свой» Наполеон, который весьма активно используется в рекламе и бог знает где еще... У японцев тоже есть «свой» Наполеон. Они, китайцы и японцы, отсылали к целому ряду романов, написанных, так или иначе, на сюжеты о наполеоновских войнах.

В.А. Кузьмин: У персов тоже он есть. Я недавно читал роман, называется «Дядечка Наполеон». Герой романа, как к кумиру своему, все время апеллирует к тому Наполеону, которым Вы занимаетесь.
(Смех)

В.Н. Земцов: В общем, фигура Наполеона сегодня объединяет всех. Это – общемировое достояние, и это я не устаю всегда подчеркивать.

А.А. Постникова: Разрешите мне обратиться к вопросу о национальных героях как некоему фактору национальной идентичности. Своего рода дополнение к сообщению Вики Железняк. Если посмотреть на русскую рекламу образа Наполеона, то у нас, в основном, делается акцент, так или иначе, на победу над Наполеоном. Если же посмотреть на французскую и английскую рекламу, то там преобладает некая самоирония – как в рекламе, так и в фильмах. Кстати, во французской рекламе постоянно затрагивается тема Ватерлоо. Казалось бы, французы его проиграли, но они постоянно пытаются каким-то образом, хотя бы в рамках рекламы, оправдать проигрыш сражения Наполеоном. В английских фильмах мы также видим самоиронию, а отнюдь не какой-то победный контекст. К примеру, в фильме, где Дэвид Суше снялся в роли Наполеона, и где он бегал в женском платье...

В.Н. Земцов: Фильм называется «Саботаж».

А.А. Постникова: «Саботаж», да. Там вот как раз хорошо чувствуется самоирония, и там тоже центральное событие – это Ватерлоо.

В.М. Железняк: Это своего рода оправдание. Попытка оправдаться.

А.А. Постникова: Да, может быть.

В.Н. Земцов: Но французы, по сути, отказались отмечать как Аустерлиц, так и Ватерлоо. И вообще-то, Наполеон и сам исчезает из школьных учебников... Я возмущен! *(Смех)*

С.В. Смирнов: В рамках Европы это не толерантно... **В.Н.**

Земцов: Ничего, скоро вспомнят и о Наполеоне, и о...

Влад, пожалуйста, у Вас тоже было сообщение.

В.В. Ковин: Я бы хотел рассказать о религиозных войнах и Варфоломеевской ночи в контексте... даже уже не формирования, а сохранения и борьбы за идентичность Франции. Сегодня, как все знают, остро встал вопрос, связанный с миграцией арабского населения во Францию, и это вызывает очень много проблем, в том числе и проблеме растворения национальной идентичности. Наверное, катализатором этой борьбы стали теракты 2015 г. – это теракт 7 января 2015 г. в отношении «Шарли Эбдо» и ряд терактов 13 ноября 2015 г. в Париже, когда погибло более 130 человек. В процессе осмысления этой трагедии в прессе (а я рассматривал, в основном, материалы прессы) появилось огромное количество отсылок к Варфоломеевской ночи и к религиозным войнам, как к образу и символу чего-то кровавого, фанатичного. Этот образ сформировался еще где-то примерно в середине XIX-го в. Так этот образ, надо сказать, сезонно появляется во Франции, когда происходят какие-то кровавые события. И вот буквально на днях, 13 апреля 2016 г., была открыта мемориальная доска, посвященная жертвам Варфоломеевской ночи.

В.А. Кузьмин: Перечислили всех поименно. *(Смех)*

А.А. Постникова: Долго же они об этом думали.

В.В. Ковин: И надо сказать, что дата эта не случайна – 13 апреля 1598 г. Генрихом IV был принят Нантский эдикт. Это воспринимается как символ единства католиков и протестантов, символ единства нации, и в этом смысле подобное сейчас воспринимается как единство нации, дабы нация не растворилась.

Также стоит сказать, что и культура вносит свою лепту... Например, на сцене Театра Капитолия в Тулузе в 2015 г. был показ спектакля «Резня» Людовика Лагарда, где, в общем-то, тоже делается акцент на современную историю, в основном, на борьбе с религиозным фанатизмом и на его осмыслении.

Возродилась опера Джакомо Майербера «Гугеноты», которая была поставлена еще в 1836 г. Я нашел заголовки прессы в связи с анонсом этой оперы. Сегодня статьи о ней выходят под такими заголовками, как, например, «Гугеноты против религиозного фундаментализма»...

Также буквально недавно вышла книга известного специалиста по религиозным войнам и вообще специалиста по XVI веку Дени Крузе в соавторстве с Жаном-Мари Люкалем (она не переведена еще на русский язык, потому что была написана непосредственно под впечатлением терактов в Париже...). Я перевел ее название так: «Риск религиозных войн». Это примерный перевод... Она была презентована только 15 марта 2016 г., т.е. совсем недавно. В этой книге тоже есть отсылки к религиозным войнам XVI-го в. и то, как они трансформировались сегодня. Сегодня эти войны авторы называют религиозными войнами нового формата.

В.Н. Земцов: Спасибо. То, что Вы сказали, конечно, очень важно, в том плане, что мы, историки, оказывается, все же востребованы. Ведь даже то, что мы рассказываем о Варфоломеевской ночи, весьма и весьма актуально, и одновременно Варфоломеевская ночь, оказывается, сплачивает европейские народы. Это забавно, особенно открытие вот этой мемориальной доски.

Друзья мои, я хочу наше высокое собрание, все-таки, сориентировать на завершение дискуссии. На вопрос о том, зачем мы здесь собрались, и какова цель нашего собрания. Я бы сказал, что я не знаю этого. Почему не знаю? Это я тоже объясню. Потому что изначально трудно определиться со всей терминологией, всеми теми концептами, которые в наших рассуждениях фигурируют. Специфика нашей с вами жизни, жизни гуманитария, заключается в том, что нам вначале нужно все эти вещи «обговорить», и только потом, постепенно, смысл того, чем мы оперируем, постепенно начинает проясняться и даже формироваться. Я считаю, что без этого «обговаривания» в нашей сфере ничего и не происходит. <...>

Я не могу удержаться, чтобы не зачитать маленький кусочек из текста Валерия Александровича Тишкова. В свое время он опубликовал заметки по поводу XXI-го Международного конгресса исторических наук, который состоялся в 2010 г. На этом конгрессе выступила одна известная нидерландская писательница, причем она первой выступала, и сказала так: «Каждый знает, что Клио – это шлюха. Она сидит перед окном в квартале красных фонарей, игривая и сладострастная, она обслуживает как застенчивых ученых-академиков, так и нагловатых, напористых кинорежиссеров. Она одинаково зазывающе смотрит на мужчин и женщин, и предоставляет им все, что они желают – быстрое удовлетворение, длительную опустошающую ласку, жестокую непредсказуемую драму, непознанную страсть. И все это делает без особого напряжения. Такова ее игра. Но кто она на самом деле, не знает никто. Она держит свою подлинную сущность в тайне, и улыбается, подобно Моне Лизе, тем, кто спрашивает ее об этом. Она

выглядит вечно молодой, хотя стара, как мир, и уж, конечно, старше своей профессии».

Я не знаю, как еще лучше сказать о том, что сегодня происходит с историей, с историей как наукой и как сферой профессиональной деятельности, и с тем, что мы от нее желаем получить. Но я думаю, что все – и С.Е. Нарышкин, и В.В. Путин, и Владимир Александрович, и Владимир Николаевич, и культурологи, и политологи, и философы – от истории могут получить все, чего только пожелают, в том числе (иногда такое бывает), даже деньги, которые дают на практическую реализацию идей. Поэтому, друзья мои, восхвалим же Клио, восхвалим историю!

Спасибо огромное, что вы сегодня пришли и приняли участие!

П. С. Атанасов

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН И РАБСТВО

Статья посвящена одному из самых значительных «Отцов-основателей» Соединенных Штатов Америки Томасу Джефферсону и его отношению к рабству – одному из самых сложных вопросов, стоящих перед новым государством. Автор акцентирует внимание на противоречивом отношении Джефферсона к «специальной институции», которая предопределила его принадлежность к классу рабовладельцев. С одной стороны, он считал рабство социальным и моральным злом, которое должно быть искоренено, но с другой стороны, не предпринимал никаких практических шагов в этом направлении, ни в отношении собственного имени, ни в виде попыток его решения, будучи на правительственных постах или в качестве президента.

Ключевые слова: Томас Джефферсон, Американская революция, «Отцы-основатели», Декларация независимости, рабство.

Американская революция конца XVIII в. – знаменательное событие в мировой истории. В результате восстания 13 колоний против британской короны появилась первая независимая страна в Новом Свете – Соединенные Штаты Америки. Со времени провозглашения независимости 4 июля 1776 г. это государство в качестве ключевых принципов приняло идею народного суверенитета, равенства между гражданами и наличия у них естественных прав.

В известной преамбуле Декларации независимости, написанной Т. Джефферсоном, в будущем третьим президентом Соединенных Штатов, было сказано: *«Мы считаем, очевидными следующие истины – все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к которым относятся права на жизнь, свободу и стремление к счастью»*³⁰⁷. Эти идеи были заимствованы у великих мыслителей французского Просвещения и, прежде всего, у великого английского либерального философа Дж. Локка.

К сожалению, в новом государстве равенство распространялось не на всех, а только на богатых белых людей. С момента создания

Атанасов, Павлин Стоянов, кандидат исторических наук (доктор истории) Великотърновского университета им. святых Кирилла и Мефодия (5003 Болгария, г. Велико Търново, ул. Теодосий Търновски, 2).

Atanasov, Pavlin Stoyanov, PhD of St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo (5003 Bulgaria, Veliko Turnovo, 2 T. Turnovski Str.)

Электронная почта/E-mail pav_sev@yahoo.com

³⁰⁷ Генов 2012: 101.

государства значительная часть населения, которое насчитывалось около 4 млн человек, была лишена тех прав, которые официально были объявлены в Декларации независимости. В США существовало рабство, которое было отменено только во время гражданской войны между Севером и Югом в 1863 г. В первоначальном проекте этого документа, как основополагающего для новой страны, его автор Томас Джефферсон предлагал наряду с другими обвинениями против английского короля Георга III упомянуть содержание печально известной работерговли. В первоначальном варианте Декларации он утверждал, что король ведет *«жестокую войну против человеческой природы, нарушая самые священные права на жизнь и свободу далекого народа, который никогда и ничем его не оскорбил, захватил его и отдал в рабство в другое полушарие, или привел людей к ужасной смерти по дороге (в США)»*³⁰⁸. По настоянию делегатов из Южной Каролины и Джорджии, Континентальный конгресс исключил этот текст из Декларации, и тем самым отказался предоставить чернокожим те же права, какие были для восставших против английской короны белых американцев. Это не вызвало удивления, потому что после принятия такого текста следовало бы немедленно освободить всех рабов, тем самым подрывая основу социально-экономической системы плантаций Юга³⁰⁹.

Решение вопроса о рабстве стало примером одного из тех компромиссов, которые сопровождали становление Соединенных Штатов. В это время в американском обществе существовали опасения, что белые и черные никогда не смогут достичь мирного сосуществования, и такие проблемы были характерными не только для Юга, но и для Севера. Джон Адамс, второй президент США, который родился в штате Массачусетс, предсказывал, что попытки отменить рабство поощряли бы рабов *«восстать против своих хозяев и покрыть руки кровью невинных»*³¹⁰. Помимо Томаса Пейна, автора трактата «Здравый смысл», ни один из видных политиков в Соединенных Штатах в конце XVIII в. не предлагал немедленную отмену рабства. Это считалось опасным делом, которое могло привести к дестабилизации общества. Однако плантационная система испытывала серьезный кризис и создавалось впечатление, что рабство обречено. Это вызвало целый ряд проектов для его постепенной и безболезненной отмены. Как ни парадоксально, инициаторы этих проектов сами были рабовладельцами³¹¹. Но они стремились действовать превентивно, дабы не допустить вооруженного восстания рабов, как это произошло на Гаити в 1791 г.

³⁰⁸ См.: Генов 2012: 106.

³⁰⁹ Джонсън 2002: 171.

³¹⁰ Adams 1850-1856: 2-93. См.: Филимонова 2012: 97.

³¹¹ Филимонова 2012: 97.

После получения независимости от Великобритании в 1776 г. Законодательные собрания северных штатов отменили рабство, начиная в 1780 г. с Пенсильвании и Массачусетса. В то же время в южных штатах (Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия) поддерживали рабство. В Вирджинии общественное мнение было разделено по этому вопросу. Ряд лидеров – Джордж Вашингтон, Джордж Мейсон, Томас Джефферсон, Ричард Генри Ли – добивались отмены рабства, но встретили сильное сопротивление со стороны других влиятельных личностей в Законодательном собрании штата. Именно они имели преимущественную силу, и в итоге этого собрание не только не приняло законы, которые смогли бы способствовать постепенной отмене рабства, но пошло в противоположном направлении – утвердило законы, которые сделали это более трудным³¹².

Споры по поводу рабства разгорелись в Конституционном Конвенте в 1787 г. Дебаты были чрезвычайно сложными потому, что среди присутствующих был влиятельный рабовладелец Джордж Мейсон, который противопоставлял рабству работорговлю. В конце концов северные штаты уступили этим деликатным вопросом во имя национального единства. Слова «раб» и «рабство» сознательно не упоминались в Конституции. В то же время была принята формула Джеймса Мэдисона, в будущем четвертого президента США, согласно которой пять рабов считались равными трем свободным гражданам. Так что в штатах, где поддерживали рабство, увеличилось количество избирателей, и это несмотря на то, что темнокожие не имели права голоса. Кроме того, приняли закон, согласно которому после 1 января 1808 г. должна была быть прекращена работорговля³¹³.

В конце XVIII – начале XIX вв. Соединенные Штаты еще не были готовы к радикальным изменениям путем полной отмены рабства, потому что это привело бы к экономическому коллапсу, и даже поставило бы под сомнение само сохранение единства страны. Наиболее влиятельные лица среди «отцов-основателей»³¹⁴ (Д. Вашингтон, Т. Джефферсон и Б. Франклин) выступали против рабства, но при этом они сами имели рабов, а первые два из них (Вашингтон и Джефферсон) являлись наиболее крупными рабовладельцами в Вирджинии. Б. Франклин имел лишь несколько рабов, которые впоследствии были освобождены. Он стал активным аболиционистом и организовал первую публичную кампанию в целях устранения рабства. В конце кон-

³¹² Barton: 2000.

³¹³ Генов: 248-249; Джонсън: 204-205; Филимонова: 99-100.

³¹⁴ В историографии за лидерами американской революции и теми лицами, которые заложили основы конституционного строя нового государства, утвердился термин «Отцы-основатели». В 1973 г. историк Ричард Б. Моррис определил среди них семь ключевых фигур – Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Бенджамин Франклин, Джон Адамс, Александр Гамильтон, Джон Джей и Джеймс Мэдисон.

цов прагматизм взял верх над гуманизмом, и эти выдающиеся государственные мужи пожертвовали своим личным мнением, потому что поняли главное – экономика южных штатов была немыслимой без рабов. Основатели Соединенных Штатов решили отложить решение этого вопроса и оставить его в наследство будущим поколениям³¹⁵. Здесь мы обсудим более подробно отношение к рабству одного из них – автора Декларации независимости – Томаса Джефферсона.

* * *

Отношение Томаса Джефферсона (1743-1826) к «особенной институции» было весьма спорным, как и сплетенная из противоречий личность самого автора Декларации независимости и третьего президента Соединенных Штатов, занимавшего этот пост в период с 1801 по 1809 г. Он был всесторонне развитым, чувствительным и способным человеком, который вызывал интерес и уважение его современников и людей последующих поколений. Важно отметить, что в 1985 г. в сенате именно Джефферсона назвали «любимым национальным героем», несмотря на многообразие политических взглядов самих сенаторов³¹⁶. В то же время невозможно скрыть тот факт, что у него было много недостатков, которые бросают тень на эту неоспоримо блестящую историческую фигуру³¹⁷. Проблема двойственного отношения Джефферсона к рабству являлась одной из наиболее распространенных причин, вызывавших критику этой личности. Как правило, он не принимал порабощение одних людей другими и критиковал этот социальный анахронизм, хотя и не делал это публично, а только в своей переписке. Его попытки ограничить роль рабовладения в обществе и ликвидировать его в своей личной жизни были напрасными, а когда он оказался на высшем государственном посту, то почти ничего не сделал по этому вопросу³¹⁸.

Джефферсон является чрезвычайно сложной исторической фигурой, и поэтому ученые затрудняются в том, чтобы дать ему объективную оценку. В отличие от Вашингтона, который доказал свой положительный образ «отца нации», Джефферсона одни хвалили, а другие критиковали. Преклонение перед ним оказалось главной линией в шеститомной биографии американского историка Д. Малоуна и в работах М. Петерсона³¹⁹. В 60-х годах прошлого века, когда американское общество охватило движение за гражданские права негров, отношение к Джефферсону стало заметно более критическим. В 1963 г. появилась монография Л. Леви «Джефферсон и гражданские свободы:

³¹⁵ Генов: 254.

³¹⁶ Марр 1987: 410; Джонсън: 158.

³¹⁷ Джонсън: 258.

³¹⁸ Там же: 259.

³¹⁹ Malone 1948–81; Peterson 1970; Трояновская, 2013: 211.

темная сторона», в которой говорилось, что его деятельность на посту президента не соответствовала его имиджу в качестве борца за равные права для всех граждан во время Американской революции³²⁰. У. Джордан в своей книге «Белые над черными» (1968) высказал мнение, что своими действиями Джефферсон скорее способствовал закреплению расового неравенства, чем боролся с ним и ненавистным институтом рабства³²¹. Дэвид Брайан Дэвис обвинял третьего президента США, что после того, как он первоначально проявил себя как борец за равные права, то после возвращения в США из Франции, где он был послом с 1785 до 1789 гг., он вступил в период «великого молчания»³²². В 1994 г. Поль Финкельман подверг критике работы ранних исследователей Джефферсона, в первую очередь Д. Малоуна, М. Петерсона и У. Рандала за то, что в стремлении подчеркнуть его позицию как противника рабства, авторы допустили «преувеличение и искажение» фактов, «игнорировали противоположные аргументы» и, в конечном итоге, «была нарисована ложная картина» действительности³²³. Известный специалист в области ранней истории США и лауреат Пулитцеровской премии за 1993 г. Гордон С. Вуд отметил: *«Джефферсон больше не существует как реальная историческая фигура. Почти сразу же [после его смерти] он стал символом в меру того, какой была наша идея нации... Нет другой фигуры в американской истории, которая воплотила бы в себе столько американского наследия»*³²⁴.

Между первым президентом США Джорджем Вашингтоном и Томасом Джефферсоном есть много параллелей и одной из них была роль рабства в жизни этих двух великих государственных деятелей. Как Д. Вашингтон, так и Т. Джефферсон, они оба происходили из богатой помещичьей семьи из Вирджинии и имели родственные связи с рядом старых и уважаемых семей в колониях Рэндольфов и Маршаллов. Томас был одним из десяти детей Питера Джефферсона, плантатора, землемера и картографа, и Джейн Рэндольф. Большую роль в его воспитании и образовании сыграла его сестра и также мать. Именно мать научила его читать и писать, а также сформировала в нем любовь к музыке. В 16 лет молодой человек поступил в колледж «Уильям и Мэри», но к тому времени он уже был типичным представителем южной элиты – он был хорошим наездником, охотился, хорошо танцевал, разговаривал на греческом и латинском языках. Джефферсон был обаятельным, имел уживчивый характер, по своей природе был общительным и легко налаживал дружеские отношения. Время, проведен-

³²⁰ Levy 1963.

³²¹ Jordan: 1968.

³²² Brion Davis 1970: 179.

³²³ Finkelman: 1994: 199, 201.

³²⁴ См.: Трояновская 2013: 210.

ное в колледже, сыграло решающую роль в укреплении его интереса к наукам, что произошло, главным образом, под влиянием своего наставника Уильяма Смолла и адвоката Джорджа Витта³²⁵.

Томасу было всего 14 лет, когда в 1757 г. его отец внезапно умер и завещал ему свое огромное наследие – 5000 акров земли, 52 раба, скот, мельницу и огромную библиотеку³²⁶. В 1768 г., используя труд своих рабов, он начал строительство великолепного дома в неоклассическом стиле, известного как Монтичелло. В следующем году 26-летний Джефферсон был избран в нижнюю палату Генеральной Ассамблеи штата Вирджиния. Это знаменовало собой начало его блестящей политической карьеры, которая привела его к посту главы государства, независимость которого была объявлена им в 1776 г. Хотя еще и совсем молодой, Джефферсон произвел впечатление на других членов законодательного органа как исключительно харизматическая личность. В 1772 г. он женился на богатой вдове Марте Скултон Уэльс (1748-1782), и год спустя после смерти ее отца его собственность увеличилась еще на 11000 акров³²⁷. Вместе с землей Джефферсон унаследовал от своего тестя и 135 рабов. Таким образом, он стал одним из самых крупных плантаторов и рабовладельцев в Вирджинии. Однако вместе с тем необходимо принять во внимание и тот факт, что с увеличением его имущества увеличились и его долги. Это не позволяло ему освободить рабов, потому что этот шаг привел бы к дополнительным финансовым потерям.

Из всех этих соображений естественно вытекает и факт амбивалентности Джефферсона в отношении «специальной институции». Как и Вашингтон, он стоял перед дилеммой: с одной стороны, считал рабство социальным и моральным злом, которое должно быть искоренено, но с другой стороны, не предпринимал никаких практических шагов в этом направлении, ни в его собственном имени, ни на национальном уровне на своих постах в правительстве, в том числе в качестве президента³²⁸. Он официально отпустил до конца своей жизни только двух рабов, в отличие от других рабовладельцев, которые после вступления в силу закона 1782 г. отпустили на свободу сотни своих порабощенных негров³²⁹. Рабство являлось неотъемлемой частью его жизни как представителя привилегированного класса плантаторов-рабовладельцев на юге США и по его словам, оно могло быть устранено постепенно, а не внезапно. Со временем материальная зависимость Джефферсона от успешной работы его фермы возрастала, а это было

³²⁵ Джонсън 2002: 158. Жизни третьего американского президента посвящена книга: Севостьянов, Уткин 1976.

³²⁶ Malone 1948-1981. V. 1: 114, 437-439.

³²⁷ Джонсън 2002: 160.

³²⁸ Троянская 2013: 215.

³²⁹ Finkelman 1994.

невозможно без работы сотен рабов в Монтичелло. Автор Декларации независимости на протяжении всей своей жизни имел разное количество рабов, общее число которых доходило до более 600 человек³³⁰.

В то же время Т. Джефферсон выступал против рабства с юных лет, и это убеждение усиливалось со временем. По его словам, позорная практика порабощения одних людей другими несовместима с идеями Просвещения. Как уже упоминалось выше, в первоначальном тексте Декларации независимости он осудил работорговлю, введенную британским правительством, но, к сожалению, этот пункт был отклонен в окончательном документе, принятом Континентальным конгрессом. По инициативе Джефферсона в 1778 г. Генеральная Ассамблея Вирджинии запретила ввоз рабов в штат, и этот закон считается одним из первых, принятых в отношении трансатлантической торговли людьми³³¹. Примеру Вирджинии последовали другие штаты, и это привело к запрещению работорговли по всей стране после 1808 г. (во время правления Джефферсона в качестве президента), кроме Южной Каролины. В 1784 г. Т. Джефферсон предложил Континентальному Конгрессу принять постановление, что рабство будет отменено в новоприсоединенных штатах на Западе, а после 1800 г. этот запрет должен был быть распространен на всю страну. Предложение было отклонено только одним голосом, хотя за основу был принят Указ в отношении Северо-Западных территорий 1787 г., в соответствии с которым, на этих землях не допускалось рабство³³².

Т. Джефферсон категорически отрицал рабство во всех его проявлениях в «Заметках о Вирджинии» (1781). Он издал эту работу после долгих колебаний, боясь навлечь на себя гнев представителей плантаторского класса, к которому он принадлежал. По его словам, ставить в зависимость одного человека от другого – плохо, как для раба, так и для хозяина. Рабство было осуждено как моральное, так и экономическое зло, которое оказывало отрицательное воздействие на человеческое трудолюбие. Джефферсон четко осознавал, что он вступает в противоречие с идеями прав человека и политической свободы, но и понимал, как тяжело разрушить эту институцию на Юге США. В 1815 г. он написал Дэвиду Барроу: «Там, где болезнь [т.е. рабство] наиболее глубоко укоренилась, она будет ликвидирована медленнее. В северных штатах она была поверхностной и ее легко исправить. На юге она вкоренилась во всей системе, и процесс ее лечения требует времени, терпения и настойчивости»³³³.

³³⁰Трояновская 2013: 215.

³³¹Selby 2007: 158.

³³²Barton 2000; Merkel: 2008; Rodriguez 1997: 380.

³³³Barton 2000.

Несмотря на свои надежды на будущее освобождение рабов, Т. Джефферсон не решился противопоставить их традициям своего родного штата, значительная часть которого имела «особенную институцию». Он принял решение удовлетворить просьбу рабовладельцев, которая состояла в том, чтобы не позволить освобожденным темнокожим жить как свободные граждане на юге; они должны были поселиться в другом месте³³⁴. Джефферсон не верил, что рабы могли бы жить в гармонии и согласии с их бывшими угнетателями и поэтому поддержал проект «репатриацию» их в Африку³³⁵. Революция на Гаити, как и все другие восстания рабов в Новом Свете пугали Джефферсона. Здесь следует отметить, что в 1795 г. в качестве государственного секретаря, в период президентства Д. Вашингтона Джефферсон отправил оружие и значительные денежные средства в размере 40 тыс. долларов гаитянским плантаторам, чтобы подавить восстание. Как известно, эта помощь оказалась недостаточной, и на этот раз хозяева проиграли борьбу со своими рабами. «Черная Республика» Гаити стала второй независимой страной в Западном полушарии после США. В 1824 г. в своем разговоре о Гаити Т. Джефферсон сказал приглашенному в Монтичелло книготорговцу С. Уитекимму, что он не верит в способности черных управлять без помощи белых³³⁶.

Действительно, Джефферсон имел расистский взгляд на неполноценность черной расы, а темнокожих американцев рассматривал как людей с более низкими умственными способностями, которые по сравнению с белыми не в состоянии добиться успеха ни в науке, ни в искусстве³³⁷. Тем не менее, он не проявлял фанатизма в отношении этой концепции и готов был изменить свой взгляд, если бы факты это стали опровергать. Доказательством этого является его реакция на ситуацию, когда свободный черный землевладелец из Мэриленда Бенджамин Бенникер (1731-1806) отправил ему свои разработки в области математики. Джефферсон направил рукопись маркизу де Кондорсе, секретарю Парижской академии наук, со следующим комментарием:

«Я рад сообщить вам, что в Соединенных Штатах уже есть негр, который является respectable математиком». Он питал надежды встретить в Америке больше таких людей, как Бенникер, чтобы доказать, что негры уступают белым только на первый взгляд, и это *«не из-за различия в структуре органов, которые определяют интеллект», а только вследствие «их низкого положения»*³³⁸. Однако это не являлось достаточным основанием для Джефферсона, чтобы пере-

³³⁴ Джонсън 2002: 260.

³³⁵ Helo, Onuf 2007: 236-270.

³³⁶ Peden 1949: 631-636.

³³⁷ Филимонова 2012: 96; Barton 2000. Об отношении Т. Джефферсона к рабству подробнее см.: Miller 1977.

³³⁸ Cohen 1995: 297ff; Джонсън 2002: 260; Barton 2000.

сма­три­вать свое по­ни­ма­ние в от­но­ше­нии сме­ше­ния сво­бод­ных чер­ных и бе­лых, и соз­да­ния од­но­род­но­го «бе­ло­го» об­щес­тва, да­же не­смот­ря на то, что у не­го са­мо­го бы­ли де­ти от ра­бы­ни Сал­ли Хем­мингс (свод­ной сес­тры его же­ны)³³⁹.

Вне за­ви­си­мо­сти от лич­ной по­зи­ции как про­тив­ни­ка ра­бства, Джеф­фер­сон не имел мужес­тва от­кры­то вы­ступ­ить про­тив ин­сти­ту­ции и до кон­ца сво­их дней ру­ко­вод­ство­вал­ся сво­ими лич­ными ин­те­ре­сами, а не ин­те­ре­сами сво­их по­до­печ­ных. В ко­неч­ном сче­те, судь­ба 130 ра­бов в Мон­ти­чел­ло по­сле смер­ти хо­зя­ина ока­залась тра­гичес­кой. Их про­дали род­ствен­ни­ки Джеф­фер­сона для то­го, что­бы по­крыть свои дол­ги. Это прив­е­ло к раз­де­ле­нию се­мей чер­но­ко­жих. Джор­дж Ва­шинг­тон, один из «от­цов-ос­но­ва­те­лей» Со­еди­нен­ных Штатов, освободил всех ра­бов и этим по­ка­зал лич­ный при­мер дру­гим план­та­то­рам. Это ста­ло воз­мож­ным бла­го­даря за­ко­ну, при­ня­тому в Ви­р­джи­нии в 1782 г., ко­то­рый по­зво­лял ра­бов­ла­дель­цам да­вать сво­им ра­бам сво­бо­ду. В 1806 г. этот за­кон был от­менен, и по­э­тому для Т. Джеф­фер­сона ста­но­вилось прак­ти­чески не­воз­мож­ным сле­до­вать при­меру Ва­шинг­тона³⁴⁰. Джеймс Ле­вен спра­вед­ливо ут­вер­ждал, что Джеф­фер­сон всю жизнь «бор­олся с ра­бством, хо­тя, в кон­це кон­цов, и про­иг­рал эту борь­бу». Со­глас­но это­му ав­то­ру, по­ни­ма­ние от­но­ше­ния Джеф­фер­сона к ра­бству яв­ляется важ­ным и может по­мочь по­нять со­вре­мен­ные соци­аль­ные про­бле­мы в Со­еди­нен­ных Штатах Аме­ри­ки³⁴¹. Сле­дует от­мет­ить раз­ли­чие между судь­бой ра­бов Т. Джеф­фер­сона и его пред­шес­т­вен­ни­ка Д. Ва­шинг­тона.

«От­цы-ос­но­ва­те­ли» Со­еди­нен­ных Штатов Аме­ри­ки, среди ко­то­рых То­мас Джеф­фер­сон за­ни­мал одно из са­мых вид­ных мест, про­яв­ляли про­ти­во­ре­чи­вое и не­по­сле­до­ва­тель­ное от­но­ше­ние к ра­бству, но, пре­жде чем их кри­ти­ко­вать, на­до по­пы­таться их по­нять. В кон­це XVIII – на­чале XIX вв. ра­дикаль­ное уни­что­же­ние этой ин­сти­ту­ции на всей тер­ри­то­рии Со­еди­нен­ных Штатов бы­ло немыс­ли­мым, по­то­му что это по­ста­ви­ло бы под угро­зу са­мо су­щес­тво­ва­ние еще очень хруп­ко­го со­юза. Перед мо­ло­дой стра­ной сто­яло ре­ше­ние дру­гих про­бле­м, свя­зан­ных с ее внут­рен­ней по­ли­ти­кой и ме­жду­на­род­ной си­ту­а­цией, по­э­тому «от­цы-ос­но­ва­те­ли» остав­или ре­ше­ние это­го во­про­са для сво­их по­ли­ти­ческих на­след­ни­ков. Ко­неч­но, Джеф­фер­сон и дру­гие, кто при­над­ле­жал к классу ра­бов­ла­дель­цев, не мо­гли иг­но­ри­ро­вать соб­ствен­ное про­ис­хо­жде­ние. Незави­симо от их про­грессив­ных убе­жде­ний, сфор­ми­ро­ван­ных в эпо­ху Про­све­ще­ния, это бы­ли ре­аль­ные лю­ди со

³³⁹ О связи Джеф­фер­сона и Сал­ли Хем­ингс см.: Adair 1974.

³⁴⁰ Barton 2000.

³⁴¹ Loewen 2007: 311, 312.

своими достоинствами и недостатками, а поэтому нет никакой необходимости их мифологизировать или слишком строго судить.

Перевод: Галина Бушко.

Редакция: Владимир Земцов.

Список источников и литературы

- Генов 2012** - **Генов Р.** Американската революция. Войната за независимост и създаването на федералната република (Документална и интерпретативна история). -София, 2012.
- Джонсън 2002** - Джонсън, П. История на американския народ.София: Рива, 2002.
- Севостьянов, Уткин 1976** - Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон, М.: Мысль, 1976.
- Трояновская 2013** - Трояновская М. О. Томас Джефферсон и американское рабство. Современные историографические тенденции // Новая и новейшая история. 2013. № 5. С. 210-217.
- Филимонова 2012** - Филимонова М. А. Ранний аболиционизм в Америке во взглядах «отцов- основателей» // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 95-107.
- Adair 1974** - Adair D. The Jefferson Scandals, in Fame and the Founding Fathers. New York, 1974.
- Adams 1850-1856** - Adams, J. The Works: 10 vol. Boston, 1850-1856. V. 9.
- Barton 2000** - Barton D. George Washington, Thomas Jefferson & Slavery in Virginia, 2000.
URL: <http://www.wallbuilders.com/LIBissuesArticles.asp?id=99>
- Brion Davis 1970** - **Brion Davis D.** Was Thomas Jefferson Anti-Slavery? New York: Oxford University Press, 1970.
- Cohen 1995** - Cohen, I. B. Science and the Founding Fathers. New York, 1995.
- Finkelman 1994** – Finkelman P. Thomas Jefferson and Antislavery: The Myth Goes On //The Virginia Magazine of History and Biography. Vol. 102. No. 2, April 1994.
- Helo, Onuf 2007** - Helo, A., Onuf P.S. Jefferson, Morality, and the Problem of Slavery // The Mind of Thomas Jefferson. Ed. by Peter S. Onuf. Charlottesville: University Press of Virginia, 2007.
- Jordan 1968** - Jordan, W. White over Black: American Attitudes towards the Negro, 1550-1812. Chapel Hill, 1968.
- Levy 1963** - Levy L. Jefferson and Civil Liberties: the Dark Side. Cambridge, 1963.

- Loewen 2007** - Loewen J. W. Lies Across America: What Our Historic Sites Get Wrong. Simon & Schuster, 2007.
- Malone 1948-1981** – Malone D. Jefferson and His Time. Vol. 1-6. Boston, 1948–1981.
- Mapp 1987** - Mapp A. J. Thomas Jefferson: A Strange Case of Mistaken Identity. New York, 1987.
- Merkel 2008** – Merkel W. Jefferson’s Failed Anti-Slavery Proviso of 1784 and the Nascence of Free Soil Constitutionalism // Seton Hall Law Review. Vol. 38. 2008. No. 2.
- Miller 1977** - Miller J. C. The Wolf by the Ears: Thomas Jefferson and Slavery. New York: New American Library, 1977.
- Peden 1949** - **Peden W.** A Book Peddler Invades Monticello // The William and Mary Quarterly. 1949. 6 (4). P. 631–636.
- Peterson 1970** - Peterson M. Jefferson and the New Nation: A Biography. New York, 1970.
- Rodriguez 1997** - Rodriguez J. P. The Hystorical Encyclopedia of World Slavery. Vol. 1; Vol. 7. Santa Barbara, California: ABC-CLIO, 1997.
- Selby 2007** - Selby J. E. The Revolution in Virginia, 1775–1783. Williamsburg, VA, 2007.

Pavlin S. Atanasov

THOMAS JEFFERSON AND SLAVERY

The article is devoted to one of the most significant —Founding Fathersl of the USA Thomas Jefferson and first of all to his attitude to slavery – one of the most difficult questions that the new state faced. The author focuses on Jefferson’s contradictory attitude to the —peculiar institutionl, which is predetermined by his belonging to the slave-owning class. On the one hand he considers slavery to be a social and moral evil, which must be erradicated, but on the other he did not take any practical measures in this direction neither in his own estate, nor through the state posts that he occupied and especially in his position as a president.

Keywords: Thomas Jefferson, American Revolution, —Founding Fathersl, Declaration of Independence, slavery.

Код ВАК 07.00.02; 07.00.03

В. С. Гедько, А. М. Лукашевич

СТАНОВЛЕНИЕ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991–1994 гг.)

В статье анализируется процесс становления пограничных войск Республики Беларусь в постсоветский период. Отмечается, что оформление орга-

низационно-правового статуса белорусской пограничной службы заняло около года. Это объясняется сложной политической обстановкой в 1991 – начале 1992 г., попытками союзного руководства сохранить СССР и единые пограничные войска. Однако угроза открытия внешних границ на прибалтийском направлении вынудила Беларусь в числе первых государств на постсоветском пространстве приступить к созданию собственной погранслужбы. В течение 1992–1993 гг. в республике была принята минимально необходимая нормативно-правовая база по пограничным вопросам, созданы центральный орган управления, боевые и учебные отряды и службы. В целом, в 1992–1994 гг. основное внимание в Беларуси уделялось охране польского и прикрытию прибалтийского направлений.

Ключевые слова: пограничные войска, государственная граница, БССР, Республика Беларусь, Верховный Совет, Главное управление пограничных войск при Совете Министров Республики Беларусь, пограничный отряд, учебный пограничный отряд.

Исчезновение в декабре 1991 г. с политической карты мира Советского Союза создало новую геополитическую реальность. Перед образовавшимися на постсоветском пространстве независимыми государствами встала задача обеспечения собственной безопасности. Одним из острейших в начале 1990-х годов являлся вопрос о границах между бывшими союзными республиками. Во многих постсоветских государствах (Молдавия, республики Кавказа и Средней Азии) он стал причиной межнациональных конфликтов с вооруженными столкновениями и человеческими жертвами. В этих условиях обеспечить безопасность внешних границ, а месте с ней и национальную безопасность, были призваны пограничные войска.

Не исключением была и Республика Беларусь, внешняя граница которой в одночасье после распада СССР увеличилась с 398,6 км (с Польшей) до 3617,6 км (по всему периметру). Из них почти 850 км

Гедько Василий Степанович, начальник ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь» (220103, г. Минск, ул. Славинского, 4), соискатель кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета.

Hedzko Vasily, the head of the State Educational Establishment «The Institute of Border Service of the Republic of Belarus» (220103, Belarus, Minsk, St. Slavinskogo, 4), the Competitor of the Belarusian history Department of modern and contemporary time, the Belarusian State University.

Телефон/Phone: +375 17 281-70-96; Электронная почта/E-mail: ips@gpk.gov.by

Лукашевич Андрей Михайлович, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4), доктор исторических наук, доцент.

Lukashevich Andrei, professor of the Department of modern and contemporary history of Belarus of Belarusian State University (220030, Belarus, Minsk, Nezavisimosti ave., 4), Dr. of History, associate professor.

Телефон/Phone: +375 29 358-28-47; Электронная почта/E-mail: lukashevand@mail.ru

приходилось на прибалтийский участок, который с начала 1992 г. оказалась практически открытым. Охрану Государственной границы Республики Беларусь должны были обеспечить собственные пограничные войска, сложный процесс становления которых и рассматривается в этой статье.

Оформление организационно-правового статуса пограничных войск Республики Беларусь. Предпосылкой к созданию пограничных войск суверенной Беларуси послужил распад СССР. К августу 1991 г. на территории БССР дислоцировались подразделения пограничных войск КГБ СССР, которые входили в состав оперативновойскового отдела (ОВО) Краснознаменного Западного пограничного округа КГБ СССР с центром в Минске. Пограничники ОВО охраняли белорусский участок польско-советской границы протяженностью 398,6 км.

В состав ОВО в это время входили два пограничных отряда: 86-й (Брестский) и 16-й (Гродненский), отряд пограничного контроля «Брест», отдельный контрольно-пропускной пункт «Минск-аэропорт», которые насчитывали 29 пограничных застав и 18 отделений пограничного контроля. Пропуск лиц, транспортных средств и товаров через границу осуществлялся в 16 пунктах пропуска (15 международных и 1 межгосударственный). Из них было: 6 автомобильных; 7 железнодорожных; 3 авиационных. Кроме того, существовало несколько пограничных частей обеспечения (Брест, Дзержинск)³⁴². Общая численность этих войск составляла около 6 тыс. человек³⁴².

После провала в Москве путча Государственного комитета по чрезвычайному положению (19–21 августа 1991 г.) процесс распада СССР приобрел необратимый характер. На пути обретения Беларусью государственной независимости выделяется три этапа.

Первый этап связан с решениями, принятыми на внеочередной 5-й сессии Верховного Совета БССР (25–30 августа 1991 г.), которые заложили фундамент для формирования независимости республики. В частности, 25 августа 1991 г. Верховный Совет придал статус конституционного закона Декларации о государственном суверенитете Белорусской ССР от 27 июля 1990 г. и принял постановление, которыми объявлялись политическая и экономическая независимость БССР, верховенство Конституции и законов БССР. Территория республики провозглашалась неделимой и неприкосновенной: она не могла быть изменена или использована без согласия БССР. В собственность республики передавались предприятия, организации и учреждения союзного подчинения, размещенные в БССР³⁴³.

³⁴² АС в/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–299.

³⁴³ Ведомости 1991: № 28. Ст. 426.

Принятый 25 августа закон «О некоторых изменениях в системе органов государственного управления Белорусской ССР» преобразовал союзно-республиканское Министерство внутренних дел БССР в республиканское МВД. Ему же были подчинены внутренние войска и учебные заведения МВД СССР, размещенные на территории республики. Союзно-республиканский Комитет государственной безопасности БССР был преобразован в республиканский КГБ³⁴⁴.

Кроме того, Верховный Совет принял решение о временном приостановлении деятельности КПСС – КПБ на территории республики (в феврале 1993 г. отменил его), а несколько позже – о передаче партийного имущества в собственность государства. Деятельность КПБ, других общественных организаций была запрещена в органах государственной власти и управления.

Таким образом, на первом этапе Верховный Совет БССР принял правовые акты, которые были направлены на закрепление государственного суверенитета Беларуси. Приостановление же деятельности КПСС – КПБ на практике это означало, что высшая власть юридически перешла от ЦК КПБ к Верховному Совету БССР.

На втором этапе, 17–20 сентября 1991 г., внеочередная 6-я сессия Верховного Совета БССР приняла дополнительные меры, направленные на укрепление суверенитета. 19 сентября народные депутаты переименовали БССР в Республику Беларусь и приняли законы о новой символике – Государственном флаге и Государственном гербе Республики Беларусь³⁴⁵.

Одновременно решалась судьба Белорусского военного округа и пограничных войск. 20 сентября 1991 г. Верховный Совет принял постановление «О создании Вооруженных Сил Республики Беларусь». Совету Министров были подчинены местные органы военного управления, железнодорожные войска, ДОСААФ, система гражданской обороны. Ему же получалось определить порядок передислокации в пределах Беларуси, ввода и вывода с ее территории частей и соединений Вооруженных Сил СССР, пограничных, железнодорожных и строительных войск, а также материально-технических средств, которые им принадлежали³⁴⁶.

В тот же день, в целях обеспечения гарантий незыблемости государственных границ и безопасности Беларуси Верховный Совет принял постановление о подчинении пограничных войск КГБ СССР, дислоцирующихся на территории республики, Совету Министров Республики Беларусь. При этом правительству и комиссиям Верховного Совета до 1 декабря 1991 г. поручалось подготовить проект закона «О

³⁴⁴Ведомости 1991: № 28. Ст. 424.

³⁴⁵Ведомасці 1991: № 30. Ст. 490–491, 493.

³⁴⁶Ведомасці 1991: № 30. Ст. 512–516, 519.

Государственной границе Республики Беларусь». До его принятия сохранялся режим Государственной границы Республики Беларусь с Республикой Польша, установленный для Государственной границы СССР.

Завершение юридического оформления политической независимости Беларуси произошло в октябре – декабре 1991 г. В частности, 23 октября 1991 г. законом «Об изменении в системе органов государственного управления Республики Беларусь», КГБ был подчинен Верховному Совету³⁴⁷.

Впрочем, одновременно с процессом оформления государственной независимости советскими республиками, Президент СССР

М.С. Горбачев пытался приостановить распад Советского Союза. Он добивался подписания Договора о Союзе Суверенных Государств (ССГ) и реформирования единых структур безопасности.

22 октября 1991 г. Государственный Совет СССР, созданный на межреспубликанской основе, принял постановление «О реорганизации органов государственной безопасности». Вместо упраздняемого КГБ СССР были образованы Центральная служба разведки СССР, Межреспубликанская служба безопасности СССР и Комитет по охране государственной границы (КОГГ) СССР. Комитет создавался для координации всех пограничных войск формально еще существовавшего Советского Союза и заменял Главное управление пограничных войск КГБ СССР.

6 ноября 1991 г. председателем КОГГ СССР – главнокомандующим пограничными войсками СССР был назначен генерал-полковник И.Я. Калиниченко, ранее возглавлявший Главное управление пограничных войск КГБ СССР.

3 декабря 1991 г. было утверждено Временное положение о КОГГ СССР. На Комитет возлагались задачи обеспечения согласованной с суверенными государствами пограничной политики, соблюдение законодательства о государственной границе и экономической зоне, выработка общих принципов и координация деятельности по охране государственной границы и экономической зоны СССР, а также эффективное управление пограничными войсками³⁴⁸. Впрочем, КОГГ СССР не был наделен всеми правами самостоятельного ведомства. Поэтому он не мог осуществлять централизованное руководство охраной границы и сколько-нибудь влиять на начавшиеся процессы реформирования в войсках. В то же время наличие этого союзного органа создавало определенное двоевластие в руководстве пограничными войсками на республиканском уровне.

³⁴⁷ Ведымасці 1991: № 32. Ст. 583.

³⁴⁸ Варакин 2015: 89–90.

Дальнейшие попытки М.С. Горбачева сохранить СССР в преобразованном виде, оказались безуспешными. Переговоры в Ново-Огареве по выработке Договора о Союзе Суверенных Государств (ноябрь 1991 г.) проходили с трудом, и в конечном итоге, зашли в тупик³⁴⁹. Особое место в срыве переговоров принадлежало Киеву.

Украина первой предприняла практические шаги по созданию собственных пограничных войск. После принятия Верховной Радой законов «О правопреемстве Украины» (12 сентября 1991 г.), «О государственной границе Украины» и «О Пограничных войсках Украины» (оба – 4 ноября 1991 г.) пограничные войска Западного пограничного округа КГБ СССР, дислоцированные на территории республики, преобразовывались в пограничные войска Украины³⁵⁰.

После проведения республиканского референдума в Украине (1 декабря 1991 г.), на котором 90% голосовавших подтвердили Акт провозглашения независимости Украины, стало очевидно, что Договор о Союзе Суверенных Государств не будет подписан. Более того, 5 декабря 1991 г. Верховная Рада в обращении «К парламентариям и народам мира» заявила, что Договор 1922 г. об образовании СССР Украина считает в отношении себя недействительным и недействующим³⁵¹. А без Украины ССГ было бы неполноценным.

Для выработки единой линии поведения, по инициативе Б.Н. Ельцина, 7 декабря 1991 г. руководители России, Украины и Беларуси встретились в Вискулях (Каменецкий район Брестской области). В результате переговоров 8 декабря 1991 г. было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). В преамбуле Соглашения констатировалось, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование»³⁵².

10 декабря 1991 г. Верховный Совет Республики Беларусь практически единогласно (против – 1, воздержалось – 2) принял постановление «О денонсации договора 1922 года о создании Союза Советских Социалистических Республик», ратифицировал Соглашение о создании Содружества Независимых Государств и принял решение отозвать депутатов от Беларуси из союзного парламента. Аналогичные решения были приняты Верховными Советами Украины и России.

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате руководители 11 независимых государств, бывших республик СССР, за исключением Грузии, Литвы, Латвии и Эстонии, подписали протокол, в соответствии с которым они выступали в качестве основателей СНГ на абсолютно равных началах.

³⁴⁹ Бакатин 1999: 366.

³⁵⁰ Біла книга 2007: 33.

³⁵¹ Музыченко 2001: 446.

³⁵² Содружество 1996: 14.

В принятой декларации отмечалось, что с созданием Содружества Советский Союз «прекращает свое существование»³⁵³. Одновременно было подписано соглашение о координационных институтах Содружества, которыми стали Совет глав государств и Совет глав правительств. В соответствии с нормативно-правовыми актами СНГ выступало не как государственный или надгосударственный орган, а как межгосударственное объединение. Штаб-квартира СНГ определялась в Минске.

25 декабря 1991 г. М.С. Горбачев официально заявил о своей отставке с поста Президента СССР.

30 декабря 1991 г. на встрече в Минске руководители стран СНГ приняли решение об упразднении всех государственных структур бывшего СССР. Одновременно, исходя из необходимости взаимоприемлемого решения вопросов обороны и безопасности, главы государств Содружества приняли Соглашение о Вооруженных силах и Пограничных войсках³⁵⁴. Назначенный Главкомандующим пограничными войсками СНГ И.Я. Калиниченко (занимал должность до 6 июля 1992 г.) совместно с руководителями государств в двухмесячный срок должен был выработать механизм деятельности пограничных войск.

Однако к марту 1992 г. ряд государств – Азербайджан, Беларусь, Молдова, Узбекистан, Украина – уже образовали свои пограничные войска, а на внешних границах остальных стран Содружества войска находились под командованием КОГГ СССР. Это создавало большие проблемы в централизации управления и принятии решений³⁵⁵.

Поэтому 20 марта 1992 г. главы государств Содружества приняли решение о создании Объединенного командования Пограничных войск и утвердили Положение о нем³⁵⁶. Объединенное командование получило статус постоянно действующего коллегиального органа Пограничных войск Содружества. Он выполнял решения Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ по вопросам охраны государственных границ и морских экономических зон, осуществлял координацию деятельности пограничных войск. После создания Объединенного командования Пограничных войск практически была прекращена деятельность КОГГ СССР (формально просуществовал до 28 октября 1992 г.).

Однако уже вскоре ряд государств Содружества заявили о нежелании выполнять указания Объединенного командования Пограничных войск. Поэтому 6 июля 1992 г. решением Совета глав государств СНГ Объединенное командование было упразднено. Вместо

³⁵³ Содружество 1996: 23.

³⁵⁴ Варакин 2015: 90.

³⁵⁵ Варакин 2015: 90.

³⁵⁶ Варакин 2015: 91.

него для координации деятельности по охране внешних границ государств – участников СНГ был создан межреспубликанский Совет командующих Пограничными войсками, который существует до сих пор³⁵⁷.

Создание центрального органа управления. После юридического оформления независимости Беларусь сделала следующий шаг на пути создания собственных пограничных войск.

15 января 1992 г. Верховный Совет принял постановление, в соответствии с которым для охраны государственных границ Республики Беларусь на базе оперативно-войскового отдела в Минске создавалось Главное управление пограничных войск при Совете Министров Респ-ублики Беларусь (далее – ГУПВ).

19 февраля 1992 г. начальником ГУПВ – командующим пограничными войсками был назначен генерал-майор (с 1993 г. генерал-лейтенант) Евгений Михайлович Бочаров. Выбор этого военачальника был не случаен. С июля 1988 по январь 1992 г. Е.М. Бочаров командовал 103-й гвардейской Воздушно-десантной дивизией пограничных войск КГБ СССР, прошел боевую школу Афганистана. До назначения руководителем погранвойск он некоторое время являлся 1-м заместителем командующего 5-й гвардейской танковой армии (дислоцировалась в Беларуси) и одновременно – народным депутатом Верховного Совета Республики Беларусь. Во главе пограничного ведомства Е.М. Бочаров оставался до 30 августа 1994 г.

2 апреля 1992 г. Совет Министров принял постановление «О Главном управлении пограничных войск при Совете Министров Республики Беларусь»³⁵⁸, которым утвердил Положение о ГУПВ, его организационно-штатную структуру и порядок формирования. Штат ГУПВ был утвержден 23 апреля 1992 г. приказом командующего.

В апреле 1992 г. было сформировано руководство пограничного ведомства. Первым заместителем командующего – начальником штаба стал полковник (с 21 мая – генерал-майор) А.П. Попов. Это был высококвалифицированный, инициативный и ответственный офицер, имевший большой опыт службы на границе. До перевода в Беларусь он занимал должность заместителя начальника штаба – начальника 1-го отдела Управления войск Прибалтийского пограничного округа КГБ СССР.

Заместителями командующего пограничными войсками были назначены: генерал-майор В.Г. Веселов (до сентября 1991 г. возглавлял ОВО), полковники А.И. Воинский и В.Е. Козлов. 7 мая 1992 г. еще одним заместителем Е.М. Бочарова стал полковник Н.И. Астапов. 19

³⁵⁷ 20 лет Совету 2012: 6; Варакин 2015: 92.

³⁵⁸ АС в/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 82.

мая 1993 г. полковник Е.П. Ковалев сменил на должности заместителя командующего уволенного в отставку генерал-майора Г.В. Веселова.

3 августа 1992 г. постановлением Совета Министров была образована Коллегия ГУПВ и утвержден ее персональный состав. В Коллегию вошли 7 человек: Е.М. Бочаров (председатель), Н.И. Астапов, Г.В. Веселов, А.И. Воинский, В.Е. Козлов, Д.Л. Левицкий (начальник отдела кадров ГУПВ), А.П. Попов³⁵⁹. 27 августа 1992 г. Е.М. Бочаров утвердил Положение о коллегии ГУПВ³⁶⁰ и назначил ее секретаря – начальника секретариата штаба подполковника М.В. Горегляда³⁶¹.

12 июня 1992 г. командующий пограничными войсками образовал постоянно действующую организационно-штатную комиссию (14 старших офицеров)³⁶². Ее возглавил начальник штаба генерал-майор А.П. Попов³⁶³. Комиссия должна была привести организационно-штатные структуры действующих и вновь создаваемых пограничных частей в соответствие с новыми служебно-боевыми задачами.

Кроме того, приказом Е.М. Бочарова была создана оперативно-дежурная служба ГУПВ. На нее возлагались задачи сбора данных обстановки, своевременного реагирования на ее изменения, полного и эффективного использования сил и средств, поддержания непрерывного управления³⁶⁴.

В соответствии с планом оперативной подготовки и в целях углубления взаимодействия ГУПВ и Министерства обороны, 3 февраля 1993 г. для участия в совместных мероприятиях, проводимых в системе Вооруженных Сил Республики Беларусь, была создана оперативная группа ГУПВ (8 офицеров)³⁶⁵. Она становилась рабочим и постоянно действующим органом пограничного ведомства.

Формирование пограничных частей. Правовой основой для формирования в Беларуси новых пограничных частей стали законы «О государственной границе Республики Беларусь», «О пограничных войсках Республики Беларусь», «Об оперативно-розыскной деятельности» (все – 1992 г.), а также «Концепция охраны государственной границы Республики Беларусь»³⁶⁶.

В течение 1992 г. организационно-штатная комиссия разработала новую структуру пограничных войск Республики Беларусь. Она предусматривала создание пограничных отрядов на границе с Латвией

³⁵⁹ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 241а.

³⁶⁰ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 249 а, 249б, 249 в.

³⁶¹ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 249–249 об.

³⁶² АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 65.

³⁶³ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 65–65об.

³⁶⁴ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 94–95 об.

³⁶⁵ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Т. 1. Л. 49–49об.

³⁶⁶ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Т. 1. Л. 189.

и Литвой, увеличение численности действующих отрядов (в т. ч. пограничного контроля), реорганизацию войсковых частей обеспечения, а также создание пограничных учебных отрядов и заведений.

В первую очередь велась подготовка к созданию отрядов, которые должны были прикрыть прибалтийское направление. 10 июня 1992 г. Совет Министров принял решение о передаче в ведение ГУПВ нескольких военных городков, на базе которых планировалось организовать пограничные части³⁶⁷.

4 августа 1992 г. для развертывания погранотрядов на прибалтийском направлении была сформирована группа в составе 16 офицеров под руководством генерал-майора А.П. Попова³⁶⁸. 15 сентября 1992 г. Совет Министров принял постановление «О создании пограничных частей на границе с Литовской Республикой и Латвийской Республикой и организации подготовки личного состава»³⁶⁹.

Через неделю, 22 сентября 1992 г. Е.М. Бочаров³⁷⁰ приказал сформировать на границах: с Латвийской Республикой – 14-й (Полоцкий) пограничный отряд; с Литовской Республикой – 15-й (Сморгонский) пограничный отряд. Одновременно создавались маневренная группа и учебный отряд. Формирование этих частей должно было осуществляться поэтапно³⁷¹.

Управление Полоцкого погранотряда и подразделения обеспечения были размещены в районе пос. Ветрино Полоцкого района (Витебская область) на базе бывшего 402-го полка 32-й ракетной дивизии ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Перед пограничниками ставилась задача обеспечить охрану границы на участке с Латвийской и Литовской республиками общей протяженностью 343,5 км³⁷². 1 февраля 1993 г. пограничники заступили на охрану границы.

Управление Сморгонского погранотряда и подразделения обеспечения дислоцировались в н.п. Гаути Сморгонского района (Гродненская область) на базе бывшего полка 32-й ракетной дивизии РВСН. На отряд возлагалась охрана границы на участке с Литовской республикой общей протяженностью 351,4 км³⁷³.

Комплектование обоих отрядов осуществлялось за счет пограничников, переведенных из других регионов бывшего СССР, а также офицерами и прапорщиками Министерства обороны Республики Беларусь.

³⁶⁷ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 233

³⁶⁸ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 233–234 об.

³⁶⁹ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 292.

³⁷⁰ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 292–293 об.

³⁷¹ АС В/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 292.

³⁷² Пограничные войска 2006: 29.

³⁷³ Пограничные войска 2006: 31.

В течение нескольких месяцев пограничники, при содействии МВД и Государственного таможенного комитета, охраняли таможенную границу Республики Беларусь с Литвой и Латвией. И только после принятия 11 июня 1993 г. Верховным Советом постановления «О приращении границе Республики Беларусь с Российской Федерацией, Украиной, Литовской Республикой и Латвийской Республикой правового статуса Государственной границы»³⁷⁴, новые отряды смогли приступить к несению полноценной пограничной службы на прибалтийском направлении.

16 июня 1993 г. Верховный Совет принял постановление, которое предусматривало увеличение в течение 1993–1994 гг. общей численности пограничных войск до 12 500 военнослужащих и 800 человек рабочих и служащих (в т. ч. в 1993 г. – на 15–20%)³⁷⁵.

В соответствии с постановлением Совета Министров от 19 августа 1993 г. в Минском высшем военном командном училище и при Высших курсах КГБ Республики Беларусь создавались два факультета пограничных войск³⁷⁶.

Новые задачи, стоявшие перед пограничной службой Беларуси, потребовали и формирования подразделений, не имевших ранее аналогов. В соответствии с решением Совета Министров от 29 марта 1993 г. была создана Отдельная служба активных мероприятий (ОСАМ), предназначенная для борьбы с нелегальной эмиграцией, с экономическими преступлениями (контрабанда автомобилей, оружия) и наркотрафиком на государственной границе, противодействия транзитному терроризму и торговле людьми, а также обеспечения собственной безопасности пограничного ведомства.

Кроме того, в октябре 1993 г. была образована Отдельная авиационная эскадрилья, сформированная на базе 206-й отдельной вертолетной эскадрильи РВСН с местом дислокации в урочище Озерки возле г. Постава (Витебская область). На нее возлагались задачи обеспечения деятельности погранотрядов на всем протяжении границ³⁷⁷.

Обучение младших специалистов-пограничников (связистов, механиков, водолазов, стрелков мотоманевренных групп и т.д.) было возложено на два учебных отряда, сформированных в 1992–1993 гг.

Местом дислокации *1-го учебного пограничного отряда* стал военный городок бывшего полка 32-й ракетной дивизии РВСН в н.п. Девятни (Сморгонский район Гродненской области). *2-й учебный пограничный отряд* разместился в бывшем военном городке расформированной

³⁷⁴ Ведымастці 1993: № 21. Арт. 264.

³⁷⁵ Ведымастці 1993: № 21.

³⁷⁶ Збор 1993: № 23. Арт. 464; АС в/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Т. 2. Л. 30–31, 32, 174–175.

³⁷⁷ АС в/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Т. 2. Л. 161.

Краснознаменной ордена Ушакова 1-й степени Днепровской военной флотилии в Пинске (Брестская область)³⁷⁸.

Дальнейшее развитие пограничной службы Беларуси проходило в условиях новой политической системы, сформированной после президентских выборов 1994 г.

Таким образом, оформление организационно-правового статуса пограничных войск Республики Беларусь заняло значительное время. От момента подчинения пограничных войск КГБ СССР, дислоцированных на территории республики (20 сентября 1991 г.) до создания самостоятельных пограничных войск, подчиненных центральному органу в виде Главного управления пограничных войск при Совете Министров Республики Беларусь, прошло почти 4 месяца (15 января 1992 г.). Это объясняется сложной политической обстановкой в 1991 – начале 1992 г. и попытками М.С. Горбачева сохранить СССР.

Создание Комитета по охране государственной границы СССР (октябрь 1991 г.), а затем введение должности Командующего пограничными войсками СНГ (декабрь 1991 г.) несколько замедлили процесс строительства белорусских пограничных войск. Однако угроза открытия внешних границ на прибалтийском направлении вынуждала Беларусь к активным действиям в этом направлении. Когда стало очевидно, что координирующие органы СНГ (Объединенное командование Пограничных войск, март 1992 г.) не смогли наладить рычаги управления, процесс формирования собственной пограничной службы стал необратимым.

В течение 1992–1993 гг. в Беларуси была принята минимально необходимая нормативно-правовая база (законы о государственной границе и пограничных войсках), созданы центральный орган управления (Главное управление пограничных войск) и территориальные подразделения. На прибалтийском направлении к несению службы приступили два пограничных отряда, которым оказывали содействие службы специального назначения. Подготовка кадров была организована в учебных отрядах и на факультетах пограничных войск. Значительной реорганизации подверглись службы обеспечения. Это привело к почти двукратному росту численности пограничных войск, и позволило обеспечить охрану границ Республики Беларусь на новых участках.

В целом, в 1992–1994 гг. основное внимание руководством Беларуси уделялось охране польского и прикрытию прибалтийского направлений. Граница с Российской Федерацией и Украиной в это время не охранялась, что вело к росту нагрузки на пограничников, которые несли службу на других участках.

³⁷⁸ АС в/ч 2007: Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Т. 2. Л. 14–15.

Список источников и литературы

- АС в/ч 2007** – Архивная служба войсковой части 2007 (Архив Государственного пограничного комитета Республики Беларусь).
- Бакатин 1999** – Бакатин В.В. Дорога в прошедшем времени. – М.: Изд-во «Дом», 1999.
- Біла книга 2007** – Біла книга 2007. Стратегічний бюллетень прикордонної безпеки України. – Київ: Адміністрація Державної прикордонної служби України, 2007.
- Варакин 2015** – Варакин А.А. Стратегическое партнерство по обеспечению пограничной безопасности государств – участников СНГ: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / А.А. Варакин. – М., 2015.
- Ведомости 1991** – Ведомости Верховного Совета Белорусской ССР. – Минск, 1991. № 28.
- Ведамасці 1991** – Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь = Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – Минск, 1991. № 30, 32.
- Ведамасці 1993** – Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь = Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – Минск, 1993. № 21.
- 20 лет Совету 2012** – 20 лет Совету командующих Пограничными войсками. 1992–2012 годы. – М.: Изд-во «Неография», 2012.
- Музыченко 2001** – Музыченко П.П. История государства и права. – Киев: Т-во «Знання» КОО, 2001.
- Пограничные войска 2006** – Пограничные войска Республики Беларусь. Краткий информационный обзор. – Минск: Госкомпогранвойск, 2006.
- Збор 1993** – Збор пастаноў Урада Рэспублікі Беларусь = Собрание постановлений Правительства Республики Беларусь. – Минск, 1993. № 23.
- Содружество 1996** – Содружество Независимых Государств: портрет на фоне перемен / под ред. И.М. Коротчени. – Минск: ПАН-ГРАФ, 1996.

Vasiliy S. Hedzko, Andrei M. Lukashevich

FRONTIER SERVICE FORMATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS (1991–1994)

The article analyzes the process of the Belarusian border troops formation in the post-Soviet period. It is noted that the design of the Belarusian border service organizational and legal status took about a year. This is due to both the complicated political situation in 1991 – early 1992 and the union leadership attempts to preserve the Soviet Union as well as the common, unified border troops. However, there was

a threat of opening the external borders in the Baltic region. Therefore Belarus was the first country among the former Soviet Union states started creating its own border service. During 1992–1993, the republic adopted the minimum necessary regulatory framework on border issues, established a central governing body, founded combat and training units and services. On the whole, in 1992–1994, Belarus focused its attention to the protection and coverage of the Polish-Baltic destinations.

Keywords: border troops, the State border, the Byelorussian SSR, the Republic of Belarus, the Supreme Council, the Border Troops Headquarters under the Council of Ministers of Belarus, border detachment, training border detachment.

Код ВАК 07.00.03; 07.00.09

В.М. Железняк

ЭПОХА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФРГ

Статья посвящена выявлению национальной специфики отражения образов Наполеоновской эпохи в современном образовательном пространстве ФРГ. На основе анализа немецких учебников истории, экспозиций музеев и элементов медиапространства (фильмов, рекламы, видеоигр) автор приходит к выводу, что в образовательном пространстве ФРГ эпоха Наполеоновских войн воспринимается как этап консолидации Германии. Важная роль при этом отводится Освободительной войне, а война 1812 г. предстает вехой на пути освобождения немецких земель от владычества Наполеона. Частая актуализация эпизодов совместной борьбы германских княжеств против французского господства связывается автором с необходимостью сплочения германской нации и подъема ее патриотического духа, что становится особенно актуальным в условиях миграционного кризиса в Европе.

Ключевые слова: эпоха Наполеоновских войн; образы исторических событий; образовательное пространство ФРГ; медиапространство.

Эпоха Наполеоновских войн явилась важным этапом в историческом развитии многих европейских государств. Она способствовала выработке национальных идентичностей, росту самосознания народов-участников событий. Память о Наполеоновских войнах неоднократно актуализировалась в ключевые исторические моменты: она использовалась для оправдания политики правящих партий, консолидации наций и подъема патриотического духа. Специфика Германии, одной из самых активных участниц тех событий, в том, что на тот исторический

Железняк Виктория Михайловна, магистрант Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26).

Zheleznyak Victoria, master student of Ural State Pedagogical University, (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Телефон/Phone: +7 (343) 336-14-55. Электронная почта/E-mail: victoriazheleznyak@inbox.ru.

момент страна не была едина, и пока одни германские княжества боролись с Наполеоном (Пруссия), другие с ним сотрудничали (Рейнский союз). Разделена была Германия и до франко-прусской войны, и в период «холодной войны». Эта двойственность должна была отразиться и в исторической памяти немцев. Во многом именно поэтому в зависимости от исторической ситуации и политической конъюнктуры в Германии актуализировались различные аспекты памяти о Наполеоновских войнах³⁷⁹. Попытаемся проследить, какая именно память об эпохе Наполеоновских войн востребована в ФРГ в современных условиях, для чего обратимся к немецкому образовательному пространству, формирующему массовые представления об исторических событиях. Образовательное пространство при этом мы будем рассматривать в широком смысле как среду, способствующую развитию индивида, формированию личности³⁸⁰. Мы включаем в понятие образовательного пространства медиaprостранство, которое, в свою очередь, понимаем как «независимую реальность, образованную от взаимодействия средств массовой информации и общества или отдельных индивидов в целом»³⁸¹.

Поскольку сегодня обращение к образу эпохи Наполеоновских войн наиболее часто происходит на уровне массового зрителя, воспринимающего образ через кинофильмы, рекламу и видеоигры, на уровне посетителя музеев, знакомящегося с образом на основе экспозиций, и на уровне учащегося, изучающего события эпохи на уроках истории, рассмотрим каждый из этих элементов по отдельности.

Учебная литература

В ФРГ отдельные федеральные земли имеют свои образовательные традиции и большую самостоятельность в сфере образования, выраженную, в том числе, и в собственных нормативных документах. В качестве примера рассмотрим нормативные документы, которые регламентируют изучение эпохи Наполеоновских войн в средней школе федеральной земли Тюрингия³⁸². В школе эпоха Наполеоновских войн рассматривается в рамках Французской революции. Согласно

³⁷⁹ Так, «братство по оружию» России и Пруссии в 1813-1814 гг., их совместные действия против Наполеона использовались властями ГДР в 1950-1960-е гг. для обоснования союза с СССР, недавним смертельным врагом Германии во Второй Мировой войне. См.: Штамм-Кульман 2015: 237-257.

³⁸⁰ Образовательное пространство, согласно одному из определений, – это «система влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении». См.: Комаров 2008: 21.

³⁸¹ Глухарев 2011: 109.

³⁸² Выбор Тюрингии обусловлен тем, что эпоха Наполеоновских войн коснулась ее непосредственно. Именно здесь произошла знаменитая битва при Йене и Ауэрштедте, которая и сегодня является популярным сюжетом в образовательном пространстве ФРГ.

учебной программе по истории, в 7-8 классах школы предполагается изучение нескольких эпох и периодов в хронологическом и проблемном ключе. Один из вопросов – «потрясения и поворотные моменты в истории (например, ... На пути к современности – Французская революция)». «Реализация идей Просвещения и Французская революция вызвали политические и социальные перемены и потрясения, легшие в основу современных буржуазных обществ в Европе», говорится в программе. Изучение истории в 11-13 классах направлено на расширение, углубление и систематизацию знаний. Так, на старшей ступени предполагается изучение процессов изменений и потрясений в истории: реформ и революций, в частности Французской революции³⁸³.

Остановимся на учебнике «Forum Geschichte. Thüringen. 7/8» для 7-8 классов земли Тюрингия. Эпохе Наполеоновских войн посвящены параграфы «Единовластие Наполеона», «Французское господство на континенте» и «Реформы в Пруссии – принуждение или осознанность» главы «На пути к современности: Французская революция». В учебнике раскрывается и внешняя, и внутренняя политика Наполеона. Уделено внимание его личности. На вопрос, почему народ принял единовластие Наполеона, авторы учебника дают развернутый ответ: «Прежде всего, Наполеон ликвидировал опасность поражения от европейских держав. Во внутренней политике он искусно сгладил противоречия между вернувшейся из эмиграции аристократией и нажившейся в результате революции крупной буржуазией. Кроме того, он достиг примирения с католической Церковью. Среди его успехов, разумеется, был также Гражданский кодекс 1804 г., который стал образцом для кодексов многих других стран. В экономической сфере Наполеону удалось преодолеть инфляцию. Наемные рабочие получили право на забастовку. Таким образом, общественность одобряла Наполеона и не волновалась, когда он устанавливал цензуру прессы и шпионаж». Рассматривается распад Священной Римской Империи и образование Рейнского союза. Особенно подробно освещены реформы в Пруссии в эпоху наполеоновских войн (отмена крепостного права, реформа системы управления, реформирование образования, армии, расширение политических свобод и др.). Особенностью учебника является наличие специального параграфа, иллюстрирующего развитие Тюрингии в этот период – «Наполеоновские войны в Тюрингии в 1806 г.». Здесь рассматривается битва при Йене и Ауэрштедте 14 октября 1806 г.. Дополнительный текст содержит выдержки из документов государственного (из Гражданского кодекса), исторического характера (фрагменты из работ историков, к примеру, из работы французского историка Ж.-О. Будона «Наполеон и его время») и из другой литературы (краткая биография Наполеона). Иллюстративные материалы представлены изо-

³⁸³ Lehrplan 2012: 20, 30, 40.

бразительными (портреты (К.А. фон Гарденберга, премьер-министра Пруссии), репродукции картин (к примеру, гравюра «Сражение при Йене 14 октября 1806 г.» И.Л. Ругендаса), фотоснимки (с реконструкции битвы при Йене в 2006 г.)) и условно-графическими иллюстрациями (карты («Европа под наполеоновским владычеством в 1804-1812 гг.», «Германия между 1806 и 1815 гг.», «Территориальное расширение Пруссии в 1789-1807 гг.») и схемы (лента времени)). В целом, в учебнике акцент сделан на развитии германских земель в первой четверти XIX в., хотя значительное внимание уделено также внутренней политике Наполеона в самой Франции. Из военных действий рассматриваются те, которые касались непосредственно Германии (битва при Йене)³⁸⁴.

Обратимся к общегерманскому учебнику «Kursbuch Geschichte. Von der Antike bis zur Gegenwart». Эпохе Наполеоновских войн посвящены параграфы «От Директории к Империи Наполеона» и «Последствия Революции для Европы» главы «Великие Революции: политические и социальные потрясения». Основной текст повествует об эпохе Наполеоновских войн, в том числе государственной деятельности Наполеона. Основное внимание при этом уделяется развитию германских княжеств: распад Священной Римской Империи и образование Рейнского союза в 1806 г., «государство-модель» Вестфалия. В пункте «Поражение Великой армии в России», что примечательно, не обозначено ни одного сражения, лишь отмечено: «Полное уничтожение армии Наполеона зимой 1812 г. в захватнической кампании против России – 400 тыс. солдат Великой армии в России пали, 100 тыс. были взяты в плен – открыло возможность освободительной войне в занятых французами государствах». Особо выделяется «битва народов» под Лейпцигом и взятие Парижа в 1814 году. Дополнительный текст: выдержки из документов государственного (Гражданского кодекса), личного (фрагмент из воспоминаний современника) и исторического характера (из работы историка В. Маркова) и другой литературы (краткая биография Наполеона). Среди иллюстраций присутствуют изобразительные (портреты (Наполеона), репродукции картин («Наполеон после отречения в Фонтенбло» П. Делароша), изображения документов (Гражданского кодекса)) и условно-графические (карты (на-пример, «Европа под наполеоновским владычеством»)). В целом, учебник красочный, с хорошо проработанным методическим аппаратом. Материал в основном повествует о том, что происходило в период Наполеоновских войн на территории самой Германии³⁸⁵.

Учебник для старших классов «Die Französische Revolution. Europa in einer Epoche des Umbruchs» полностью посвящен Французской

³⁸⁴ Regenhardt 2010: 190-197, 203-205.

³⁸⁵ Laschewski-Müller, Rauch 2010: 225-230.

революции и эпохе Наполеоновских войн. Собственно эпоха Наполеоновских войн раскрывается в параграфах «4-я фаза Революции (1794-1799) и правление Наполеона (1799-1815)» и «Переустройство Европы под знаком Революции и правления Наполеона». Историографический материал представлен в параграфе «Революция в исторических дискуссиях». Есть также небольшой тематический раздел «Наполеон в карикатурах, Наполеон как миф». Среди мероприятий внутренней политики Наполеона названы, к примеру, денежная реформа, реформа налоговой системы, принятие Гражданского (1804), Гражданско-процессуального (1806) и Уголовно-процессуального кодексов (1808) и др. Внешняя политика раскрывается на примере войн Третьей, Четвертой, Пятой и Шестой коалиций. Внимание уделяется Рейнскому союзу: «В странах-сателлитах, как и в Рейнском союзе, была заимствована французская модель в области права (Гражданский кодекс) и управления, которая способствовала процессу модернизации этих государств». О событиях 1812 г. говорится: «Только полное уничтожение Великой армии в кампании против России дало реальный шанс зависимым от Франции государствам к сопротивлению». Особо выделяются «битва народов» под Лейпцигом (1813) и взятие Парижа (1814). Дополнительный текст представлен документами государственного (фрагмент из Конституции Вестфалии), личного (выдержка из воспоминаний государственного деятеля, графа Мелито, отрывок из переписки Наполеона с братом Жеромом, королем Вестфалии и др.) и исторического характера (к примеру, фрагмент из работы историка Ф. Фюре). Имеется также краткая хронология событий и характеристика ключевых персоналий. Иллюстративные материалы представлены условно-графическими (карты «Европа под наполеоновским владычеством», «Центральная Европа между 1806 и 1815 гг.» и «Французская революция в Германии») и изобразительными иллюстрациями. Последние, в свою очередь, подразделяются на репродукции картин («Император Наполеон в коронационном облачении» Ф. Жерара) и карикатуры («Взлет и падение Наполеона», «Наполеон как пекарь новой Европы» Дж. Гилрея (1806 г.), «Триумф 1813 г.» (1814 г.)). В целом, в учебнике представлена целостная картина событий, но особое внимание уделяется развитию Германии в период Наполеоновских войн и кампаниям, положившим конец владычеству французов³⁸⁶.

Таким образом, для рассмотренных немецких учебников характерна общая тенденция – более подробно освящать развитие германских земель в эпоху наполеоновских войн и влияние Франции на это развитие. Подчеркивается значение поражения Наполеона в России в 1812 г. для начала освободительного движения завоеванных им госу-

³⁸⁶ Both, Gestrich 2010: 120-146, 150-157.

дарств. Особое внимание уделяется также сражению под Лейпцигом 1813 г. и взятию Парижа в 1814 г.

Музейные экспозиции

Эпоха Наполеоновских войн нашла свое отражение и в музеях Германии. Коллекции, показывающие эпоху с различных ее сторон, занимают в них значительное место. Среди музеев можно выделить следующие: Немецкий исторический музей, Военно-исторический музей вооруженных сил Германии и Государственный музей Восточной Пруссии.

В расположенном в Берлине Немецком историческом музее характеризующие эпоху предметы есть в коллекциях «Документы» (карты сражений, планы), «Военное дело» (к примеру, офицерская шпага прусского фельдмаршала герцога Брауншвейгского, павшего в битве при Ауэрштедте), «Графика» (например, гравюра, изображающая в виде лестницы жизнь Наполеона), «Изобразительные искусства» (Портрет прусского генерала Г. фон Шарнхорста кисти Ф. Бери, картина Ф. Жерара «Наполеон I»), «Нумизматика» (например, прусская медаль «За освободительные войны») ³⁸⁷.

В экспозиции «Немецкая история в образах и артефактах» экспонаты, относящиеся к эпохе, представлены в разделе «1789-1871. От Французской революции до второй Германской империи». Среди них гравюра работы Ф. Югеля с картины Л. Фольфа «Въезд Наполеона I в Берлин» 1806 г., картина П. Крафта «Генерал Карл Филипп Шварценберг сообщает русскому, прусскому и австрийскому монархам о победе в Лейпцигском сражении», шляпа Наполеона с битвы при Ватерлоо. Интересны справочник прусских подданных, пропавших без вести в России в 1812 г., и карикатура «Триумф 1813 г.», ³⁸⁸ изображающая составленное из человеческих трупов лицо Наполеона ³⁸⁸.

В Военно-историческом музее вооруженных сил Германии (Дрезден) Наполеоновская эпоха хронологически отражена в разделе «1300-1914» (подразделах «1500-1806», т.е. до падения Священной Римской Империи, и «1806-1914»). В коллекциях представлены униформа, оружие, пули, ордена и медали наполеоновского времени (к примеру, Железный крест, учрежденный в 1813 г. Фридрихом Вильгельмом III в честь королевы Луизы) ³⁸⁹.

В Государственном музее Восточной Пруссии в г. Лüneбурге экспонаты по эпохе Наполеоновских войн содержатся, к примеру, в коллекциях «Национальная история» и «Картины и графика» (напри-

³⁸⁷ Sammlungen 2016.

³⁸⁸ 1789-1871 2016.

³⁸⁹ 1300-1914 2016.

мер, гравюра «Наполеон в битве при Эйлау в 1807 г.»³⁹⁰. Длительная экспозиция «Королева Луиза Прусская. Жизнь и миф» была посвящена супруге Фридриха Вильгельма III, прусской королеве Луизе (1776-1810). Здесь раскрывались национальные мифы о Луизе как «буржуазной королеве», «прусской Мадонне», «королеве сердец», «мученице». Особенно интересен образ Луизы как «мученицы», бесстрашной патриотки, который сформировался в период войны с Наполеоном и после поражения Пруссии. Этот образ характеризуют такие экспонаты, как скульптура Г. Эберлейна «Королева Луиза и Наполеон в Тильзите 1807» (1901 г.), изображающая гордую и полную презрения к Наполеону прусскую королеву, или картина Р. Эйхштэда «Королева Пруссии Луиза встречает Наполеона в Тильзите 6 июля 1806 г.» (1895 г.), на которой Луиза отчаянно заламывает руки при виде императора³⁹¹.

В целом, основное внимание в тематике музейных экспозиций уделено войне IV коалиции и периоду Освободительных войн против Наполеона. В связи с этим неоднократно встречается имя королевы Луизы как символа этой борьбы, Фридриха Вильгельма III, самого Наполеона.

Медиапространство

Медиапространство ФРГ использует сюжеты эпохи Наполеоновских войн в развлекательных и коммерческих целях. Особенно частое обращение к образу эпохи происходит в кинематографе, рекламе и видеоиграх.

Фильмы. Немецкие фильмы пытаются продлить жизнь Наполеона, не допустив его смерти на о. Св. Елены. Примером является кинокартина совместного производства Великобритании, Италии и Германии «Новое платье императора» (2001 г.) режиссера А. Тейлора. Она предлагает новую версию событий: Наполеон сумел сбежать с места своего заточения и стал жить как простой человек³⁹².

Реклама. Немецкая реклама обращается к образу эпохи Наполеоновских войн и самого Наполеона для оправдания претензий брендов на исключительность и высокое качество продукции. В рекламе Еврокарты Сберегательного банка, выпущенной в 1994 г., закадровый голос вешал: «Наполеон. Весь мир был у его ног. Его сила и контроль не имели предела. Все его желания исполнялись. Как маленький властелин мог сделать все это?». Ответ прост: в этом ему помогла еврокарта. Наполеон в рекламе похож на капризного ребенка. Он, разумеется, низкого роста, в знаменитой шляпе, любитель женщин, а карту он дос-

³⁹⁰ Die Sammlung 2016.

³⁹¹ Königin Luise 2010.

³⁹² The Emperor's New Clothes 2001.

тает не откуда-нибудь, а из-за борта сюртука, где до этого держал руку, т.е. собраны воедино все его узнаваемые черты³⁹³.

Фигура Наполеона используется также в рекламе немецкой периодики. Весьма популярным при этом становится образ с известной картины Ж.-Л. Давида «Наполеон на перевале Сен-Бернар». Так, этот образ был использован для рекламы немецкого еженедельного журнала «Bunte» в июне 2002 г. Подпись «Его европейский тур. Его величайшие моменты. Его страхи» намекала, по-видимому, на осведомленность журнала по широкому кругу вопросов³⁹⁴. В вышедшей в августе 2004 г. рекламе одной из ведущих немецких газет «Frankfurter Allgemeine Zeitung» картина Ж.-Л. Давида была несколько трансформирована: вместо Наполеона на коне оказался преуспевающий молодой человек в костюме и с дипломатом в руке. Фраза «Возьми на себя руководство» вкупе с героическим образом с полотна французского художника, вероятно, сулили наполеоновский успех читателям газеты³⁹⁵. В марте 2008 г. в рамках рекламной кампании «Великие имена истории» бренда мужского нижнего белья Balls, появилась печатная реклама, использовавшая образ Наполеона в Мальмезоне^{396, 397}. Примечательна печатная реклама аукционного дома Hermann Historica, вышедшая в июне 2010 г. Здесь разработчики взяли за основу картину О. Верне «Наполеон в битве при Йене. 14 октября 1806 г.», лишив ее персонажей одежды и оружия³⁹⁸. В целом, в рекламе наиболее популярным является образ самого Наполеона, в котором помимо традиционно присущих ему черт (рост, шляпа...) видна комичность (при рекламировании нижнего белья).

Видеоигры. В мультимедийном пространстве ФРГ пользуются особой популярностью основывающиеся на сюжетах эпохи Наполеоновских войн видеоигры. Среди них – «Наполеон», «Наполеон: эпоха завоеваний», «Имперская слава» и «Наполеон: тотальная война»³⁹⁹. Они позволяют игрокам окунуться в атмосферу прославленной эпохи, представить себя участниками событий. Показывая доблестных воинов, наиболее опасные моменты баталлий и поля сражений, на которых решались судьбы целых государств, стратегии создают героический образ эпохи. Значительную роль при этом играют различные заставки и художественные отрывки, которые демонстрируются по ходу игры (к примеру, в «Наполеоне» периодически появляются отрывки из одноименного мини-сериала 2002 г.).

³⁹³ Sparkasse 1994.

³⁹⁴ Bunte Verlag 2002.

³⁹⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung 2004.

³⁹⁶ Известная картина Ж.-Б. Изабе.

³⁹⁷ Balls Underwear 2008.

³⁹⁸ International Militaria auctions 2010.

³⁹⁹ Napoleon 2002 ; Napoleon's Campaigns 2007 ; Imperial Glory 2005 ; Napoleon 2010.

Так, медиапространство ФРГ вносит вклад в героизацию и романтизацию образа эпохи, чему способствуют выбираемые сюжеты: фильмы, которые рисуют романтический образ Наполеона, и видеоигры, которые показывают героические моменты баталлий. В то же время реклама нередко высмеивает «неприятеля», изображая Наполеона и чинов его армии в нижнем белье, без оружия, лишая их таким образом символов власти, влияния и силы.

В целом, в образовательном пространстве ФРГ (в большей степени это наблюдается в учебной литературе и музейных экспозициях) эпоха Наполеоновских войн воспринимается как этап консолидации Германии. Важная роль при этом отводится Освободительной войне, а война 1812 г. предстает вехой на пути освобождения немецких земель от владычества Наполеона. Ключевыми личностями становятся королева Луиза как символ борьбы, Фридрих Вильгельм III, сам Наполеон. Среди наиболее популярных событий – битва при Йене и Ауэрштедте, сражение под Лейпцигом и взятие Парижа. Частая актуализация эпизодов совместной борьбы германских княжеств против французского господства, по-видимому, должна способствовать сплочению германской нации и подъему ее патриотического духа. Особенно актуальным это становится в условиях миграционного кризиса в Европе⁴⁰⁰. В учебной литературе внимание уделяется также развитию германских земель в период Наполеоновских войн (распад Священной Римской Империи, Рейнский союз, королевство Вестфалия, реформы в Пруссии). Медиапространство, в свою очередь, добавляет романтическую и героическую составляющие в образ эпохи, используя ее для своих коммерческих или развлекательных целей.

Список источников и литературы

- Both, Gestrich 2010** – Both H., Gestrich A. Die Französische Revolution. Europa in einer Epoche des Umbruchs / H. Both, A. Gestrich. – B., 2010.
- Laschewski-Müller, Rauch 2010** – Laschewski-Müller K., Rauch R. Kursbuch Geschichte. Von der Antike bis zur Gegenwart / K. Laschewski-Müller, R. Rauch. – B., 2010.
- Lehrplan 2012** – Lehrplan für den Erwerb der allgemeinen Hochschulreife. Thüringer Ministerium für Bildung, Wissenschaft und Kultur. – Erfurt, 2012.
- Regenhardt 2010** – Regenhardt H.-O. Forum Geschichte. Thüringen. 7/8 / H.-O. Regenhardt. – B., 2010.

⁴⁰⁰ 8 reasons 2015.

- 1300-1914 2016** – 1300-1914. URL: <http://mhmbw.de/index.php/chronologie/13001914> (дата обращения: 23.04.2016)
- 1789-1871 2016** – 1789-1871. Französische Revolution bis zum zweiten deutschen Kaiserreich. URL: <http://www.dhm.de/ausstellungen/dauerausstellung/epochenbereiche/1789-1871.html> (дата обращения: 23.04.2016).
- 8 reasons 2015** – 8 reasons Europe's refugee crisis is happening now. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/09/18/8-reasons-why-europes-refugee-crisis-is-happening-now/> (дата обращения: 19.08.2016).
- Balls Underwear 2008** – Balls Underwear: "Napoleon" Print Ad by Glow. URL: <http://www.coloribus.com/adsarchive/prints/balls-underwear-napoleon-11417505> (дата обращения: 18.04.2016).
- Bunte Verlag 2002** – Bunte Verlag Bunte Magazine: Adam & Eve, Cleopatra, Van Gogh, Napoleon. URL: <http://www.adeevee.com/2002/06/bunte-verlag-bunte-magazine-adam-eve-cleopatra-van-gogh-napoleon-print/> (дата обращения: 18.04.2016).
- Die Sammlung 2016** – Die Sammlung - Herzstück unseres Museums. URL: <http://www.ostpreussisches-landesmuseum.de/museum/sammlung.html> (дата обращения: 24.04.2016).
- Frankfurter Allgemeine Zeitung 2004** – Frankfurter Allgemeine Zeitung Newspaper: Napoleon. URL: <http://www.adeevee.com/2004/08/frankfurter-allgemeine-zeitung-newspaper-napoleon-print/> (дата обращения: 18.04.2016).
- International Militaria auctions 2010** – International Militaria auctions: "Napoleon" Print Ad by Heye & Partner Munich Germany. URL: <http://www.coloribus.com/adsarchive/prints/international-militaria-auctions-napoleon-13760105> (дата обращения: 18.04.2016).
- Imperial Glory 2005** – Imperial Glory Review. URL: <http://www.gamespot.com/reviews/imperial-glory-review/1900-6126864/> (дата обращения: 4.04.2016).
- Königin Luise 2010** – Königin Luise von Preußen. Leben und Mythos. URL: <http://www.ostpreussisches-landesmuseum.de/museum/ausstellungsarchiv-2/2012-2010/koenigin-luise-von-preussen-leben-und-mythos.html> (дата обращения: 24.04.2016).
- Napoleon 2002** – Napoleon (Windows). URL: <http://www.mobygames.com/game/napoleon> (дата обращения: 4.04.2016).

- Napoleon 2010** – Napoleon: Total War Review. URL: <http://www.gamespot.com/reviews/napoleon-total-war-review/1900-6252611/> (дата обращения: 4.04.2016).
- Napoleon's Campaigns 2007** – Napoleon's Campaigns Game Review. URL: <http://www.armchairgeneral.com/napoleons-campaigns-game-review.htm> (дата обращения: 4.04.2016).
- Sammlungen 2016** – Sammlungen. URL: <http://www.dhm.de/sammlung-forschung/sammlungen0.html> (дата обращения: 23.04.2016).
- Sparkasse 1994** – Sparkasse : Napoléon. URL: <http://www.culturepub.fr/videos/sparkasse-eurocard-napoleon/> (дата обращения: 18.04.2016).
- The Emperor's New Clothes 2001** – The Emperor's New Clothes 2001. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rCLb_JpW0FQ (дата обращения: 7.04.2016).
- Глухарев 2011** – Глухарев Д.С. Медиапространство как элемент информационной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2011. № 9.
- Комаров 2008** – Комаров К.Ю. Феноменология территориального образовательного пространства // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург, 2008. – № 1.
- Штамм-Кульман 2015** – Штамм-Кульман Т. Русско-немецкое братство по оружию. Политика памяти в Германской Демократической Республике // После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы: сб. ст. / под ред. Д.А. Сдвижкова. – М., 2015.

Victoria M. Zheleznyak

THE ERA OF THE NAPOLEONIC WARS IN THE EDUCATIONAL SPHERE OF FRG

The article is devoted to the identification of the national specificity of reflection of images of the Napoleonic era in modern educational sphere of FRG. In the research, based on the analysis of German history study guides, museum exhibitions and elements of media space (films, commercials, video games), the author ends to a conclusion that in the educational sphere of FRG the era of the Napoleonic wars is considered as a stage in the consolidation of Germany. An important role is given to the Liberation War and the War of 1812 that appears as a milestone in the liberation of the German land of Napoleon's rule. The author connects frequent using of episodes of joint struggle of the German principalities against French rule with the need of unity of the German nation and raising its patriotic spirit, which is particularly relevant in conditions of the refugee crisis in Europe.

Key words: the era of the Napoleonic wars; the image of events; the educational sphere; the media space

ДЖОРДЖО АЛЬМИРАНТЕ: ФАШИСТ ПОСЛЕ ФАШИЗМА

Статья посвящена истории Итальянского социального движения. Актуальность статьи состоит в специфическом состоянии партийной системы Италии, характеризующемся отсутствием сильной правой партии в условиях нарастания ультраправых настроений. Главным фактором, формирующим эти настроения, является мигрантский кризис, поразивший Италию более чем многие другие страны Евросоюза. В данный момент на повестке дня итальянской политической жизни стоит формирование новой мощной правой партии, которая неизбежно будет ориентироваться на ранее высказываемые идеи. Источниками статьи послужили наиболее известные парламентские речи лидера Итальянского социального движения. Рассматриваются проблемы формирования взглядов неонацистского политика Джорджо Альмиранте, идеология Итальянского социального движения, ее значение в истории Италии.

Ключевые слова: Итальянское социальное движение, Италия, демократия, фашизм, свобода, позитивизм.

После краха христианской демократии правая идея в Италии оказалась в сложном положении. Некоторое время итальянская консервативная правая подпитывалась капиталами и энергией Сильвио Берлускони, но этого оказалось недостаточно. В данный момент в Италии почти безраздельно господствует левая Демократическая партия, представляющая собой смесь бывших коммунистов и левых христианских демократов, идеологически представляющая собой довольно безликую, хотя и мощную политическую силу. Правоконсервативная оппозиция разобщена и загнана на местный уровень власти, однако, это временное явление. Активная миграция извне (чему способствует географическое положение страны) неизбежно будет стимулировать рост этнонационализма, и возвращение обновленных правых к власти в Италии представляется вполне вероятным. Долгое правление Демократической партии неизбежно приведет эту структуру к упадку политического лидерства, росту внутренней коррупции и потере политического рейтинга. Население Германии уже сейчас поставлено перед дилеммой «ислам или нацизм», население Италии близко к этому. Слабость центрального правительства вынуждает отдельные регионы

Замов Эдуард Александрович, доцент кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51); кандидат исторических наук, доцент.

Zamov Eduard, associate professor of the Department of orientalism of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51); PhD, associate professor. Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail: ZamovEA@yandex.ru

Италии дистанцироваться от центра, и возможный в будущем распад страны (этому способствует распад близлежащей Югославии, опасность отделения от Испании Каталонии) может привести к росту взаимоисключающих тенденций в общественном сознании. С одной стороны, продолжится ускоренный рост локализма, что приведет в перспективе к появлению новых этнических общностей, дистанцирующихся от искусственно созданного итальянского этноса (с сардинцами и сицилийцами это уже произошло). С другой – раздражение части населения ростом центробежных тенденций может вернуть Италию к возрождению того движения, которое возникло 23 апреля 1919 года – Национальной фашистской партии. В этой связи оправданным выглядит интерес к взглядам ключевой фигуры итальянских ультраправых – Джорджо Альмиранте, многолетнего лидера Итальянского социального движения. Именно он смог превратить мелкую ультраправую группировку в массовую партию, собиравшую до трех миллионов избирателей. Историк Ц.И. Кин дала Альмиранте исчерпывающую и хлесткую характеристику: «...сын и внук актеров, неглупый и очень ловкий человек, не признававший таких наивных слов, как мораль»⁴⁰¹. Однако эти личные качества и открыто провозглашенная ориентация на наследие Б. Муссолини не позволила Альмиранте вывести партию из «политического гетто». Тем не менее концепции Альмиранте, изложенные в его парламентских речах, представляют несомненный интерес.

Свое отношение к парламентской демократии Альмиранте высказал в речи, произнесенной в палате депутатов 21 февраля 1951 г.: «С этой демократией, как она сейчас понимается, как она осуществлена, или лучше будет сказать, реставрирована в 1945-46 гг., мы, Итальянское социальное движение, находимся в открытой полемике. Мы не признаем, что демократическая парламентская система, в том виде, как она сейчас есть, отвечает необходимым потребностям страны, и хотя все признают, что существует как минимум кризис демократической парламентской системы, и это признают все фракции обеих палат парламента, никто не признает, что этот кризис имеет начало в том факте, что все общественные силы, профсоюзные силы, силы труда в современной системе обречены оставаться вне Государства, или прямо объединяться против Государства»⁴⁰². Эти слова Альмиранте являются почти точным повторением слов Муссолини: «Все в государстве, ничего вне государства». Для итальянцев понятие «государство» несводимо к стране или к аппарату власти, это организованное бытие общества. С точки зрения Альмиранте, слабость демократической системы в том, что она не допускает возможность совпадения «юридического государства» и «реального государства». Его идеал – неукоснительное

⁴⁰¹ Кин 1991: 288.

⁴⁰² I Discorsi 1951.

соблюдение законов, чего часто сменяющиеся правительства обеспечить не могут. Неспособность парламентской республики на долгосрочные реформы неизбежно приводила к поиску новых идей. В свете этого и Муссолини и Альмиранте рассматривали профсоюзы в качестве новых очагов власти, подобно тому как сейчас некоторые философы рассматривают в качестве источников власти сетевые сообщества. В то же время важное отличие Альмиранте от Муссолини – апелляция исключительно к людям труда. Это было связано со ставкой обеспеченных слоев почти исключительно на ХДП.

В той же речи Альмиранте говорил: «...до сих пор в парламентской системе остается нерешенной проблема синтеза между властью и свободой. И я должен добавить, что современная парламентская система не только не решает проблему примирения между властью и свободой, но не решает и проблему развития производительных сил государства»⁴⁰³. Альмиранте возрождает идеи раннего Муссолини, считавшего государство не целью, а средством повышения национального производства. При этом в философском отношении Альмиранте близок к Г.В.Ф. Гегелю, однако если Гегель констатировал движение общества к царству свободы, то Альмиранте мечтал о примирении власти и свободы в рамках государства. Способом такого примирения Альмиранте считает референдум: «Мы не сомневаемся, что итальянские избиратели не имеют надлежащего образования. Однако считаем, что инструмент референдума, будучи разумно использован, сможет повысить уровень политической образованности граждан...»⁴⁰⁴. Эти слова являются реакцией на итальянский элитарный либерализм XIX в., надолго скомпрометировавший в глазах рядовых итальянцев либеральную идею.

О национализме Альмиранте высказывался так (речь в палате депутатов 29 декабря 1952 г.): «Что означает утверждение – ультраправые? Это националисты? Может быть, то, что мы тоскуем по некогда существовавшей империи? Может быть. Мне не стыдно, что мы ностальгируем по империи. Но это не значит, что мы империалисты. Нет, среди нас нет безумцев, мечтающих о новом итальянском империализме или о новом европейском империализме. Мы твердо стоим на земле. Мы националисты, мы много раз заявляли об этом, но национализм создал вас всех, наших оппонентов, даже социалистов, которых Сталин заставил поднять знамя нации»⁴⁰⁵. Итальянский национализм развивался как национализм искусственный и элитарный, навязываемый народу извне. Он стимулировался экономической и технологической отсталостью страны, хозяйственной замкнутостью горо-

⁴⁰³ Ibidem.

⁴⁰⁴ Ibidem.

⁴⁰⁵ I Discorsi 1952.

дов и деревень, искусственностью самой нации, насильственно спаянной Дж. Гарибальди из разнородных элементов. Этнонационализм характерен прежде всего для стран с аграрным перенаселением, ибо сам деревенский образ жизни с его замкнутостью делит индивидов на своих и чужих. Этнонационализм всегда исходит из деревни. Альмиранте, как и Муссолини, провозгласил замену империализма корпоративной идеей, исключаящий кавуровский элитаризм.

Социальную базу Итальянского социального движения Альмиранте определял следующим образом: «Я очень хочу надеяться, что прирост голосов, поданных за кандидатов от ИСД, свидетельствует о переходе на сторону ИСД крупных капиталистов. Это значит, что в Италии миллионы крупных капиталистов. Но это не так. Мы рекрутируем своих избирателей среди безработных, и не среди малоимущих, а среди неимущих»⁴⁰⁶. Итальянский национализм подогревался также значительным количеством аутсайдеров свободного рынка, резко негативно относящихся к самой идее этого свободного рынка. Они нуждались в государственном регулировании экономики. Фашизм не представлял собой восстание масс, а скорее восстание одиночек. Своеобразие итальянского национализма состояло в отказе от традиции как ценности (в отличие от английского джингоизма), что было вызвано искусственностью самой нации.

Настаивая на исключении элитаризма из итальянской политической жизни, Альмиранте заявлял: «Если вы отберете у избирателя бюллетень, вы вложите ему в руку карабин и снабдите его инстинктом уличного восстания»⁴⁰⁷. Лидер ИСД выступал за однопалатный парламент, избираемый по пропорциональной системе, что сделает его более связанным с интересами избирателей: «Что означает политическая функциональность парламента? Его политическая функциональность состоит в том, чтобы как можно дольше соответствовать ожиданиям избирателей»⁴⁰⁸. На деле пропорциональная система благоприятствует прежде всего малым партиям и консервирует пороки парламентских республик, приводя к правительственной чехарде, а это то самое, против чего боролся Альмиранте. ИСД представляла собой скорее социально-либеральную партию, чем неофашистскую, причем апелляция к фашистскому прошлому (это выражалось даже в эмблеме ИСД) была не программной установкой, а скорее способом привлечения части электората. Сам национализм Джорджо Альмиранте носил скорее оборонительный характер: «Гордость за нацию немыслима без любви к нации, без желания ей всяческих благ, и эта гордость не может подвергаться осуждению. Она предполагает уважение ко всем нациям, по-

⁴⁰⁶ Ibidem.

⁴⁰⁷ Ibidem.

⁴⁰⁸ Ibidem.

скольку они уважают нашу»⁴⁰⁹. Одной из целей ИСД Альмиранте считал «бои в защиту свободы итальянской нации». ИСД была ближе к идеалам Рисорджименто и даже к английскому либерализму в духе Д. С. Милля, чем к фашизму.

Мотивы социального либерализма звучат и в другой речи Альмиранте, произнесенной 10 января 1975 г.: «Поймите, проблемы реформы ТВ совпадают в современном государстве с проблемами общественного сознания. Невозможно бороться за свободу сознания, если эта свобода не совпадает с возможностью доступа к источникам знаний и информации»⁴¹⁰. В данном случае Альмиранте выступает защитником позитивных свобод в духе Милля.

Альмиранте – убежденный антисоциалист. 6 июня 1957 г. он говорил в палате депутатов: «Поймите, что политическая блокада социалистической партии не есть блокада социального прогресса. Поддерживать эту партию – значит идти в направлении Познани и Будапешта, значит поставить завтра рабочих и молодежь в то же положение, в котором находятся ныне рабочие и молодежь в Польше, Венгрии и в восточной Германии»⁴¹¹. Идеалом Альмиранте является позитивистское понимание прогресса в качестве роста социальности и взаимопомощи. Здесь Альмиранте расходится с Муссолини, понимавшим прогресс общества как научно-технический и экономический прогресс. Впрочем, их сближало стремление создать рациональное, технологическое государство (связанное с идеологией Просвещения), и это стремление у обоих политиков причудливо сочеталось с иррационализмом. Например, Альмиранте говорил: «Брак между техникой, знанием и политикой типичен для корпоративной концепции... Плохо, когда энтомолог руководит министерством туризма»⁴¹².

По проблемам внешней политики Альмиранте высказывался следующим образом: «Разрядка не приводит к разрядке; она ведет к демобилизации: прежде всего к демобилизации духа, затем к распаду союзов, наконец, к распаду вооруженных сил. Эта ситуация для меня ясна, разрядка не есть символ стремления к миру, это всего лишь проявление слабоволия и безответственности во внешней политике»⁴¹³. Как и Муссолини, Альмиранте рассматривает сражение в качестве единственно возможного образа жизни нации. Идею свободы Альмиранте распространял и на внешнюю политику, выступая против вступления Италии в НАТО, считая эту организацию опасной авантюрой (уже в 1956 г. он меняет это отношение к НАТО на противоположное).

⁴⁰⁹ Ibidem.

⁴¹⁰ I Discorsi 1975.

⁴¹¹ I Discorsi 1957.

⁴¹² Ibidem.

⁴¹³ Ibidem.

Марксизм для него неприемлем как теория, раскалывающая нацию: «...идея классово́й борьбы ведет к разделению и ненависти, не к решению, а к обострению проблем, не к принятию законов, обеспечивающих права и законные интересы работников, но к отрицанию этих интересов»⁴¹⁴. Правда, частично Альмиранте сохранил элитаризм итальянского политического либерального мышления. 14 июля 1949 г. он заявил в палате депутатов: «Тольятти – глава партии массы и размышляет как глава массовой партии, основанной на количестве. Я не являюсь главой массовой партии и рассматриваю себя как главу авангардной партии, основанной на качестве»⁴¹⁵.

В то же время Альмиранте заимствовал у Муссолини идею национальной унификации, исключаящей самоценность индивида, причем почти без изменений. 7 ноября 1950 г. он заявил: «Национальное самосознание в наше время требует: 1) Внутреннего объединения страны, чтобы достичь полного суверенитета нашей страны перед всем миром. 2) Перехода от суверенитета к интегральной защите наших прав и бдительности, защищающей нашу независимость и наш мир»⁴¹⁶. В иерархию ценностей Альмиранте входят права нации, превышающие права индивида. Впрочем, сам этот принцип зафиксирован в конституционных актах любой страны, идентифицирующей себя как демократическую.

Как и мировоззрение Муссолини, мировоззрение Альмиранте иррациональное и идеалистическое. Он, в частности, говорил: «Армии славян маршируют всегда (это природная сила, которая выходит за рамки любых политических установлений, соглашений и пактов) с востока на запад. Такова их цель»⁴¹⁷. Здесь выражается чисто фашистский взгляд на политику как на борьбу природных сил, продиктованный аморальным опытом Первой мировой войны. Альмиранте видел в качестве важнейшей задачи внешней политики борьбу с варварством, правда не связывая открыто варварство со славянством.

История для Альмиранте всегда субъективна: «...главный урок корейской войны – это преобладание человеческого фактора на поле боя. Недавно я читал комментарии важных военных о том, что все повторяется, от Троянской войны до наших дней, а именно то, что в решающий момент появляется человек, который предопределяет успех или провал»⁴¹⁸. В данном случае Альмиранте рассуждает скорее как человек Востока, а не европеец. Восточное политическое мышление традиционно заточено на способы поиска наилучших исполните-

⁴¹⁴ Ibidem.

⁴¹⁵ I Discorsi 1949.

⁴¹⁶ I Discorsi 1950.

⁴¹⁷ Ibidem.

⁴¹⁸ Ibidem.

лей, а не на поиск наилучшей системы, к чему стремится мышление европейца. Значение военной техники Альмиранте вообще оценивал очень низко: «Что касается эффективности наших вооруженных сил, то нужно сказать следующее: нет материальной эффективности, которая не была бы прежде всего моральной эффективностью»⁴¹⁹. Альмиранте является последователем Гегеля, видевшего историю как поле деятельности великих людей, являющихся слугами абсолютного духа и борьбы народов, олицетворяющих различные этапы саморазвития абсолютного духа.

26 января 1970 г. Альмиранте заявил в палате депутатов: «...Учредительное собрание... трансформировало социальный плюрализм в политический плюрализм и дало жизнь, отказываясь от корпоративных идей... индивидуализму и атомизму, атомизирующим государство, разрушающим государство»⁴²⁰. Идеалом Альмиранте было корпоративное государство, но он не считал его фашистским. С фашистским корпоративным государством идеал Альмиранте связывает идея представительства в парламенте не индивидов, а производственных категорий. При этом, как и Муссолини, Альмиранте был противником автономии регионов, а предоставление особого статуса последним, например Фриули-Венеция-Джулия, считал личным для себя оскорблением, полагая, что в этом случае «гражданин, имеющий интересы более чем в одном регионе, должен будет постоянно перемещаться в другое законодательное пространство, в зависимости от региона, в котором он имеет активы»⁴²¹. Как и Муссолини, Альмиранте выступает сторонником системы частной собственности и частного предпринимательства. Как и Муссолини, Альмиранте рассматривает государство прежде всего не как орудие самоуправления, а как защитника индивида: «...итальянские граждане при необходимости должны находить государство под рукой в любой части Италии»⁴²².

Выступая в парламенте после серии террористических актов, Альмиранте утверждал (3 мая 1973 г.): «...господин министр, недостаточно утверждать, как вы это сделали ранее, что впервые после войны демократические институты в Италии консолидировались. Это еще следует продемонстрировать. Недостаточно быть представителями законности в демократических рамках правления, нужно исполнять собственную функцию контроля, превентивного удара...»⁴²³. В данном случае Альмиранте воспроизводит муссолинианскую концепцию государства, чья власть над индивидом не ограничена. Более того, Альми-

⁴¹⁹ Ibidem.

⁴²⁰ I Discorsi 1970.

⁴²¹ Ibidem.

⁴²² Ibidem.

⁴²³ I Discorsi 1973.

ранте заявил: «Демократическое государство, вместо того, чтобы излечиваться от яда, само впрыскивает его в свои члены»⁴²⁴. В то же время это воспроизведение не носит злонамеренного характера, а продиктовано выдающимся развитием инфосферы общества, что породило всплеск терроризма и заставило индивида искать защиты вне дискредитировавшей себя демократической идеи с ее слабостью и неэффективностью. Кроме того, 5 августа 1974 г. Альмиранте требовал, «чтобы были распущены все внепарламентские организации, чтобы были отменены все гибкие и мягкие законодательные нормы, чтобы была введена смертная казнь для участников и организаторов террористических актов»⁴²⁵. Примечательно, что Альмиранте склонен не к изменению характера общественных отношений (в этом вопросе он типичный консерватор), а к чисто административным мерам наведения порядка: «Если мы находимся в состоянии войны, в чрезвычайном состоянии, в опасном состоянии, должны быть введены военные трибуналы в отношении преступлений, совершенных террористами»⁴²⁶.

8 ноября 1971 г. Альмиранте дал в палате депутатов свое определение корпоративизма: «...вы напрасно используете термин —корпоративный! в смысле —сословный!, в то время как он имеет абсолютно-но противоположный смысл, поскольку корпоративизм означает именно преодоление сословности»⁴²⁷. И далее: «Это слово означает, как минимум, согласование сословных интересов, именно в смысле упорядочивать то, что не упорядочено, выпрямить то, что искривлено, а также подавить те импульсы, которые могли бы нарушить порядок и гармонию внутри системы»⁴²⁸. Сама идея корпоративизма возникает обычно в сильно поляризованном обществе, где между крупными предпринимателями и малоимущими отсутствует подушка безопасности в виде средних предпринимателей, и в этом случае мелкий производитель стремится к стабильной и зарегулированной экономике на основе социального компромисса. Показательно, что корпоративную идеологию Альмиранте рассматривает как исходящую не от фашистской партии, а от католической церкви: «Когда мы говорим о корпоративной концепции, мы имеем в виду, с традиционной точки зрения, все великое и славное корпоративное движение, которое исходит от энциклики —Рерум новарум! через национальный синдикализм к идее корпоративного государства, и бои за это еще продолжатся»⁴²⁹. Так же, как и Муссолини, Альмиранте видит корпоративизм не как самоцель, а как рычаг прогрессивного развития государства: «...участие должно

⁴²⁴ Ibidem.

⁴²⁵ I Discorsi 1974.

⁴²⁶ Ibidem.

⁴²⁷ I Discorsi 1971.

⁴²⁸ Ibidem.

⁴²⁹ Ibidem.

развиться в ответственную ассоциацию, и корпоративное вдохновение ...будет двигать, толкать, стимулировать и усиливать»⁴³⁰. Эти мысли продиктованы беззащитностью одинокого индивида перед лицом свободного рынка. Этот индивид хочет жить в зарегулированном обществе, но все же остаться одиноким: «Мы против коллективизма»⁴³¹. Идеология ИСД равно не принимала индивидуализм свободного рынка и коллективизм общества тотальной национализации. В этом фундаментальное противоречие, лежащее в основе идеологии ИСД.

Список источников и литературы

Кин, 1991 - Кин Ц. И. Итальянский ребус. М., 1991.

I Discorsi 1949 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/15-politica-estera/35-seduta-del-14-luglio-1949.html>/(дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1950 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/15-politica-estera/36-seduta-del-7-novembre-1950.html>/(дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1951 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/17-le-istituzioni-e-le-riforme/38-seduta-del-21-febbraio-1951-.html> / (дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1952 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/17-le-istituzioni-e-le-riforme/38-seduta-del-29-dicembre-1952-.html> / (дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1957 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/16-i-governi-della-repubblica.html>/(дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1970 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/14-la-polemica-sul-regionalismo/34-seduta-del-26-gennaio-1970-.html>/(дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1971 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/13-cultura-e-informazione/32-seduta-dell8-novembre-1971.html>/(дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1973 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:

<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/11-lattacco-del-terrorismo/21-seduta-del-3-maggio-1973.html>/(дата обращения 31.05.16.).

⁴³⁰ Ibidem.

⁴³¹ Ibidem.

I Discorsi 1974 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:
<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/11-lattacco-del-terrorismo/22-seduta-del-5-agosto-1974.html>/(дата обращения 31.05.16.).

I Discorsi 1975 - I Discorsi [Electronic resource]. URL:
<http://www.giorgioalmirante.it/i-discorsi/13-cultura-e-informazione/33-seduta-del-10-gennaio-1975.html>/(дата обращения 31.05.16.).

Eduard A. Zamov

GIORGIO ALMIRANTE: THE FASHIST AFTER FASHISM

The article focused on the problem of formation of the conceptions of Giorgio Almirante, the leader of the Italian Social movement. The relevance of the article lies in the specific condition of the party system in Italy, characterized by the absence of a strong right-wing party in the conditions of growing far-right sentiment. The main factor influencing these attitudes is the migrant crisis Italy more than many other EU countries. Currently on the agenda of Italian political life is the formation of a powerful new right-wing party, which inevitably will focus on previously expressed ideas. Sources of the article were the most famous parliamentary speech of the leader of the Italian social movement. The author defines its genesis and role at the Italian history.

Key words: Italian social movement, Italy, the democracy, the fascism, the liberty, the positivism.

Код ВАК 07.00.07; 07.00.02

Д.Н. Караваева

“THE PAST MAKES THE PERFECT PRESENT”⁴³², ИЛИ КАТЕГОРИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Данная статья представляет результаты проекта, целью которого является историко-антропологическое изучение дискурса английской идентич-

Караваева Дина Николаевна, научный сотрудник сектора этноистории Института истории и археологии Уральского Отделения РАН (620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16)

Karavaeva Dina, researcher in Ethnohistory department, Institute of History and Archaeology (Ural Branch of the Russian Academy of Science), 620142 Russia, Ekaterinburg, Kovalevs-kaya Str., 16

Телефон/Phone: +7 9120306922. Электронная почта/E-mail: dina_fedorova@bk.ru
Блог/Web: dinakaravaeva.wordpress.com

⁴³² «Прошлое делает настоящее совершенным и особенным» — рекламный слоган английской сети розничной торговли — PastTimes.l.

ности в ее национальной, этнической и региональной проекциях (британскость, английскость, североанглийскость). В работе рассматриваются основные концепции современной английской идентичности, развивающихся в рамках юго-восточного дискурса. Работа основана на множестве источников историографического, публицистического, литературного и прочего характера, а также авторских полевых материалах, полученных в результате этнографических экспедиций 2010-2015 гг.

Ключевые слова: Англия, английскость, британскость, современная Великобритания, национальная/этническая идентичность, модели идентичности

Распад Британской империи в середине XX в. и ряд событий в истории страны спровоцировали подъем идентичностей шотландцев, ирландцев и валлийцев Великобритании в конце XX в. На фоне этого англичане, как бывшая «титовая нация»⁴³³, исторически нивелировавшая свои этнические особенности в пользу имперскости, сегодня переживают кризис идентичности⁴³⁴. Одна из центральных задач данной работы — посмотреть «в британском отражении» на сегодняшние проблемы России.

В поисках символов и смыслов английскости общественность Англии в 1990-2000-е гг. выдает самые разнообразные версии «национального характера».⁴³⁵ В попытках сохранить и восстановить память о постепенно исчезающем под натиском глобализации наследии, авторы активно выпускают литературу на темы «старой доброй Англии» и английскости, констатирующие, как правило, упадок традиционных английских ценностей (специфика сельского хозяйства, пабы, производств пива, церкви и пр.)⁴³⁶. Такие обобщения, конечно, антропологически сомнительны, однако, несмотря на их воображаемую природу, могут оказывать влияние на общество в процессе дискурса, в том числе в плане политических манипуляций.

Вопрос о том, кто такие англичане для самих англичан сложен по нескольким причинам. Англичане не привыкли задумываться о своей идентичности. Как писал Т. Нейрн, национализм — это не только вопрос выражения национальной идентичности, это также вопрос мобилизации мифа о «народе». Славная революция 1688 г. привела к установлению суверенитета парламента над короной, но не суверенитета народа (с размышлениями на тему «что за народ мы») ⁴³⁷. В английскости трудно проводить границы между этническим и национальным, культурным и гражданско-политическим. Как утверждает К. Кумар,

⁴³³ В терминах М. Барреса, см.: Sternhell 1985.

⁴³⁴ См.: Kumar 2000.

⁴³⁵ Milsted 2001; Paxman 1998; Fox 2005; Ashley 2006; Maconie 2008; Hobbes 2008 и др.

⁴³⁶ Kingsnorth 2009; Irwin 2005; Elton 1994; Moody 2011.

⁴³⁷ См.: Nairn 1977.

«правлящие власти» Англии и Шотландии еще в XVII в. решили ограничить поползновения англичан как «наиболее зажиточной, многочисленной и могущественной группы населения Британии», и построить вместо этого «лояльность по отношению к институтам (корона, парламент, империя, британскость), а не народу»⁴³⁸.

Тем не менее, контекстная экспертиза современных представлений и дебатов на тему английскости позволяет говорить о различных концепциях культурной идентичности. Концепции эти не имеют эксклюзивного характера, и могут быть как имплицитными, так и эксплицитными.

Наиболее удачной для описания современного дискурса идентичности в Англии, на наш взгляд, является категоризация по месту (реальному и виртуальной) и времени, с учетом локальности и магистральности каждой модели (в терминах А.В. Головнёва)⁴³⁹

Английская культура парадоксальна в пересечении разнохарактерных деятельностных схем, сочетая, с одной стороны, предпринимчивых, глобалистски ориентированных поборников инноваций, с другой любителей крикета и чайных посиделок в саду, всячески оберегающих свою культуру от трансформаций. Культура эта сегодня является ареной взаимодействия и противоборства локальности (мы условно ее называем идентичностью суши) и магистральности (идентичность моря), этнических и национальных элементов идентичности, представленных определенными пространствами и акторами. Суша (остров, графства, сельская местность) — как символ оседлости, ориентации на провинцию, уютные пасторали и локальные сообщества. Море (США, мир, город-завод-порт-рынок) — традиционно путь, по которому английский флот завоевывал пространство, проводник во внешний космополитичный мир; то, что сегодня ментально и физически отделяет остров от континента. Данные идентичности сплетаются в причудливые конструкции с территориальной, региональной, профессиональной, социально-статусной, политической идентичностями (см. Табл.).

Таблица. Концепции и модели английскости.

<p><i>Место</i></p> <p><i>Время</i></p>	<p><i>Пределы территории</i> (<i>локальная модель, или идентичность суши</i>)</p>	<p><i>За пределами территории</i> (<i>магистральная модель, или идентичность моря</i>)</p>
---	---	--

⁴³⁸ Kumar 2000. P. 589-90.

⁴³⁹ См.: Головнёв 2009.

<i>Ориентация на прошлое, традицию</i>	Классическая Англия	Британская Англия
<i>Ориентация на настоящее, инновацию</i>	Космополитичная мультикультурная Англия	Малая Англия

Освещение академических и общественных дебатов по поводу разных версий английскости — предмет отдельного исследования, однако кратко обозначим некоторые позиции. Особое внимание уделим «классической Англии» как наиболее популярной и английской в «этническом» смысле.

1. Классическая Англия.

Концепция локальной и гибридной идентичности, ориентированная на прошлое и отсылающая к прошлому. В качестве ориентира — Англия до Британии или вне Британии (древняя и средневековая Англия, Англия раннего нового и новейшего времени) с чертами, которые расцениваются в качестве «истинно английских» (символически, чувственно, логически). Поклонники этой концепции обращаются к понятию «настоящей Англии» — как некоей исконной, самостоятельной вне-британской политической и культурной субстанции; в основе этой идентичности лежат «ценности, проверенные временем». Основными символическими категориями является концепты «старой Англии» (*old England, early England*) и «Англии, страны зеленой и прекрасной» (*England is the green and pleasant land*). Это «земля обетованная», воспетая писателями и поэтами. Земля из-за империи, евроинтеграции, мультикультурализма исчезающая — в географическом, эмоциональном, чувственном смысле. Дискурс идентичности в рамках модели строится на попытках восстановить знание о забытых традициях (морские песни шанти, например), проследить историю формирования английскости, описать структуры повседневности и образы английскости на примере отдельных жанров литературы и искусства и т.д.⁴⁴⁰

Пока общественность с улицы утверждает, что «именно в старину существовала настоящая английскость»,⁴⁴¹ участники данного дискурса задаются вопросами, насколько ранняя история Англии является собственно английской в «этническом» смысле и что есть «истинная Англия» вообще. Часть исследователей вслед за Бедой Достопоч-

⁴⁴⁰ См., например: Huggill 1961; Doerflinger 1990; Anderson 2000. P. 39-88. и др.

⁴⁴¹ ПМА 1.

тенным (731 г.) пытаются вести этническую историю Англии с завоевания германскими племенами (юты, англыв, саксы) Британских островов, заселенных до этого бриттами, кельтами, друидами, и с образования королевств Кент, Сассекс и др.⁴⁴² Участники дискурса указывают на влияние Римского завоевания и христианизации племен, способствовавших развитию письменности (латыни) и созданию собственного языка.⁴⁴³

Следующей вехой в становлении английскости (в рамках дискурса) стало завоевание викингами княжеств англо-саксов в период 789-880 гг. и разделение на завоеванные датчанами северные (область Датского права) и отвоеванные англо-саксами южные земли. Большинство склоняется к тому, что датчане затормозили развитие культуры местного населения.⁴⁴⁴

Весомую часть дискурса занимают рассуждения о нормандском завоевании. По мнению, М. Вуда, «французское» ярмо задушило английскую культуру, а все абсолютистское в английской политической культуре связано с распространением нормандской политической системы.⁴⁴⁵ Н. Дэвис рассуждает о том, что с этого времени происходит становление английскости как «низовой культуры»: языком и территорией власти были французский и Франция (затем Германия, Голландия и пр.), а «народа» — английский и Англия (в этом прослеживается связь данной английскости с локальными этнокультурными категориями).⁴⁴⁶

Большинство участников академических дискурса осознают условность понятия «английский» применительно к первым столетиям после нормандского завоевания. Однако с позиций части исследователей, близкая к современным формам английскость берет свое начало с ре-англизации конца XIV в. (переход Парламента на английский язык при Генрихе IV и Генрихе V, появление произведений на среднеанглийском («Видение Петра Пахаря» У. Ленгленда, «Кентерберийские рассказы» Дж. Чоссера, перевод Библии Дж. Виклифа)).⁴⁴⁷ С позиций современных Ирландии, Уэльса и Шотландии, англизация их территорий, а значит и английскость, началась значительно раньше, еще до нормандского завоевания («английское завоевание» Генриха II).⁴⁴⁸

Нередко опорой для построения идентичности являются символы и фигуры династии Тюдоров (1485-1603 гг.): разорвавший с Римом и давший развитие англиканской протестантской церкви Генрих

⁴⁴² Bede, The Venerable 1994. P. 27.

⁴⁴³ См. Schama 2006; Kearney 1989; The Expansion of England 1996 и др.

⁴⁴⁴ См. Musgrove 1990.

⁴⁴⁵ Wood 1999.

⁴⁴⁶ Davies 1999.

⁴⁴⁷ Bryant 2010. P. 166.

⁴⁴⁸ Davies 2000.

VII, «нациостроители» Генрих VIII и Елизавета I, деревянно-кирпичная и до-ренессансная архитектура, роза Тюдоров, поэзия Уильяма Шекспира, достижения мореплавателей и путешественников Дрейка и Рэлейна и т.д.⁴⁴⁹

В рамках этой концепции английскости утверждается, что исторически английскость обладает рядом специфических черт, отличных от британскости. В частности, об этом пишет Э. Баркер в работе «Характер Англии», обращаясь к историческому характеру и развитию институций и форм английской жизни — научно-технические изобретения и литературные шедевры И. Ньютона, Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Мильтона, Библия 1611 г., архитектура В. Врона, «революция» Кромвеля и достигнутый в 1688 г. суверенитет Парламента и др.⁴⁵⁰ К. Кумар такого рода эманации называет «английским культурным национализмом», цитируя строки драматурга XVI в. Дж. Лилли о «боге, который так внимательно делеет Англию, новый Израиль, и ее особенный и избранный народ».⁴⁵¹

Л. Коллей считает протестантизм и деятельность англиканской церкви одним из важнейших факторов в становлении британской и английской идентичности.⁴⁵² К. Медхерст и Дж. Мойзер уверены, что образование англиканской церкви является следствием попыток Елизаветы I создать комфортные условия для собственного (стать glavой церкви) и общественного существования.⁴⁵³ М. Де-ла-Ной пишет о значимости церкви для сельской жизни и географии, архитектуры в Англии, но в тоже время заявляет, что догматизм и «фашистская ментальность» англиканства способствовала разрушению «истинной английскости».⁴⁵⁴ С. Бэт и Дж. Грэхэм указывает, что сегодня англиканская церковь для большинства населения — пустой звук, и интерес к религии вне скандалов типа присутствия женщин и гомосексуалистов в ее духовенстве заметно падает.⁴⁵⁵

Одна из популярных тем дискурса — Англия как «страна зеленая и прекрасная» (выражение взято из стихотворения «Иерусалим» У. Блейка 1804 г.).⁴⁵⁶ Вслед за М. Вьенером⁴⁵⁷ Дж. Паксман пытался размышлять на тему, «как и почему произошло так, что страна, индустриализированная и урбанизированная раньше других, своим идеалом

⁴⁴⁹ См. Colley 2003.

⁴⁵⁰ См. The Character of England 1947.

⁴⁵¹ Kumar 2003. P. 107-108.

⁴⁵² См. Colley 2003.

⁴⁵³ Medhurst, Moyser 1988. P. 7-8.

⁴⁵⁴ De-la-Noy 1993. P. 324-325.

⁴⁵⁵ См. Bates 2006; Интервью с Дж. Грэхэмом 2011.

⁴⁵⁶ Blake 1927. P. 109-110.

⁴⁵⁷ Wiener 2004.

и душой считает глубинку».⁴⁵⁸ М. Муркок скептически оценивает повальное увлечение взрослой публики литературой жанра фэнтези (произведения Р. Толкиена «Властелин колец», Р. Адамса «Обитатели холмов» и др.), предлагающей в качестве модели развития «антитехнологический, антиурбанистический, мизантропический мир, прославляющий исчезающую пасторальную идиллию, основанную на нежелании среднего класса и буржуазии идти навстречу прогрессу и политическим изменениям».⁴⁵⁹ К. Брайант считает, что причиной стала в первую очередь эмоциональная близость природы человеческой психике, а также тот факт, что в Англии самобытные природные объекты имеются в изобилии и легкой доступности. «Только когда вы в английской глубинке — вы можете знать точно, что это все Англия и английское, а не что-то иное».⁴⁶⁰

Так или иначе, стремление акторов дискурса соотнести английскость с «землей зеленой и приятной» сильнее реальности, в которой большая часть территории Англии содержит явные следы индустриализации. В общественном дискурсе тихая сельская жизнь противопоставляется таким городским явлениям, как расовые беспорядки, футбольное хулиганство, вандализм и пьянство по пятницам и субботам, граффити и мусор.⁴⁶¹

Что касается реально существующих в качестве «глубинки» территорий — «пограничного» пригорода (suburbia) — то, как указывает Р. Колс, большинство авторов с конца XIX в. и до настоящего времени рассматривают его в качестве социально больного района, культурной пустоши (wasteland).⁴⁶² Как пишет же М. Брэйсвел, рабочие пригороды с их самовыражением в популярной музыке (группы «Beatles» и «Rolling Stones», например) являются современным ответом на концепцию аркадской идиллии английскости, активно изображаемой в литературе: «Директивный — аркадинизм| рождает реакцион-ный |субурбинизм|».⁴⁶³

В попытках обозначить лики английскости историки и культурологи ищут ответ в рассмотрении исторически сложившихся ценностей англичанина: уважение к индивидуальной свободе, приватности, религиозная толерантность, чувство юмора, дисциплина, чувство стиля, социальная толерантность и конформизм, вера в силу закона и собственности — в общем, все, что Дж. Оруэлл, один из наиболее цитируемых авторов в рамках дискурса, называл «общественной благо-

⁴⁵⁸ Paxman 1998. P.147.

⁴⁵⁹ Moorcock 1987. P. 181.

⁴⁶⁰ Bryant 2010. P. 176.

⁴⁶¹ Matless 1998. P.9-10.

⁴⁶² Colls 2002.

⁴⁶³ Bracewell 1998.

пристойностью» и «джентльменством английской цивилизации».⁴⁶⁴ Дж. Мейджор использовал подобного рода обращения, чтобы успокоить евроскептиков в своей партии, обеспокоенных условиями Маастрихтского договора ЕС: «Даже пятьдесят лет спустя Британия по-прежнему будет страной длинных теней на крикетных полях, теплого пива, неукротимой зелени пригородов, любителей собак и, как говорил Оруэлл, «старых дев, мчащиеся на велосипедах в церковь к святому причастию сквозь туманы осеннего утра».... Британия неисправима, и выстоит в любых условиях».⁴⁶⁵

2. Британская Англия.

Концепция магистральной идентичности, ориентированная на прошлое и отсылающая к прошлому. В качестве ориентира — Англия как «сердце Британии» и «наследница империи» (с доминированием Лондона и Юго-Восточной Англии). Дискурс носит ностальгический характер: по мнению большинства участников, «истинная английскость» развилась и почилла в имперских временах. Дискурс строится на попытках проследить историю формирования английскости как британскости, реализовать ряд политических и культурных проектов на ее основе. Его участники призывают «гордиться своим прошлым», но открыто смотреть на мир (заинтересованность в английской глобализации). В условиях сокращения пространства и сферы политического влияния Англии и англичан, а также «постколониальных страстей» в обществе, экспансионистский характер модели создает предпосылки для ее негативизации, однако идентичность остается позитивной для большинства английского населения.⁴⁶⁶ В отличие от участников дискурса Классической Англии сторонники данной модели допускают наличие большого влияния со стороны Шотландии, Уэльса и Ирландии на английскую культуру и политику (особенно в имперские времена), однако распространяют явления, связанные с Англией, на всю Британию.⁴⁶⁷ Данная модель идентичности простирается на определенную территорию, ограниченную в географическом и культурном отношении по отношению не только к Англии, но даже к ее Юго-Востоку.⁴⁶⁸ В центре дискурса — идентичности элит Лондона и предместий, считающих свое видение английскости ключевым.⁴⁶⁹

По Кумару, становление английского национализма (или национализма имперского государства, с характерной для него сакрали-

⁴⁶⁴ Цит. по: Crick 1991. P.94-95..

⁴⁶⁵ Цит. по: Weight 2002. P. 666.

⁴⁶⁶ См. The Expansion of England 1996.

⁴⁶⁷ Так, многие в Англии не заметят никакого противоречия в заголовке, например, книги К. Аслета «Кто на Англию? В поисках британской идентичности». См. Aslet 1997.

⁴⁶⁸ См. Langlands 1999.

⁴⁶⁹ См. Osmond 1988; Taylor 1991.

зацией имперского прошлого и национализмом доминирующей группы),⁴⁷⁰ проходило в рамках трех этапов строительства империи. Первый этап характеризуется достижением английского доминирования на «материке», Британских островах, путем объединения под началом протестантской Англии более бедных и малочисленных «кельтских провинций» Корнуолла, Уэльса и Шотландии, объединения с Ирландией и разрыва после «католической эмансипации» в 1922 г.). Второй этап связан с концентрацией в XIX в. на «заморских территориях» (в Индии, Африке и пр.) — так, что к 1920 г. империя занимала пятую часть планеты, являлась флагманом индустриализма, и позволяла британцам (особенно англичанам) ощущать себя в категориях учителей технического и общественного прогресса для всего мира, носителей «бремени белого человека».⁴⁷¹

Третий этап, по утверждению Кумара, характеризуется выходом английскости из тени британского империализма в конце XIX в.: в обществе стремительно растет «романтический интерес» к собственно английскому в искусстве и культуре (виговская интерпретация истории, в рамках которой прославлялись англо-саксонские свободы и цивилизаторская миссия ее «величайшей в истории империи»)⁴⁷² В это время расцветала одновременно и переориентация на идеалы малоанглических, напуганных масштабами экспансии империи, ее расходами и запросами. Триумф Британской империи, однако, считает Кумар, показал, что любые эскалации английского национализма никогда не выльются в конкретные политические проекты.⁴⁷³ И действительно, вопрошал Б. Велингс, какая нужда заставит англичан создать английское государство, когда они и так являются основой Британской империи и Соединенного Королевства, и сама Британия выступает защитником интересов и свобод Англии?⁴⁷⁴

Шотландец Н. Фергюсон указывает на то, что с подачи империи, этого «детиса английского миссионерского национализма», произошла «канонерская англобализация» (затенившая развитие собственно английскости): развитие мировой свободной торговли и либерального капитализма, распространение идеи парламентской демократии, формирование новой мировой *lingua franca*.⁴⁷⁵

М. Фрай и Т. Дивайн, возражая Фергюсону, указывали, что Англо-Британия всегда имела в своем составе множество представителей разных этнических групп, и всегда существовало множество «способов» быть британцем, так как английскость происхождения никогда

⁴⁷⁰ Kumar 2003. P. 34. См. также: Wellings 2002.

⁴⁷¹ Kumar 2000. P. 577-589.

⁴⁷² Ibid.

⁴⁷³ Ibid.

⁴⁷⁴ Wellings 2002. P. 95-96.

⁴⁷⁵ Ferguson 2004. P. 55.

особенно не волновала британский истеблишмент — «манеры делают человека».⁴⁷⁶

Четвертый этап развития английского национализма, по К. Кумару, связан с распадом империи, упадком индустриального производства и политической гегемонии Британия (и Англии). В этих условиях оформились и окрепли шотландский и валлийский национализмы, а английский впал в состояние кризиса: конструировать английскую этничность или стать преемницей Британии?⁴⁷⁷ Свидетельством тому отчасти являлась политика М. Тэтчер и Дж. Мейджора, «бывших в английский барабан и бросающих вызов шотландским националистам, европеистам и мультикультуралистам».⁴⁷⁸

Исследование К. Кумара отчасти объясняет, почему большая их часть англичан поддерживает англо-британскую конструкцию идентичности: развитие британской культуры никогда не ущемляло интересов Англии (в отличие от Уэльса, национальный язык которого долгое время был запрещен). Правительство Британии всегда учитывало интересы Англии (шотландцы и валлийцы массово голосовали против М. Тэтчер во время выборов правительства, но в результате оказались под властью консерваторов на протяжении 1977-1997 гг.; то же касается референдума о членстве в ЕС 2016 г.).

Интересно и то, что во имя британскости англичане зачастую ограничивают употребление самоназваний: большинство служб в Англии называют себя «британскими», «национальными» или «королевскими». У Уэльса и Шотландии есть собственные национальные гимны, а у Англии официального нет (в ходу гимн Британии «Боже, храни королеву» — *God, save the Queen*). В Шотландии и Уэльсе широко празднуются дни их святых (национальные дни), а в Англии День Святого Георга 23 апреля оброс различными негативными коннотациями (то же касается и флагов). Символом английского национализма сегодня является имперский расизм и ксенофобия, эксплуатация, футбольный хулиганизм.⁴⁷⁹

3. Малая Англия (Little England).

Современная модель локальной (политизированной) идентичности тех, кто не желает связывать собственные ценности с империей, и обращается к собственной территории. Концепция Малой Англии исторически получила развитие как термин, отделяющий метрополию (Малая Англия — *Little England*) от собственно империи (Великая Англия — *England at Large*). Современная актуализация концепции

⁴⁷⁶ Fry 2001.

⁴⁷⁷ Kumar 2000. P. 593.

⁴⁷⁸ Curtice, Heath 2000. P. 166.

⁴⁷⁹ Bryant 2010. P. 187.

связана с процессами этнического самоопределения и развитием английского *антиимперского* (перефразируя К. Кумара) национализма. В противовес подъему этнического самосознания других народов Британии и постимперскому синдрому, популярность среди английского населения стала приобретать концепция, призванная отгородиться от проблем внешнего мира и воссоздать неповторимую «старую добрую» Англию, образом которой является уютный мирок Шира Р. Толкиена. Является одной из наиболее актуальных в плане этнического самоопределения и определения позиций англичан по отношению к ряду политических факторов (например, мультикультурлизму и евроинтеграции). Дискурс во многом соотносится с концепцией «английской Англии».

Согласно Оксфордскому словарю, термины «малоанглийцы» (Little Englanders) и «Малая Англия» относятся к 1884–1895 гг. и презентуют антиимперские позиции англичан — противников расширения Империи в Африку незадолго до англо-бурской войны 1899-1902 гг.⁴⁸⁰ В начале XX в. понятие почти обрело свои современные черты в работах Дж. Оруэлла (например, в «Англия, Ваша Англия»), считавшего имперский патриотизм прививаемым «сверху» и не свойственным населению.⁴⁸¹ Малоанглийцы в качестве иллюстрации своей позиции нередко цитируют А. Беннета, который в произведении «Спустя 40 лет» 1969 г. писал: «Все дороги ведут в Англию, это земля обетованная, а сегодня она гибает под натиском Европы, земля ее разделяется, а жители бездействуют. Есть много чего интересного в ее истории. Развитие и совершенствование необходимо».⁴⁸²

Как считает Э. Тайлор, в Британии антиимпериализм так же стар, как и империализм.⁴⁸³ По убеждению Р. Готта, причиной этому являются прагматизм и давнее убеждение англичан в том, что внешние завоевания тормозят внутреннее развитие страны,⁴⁸⁴ а также, как пишут Э. Грин и М. Тайлор, «нежелание простых рабочих платить за приключения отщепенцев», страх жен и матерей и за своих близких, гибнущих в международных войнах, отвращение части населения к тому, что кто-либо может диктовать волю другому.⁴⁸⁵

Концепция Малой Англии и антиимпериализм вообще получили дальнейшее развитие с 1960-х гг. и вплоть до современности из-за процессов «колонизации вспять» (усиливающаяся иммиграция из стран Азии и Африки, неудачи в политике интеграции, евроинтеграции и пр.). Противники концепции связывают с ней антиевропеизм,

⁴⁸⁰ Цит. по: England, a Nation 1904. P.38.

⁴⁸¹ Mander 1963. P.197-199.

⁴⁸² Цит. по: Edemarian 2004. P. 13.

⁴⁸³ Taylor 1957.

⁴⁸⁴ Gott 1989.

⁴⁸⁵ Green, Taylor 1989. P. 103-109.

ксенофобию, отторжение идеи культурного разнообразия.⁴⁸⁶ В то же время, как пишет П. Райт, малоанглийцы хотя и могут быть националистичными, самоцентричными и самодовольными, зачастую они демонстрируют более гуманное отношение к собственной территории, соотечественникам, миру⁴⁸⁷ — в противовес империализму и стремлению к доминированию.⁴⁸⁷

4. Мультикультурная, космополитичная Англия.

Данная магистральная модель идентичности признает и поощряет этническое многообразие (относительно древней истории Британских островов, имперского наследия, постколониализма, американской глобализации), факт обогащения экономики и культуры от взаимодействия с другими культурами, ориентирована на США, Европу, Содружество. Признание разнообразия, однако, не означает полного его принятия, и данные процессы сопряжены со многими трудностями, в то числе и в отношении политики мультикультурализма. Модель противоположна концепции Малой Англии с ее «Англией для англичан», и отчасти перекликается с концепцией Британской Англии, но ее существенная особенность состоит в том, что она ориентирована на настоящее и будущее, а также в ее рамках Англия говорит от собственного имени, открыто признает факт доминирования англичан в Британии.

Эта конструкция предлагает альтернативный взгляд на английскость как идентичность плюралистичную, открытую для представителей различных этнических групп, социального, регионального и культурного происхождения (конструктивистское, мультикультурное понимание идентичности). Идентичность как «правильный котел» идентичностей людей, живущих в век глобальной миграции, капитализма, разрыва традиционных систем отношений и ценностей, постиндустриализма, постколониализма, испытавших на себе последствия века варварских набегов, географических открытий, империи, колониализма, евроинтеграции и т.д.

Среди исследователей существуют разные оценки концепции Мультикультурной Англии. Например, Дж. Эдмундс и Б. Тернер считают, что с данным «типом» английскости идентифицирует себя в основном «послевоенное поколение женщин высшего света».⁴⁸⁸ Такого рода национализм, по их мнению, неопасен ввиду своей открытости (например, по отношению к шотландскому и валлийскому национализмам), космополитичности (открытости по отношению к ЕС), ироничности (осведомленность о конструируемости и изменчивости иден-

⁴⁸⁶Bryant 2010. P. 190.

⁴⁸⁷Wright 2006. P. 16.

⁴⁸⁸Edmunds, Turner 2001. P. 83.

тичности), феминности и пацифистского характера, креативности (вынуждены приспособлять английскость к новым реалиям).⁴⁸⁹

Ж. Куртис и Э. Хет на основании социологических опросов, по которым большинство английского населения спокойно восприняло шотландскую и валлийскую деволюции, утверждают, что космополитичность и открытость английскости — ее естественная черта.⁴⁹⁰ Черта эта проявляется также в огромном количестве на территории Англии иностранных компаний, ресторанов, магазинов, в поп-культуре (теле-визионной, музыкальной и т.д.), кухне (наиболее популярной кухней среди англичан является не английская, а индийская, тайская, китай-ская и пр.), в организации быта (душ вместо ванн, смесители вместо раздельных кранов), спорте (в клубах Англии играют игроки из разных стран) и т.д.

Современная концепция Мультикультурной Англии дает более сложные ответы и на вызовы иммиграции. Р. Виндер в своей работе «Проклятые иностранцы» пишет о том, что на протяжении истории жители Англии получали множество преимуществ от иммиграции (французские гугеноты, немцы, евреи, итальянцы, ирландцы, китайцы, поляки, индийцы, пакистанцы, бенгальцы, западные африканцы, американцы и др.), обогащавшей их экономику, культуру и политику.⁴⁹¹

Участники дискурса указывают на ограничения модели. В частности, в пределах Мультикультурной Англии (говоря словами Б. Пареха, этого «сообщества сообществ»)⁴⁹² каждый обязан владеть основами английской культуры (англичане владеть основами индийской культуры, например, не обязаны). Брайант пишет также о сложности мультикультурализма как идеологии, требующей взаимной ассимиляции («мы» должны стать такими, как «они») и самобытности («мы» ничего не можем сделать с «ними»), что в реальных условиях трудно достижимо.⁴⁹³

На наш взгляд, концепция космополитичной Англии является в той же мере утопией, как и все остальные, в первую очередь из-за того, что она может аккумулировать больше различий, чем может усвоить, и больше сообществ, чем умений жить вместе. Наряду с открытостью по отношению к другим, данная концепция невнимательна к собственно английскому населению и его культурным ценностям и традициям (поэтому существуют обширные группы «этнических» англичан, выступающих против такого рода культурной «косилки»).

⁴⁸⁹Edmunds, Turner 2001. P. 93.

⁴⁹⁰См. Curtice, Heath 2000.

⁴⁹¹Winder 2004.

⁴⁹²Parekh 2000.

⁴⁹³Bryant 2010. P. 193.

Таким образом, говорить о некоей единой английской идентичности даже в самом общем виде, безусловно, невозможно. Однако существование разных пониманий английскости оттеняет идентичность во времени и пространстве и может служить дополнительным преимуществом в любого рода культурных и политических конкуренциях.

Список источников и литературы

- Головнёв 2009** — Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). — Екатеринбург, 2009.
- Интервью с Дж. Грэхэмом 2011** — Интервью со священником Собора Дарема и историком англиканской церкви Дж. Грэхэмом. Дарем. 07.09.2011.
- ПМА 1** — Полевые материалы экспедиции автора в Сандерленд (Sunderland), центр административного района Сити-оф-Сандерленд, графство Тайн и Уир, регион Северо-Восточная Англия, июнь 2010 г. (информанты: А. Верндли) // архив сектора этноистории Института истории и археологии Уральско-го отделения Российской академии наук — Англия 2010. АФ.1. П.1.
- Anderson 2000** — Anderson H. Menhaden Chanteys: An African American Maritime Legacy // Marine Notes. 2000. No 18 (1). Jan.-Feb. — P. 39-88.
- Ashley 2006** — Ashley P. Unmitigated England: A Country Lost and Found. — L., 2006.
- Aslet 1997** — Aslet C. Anyone for England: A Search for British Identity. — L., 1997.
- Bates 206** — Bates S. A Church at War: Anglicans and Homosexuality. — L., 2006.
- Bede, The Venerable 2004** — Bede, The Venerable. The Ecclesiastical History of the English People / J. McClure, R. Collins (eds.). — Oxford; N.-Y., 1994.
- Blake 1927** — Blake W. Blake`s Poems and Prophecies. — L., 1927.
- Bracewell 1998** — Bracewell M. England is Mine: Pop Life in Albion from Wilde to Goldie. — L., 1998.
- Brooks 2012** — Brooks X. London 2012 Olympics Opening Ceremony — as It Happened // The Guardian. 2012, 27 July. URL: <http://www.guardian.co.uk/sport/london-2012-olympics-blog/2012/jul/27/london-2012-olympics-opening-ceremony-> (дата обращения: 20.08.2016).
- Bryant 2010** — Bryant C. The Nations of Britain. — Oxford, 2010.

- Cohen 2000** — Cohen R. The Incredible Vagueness of Being British/English // *International Affairs*. 2000. Vol. 76. № 3. July. — P. 575–582.
- Colley 2003** — Colley L. Britons. Forging the Nation. 1707-1837. — L., 2003.
- Colls 2002** — Colls R. The Identity of England. — Oxford, 2002.
- Crick 1991** — Crick B. The English and the British // *National Identities: the Constitution of the United Kingdom* / B. Crick (ed.). — Oxford, 1991. — P. 90–104.
- Curtice 2000** — Curtice J., Heath A. Is the English Lion about to Roar? Nation Identity after Devolution // *British Social Attitudes, 17th Report: Focusing on Diversity* / Jowell et al. (eds.). — L., 2000. — P. 155-174.
- Davies 1999** — Davies N. The Isles: a History. — L., 1999.
- Davies 2000** — Davies R.R. The First English Empire: Power and Identities in the British Isles 1093-1343 / R.R. Davies. — Oxford, 2000.
- De-la-Noy 1993** — De-la-Noy M. The Church of England: A Portrait. L., 1993.
- Doerflinger 1990** — Doerflinger W.M. Songs of the Sailor and Lumberman. — L., 1990.
- Edemarian 2004** — Edemarian A. The Guardian Profile: Alan Bennet // *The Guardian*. 2004, 14 May. — P. 13.
- Edmunds, Turner 2001** — Edmunds J., Turner B.S. The Re-invention of a National Identity? Women and —Cosmopolitan Englishness // *Ethnicities*. 2001. Vol. 1. No 1. — P. 83–108.
- Elton 1999** — Elton G. The English (The Peoples of Europe). Oxford, 1999.
- England, a Nation 1904** — England, a Nation: Being the Papers of the Patriots' Club / L. Oldershaw (ed.). — L., 1904.
- Ferguson 2004** — Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World / N. Ferguson. — L., 2004.
- Fox 2005** — Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. — L., 2005.
- Fry 2001** — Fry M. The Scottish Empire. — Phantassie, East Lothian; Edinburgh, 2001.
- Giles, Middleton 1995** — Giles J., Middleton T. Writing Englishness 1900-1950: An Introductory Sourcebook on National Identity. — L., N.-Y., 1995.
- Gott 1989** — Gott R. Little Englanders // *Patriotism: the Making and Un-making of British National Identity* / R. Samuel (ed.). — L., 1989. — P. 90–102.

- Green, Taylor 1989** — Green E., Taylor M. *Further Thoughts on Little Englandism // Patriotism: the Making and Unmaking of British National Identity* / R. Samuel (ed.). — L., 1989. — P.103–109.
- Hobbes 2008** — Hobbes N. *England: 1000 Things You Need to Know*. — L., 2008.
- Hugill 1961** — Hugill S. *Shanties from the Seven Seas: Shipboard Work-songs and Songs Used as Work-songs from the Great Days of Sail*. — L., 1961.
- Irwin 2005** — Irwin C. *In Search of Albion: From Cornwall to Cumbria: A Ride Through England's Hidden Soul*. — L., 2005.
- Kearney 1989** — Kearney H. *The British Isles: A History of Four Nations*. — Cambridge, 1989.
- Kingsnorth 2008** — Kingsnorth P. *Real England: The Battle Against the Bland*. — L., 2008.
- Kumar 2000** — Kumar K. *Nation and Empire: English and British national Identity in Comparative Perspective // Theory and Society*. Vol. 29, 2000. — P. 575–608.
- Kumar 2003** — Kumar K. *The Making of English National Identity*. — Cambridge, 2003.
- Langlands 1999** — Langlands R. *Britishness or Englishness? The Historical Problem of National Identity in Britain // Nations and Nationalism*. 1999. Vol. 5. No 1. — P. 53–69.
- Maconie 2008** — Maconie S. *Pies and Prejudice: In search of the North*. L., 2008.
- Mander 1963** — Mander R. *Great Britain or Little England? Harmondsworth: Penguin*, 1963.
- Matless 1998** — Matless D. *Landscape and Englishness*. — L., 1998.
- Medhurst 1988** — Medhurst K., Moyser G. *Church and Politics in a Secular Age*. — Oxford, 1988.
- Milsted 2001** — Milsted D. *Brewer's Anthology of England and English*. — L., 2001.
- Moody 2011** — Moody P., Turner R. *The Search for the Perfect Pub: Looking For the Moon Under Water*. — Sussex, 2011.
- Moorcock 1987** — Moorcock M. *Wizardry and Wild Romance: A Study of Epic Fantasy*. — Great Britain, 1987.
- Musgrove 1990** — Musgrove F. *The North of England. A History from Roman Times to the Present*. — Oxford, 1990.
- Nairn 1977** — Nairn T. *The Break-up of Britain*. — L., 1977.
- Osmond 1988** — Osmond J. *The Divided Kingdom*. — L., 1988.
- Parekh 2000** — Parekh B. *Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. — Cambridge, Mass., 2000.
- Paxman 1998** — Paxman J. *The English. A portrait of a people*. — L., 1998.

- Schama 2006** — Schama S. A History of Britain. The Complete BBC Series. —L., 2006.
- Sternhell 1972** — Sternhell Z. Maurice Barrès et le Nationalisme Français. — Bruxelles, 1972.
- Taylor 1957** — Taylor A.J.P. The Trouble Makers: Dissent over Foreign Policy 1792-1939. — L., 1957.
- Taylor 1991** — Taylor P.J. The English and Their Englishness: —a Curiously Mysterious, Elusive and Little Understood People // Scottish Geographical Magazine. 1991. No3. Vol.107. — P. 146-161.
- The Character of England 1947** — The Character of England / E. Barker (ed.). — Oxford, 1947.
- The Expansion of England 1996** — The Expansion of England: Race, Ethnicity and Cultural History / B. Schwarz (ed.). — L., 1996.
- Weight 2002** — Weight R. Patriots: National Identity in Britain 1940-2000. — L., 2002.
- Wellings 2002** — Wellings B. Empire-nation: National and Imperial Discourses in England // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8. No.1. — P. 95–109.
- Wiener 2004** — Wiener M.J. English Culture and the Decline of the Industrial Spirit, 1850-1980. — Cambridge, 2004.
- Winder 2004** — Winder R. Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain. — L., 2004.
- Wood 1999** — Wood M. In Search of England: Journeys into the English Past. — L., 1999.
- Wright 2006** — Wright P. Little England // London Review of Books. 2006. Vol. 28. No. 17 (Sep.). — P. 19–22.

Dina N. Karavaeva

**“THE PAST MAKES THE PERFECT PRESENT”, OR
CATEGORIZATION OF CONTEMPORARY ENGLISHNESS**

This article presents the results of the research devoted to historical and anthropological study of the Englishness discourse in its national, ethnic and regional projections (Britishness, Englishness, Northernness). Author writes about main concepts of the contemporary English identity, developing within the South-Eastern discourse. The paper is based on the different source as historiography, media, literature etc., and also author field materials from the ethnographic expeditions 200-2015.

Key words: England, Englishness, Britishness, contemporary Britain, national/ethnic identity, identity models.

ВОКРУГ ОДНОГО ПОРТРЕТА

Статья написана потомком помощника военного хирурга 36-го линейного полка Великой армии Наполеона Ж.-Б. Брюггемана, отбывавшего в 1813-1814 гг. плен в г. Бирске Оренбургской губернии. В основу текста положена бытовавшая в семье история о портрете Ж.-Б. Брюггемана, написанном, по легенде, некоей русской княгиней, женой оренбургского губернатора. Автор делает попытку реконструировать жизнь и военную карьеру Ж.-Б. Брюггемана, происходившего из рода потомственных хирургов бельгийской провинции. Получив классическое образование в Латинской школе, он поступил в Медицинскую школу в Брюсселе и в январе 1808 г. начал службу во 2-м Обсервационном корпусе Жиронды. Будучи переведен в феврале 1809 г. в 36-й полк линейной пехоты, он принял участие в Португальской и Испанской кампаниях. Благодаря мемуарам его однополчанина су-лейтенанта Ж. Белэ, удалось реконструировать обстоятельства пребывания Брюггемана в плену, прежде всего, в Оренбургской губернии. Белэ, в частности, привел историю о спасении Брюггеманом тяжело заболевшего сына оренбургского губернатора и о написании женой последнего портрета французского хирурга.

Исследования современных историков позволили Н. Кёлеманс значительно углубить представления о жизни французских военнопленных на Южном Урале и внести существенные коррективы в обстоятельства написания портрета. Написавшая портрет дама, по-видимому, была женой оренбургского гражданского губернатора М.А. Наврозова.

Несмотря на то, что автор статьи вынуждена согласиться с большинством выводов современных исследователей, обратившихся к мемуарам Белэ и анализу портрета, она, тем не менее, пытается примирить эти выводы с легендарными романтическими сведениями, воспроизводившимися потомками военного хирурга в течении 200 лет. В целом, материал статьи помогает не только реконструировать обстоятельства пребывания в плену офицеров армии Наполеона, но и зримо увидеть связь, сохраняющуюся почти два века между жизнью Южного Урала начала XIX столетия и памятью потомков плененных в 1812 г. французов.

Ключевые слова: эпоха Наполеоновских войн; военнопленные армии Наполеона; Оренбургская губерния в эпоху Наполеоновских войн; историческая память о Наполеоновских войнах.

Перевод и редакция д.и.н. В.Н. Земцова

Кёлеманс Николь, потомок Ж.-Б. Брюггемана, выпускник факультета культурологи Открытого университета Нидерландов, путешественница, писатель (г. Хален, Нидерланды)

Ceulemans Nicole, a descendant of J.-B. Bruggeman, a graduate of the faculty of cultural studies at the Open University of the Netherlands, traveler, writer (Halen, Netherlands)

E-mail: Nicole@schuermans.net

Легендарный, окутанный тайной, портрет, написанный русской княгиней, «прекрасной как дневной свет», является единственным свидетелем пребывания Жана-Батиста Брюггемана в русском плену.

Предлагаемый текст написан вслед за статьей, опубликованной в журнале «Tradition Magazine»⁴⁹⁵ и вызвавшей отклики специалистов из военной и исторической сфер, которые указали на необходимость технической и иконографической экспертизы портрета. Результаты этих исследований значительно скорректировали суждения, бытовавшие на протяжении двух столетий.

Один из потомков Ж.-Б. Брюггемана рассказывал так: «Однажды вечером можно было увидеть, как некто, босиком и в обветшавшем мундире, пересекает Гранд-плас городка Тюрнхаута⁴⁹⁶, неся под мышкой скатанным в рулон свой собственный портрет, написанный русской княгиней». Этот рассказ передавался из поколения в поколение и не утрачивал впечатления подлинности, за исключением разве что босых ног. Считалось, что этот человек погиб, но вот он вновь появился после четырех лет отсутствия. Маловероятно, что возможно найти еще какую-то информацию, помимо той, которая уже известна, об этом фрагменте жизни военного хирурга, оказавшегося в русском плену. Но очевидно, что исследование портрета поставит вопросы, на которые однажды все же можно будет найти ответы в российских архивах и в публикациях, посвященных французским военнопленным⁴⁹⁷.

Жан-Батист Брюггеман, представленный на этом портрете, родился 15 августа 1787 г. в небольшом городке Мол области Кемпен в Бельгии, находившемся вначале в австрийских владениях, а затем – французских (департамент Дё-Нет⁴⁹⁸). В роду он был четвертым, кто принадлежал к профессии, представителей которых не очень внятно называли «хирургами». Причем все четверо имели одно и то же имя. Первый из них родился в Генте в 1689 г. Следующий Жан-Батист так-

Автор выражает сердечную благодарность старшему научному сотруднику Бородинского военно-исторического музея-заповедника к.и.н. С.Н. Хомченко за квалифицированную помощь в выяснении обстоятельств пребывания Ж.-Б. Брюггемана в России и в атрибуции его портрета.

⁴⁹⁵ Tradition 2013

⁴⁹⁶ Тюрнхаут (Turnhout) (Тюрну, Тюрнгоут), город и коммуна в Бельгии, на севере провинции Антверпен, неподалёку от границы с Нидерландами (Примеч. ред.)

⁴⁹⁷ Российские и французские историки проделали значительную работу по исследованию вопросов, связанных с темой военнопленных армии Наполеона. В наиболее полном виде эти материалы представлены в кн.: Военнопленные 2012. О пребывании военнопленных на Урале см.: Хомченко 2007; Хомченко 2009; Земцов 2008; Земцов 2012; Земцов 2013. (Примеч. ред.)

⁴⁹⁸ Дё-Нет (Deux-Nèthes) – название одного из департаментов, существовавших в период Первой республики и Первой империи на территории нынешних Бельгии и Нидерландов. По названию двух рукавов реки Нете (Примеч. Ред.)

же родился в Генте в 1725 г., отец нашего героя – в 1756 г. в Вестерло (Westerlo). Первоначально он практиковал в Вестерло и Моле, прежде чем поселиться, скорее всего, в 1794 г., в Тюрнхауте. Здесь он практиковал как хирург-акушер и умер 7 июня 1819 г.

Перенесемся сейчас в 16 января 1815 г. Вечером того дня несколько горожан, членов «Литературного общества», собрались в доме на Гранд-плас в Тюнхауте. Там были нотариус, врач и несколько других достойных горожан. Они играли в карты и наслаждались бокалом... вина? Бордо? Бургундского? Или просто доброй пинтой пива? Они читали газеты, которые Общество получало регулярно, и обсуждали последние новости... Как вдруг неожиданно тишина этого вечера была нарушена. Появился некто, который что-то сказал на ухо Жану-Батисту Брюггеману-отцу. Со всем подобающим уважением к возрасту достойного доктора ему было сообщено, что дома его ждет сын, дабы поцеловать. Считалось, что сын погиб во время кампании в России в 1812 году, и его имя исключили из реестра военных чинов с пометкой «погибший» (décédé). Но вот он вернулся. Дом находился в двух шагах от Госпитальной улицы. Радость была великой. Во все последующие дни ему уготован был королевский прием, весь город Тюрнгаут сбежался. Никто уж не верил в то, что он возвратится, и вот теперь все хотели его увидеть.

Его карьера

Молодой Жан Брюггеман, вероятно, получил классическое образование в Латинской школе (l'École latine), которая одно время называлась еще Центральной школой (l'École centrale). Архивы городов Мол, Вестерло и Тюрнхаута ничего не сообщают нам об этом отрезке его жизни. Известно только, что он провел почти четыре года, с 15 апреля 1804 г. по 8 января 1808 г. в Медицинской школе (l'École Médecine) в Брюсселе. Эта школа была частной и была создана, дабы заполнить брешь, возникшую после закрытия университета в Левене. Многие студенты-медики не могли позволить себе обучаться в университетах Парижа, Монпелье, Страсбурга, Турина, Майнца и Генуи. Но школа в Брюсселе не могла выдавать никакого документа, кроме свидетельства об учебе.

Его карьера военного началась 6 января 1808 г. в качестве «волонтера» и назначения помощником хирурга во 2-й Обсервационный корпус Жиронды⁴⁹⁹. Хотя он и был «волонтером», но был записан в документах как конскрипт 1807 г. из-за слепоты на левый глаз. Кто-нибудь другой наверняка в связи с последним обстоятельством был бы рад не участвовать в войне. Но он был молод и только что закончил

⁴⁹⁹ Данные о службе Ж.-Б. Брюггемана см.: Service Historique de la Défense; Archives de la ville.

учебу в Брюсселе, и его, несомненно, привлекала возможность как можно скорее погрузиться в хирургическую практику, а кроме того, явно был увлечен обаянием наполеоновской славы и стремился кключениям и путешествиям. В любом случае, его решение имело бóльшие последствия, чем он мог ожидать. 23 февраля 1809 г. он переходит в 36-й полк линейной пехоты и, даже если он и «волонтер», все равно он значится в числе конскриптов и, следовательно, должен подчиняться военной дисциплине. Его военная карьера продолжалась 7 лет. Поиски, предпринятые в архивах Бельгии и Франции, и по сей день не позволяют сказать что-либо еще о его жизни помощника хирурга в Испании и в Португалии. Известно только, что возвращение из Португалии стало отправной точкой его участия в кампании в России.

Его плен в России

История с портретом, которую рассказал Белэ⁵⁰⁰, произошла во время пребывания в плену после событий на Березине и долгого марша до Бирска, куда они с Брюггеманом пришли 15 декабря 1813 г. Жан Брюггеман не оставил никаких письменных свидетельств ни о трех кампаниях, в которых участвовал, ни о двух годах плена. Не ясно, что бы он хотел рассказать. Однако он привез из России, держа под мышкой, свой портрет, «написанный русской княгиней», и который все последующие годы хранился у его потомков в Антверпене. На этом портрете, написанном маслом, он изображен в форме офицера медицинской службы Великой армии. О чем говорит портрет? Как объяснить тот исключительный факт, что этот холст прошел через все злоключения, о которых нам известно, и как он смог сохраниться, в то время как единственной заботой должно было бы быть спасение своей жизни? Может это было сладким воспоминанием о нескольких моментах мира и счастья?

Оноре-Филипп Белэ, его товарищ во время кампании и плена в России, вел журнал, который он «поправил» в 1849 г. Его внук Жозеф Белэ, в свою очередь, нашел этот текст и дополнил его, включив сюжеты, полученные от семьи Брюггемана, а затем опубликовал в 1907 г. под названием «Мемуары гренадера Великой армии»⁵⁰¹. Это и есть та книга, благодаря которой родилась легенда о портрете и княгине. Кто еще, как не Белэ мог сообщить нам об этом?

⁵⁰⁰ Белэ (Beulay) Оноре, де. (1789 – 1862), в 1812 г. старший сержант 36-го полка линейной пехоты, затем адъютант 4-го батальона в составе временного полка 12-й пехотной дивизии Великой армии. В ноябре 1812 г. произведен в су-лейтенанты, но производство не было оформлено должным образом. Пленен при Березине и был отправлен в Оренбургскую губернию. Известный мемуарист. Анализ мемуаров Белэ выявил многочисленные фактологические ошибки. (Примеч. ред.)

⁵⁰¹ Beulay 1907. Мемуары Белэ частично опубликованы на русском: Белэ 2012.

Рассказ Белэ, одновременно и реалистичный, и очень человеческий, отразил в себе восхищение рассказчика доктором Брюггеманом, испытываемые к нему дружеские чувства. Но это выразилось и через стремление к некоторому литературному приукрашиванию. Благодаря работе русских историков, занимающихся исследованием судеб военнопленных 1812 года в России, рассказ оказался удачно дополнен новыми данными.

Два пребывания в Уфе

Брюггеман дважды жил у княгини, жены князя, который был губернатором и жил в Уфе, где пребывала администрация Оренбургской губернии⁵⁰². Первое пребывание было особенно запоминающимся. Белэ говорит, что однажды, в то время как он находился в Бирске в 96 км от Уфы, Брюггеман был срочно вызван Его превосходительством князем, чей единственный сын был тяжело болен, и спасти которого местные врачи уже не надеялись. Тогда Брюггеман, благодаря своей интуиции врача, смог сразу диагностировать его недуг. Так как причина болезни была определена, результаты лечения сказались быстро⁵⁰³. Этим обстоятельством частью и объяснялась причина появления того ореола, который появился вокруг Брюггемана. Белэ не называет даты, но это произошло за несколько месяцев перед тем, как был покинут Бирск.

Второе пребывание в Уфе имело место в то время, когда Белэ и Брюггеман и освобожденные из плена французы отправились в дорогу по направлению к Риге, где они должны были сесть на корабли и добраться до Франции. Но Белэ и Брюггеман решили покинуть колонну военнопленных и направились в Уфу в надежде получить от князя, бывшего губернатором, *подорожную*, благодаря которой можно было бы достичь Риги особенно быстро, и которая давала право получать лошадей на всех почтовых станциях. Расчет оказался неверным, потому что князь был в отъезде, и они должны были ждать его месяц, а кроме того, сделать крюк в 650 км, из-за чего они добрались до Риги с большим опозданием, когда фрегаты уже подняли якоря.

Белэ писал о замечательных условиях, в которых два француза пребывали в Уфе, с таким энтузиазмом, что, несмотря на свою оговорку «мой друг доктор», он не смог скрыть нотку зависти, когда описывал отношения Брюггемана с княгиней: «Величаявая и стройная молодая женщина, грациозный силуэт которой возник в освещенном солн-

⁵⁰² Как установили российские исследователи, речь скорее всего должна идти не о военном губернаторе князе С.Г. Волконском и его семье, а о гражданском губернаторе (с 1811 г.) Матвее Андреевиче Наврозове (род. ок. 1768 г.), статском советнике, титула не имевшем (См.: Военнопленные 2012: 336-337. Примеч. 115). (Примеч. ред.).

⁵⁰³ Это описано по кн.: Veulay 1907: 157. (Примеч. ред.).

цем дверном проеме, поднималась по ступеням крыльца, держа за руку прелестного маленького мальчика. <...> Попробуйте-ка оказать сопротивление женщине, прекрасной как день, и тем более княгине...»⁵⁰⁴. Брюггеман не спешил уезжать, потому что, как он сказал Белэ, что если бы он был один, то может быть поддался бы увлечению и остался бы как можно дольше в Уфе.

⁵⁰⁴ Перевод сделан по кн.: Военнопленные 2012: 288-289.

Портрет

Вглядимся в портрет, который находится в Антверпене. Картина искусно написана, ее холст и краски великолепны; ни время, ни обстоятельства на ней не сказались, и можно только восхищаться искусством княгини. Холст позволяет рассчитать время, которое затратил на него художник, а, следовательно, время, которое Брюггеман был в Уфе у княгини. Картина написана маслом такого качества, что необходимо было потратить много времени для того чтобы, помимо создания эскиза, наложить краски, и самое главное – ждать, чтобы они, слой за слоем, высохли. Портрет написан в реалистической манере, что подтверждает хотя бы тем, что княгиня не упустила ни малейшей детали, начиная с изображения лица Брюггемана. Левый глаз выглядит так, как будто он плохо видит. Казалось бы, что княгиня допустила какую-то оплошность. Но нет, она не сделала ляпа, наоборот. Согласно версии, которая бытовала в семье, он потерял глаз в результате раны, полученной во время войны в Испании. Версия романтическая: герой войны, сражавшийся за правое дело! Другая версия, представленная в еженедельнике «*Pouiquoi pas?*»), уже менее героическая. Публикация утверждает, что это произошло вследствие острого глазного воспаления, и он 22 сентября 1810 г., находясь в Мадриде, потерял зрение на левый глаз. По свидетельству Брюггемана-отца, сделанном им 8 января 1807 г., причина утраты глаза выглядит еще более прозаической. Он сказал, что у его сына «катаракта на одном из глаз вследствие болезни, которой он переболел в возрасте трех лет, и по причине которой глаз не видит». Несмотря на то, что это заявление и объясняет причину увечья, ничто не мешает полагать, что позже произошло и острое воспаление глаза.

Магия живописи

Живопись сохранила яркие цвета униформы, и даже после месяцев сражений и тяжелых испытаний мундир выглядит совершенно новым. Два полных ряда пуговиц – ведь живопись чудесным образом могла восполнить отсутствующие пуговицы. Княгиня передала детали: воротник украшен золотыми пальмовыми ветвями, а на кивере – украшения медицинской службы линейных частей, наконец, хирурги времен Империи не имели права носить офицерские эполеты, но имели шпагу. На корешке одной из книг, уложенных стопкой, вертикально (без сомнения, из-за отсутствия места) написано название научного медицинского сочинения «*Nosologie chirurgicale*»⁵⁰⁵. Перстень с драгоценными камнями не мог быть частью экипировки военного хирурга.

⁵⁰⁵ *Nosologie chirurgicale* – «Хирургическая нозология» (лат.). Нозология - наука о названиях и классификации болезней. (Примеч. ред.)

Могла ли княгиня подарить ему этот перстень за услуги или же просто изобразила его на портрете «для красоты»?

Всё усложняется

Награда, видная на портрете, изображена, вероятно, не княгиней, поскольку Брюггеман покинул Уфу в сентябре 1814 г. и к этому времени еще не имел этой награды. Но он мог сказать, что 14 ноября 1812 г., за несколько дней до Березины, был представлен в приказе на день маршалом Виктором⁵⁰⁶, командовавшем 9-м армейским корпусом, и что по этой причине он имел право позднее надеть эту награду. Но нет, наиболее вероятным является следующее объяснение. Награда, скорее всего, добавлена в ходе реставрации полотна. Это, без сомнения, знак отличия Лилии⁵⁰⁷, полученный в ноябре 1814 г. в Тильзите. Позже, 27 апреля 1858 г., он получил медаль Святой Елены⁵⁰⁸.

Брюггеман оделся по особому случаю, например, для парада, хотя в общем портрет хорошо соотносится с описанием Белэ: «Это был добрый и хороший парень, открытый и энергичный. <...> Свою форму он носил элегантно. Его чувственный рот выдавал вкус к хорошим вещам. Лишь одна деталь немного нарушала гармонию этого в высшей степени симпатичного лица: на левом глазу было бельмо – результат участия в Испанской кампании; впрочем, несмотря на это, взгляд его был настолько выразительным, что этот изъян не привлекал внимания»⁵⁰⁹. Белэ заканчивает это описание, говоря, что «княгиня [которая] обладала довольно значительным талантом художника, принялась за портрет моего друга Брюггемана. Она справилась великолепно»⁵¹⁰.

Легенда распадается

Приведенное мною описание портрета сделано на основе той традиции, которая сохранялась в семье долгие годы, вплоть до того времени, когда историки начали высказывать свои замечания. В публикации, сделанной в журнале «Tradition Magazine», я не претендовала на то, чтобы дать реальный образ помощника хирурга Брюггемана, но я хотела привлечь внимание к одному из аспектов жизни военноплен-

⁵⁰⁶ Виктор (Виктор Перрен) (Victor Perrin), Клод-Виктор (1764-1841), маршал Франции, герцог де Беллуно. В 1812 г. командовал 9-м армейским корпусом Великой армии (Примеч. ред.).

⁵⁰⁷ Знак отличия Лилии или Орден Лилии (фр. Décoration du Lys или Ordre du Lys) – почётный знак отличия, учреждённый во Франции вскоре после реставрации Бурбонов в 1814 г. (Примеч. ред.).

⁵⁰⁸ Медаль Св. Елены, медаль, учрежденная в 1857 г. Наполеоном III для награждения, прежде всего, бывших солдат Первой империи. (Примеч. ред.).

⁵⁰⁹ Veulay 1907: 127. Перевод сделан по кн.: Военнопленные 2012: 270.

⁵¹⁰ Veulay 1907: 169-170.

ного французского хирурга в конце кампании в России. Многие из военных оказались в подобной ситуации. Но история с портретом уникальна.

Три года отделяют нас от той статьи, после публикации которой многое пришлось пересмотреть; и теперь у меня остается не слишком-то романтичный взгляд на легенду о портрете и княгине. Я не могла себе представить, что легенда столь легко может распасться.

Благодаря результатам работы французских и русских историков мы оказались ближе к истине в отношении истории с княгиней и ее произведением. Согласно Белэ, княгиня была женой князя и губерна-тора, в то время как в действительности речь должна идти о гражданском губернаторе, находившемся в Уфе, а следовательно, снимается вопрос и о титуле «княгини». Оригинальный холст, на котором в Рос-сии был написан портрет, скорее всего, пострадал во время возвраще-ния на родину, и должен был быть отреставрирован. К изображению на нем добавили награду, изменили номер полка, который значился на пуговицах (35-й вместо 36-го, как было первоначально), и, может быть, дописали перстень и книги. Позже портрет еще подновлялся, последний раз – после 1947 г.

Остается только уверенность в том, что Брюггеман вернулся к своей семье в январе 1815 г., и в его багаже был портрет, написанный дамой, занимавшей в России высокое положение. Несмотря на все открытия исследователей, легенда о княгине, «прекрасной как день», остается жива.

Список источников и литературы

- Белэ 2012** – Белэ О., де. Воспоминания гренадера Великой армии: 1806-1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012 // Военнопленные армии Наполеона в России. С. 225-340.
- Военнопленные 2012** – Военнопленные армии Наполеона в России: 1806-1814: Мемуары. Исследования / отв. сост. Б.П. Миловидов. СПб.: Крига, 2012.
- Земцов 2008** – Земцов В.Н. Необычайные и удивительные приключения Робера Гийемара, сержанта 9-го линейного полка, или пленные французы в уральской глуши в 1812-1814 гг.// Уральский исторический вестник. – 2008. – №1(18).С.116-125.
- Земцов 2012** – Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на Урале в 1812-1814 гг. // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2012. № 3 (41). С. 68-81.

- Земцов 2013** – Земцов В.Н. Военнопленные армии Наполеона на уральских заводах, или история о том, как русские дважды наступили на одни и те же грабли // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 101-114.
- Хомченко 2007** – Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Поволжье и Приуралье в 1812-1814 гг. Дис... канд. ист. наук. Самара, 2007.
- Хомченко 2009** – Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2009.
- Archives de la ville** – Archives de la ville de Turnhout (Belgique). Registre de Milice. Notice 11 avril 1815 : Jean Baptiste Bruggeman aide major au 35e RLa exhibé sa licence de Le Mans le 22 mars 1815 par le conseil d'administration du 35e RIL étant conscrit de 1807. signé : JB Bruggeman.
- Beulay 1907** – Beulay H.-Ph. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris : Honoré Champion, 1907.
- Service Historique de la Défense** – Service Historique de la Défense, Vincennes 3 Yg - 5418 dossier Jean-Baptiste Bruggeman. Officier de santé. Concerne uniquement les années 1808-1811.
- Tradition 2013** – Tradition Magazine. N 265. Janvier/Février 2013.

Nicole Ceulemans

AROUND ONE PORTRAIT

The article is written by a descendant of the assistant military surgeon of the 36th line regiment of the Grande Armée of Napoleon J.-B. Bruggeman stayed in 1813-1814 as a prisoner in the city of Birk of the Orenburg province. The text is based on the existed in the family the story of the portrait of Jean-Baptiste Bruggeman painted, according to legend, a certain Russian Princess, wife of the Governor of Orenburg. The author makes an attempt to reconstruct the life and military career of J.-B. Bruggeman descended from the hereditary surgeons of the Belgian province. Having received a classical education at the Latin school, he enrolled in Medical school in Brussels and in January 1808 he began his service in the 2nd Observation corps of the Gironde. Being transferred in February 1809 in the 36-th regiment of line infantry, he took part in the Portuguese and Spanish campaigns. Through the memoirs of his fellow sous-lieutenant O. de Beulay, managed to reconstruct the circumstances of the stay of Bruggeman in captivity, primarily in the Orenburg province. Beulay, in particular, brought the story of the salvation of Bruggemann seriously ill son of the Governor of Orenburg, and about painted by his wife portrait of French surgeon.

Research of modern historians has allowed N. Ceulemans much to deepen the life of the French prisoners of war in the Southern Urals and to make significant

adjustments to the circumstances of the painting of the portrait. Who wrote the portrait of a lady, apparently, was the wife of the Orenburg civil Governor M. A. Navrozov.

Despite the fact that the author is forced to accept most of the conclusions of modern researchers, who applied to the memoirs of Beulay and analysis of the portrait, she, nevertheless, tries to reconcile these conclusions with the legendary romantic information is reproduced by the descendants of a military surgeon during 200 years. Overall, the article helps not only to reconstruct the circumstances of the captivity of the officers of Napoleon's army, but to visibly see the connection, continuing almost two centuries between the life of the Southern Urals of early nineteenth century and the memory of the descendants of the French prisoners of war in 1812.

Key words: the era of the Napoleonic wars; prisoners of war of Napoleon's army; the Orenburg province in the era of the Napoleonic wars; the historical memory of the Napoleonic wars.

Код ВАК 07.00.03, 07.00.09

Т.А. Косых

ГОРОД НА СЕМИ ХОЛМАХ: ЛИССАБОН В 1808–1813 ГГ. ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ СОЛДАТ⁵¹¹

Статья посвящена реконструкции образов и представлений британских солдат эпохи Наполеоновских войн о Лиссабоне на основании источников личного происхождения: писем, дневниковых записей и воспоминаний. Рассматриваются проблемы взаимоотношения британцев и местных жителей, аспекты повседневной жизни британских солдат в Лиссабоне в 1808–1813 гг.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, французская оккупация, Пиренейские войны, Лиссабон в 1808-1813 гг., британская армия в Лиссабоне, образ «другого».

Летом 1811 г. молодой лейтенант Уильям Браге отплыл со своим полком из Плимута в Лиссабон для участия в Пиренейской войне. 29 августа он написал домой отцу первое из сорока писем, освещающих жизнь британских военных в Португалии. Как многие солда-

Косых Татьяна Анатольевна, младший научный сотрудник отдела истории России и археологии института русской культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Россия, г. Екатеринбург, пр.Ленина, 51)

Kosykh Tatiana Anatolyevna, junior research associate of the Department of Russian History and Archaeology of Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620083, Russia, Ekaterinburg, Lenina Avenue, 51)

Телефон/Phone: +7 (343) 350-75-32. Электронная почта/E-mail: kskhtt@gmail.com

⁵¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041)

ты и путешественники до него, он был поражен живописными видами Лиссабона, расположенного на семи холмах. Однако стоило лейтенанту ступить на землю, как «от зловоний и нечистот, выбрасываемых на улицу»⁵¹² он потерял всякое самообладание. Не решившись войти в дом португальцев для первой ночевки, лейтенант нашел прибежище в домашней обстановке, заночевав «на полу в доме англичанина»⁵¹³. Ни в одном из последующих писем Брагге не упоминает о достоинствах города, отмечая лишь его недостатки. И хотя от родной Англии лейтенанта отделяло всего десять дней пути, для британского солдата Лиссабон представлял совершенно иной мир.

Затруднения Брагге были знакомы практически каждому из десятков тысяч британских солдат, прибывавших в Португалию для участия в Пиренейской войне. Многие из солдат делились своими переживаниями посредством писем, дневников и опубликованных воспоминаний. Для большинства солдат это был не только первый военный опыт, но и первое путешествие за пределы Британской империи. Как отмечает американский исследователь Д. Гэвин, «в то время, когда континент был закрыт для традиционных британских туристов, война способствовала путешествиям британцев в качестве солдат. В этом смысле, солдаты Веллингтона были первой волной британских туристов в XIX в.»⁵¹⁴. Эти солдаты путешествовали, жили, сражались и умирали среди испанцев и португальцев. Лиссабон в 1808-1813 гг. стал воротами в Пиренеи и плацдармом для наступления англичан вглубь Испании.

Целью данной статьи является исследование образов и представлений британских солдат эпохи Наполеоновских войн о Лиссабоне на основании источников личного происхождения: писем, дневниковых записей и воспоминаний.

Лиссабон второй половины XVIII в. был наиболее знаменит для европейцев и британцев землетрясением 1755 г., разрушившим большую часть старого города⁵¹⁵. Чуть более полувека спустя вторая большая сейсмическая сила потрясла Лиссабон: армия Наполеона. В ноябре 1807 г. французская армия под командованием генерала А. Жюно, пройдя через испанскую территорию, взяла португальскую столицу. Французская оккупация была, однако, недолгой. Менее чем через год британский экспедиционный отряд Артура Уэлсли высадился на португальском побережье, одержав победу над армией Жюно 21

⁵¹² Bragge 1963: 7.

⁵¹³ Ibid.

⁵¹⁴ Gavin 2009: 462.

⁵¹⁵ Grab 2003: 144.

августа 1808 г. Британцы вступили в Лиссабон под ликование толп местных жителей⁵¹⁶.

С сентября того же года Лиссабон превратился в гарнизонный город и главную базу британской армии. Джордж Фармер, солдат 11-го легкого драгунского полка, вспоминал прибытие в португальскую столицу в 1810 г.: «В Лиссабоне была вечная суета [...] день за днем прибывали корабли, привозя людей, продовольствие и боеприпасы из Англии. Причалы были постоянно переполнены солдатами, матросами и маркитантами»⁵¹⁷. Однако британские солдаты оставались и путешественниками. Опубликованные воспоминания британских солдат часто напоминают путевые заметки, а не дневники военных компаний. Очевидно, что британские солдаты отправлялись на Пиренейский полу-остров не только для того, чтобы сразиться с неприятелем, но и для знакомства с чужеземными мирами и культурами. Одно название ме-муаров Уильяма Грэма «Путешествия через Португалию и Испанию в годы Пиренейской войны»⁵¹⁸ подтверждает это. Британские солдаты прогуливались по улицам Лиссабона не только в роли военных, но и в качестве писателей и путешественников.

Британские солдаты прибывали в Лиссабон морем. В своих мемуарах лейтенант Джон Кук подробно описывает экзотический средиземноморский пейзаж, представший перед ним по прибытии в португальскую столицу: «Мы вошли в сверкающие воды Тежу, вдоль которых раскинулись пурпурные вершины гор, завитки роз, ароматные апельсиновые рощи. Белый город отражался в прозрачных водах, накрытый⁵¹⁹, словно балдахин, лазурным небом и золотистым солнцем».

Положительное впечатление от города сохранялось и по прибытии в порт «Нового Лиссабона», воссозданного из руин после землетрясения 1755 г. Однако очарование португальской столицей с просторными набережными и широкими проспектами исчезает у британских солдат сразу после вступления в «Старый Лиссабон». Художник Роберт Кер Портер, сопровождавший генерала Джона Мура, так описывал город в сентябре 1808 г.: «Лиссабон, при ближайшем рассмотрении, теряет свой белоснежный оттенок; чистота ослепительно белых домов, сверкающих на расстоянии, улетучивается при приближении; ужасно оштукатуренные дома предстают в своих истинных цветах, забрызганные грязью всякого рода»⁵²⁰.

⁵¹⁶ Esdaile 2003: 95–104.

⁵¹⁷ Farmer 2006: 30.

⁵¹⁸ Graham 1820.

⁵¹⁹ Cooke 2000: 71.

⁵²⁰ Porter 1809: 6–7.

Лиссабон предстал перед британскими солдатами как город грязи, болезней и собак, населенный праздными священниками и представителями темнокожей расы. Уильям Уилер дал обзор города и его жителей: «Сколь невежественно суеверными, находящимися под властью духовенства, грязными, отвратительными являются эти бедолаги португальцы. Не увидев их, невозможно представить себе евро-пейский народ, живущий в таком унижении»⁵²¹. Обилие грязи и вы-бросов на улицах вызывали отвращение у британской армии, гордив-шейся поддержанием чистоты и яркости своей формы. «Я никогда не видел места грязнее Лиссабона», – вспоминал шотландский сержант Робертсон⁵²². Любопытно, что борьба против грязи в столице Португалии началась еще в кратковременный период французской оккупации. Например, генерал Жюно издал приказ отстрелять всех собак, найден-ных на улицах после наступления темноты⁵²³. Вслед за французами, британская армия объявила войну лиссабонской грязи. В июле 1811 г. Герцог Веллингтон издал приказ, согласно которому расквартирован-ные в городах и деревнях солдаты должны были подметать улицы, уничтожая грязь с помощью негашеной извести, а также поддерживать в чистоте фонтаны, не допуская их загрязнения местными жителями⁵²⁴.

Неудовольствие британских солдат вызвал климат Лиссабона. Романтические представления о теплой погоде были улетучились по прибытии, когда солдаты столкнулись со зноем и влажностью. Джон Блэкинстон, ветеран Индии, так вспоминает о прибытии в Лиссабон в начале весны: «Хотя был март, погода была настолько жаркой, что я начал представлять себя снова в Индии, особенно когда ночью меня навестили мои старые друзья москиты»⁵²⁵.

Немногие из солдат смогли найти жилье по своему вкусу. Нижние чины были размещены в монастырях Лиссабона, в то время как офицеры и их слуги были расквартированы в гостиницах или частных резиденциях. Джону Уэсткотту, солдату Кэмеронского хайленд-ского полка, предоставили ночлег в церкви Св. Доминика. Священно-служители не выдали горцам ни одеял, ни соломы, заставив их ночевать в холодных коридорах⁵²⁶. Уильяму Брагге было нисколько не лучше на полу в доме англичанина. Он пострадал от блох и клопов настолько, что написал в письме так: «До тех пор, пока я жив, я буду помнить свою первую постель в Португалии»⁵²⁷. С трудом находили места для проживания и высшие чины. Веллингтону постоянно посту-

⁵²¹ Wheeler 1997: 49.

⁵²² Robertson 1842: 45.

⁵²³ Grattan 1902: 4.

⁵²⁴ Dispatches 1852b:192.

⁵²⁵ Blackiston 1829: 79.

⁵²⁶ Цит. по: Gavin 2009: 470

⁵²⁷ Bragge 1963: 7.

пали жалобы из-за нежелания собственников расквартировывать офицеров в своих домах. В письме от 31 декабря 1810 г. Артур Уэлсли писал эсквайру Чарльзу Стюарту: «Я испытываю большие трудности при расквартировании офицеров армии в Лиссабоне»⁵²⁸. Проблема была решена после распоряжения герцога размещать британских офицеров в других городах Португалии.

Британские солдаты часто становились жертвами болезней. Дизентерия и малярия повсюду преследовали англичан, едва прибывших в Португалию и не успевших привыкнуть к незнакомой пище и климату. В частности, Уильям Брагге, всегда беспокоившийся о своем здоровье, прозвал Лиссабон городом мора. В первом из сорока писем он писал, что старается не есть фрукты, дабы избежать диареи – одной из главных бед англичан на новом месте. Во втором письме Брагге уверял, что многие офицеры заболели, поскольку пренебрегли мерами предосторожности, «воображая себя в Англии»⁵²⁹. Он закончил письмо просьбой к отцу выслать ему средство от лихорадки. В каждом из писем Брагге упоминает о своем здоровье. Хотя лейтенанту посчастливилось не заболеть во время пребывания в Лиссабоне, его беспокойство о здоровье, граничащее с паранойей, свидетельствует о реальности угрозы физическому состоянию британских солдат в Лиссабоне.

Британцы с неудовольствием отмечали непохожесть на них местных жителей. Солдаты клеймили всех португальцев ленивыми, грязными, смуглыми и ревностными католиками. По сути, они представляли противоположность британцам – чистым, здоровым, трудолюбивым, добродетельным, белокожим англиканцам. Джордж Фармер определил бедняков Лиссабона как «наиболее ленивых и грязных представителей человеческой расы, с которыми я когда-либо имел знакомство»⁵³⁰. Брагге саркастически писал о «дамах и господах» Лиссабона, не отличавшихся манерами и вежливостью. По его мнению, мало кто из португальцев «может читать, писать, работать или рисовать»⁵³¹. Вместо португальских патриотов, ратующих за освобождение своей страны, британцы обнаружили народ, чьей национальной чертой, как им казалось, является лень.

Нередко в воспоминаниях британцев встречаются и замечания по поводу цвета кожи португальцев. В особенности часто британцы писали, нередко с отчаянием, о большом количестве африканцев в Лиссабоне и в целом в Португалии. В 1810 г. военный капеллан Сэмюэл Брисколл предостерегал свою сестру Мэри: «Вы не должны ожидать, чтобы я послал вам что-нибудь забавное из этой страны готтен-

⁵²⁸ Dispatches 1852a: 489.

⁵²⁹ Bragge 1963: 9.

⁵³⁰ Farmer 2006: 31.

⁵³¹ Bragge 1963: 13.

готов»⁵³². Портер, напротив, попытался романтизировать исторические связи Португалии с Африкой, обращаясь к античности: «Лиссабон мо-жет напомнить вам о Карфагене, где смуглые сыны Африки смешива-лись с таковыми же из Европы»⁵³³. Однако сами африканцы были не-приятны Портеру: «Множество африканцев мы встречаем на каждой шагу, что очень раздражает английский глаз»⁵³⁴. Даже внушительное число разбойников и убийц на улицах ночного Лиссабона казалось британцам следствием этнического многообразия. Рядовой Уильям Грэттен назвал португальцев «головорезами», чьи «темные глаза под-ходят больше ассасинам, а не патриотам»⁵³⁵.

К еще большому сожалению для британцев англиканского вероисповедания Лиссабон был одним из оплотов католицизма. Католические церкви, монастыри и часовни, равно как и монахи, священнослужители и публичные религиозные процессии встречались на каждом шагу. И хотя почти одна треть британской армии состояла из ирландских солдат, остальным засилье католицизма явно было не по душе. «Если вы хотите находиться здесь на дружеских условиях, вы должны быть ирландцем», – писал Уильям Уилер, тем самым демонстрируя очередную преграду в коммуникации между британцами и португальцами. Встречая людей, преклоняющих колени перед религиозными процессиями, Уилер отмечает, что нет ничего более унижительного для любого человека, чем этот обычай. Шотландский солдат Уильям Браун с отвращением упоминает о «толпах странствующих монахов и просящих подавание»⁵³⁶. Некоторые из англичан положительно оценивают французскую оккупацию за ее влияние на католицизм. К примеру, после посещения монастыря иероминитов, Мойл Шерер, британский офицер 34-го пехотного полка, почувствовал себя обязанным армии Наполеона, благодаря которой была ограничена церковная власть, уязвлена монашеская гордость и поблекла тирания священнослужителей⁵³⁷. По сути, враги на поле боя, англичане и французы, здесь были неофициальными союзниками в войне против папизма.

Среди многочисленных критических комментариев довольно легко упустить из виду другой Лиссабон, то и дело упоминающийся в нарративах британцев. В мае 1812 г. майор Эдвард Чарльз Кокс провел неделю в португальской столице. Трагично, что вскоре ему было суждено умереть в Бургосе, однако за одну весеннюю неделю ему удалось

⁵³² Цит. по: Gavin 2009: 474

⁵³³ Porter 1809: 28.

⁵³⁴ Ibid.

⁵³⁵ Grattan 1902: 3.

⁵³⁶ Brown 1829: 89.

⁵³⁷ Sherer 1823: 21–2.

«искупаться в море, наестся клубники и посетить сеньор»⁵³⁸. Прежде чем принять новое назначение в Кэмеронском хайлендском полку, офицер сполна успел отдохнуть и набраться сил в Лиссабоне, несмотря на все упомянутые недостатки города. Многие британские солдаты также использовали время, отпущенное им на проживание в Лиссабоне, чтобы узнать как можно больше об истории города, его архитектуре и достопримечательностях. К примеру, капитан Уильям Стюарт побывал в «известной лиссабонской библиотеке», которая, по его мнению, содержала больше книг, чем он когда-либо видел⁵³⁹. Даже Уильям Брагге отважился посетить долину в Алькантаре, чтобы увидеть «великолепный акведук»⁵⁴⁰.

Если первые впечатления от португальской столицы оставались по преимуществу негативными, то со временем восприятие Лиссабона изменялось. Показателен случай капитана Джонатана Лича. Он с отвращением отзывался о городе в 1809 г., но все-таки вернулся туда спустя два года. В течение пяти дней отпуска он вместе с другим офицером пробыл в одном из отелей Лиссабона⁵⁴¹. Помимо ночлега столица смогла предложить офицерам рестораны, балы, театры и оперу, обеспечив британских военных всем необходимым для кратковременного отдыха.

Прощаясь с Лиссабоном 22 октября 1808 г., капитан Джон Чарлтон сделал заметку в своем журнале: «Я покидаю Лиссабон, пробыв в нем один месяц, в течение которого я не увидел ничего, что вызвало бы хоть малейшее сожаление по поводу отъезда»⁵⁴². Подобное мнение было широко распространено среди британских солдат. Большинство солдат и офицеров оставили после себя травелоги, наполненные враждебностью в отношении жителей португальской столицы. Для британцев, представителей «самой совершенной нации в этом несовершенном мире», Лиссабон стал местом концентрации грязи, лени и религиозного идолопоклонства. Осыпая проклятиями город и его жителей, британцы отстаивали собственное культурное превосходство даже в отношении союзников в войне против Наполеона.

На протяжении всей войны отношение британской армии к местным жителям часто было высокомерным, снисходительным и пренебрежительным. Это основывалось на уверенности британцев в том, что отсталые пиренейские народы не способны понять всего героизма и самоотверженности британской нации, воюющей ради их блага. По иронии судьбы, изгнанные из Лиссабона британской армией

⁵³⁸ Cocks 1986: 179.

⁵³⁹ Цит. по: Gavin 2013: 62.

⁵⁴⁰ Bragge 1963:13.

⁵⁴¹ Leach 1831: 192.

⁵⁴² Цит. по: Gavin 2013: 63.

французы казались им куда более близкими в культурном отношении, чем португальцы и испанцы. Французские оккупационные силы были, по мнению британцев, предвестниками прогресса и цивилизации. Для многих британских солдат таким же врагом как французская армия стал чужеземный мир Пиренейского полуострова.

Список источников и литературы

- Blackiston 1829** – Blackiston J. Twelve Years' Military Adventure in Three Quarters of the Globe. – New York, 1829.
- Bragge 1963** – Bragge W. Peninsular Portrait 1811–1814: The Letters of Captain William Bragge. – Oxford, 1963.
- Brown 1829** – Brown W. The Autobiography, or Narrative of a Soldier. – London, 1829.
- Cocks E. Ch. Intelligence Officer in the Peninsula, Letters and Diaries of Major the Hon Edward Charles Cocks 1786–1812** – Tunbridge Wells, 1986.
- Cooke 2000** – Cooke J. A True Soldier Gentleman. The Memoirs of Lt. John Cooke 1791–1813. – Swanage, 2000.
- Dispatches 1852a** – The Dispatches of Field Marshal the Duke of Wellington. Vol. 4. – London, 1852.
- Dispatches 1852b** – The Dispatches of Field Marshal the Duke of Wellington. Vol. 5. – London, 1852.
- Esdale 2003** – Esdale Ch. The Peninsular War: a New History. – London, 2003.
- Farmer 2006** – Farmer G. Adventures of a Light Dragoon in the Napoleonic Wars: A Cavalryman During the Peninsular & Waterloo Campaigns, in Captivity and at the Siege of Bhurtpore, India. – New York, 2006.
- Gavin 2009** – Gavin D. A Dirty, Indolent, Priest-Ridden City: British Soldiers in Lisbon during the Peninsular War, 1808–1813 // History – 2009. – Vol. 94, Issue 316. – P. 461–482.
- Gavin 2013** – Gavin D. The British Soldier in the Peninsular War. – New York, 2013.
- Grab 2003** – Grab A.I. Napoleon and the Transformation of Europe. – Basingstoke, 2003.
- Graham 1820** – Graham W. Travels through Portugal and Spain, During the Peninsular War // New Voyages and Travels; Consisting of Originals and Translations, Vol. 3. – London, 1820. – P. 413–517.
- Grattan 1902** – Grattan W. Adventures with the Connaught Rangers, 1809–1814. – London, 1902.
- Leach 1831** – Leach J. Rough sketches of the life of an old soldier. – London, 1831.

Porter 1809 – Porter R.K. Letters from Portugal and Spain Written During the March of the British Troops under Sir John Moore, with a Map of the Route and Appropriate Engravings by an Officer. – London, 1809.

Robertson 1842 – Robertson D. The Journal of Sergeant D. Roberston, Late 92nd Foot; Comprising the Different Campaigns between the Years 1797 and 1813 in Egypt, Walcheren, Denmark, Sweden, Portugal, Spain, France, and Belgium. – Perth, 1842.

Sherer 1823 – Sherer M. Recollections of the Peninsula, by the author of Sketches of India. – London, 1823.

Wheeler 1997 – Wheeler W. The Letters of Private Wheeler 1809–1828. – London, 1997.

Tatiana A. Kosykh

CITY ON SEVEN HILLS:LISBON BETWEEN 1808 AND 1813 THROUGH THE EYES OF BRITISH SOLDIERS

The article is devoted to the reconstruction of Lisbon's image on the basis of a personal origin sources: letters, diaries and memoirs of British soldiers during the Napoleonic wars. Deals with problems of relations between the British and the local residents, aspects of daily life of British soldiers in Lisbon during the Peninsular War, 1808–1813.

Key words: Napoleonic Wars, the French occupation, Peninsular War, Lisbon between 1808 and 1813, British army in Lisbon, the image of the "Other".

Код ВАК 07.00.03

А.А. Нечаева

ВАЛЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В XX В.: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

В статье рассматривается период второй половины XX века, когда в Уэльсе шел процесс переосмысления этнической идентичности в связи с меняющимися условиями существования Великобритании. Автор пришла к выводу, что развитие валлийской идентичности во второй половине XX в. носило неравномерный характер. Кроме того, нечеткое представление о характере валлийской идентичности выразилось в нескольких трактовках. Первая версия

Нечаева Александра Алексеевна, ассистент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017; Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26).

Aleksandra A. Nechaeva, assistant of Ural State Pedagogical University, (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26).

Электронная почта/E-mail: orlova_sandra@mail.ru

видела ее как вымышленное явление, созданное антикварами, но не нашедшее реального воплощения. Другой вариант представлял идентичность как националистический инструмент, использование которого стало особенно популярным в XX в. Третья версия показывала валлийскость в качестве неразрывного элемента повседневной жизни жителей Уэльса. При этом подчеркивалась историческая значимость и утилитарный смысл этого явления.

Ключевые слова: идентичность, валлийскость, Уэльс, британскость.

Современная валлийская идентичность сформировалась в XX в, имея в своей основе валлийскую и британскую исторические традиции. О росте валлийской идентичности следует говорить с 1950-х гг., когда уменьшилось влияние британскости, и возродились понятия субнациональной идентичности⁵⁴³. Одновременно с этим до 1970-х гг. практически не выходило монографий о валлийскости, что, по-видимому, свидетельствовало об отсутствии потребности в таких работах⁵⁴⁴. Весь последующий период можно разделить на три этапа (1970-е, 1980-е и 1990-е гг.), на протяжении которого прослеживается закономерность развития идентичности через взаимоотношения с Англией, определение валлийскости и ее главных критериев. Четвертый этап, начавшийся в 1997 г., продолжается до настоящего времени в новых политических обстоятельствах.

В конце 1940-х гг. Великобритания вступила в постколониальный период. Именно тогда исследователи констатировали упадок британской идентичности, чему было несколько причин. Первая причина заключалась в том, что идентичность формировалась как надэтнический институт, идея была разработана в Англии и, следовательно, приобретала много «английских» черт. По замечанию Д. Маккроуна, английская и британская идентичность слились, тогда как в отношении валлийского и шотландского обществ этот процесс прослеживался слабо⁵⁴⁵.

Второй причиной стал распад империи и потеря внешнеполитических позиций, что привело к обращению общественного внимания к внутренним проблемам, среди которых был «кельтский» национализм, не получивший политического признания.

Третьей причиной является отсутствие единства среди валлийских исследователей по отношению к оценке роли Уэльса в общебританской истории. Одни исследователи стали рассматривать валлийцев как маргиналов по отношению к британскости⁵⁴⁶ и идеализировали валлийскую идентичность. Другие трактовали ее как преобладающее явление в жизни региона, проявляющееся даже сквозь британскость,

⁵⁴³Johnes 2015.

⁵⁴⁴Henderson L. 2011: P. 3.

⁵⁴⁵McCrone 2006.

⁵⁴⁶Edwards 2006.

тем более что единым пространством Уэльс стал именно после унии с Англией.

В обыденном сознании 1950-1960-х гг. валлийскость воспринималась как пережиток прошлого, как старомодное представление и нередко считалась неуместной для повседневности. Поэт Р.С. Томас написал в 1955 г.: «Нет никакого настоящего в Уэльсе, И никого будущего, есть только прошлое...»⁵⁴⁷ Одной из причин такого упадка стало преподавание истории в школе. В 1960-х гг. школьные учебные планы содержали элемент валлийской истории, но, как отмечали современники, «у большинства людей не было никакого интереса к ссорам древних принцев...»

Формальное преподавание и предпочтение учителями «английской» истории приводило к тому, что изучение прошлого региона воспринималось апатично и безразлично со стороны молодежи. Улучшение наступило только с 1984 г., когда был принят новый учебный план для Англии и Уэльса. Согласно этому плану, по вопросам преподавания валлийской истории было необходимо консультироваться с Министерством по делам Уэльса. Постепенно история заняла значимое место, что отмечалось историком М. Джонсом, как большой шаг вперед для валлийской идентичности⁵⁴⁸.

С 1970-х гг. начинается переосмысление идентичности. В этот период выходят две книги: А.Г. Додда «Короткая история Уэльса: валлийская жизнь и граница с доисторических времен до настоящего времени» (1972) и Г. Эванса «Земля моих отцов: 2000 лет валлийской истории» (1974)⁵⁴⁹. В представлении этих авторов идентичность выступала в виде гражданства и способа организации жизни; прослеживалось влияние валлийского языка как основного элемента идентичности, начиная с законов Хивела Доброго и до неконформистской традиции. Язык, по мнению этих авторов, был выразителем интересов валлийского общества, ведь на нем были изданы первые «национальные» законы в X веке. В дальнейшем перевод Библии с английского позволил сохранить религиозные общины и укрепить этническую солидарность.

В работе Г. Эванса, который был выдающимся политиком и публицистом, определялось место Уэльса, значение идентичности и языка для формирования национализма. Он в течение тридцати лет занимал должность президента Плайд Камри и активно участвовал в парламентской работе. Как отметил Дж. Дженкинс, «его целью на протяжении всей жизни было пробуждение национального сознания через наполнение людей историей Уэльса, восстанавливая их память и укреп-

⁵⁴⁷ Thomas R.S.

⁵⁴⁸ Johns 2015.

⁵⁴⁹ Dodd 1972.; Evans 1974.

пляя их желание жить»⁵⁵⁰. Его работа выдержала более пяти переизданий (1984, 1992, 1993, 2000 и 2005 гг.). В своей книге он обращал внимание на сформировавшееся в Уэльсе чувство неполноценности по сравнению с англичанами. Начало этому было положено после завоевания Уэльса в XVI в., когда валлийская аристократия «повернулась спиной к своей стране» и стала учить английский язык. Как оказалось, у национализма и патриотизма есть свои пределы. Будущее для Уэльса Эванс видел в полном самоуправлении. Из-за националистических взглядов автора эта книга рассматривалась как своеобразный инструмент пропаганды.

Идеи, высказанные в подобных книгах, отразили дебаты в среде валлийской общественности 1970-х гг. Этническая «граница» между Англией и Уэльсом, которая имела большое значение в самосознании двух народов, обрела «реальные» очертания. В этот период возросли требования по расширению прав Уэльса в экономической, политической и культурной сфере.

В ответ лейбористское правительство провело в 1979 г. референдум об автономии Шотландии и Уэльса. Необходимого количества голосов «за» набрано не было, но это открыло новый период в осмыслении валлийскости. В последующее десятилетие это понятие, а также прежние представления о самобытности Уэльса, подверглись пересмотру. Эти тенденции проявились в ряде статей, опубликованных в ведущих журналах региона («Планета», «Современный Уэльс» и «Новое валлийское обозрение»)⁵⁵¹.

После неудачного референдума валлийские избиратели, по словам Л. Хендерсон, пытались отойти от существовавших к тому времени политических традиций Уэльса с его голосованием за либералов и лейбористов, переходя к тем вариантам голосования, как то было в Англии. «Ассимиляция Англией, казалось, уменьшила Уэльс до области, а не страны. Отношение валлийских людей к культуре Уэльса, выраженное на референдуме 1979 г., застало интеллектуальную элиту врасплох»⁵⁵². Однако в процессе переосмысления подобной ситуации наметился рост национализма через интерес к культурному и политическому прошлому, к этнической идентичности. Инициатором этого роста выступали крупные исследователи, политические и общественные деятели.

К концу 1980-х гг. валлийская идентичность заметно укрепилась в массовом сознании. Одной из причин стало масштабное позиционирование уникальности Уэльса на телевидении и в книгах. В этот период на телеэкраны вышли фильмы «Уэльс! Уэльс?» Д. Смита и «Дра-

⁵⁵⁰Gwynfor Evans

⁵⁵¹Jones 1985; Smith 1986.; Williams 1988; Day, Rees 1987.

⁵⁵²Henderson 2011: 3.

кон о двух языках» У.В. Томаса, а также были опубликованы научно-популярные книги Г. А. Уильямса «Когда был Уэльс?» и Дж. Осмонда «Уэльс: снова национальный вопрос»⁵⁵³.

Несмотря на большое внимание к валлийской проблематике в 1980-е гг., к 1990 г. на страницах журналов и в книгах этот интерес стал ослабевать. Интерес исследователей обратился к Европе и ЕС как потенциальной альтернативе для Великобритании и Уэльса. В Европейском Союзе видели потенциал, который мог удовлетворить чувствительные вопросы национального самоопределения «малых» наций в проекте «Европы регионов»⁵⁵⁴. Публицист Дж. Осмонд, к примеру, ратовал за рассмотрение валлийскости в пределах структуры ЕС, где «Уэльс мог дышать и быть принятым как область с валлийской идентичностью»⁵⁵⁵. К середине 1990-х гг. это взаимодействие ограничивалось экономической сферой, тогда как в политике доминировала идея деволуции. Как отмечал Н. Эванс, все носители культурного и политического национализма, базировавшегося на валлийском самосознании, сосредоточились на новой цели⁵⁵⁶.

После проведения деволуционной реформы в 1999 г. о валлийской идентичности стали больше писать и говорить, но эта тема, как правило, все же остается на периферии исследований по сравнению с темами национализма и политических институтов. В ряде работ, вышедших в начале 2000-х гг., утверждалась позиция о построении национального государства в Уэльсе на базе валлийскости, и даже отвергалась роль британцев в истории региона.⁵⁵⁷ Однако такая радикальная точка зрения разделялась далеко не всеми исследователями, т.к. объективная оценка показывала многовековую связь Уэльса с Великобританией.

В отличие от работ историков, в обществе наблюдались иные тенденции. По переписи населения 2001 г., каждый третий, кто умел говорить и писать на валлийском, обозначил свою принадлежность как «Welsh». Согласно данным последней переписи 2011 г., 67% населения считали себя валлийцами⁵⁵⁸. По опросам, проведенным Департаментом Социологии Оксфордского университета по проблеме идентичности в Великобритании, из 100% населения только 15,9% назвали себя британцами. Двойную идентичность (британскую и валлийскую) указывали 41% респондентов⁵⁵⁹.

⁵⁵³The Institute of Welsh Affairs.

⁵⁵⁴Henderson L. 2011: 5.

⁵⁵⁵Osmond 1995.

⁵⁵⁶Evans 2004: 24.

⁵⁵⁷Graham 2002.; Davis 2007; Jenkins 2007; Williams 2003.

⁵⁵⁸Welsh National Identity.

⁵⁵⁹Importance of Different Aspects of 'Being British'.

Анализ общей ситуации в отношении идентичности в Соединенном Королевстве на протяжении почти полувека показал устойчивую долю «валлийскости» (59% в 1978/79 гг., 63% в 1997/98 гг. и 60% в 2003 г.) и снижение «британскости» (от 34% в 1978/79 гг. до 27% в 2003 г.). Такое «падение» британской идентичности было характерно для всего государства. Это так называемый кризис идентичности на постимперском пространстве, который до сих пор пытается преодолеть британское правительство. Однако после деволюционной реформы даже в Англии, нациообразующем ядре, востребованность быть британцем значительно сократилась (с 63% в 1991 г. до 48% в 2003 г.).

Внутреннее деление Уэльса, основанное на лингвистических различиях, продолжает оставаться важным для дальнейшего развития региона. Британский профессор Салфордского университета К. Брайант отмечал, что общество Уэльса в настоящее время делится на *Cymru-Wales* и *Modern Wales*⁵⁶⁰. Другими словами, это валлийский Уэльс, сохраняющий билингвизм, традиции и культуру, лояльный и преданный правительству, и современный Уэльс, более космополитичный, ориентированный на экономический рост и плюралистическое общество. Две модели существуют параллельно, находя общий язык, но сталкиваясь в некоторых принципиальных вопросах, таких как образование и администрирование.

Нельзя оставить без внимания и такой способ трансляции этничности, как всемирная сеть. За последние десять лет в Интернете появилось большое количество сайтов, посвященных истории Уэльса, его традициям. Все политические партии, представленные в Уэльсе, имеют свои веб-страницы. Общественные организации и клубы по интересам также представляют свою деятельность. Как правило, все сайты двуязычны – в английском и валлийском варианте.

Валлийское общество как носитель этничности продолжает развиваться после начала деволюции. Национальная Ассамблея прошла уже заметный путь в своем развитии и, как верят сами валлийцы, оказала значительное влияние на их общество. После начала работы новый политический институт стал трибуной для националистов и тех, кто активно поддерживает валлийскость. А для новых поколений валлийцев – символом этнической самоидентификации и национальной гордости.

Таким образом, развитие валлийской идентичности во второй половине XX в. носило неравномерный характер. Как показывает анализ важнейших исследований этого периода, о валлийскости писали, спорили и признали как важную составляющую национального самосознания. Однако нечеткое представление о ее содержании выразилось в нескольких трактовках. Сторонники первой версии

⁵⁶⁰ Bryant 2006: 125-126.

воспринимали ее как вымышленное явление, созданное антикварами, но не нашедшее реального воплощения. Другой вариант представлял идентичность как националистический инструмент, использование которого стало особенно популярным в XX в. Третья версия показывала валлийскость в качестве неразрывного элемента повседневной жизни жителей Уэльса. При этом подчеркивалась историческая значимость и утилитарный смысл этого явления.

Список источников и литературы

- Bryant 2006** – Bryant C.G.A. The nation of Britain. Oxford. 2006.
- Davis 2007** – Davis J. A History of Wales / J. Davis. London: Penguin, 2007. - 736 p.
- Dodd 1972** – Dodd A. H. A short history of Wales: Welsh life and customs from prehistoric times to the present day. Batsford, 1972.
- Edwards 2006** – Edwards A., Tanner D. Defining or dividing the nation? Opinion polls, Welsh identity and devolution, 1966-1979 // Contemporary Wales, №18. 2006. pp. 54-71.
- Evans 1974** – Evans G. Land of My Fathers: 2000 Years of Welsh History. Y Lolfa, 1974.
- Evans N. 2004** – Evans N. The Changing Context of Welsh Historiography, 1890-2000. / H. Brocklehurst and R. Phillips (eds.). History, Nationhood and the Question of Britain. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. pp. 20-32.
- Graham 2002** – Graham D. Making Sense of Wales: A Sociological Perspective. University of Wales Press, 2002.
- Gwynfor Evans** – Gwynfor Evans – Lecture by Peter Hughes Griffiths // Plaid Cymru History URL: <http://www.hanesplaidcymru.org/en/gwynfor-evans-darlith/>
- Henderson L. 2011** – Henderson L. Writing Wales: Welsh historians and the search for identity 1970-1997. 2011.
- Importance of Different Aspects of „Being British“** – Importance of Different Aspects of „Being British“ // National Identity. Department of Sociology. University of Oxford, URL: <http://www.sociology.ox.ac.uk/index.php/working-papers/2007.html>
- Jenkins 2007** – Jenkins G. H. A Concise History of Wales. Cambridge Concise Histories. 2007.
- Johnes 2015** – Johnes M. Wales, History and Britishness // Портал academia.edu. URL: <https://swansea.academia.edu/MartinJohnes>
- Jones 1985** – Jones R.G. Mirror image // Planet №51, 1985. pp.32-38

- McCrone 2006** – McCrone D. A nation that dares not speak its name? The English question. // Ethnicities № 6, 2006, pp. 267-278. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/1468796806063757>
- Morgan 1981** – Morgan K. O. Rebirth of a Nation: Wales, 1880-1980. Oxford/Cardiff: Oxford University Press and University of Wales Press, 1981.
- Osmond 1995** – Osmond J. Welsh Europeans. Bridgend: Seren Press. 1995.
- Smith 1986** – Smith D. Black to the Future // Planet. № 56, 1986. pp.14-25.
- The Institute of Welsh Affairs.** – The Institute of Welsh Affairs. URL: <http://www.iwa.org.uk/en/history>
- Thomas R.S.** – Thomas R.S. Welsh Landscape // URL: <http://www.literaturejunction.com/archive/index.php/t-21239.html>
- Welsh National Identity** –Welsh National Identity // Office for National Statistics. URL: <http://www.statistics.gov.uk/CCI/nugget.asp?ID=449>
- Williams 2003** – Williams R. Welsh Culture. University of Wales Press. 2003.
- Williams 1988** – Williams G.A. Are Welsh Historians Putting on the Style? // Planet № 68, 1988. pp.23-31.
- Day, Rees 1987** – Day G., Rees G. Editorial. Images of contemporary Wales: researching social and economic change // Contemporary Wales, №1, 1987. pp. 1-6.

Aleksandra A. Nechaeva

THE WELSH IDENTITY IN THE 20TH CENTURY: RECONSIDERATION PROBLEMS

The article examines the period of the second half of XX century, when Wales was a process of reinvention of ethnic identity in the changing conditions of existence in the UK. The author came to the conclusion that the development of Welsh identity in the second half of the XX century has been uneven. In addition, a fuzzy idea about the nature of Welsh identity is expressed in multiple interpretations. The first version saw it as a fictional phenomenon created by antique dealers but have not found a real incarnation. Another option presented identity as a nationalist tool, which became especially popular in the twentieth century the Third version showed Welsh identity as inextricable element of everyday life of the people of Wales. It was emphasized the historical significance and practical meaning of this phenomenon.

Keywords: Wales, identity, Britishness, identity.

**РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА 1812 Г. В ЗЕРКАЛЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ПРЕССЫ
1812 Г.)⁵⁶¹**

Господство над информационным пространством во все времена было определяющим фактором формирования общественного мнения и общественного сознания. Особенно ярко это проявляется в период государственных и межнациональных конфликтов. Проблематика информационных войн особенно популярной стала в последнее время. Однако исследователи в этом плане чаще всего обращаются к опыту истории XX в. и к современности. Между тем, не менее важный материал в осмыслении этих проблем предлагает нам XIX в. Именно он стал эпохой расцвета периодической печати, которая, для общества того времени была единственным источником информации о происходивших событиях. Автор на основе анализа французских и русских газет 1812 года пришла к выводу, что материалы прессы стали основой для формирования образов войны 1812 года в исторической памяти как французов, так и русских. Большинство газет, ориентируясь на формирование соответствующей правительственной установке психологической атмосферы в обществе, предлагало заранее подготовленные варианты осмысления событий, мало соотносившиеся с действительностью.

Ключевые слова: информационное пространство, историческая память, русская кампания

Господство над информационным пространством во все времена было определяющим фактором формирования общественного мнения и общественного сознания. Особенно ярко это проявляется в период государственных и межнациональных конфликтов. Проблематика информационных войн особенно популярной стала в последнее время. Однако исследователи в этом плане чаще всего обращаются к опыту истории XX в. и к современности⁵⁶². Между тем, не менее важный материал в осмыслении этих проблем предлагает нам XIX в. Именно он стал эпохой расцвета периодической печати, которая, для

Алена Александровна Постникова, старший научный сотрудник Уральского федерального университета, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017; Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26), кандидат исторических наук.

Alena Postnikova, senior research associate of the Ural Federal university, associate professor of general history of the Ural state pedagogical university (620017; Russia, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave. 26), PhD

⁵⁶¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041)

⁵⁶² См.: Kauffer 1999; Huyghe 2001; [Mackey](#) 2015.

общества того времени была единственным источником информации о происходивших событиях.

Как правило, именно пресса в XIX и в значительной степени в XX в. способствовала формированию таких устойчивых представлений о прошлом и настоящем, которые, чаще всего, искажали реальность, но тесно были связаны с сиюминутными потребностями государства. Подобные представления достаточно легко распространялись в закрытом информационном пространстве и чаще всего воспринимались обществом как «историческая истина».

Диалектика войны в любые времена диктовала необходимость конструирования образа врага в информационном пространстве как ключевого элемента пропаганды. На материалах русской кампании Наполеона можно проследить действие подобных механизмов воздействия на общественное мнение и общественное сознание. Основным источником информации о войне для российской стороны были газеты «Северная почта», «Санкт-Петербургские ведомости», с октября 1812 г. начал выходить журнал «Сын Отечества». Во Франции в период Первой империи текст сначала публиковался в газете «Le Moniteur», а затем перепечатывался во всех остальных газетах (материалы данной статьи основаны на газете «Le Journal de l'Empire»).

Русская кампания 1812 г. сопровождалась не только боевыми действиями, но и борьбой на страницах периодической печати⁵⁶³. В то же время в период мирного сосуществования России и Франции, обусловленного подписанием Тильзитского мира в 1807 г., в публицистике создавался позитивный образ вчерашнего противника, но теперь ключевого внешнеполитического партнера. Так, в российских газетах тех лет Наполеон представлялся «верным союзником России»⁵⁶⁴. А так как общим врагом двух стран была в те годы Великобритания, российская пресса, стремясь обосновать успешность русско-французского союза, неоднократно отмечала внутрисполитические проблемы, которые претерпевали англичане: «По самым достоверным известиям из Англии, видно, министры там ссорятся и дерутся, что вообще в министерстве весьма скоро последует перемена»⁵⁶⁵. Французская пресса, демонстрируя солидарность с русскими изданиями, также представляла англичан главными врагами мира в Европе и явной угрозой «крепкой русско-французской дружбе»⁵⁶⁶. В связи с этим во французской публицистике неоднократно отмечался факт стремления Англии разрушить этот союз: «Английские газеты пишут, что англичане скоро

⁵⁶³ См.: Тарле 2010; Туган-Барановский 1995.

⁵⁶⁴ Северная почта 1809: 2.

⁵⁶⁵ Там же: 13.

⁵⁶⁶ Le Journal de l'Empire 1810: 11 avril.

заклучат мир с Россией, что в очередной раз убеждает нас в сумасшествии их правительства»⁵⁶⁷.

С началом вторжения Наполеона в Россию под воздействием метаморфоз информационной войны в публицистике образ надежного партнера достаточно быстро «переформатировался» в образ агрессивного врага. Учитывая тот факт, что периодическая печать была единственным источником информации о ходе войны и военных действий, на ее основе мы можем представить те образы событий, которые формировались в сознании большинства читающей публики.

В начале русского похода французская пресса целенаправленно проводила аналогии походов Наполеона с войнами великих правителей прошлого. В течение июля 1812 г. на страницах газеты «Монитор универсель» публиковались отрывки из книги «Карл Великий, или разгром ломбардцев», повествовавшей о справедливой войне против варваров во имя создания цивилизованной Империи. В это же время был опубликован очередной перевод «Илиады» о подвигах древних героев, с которыми отождествляли себя солдаты Наполеона⁵⁶⁸. Тем самым, публицистика, участвуя в информационной войне, сознательно подготавливала общество к мысли о том, что Франция ведет справедливую войну против «варваров», которая впишет еще одну строку в героическую историю.

В сущности, как для французов конструирование образа врага было связано с обоснованием необходимости борьбы с противостоящей западноевропейской цивилизации цивилизации варваров, так и русская периодическая печать стремилась создать подобную картину, только поменяв ее элементы местами. В первые дни кампании на страницах российских газет были опубликованы статьи, описывающие французов как диких варваров, которые не щадят народов, ими завоеванных: «Мы видели уже из журналов и описаний иностранных, что во время войны в немецкой земле, французы буйствовали и там подобным образом. Они творили нечестие не только в иноверческих церквах, но не щадили церквей и католического исповедания, к коему сами принадлежащими числятся»⁵⁶⁹.

Каждое государство было заинтересовано в том, чтобы противоборствующую сторону объявить агрессором. Во французской публицистике в начале кампании в качестве причин войны было названо несоблюдение Россией Тильзитского мира: «Когда наш правитель после славной победы заключил Тильзитский мир, русский двор обещал присоединиться к условиям блокады против Англии, но нарушил это

⁵⁶⁷ Ibid: 12 juillet.

⁵⁶⁸ Le Moniteur universel 1812: Juillet.

⁵⁶⁹ Северная почта 1812: 276.

обещание»⁵⁷⁰. В связи с этим заявлялось, что Наполеон не хочет затяжной войны, что император планирует лишь подойти к границам России и заставить Александра I объяснить причин нарушения Тильзитского договора. Позже, в июле 1812 г. из второго бюллетеня Великой армии французы узнали, что Россия отказалась от объяснения причин нарушения условий договора, заявив тем самым, что не намерена идти на компромисс. Как писали газеты, именно по этой причине французы для защиты своей чести вынуждены были пойти на более решительные меры: «Любое средство договориться между двумя императорами стало невозможным: абсурдность, которая управляет русским кабинетом, вовлекла его в войну»⁵⁷¹. В этом же номере журнала было опубликовано воззвание Наполеона к солдатам, в котором указывался основной виновник войны: «Солдаты, мы начинаем вторую польскую войну. Первая закончилась в Тильзите, где Россия поклялась в вечном союзе с Францией против Англии. Она нарушила договор и не дает никаких объяснений такого странного поведения. Она нас поставила между выбором позора или войны. Для Франции выбор очевиден, мы пойдем вперед и принесем войну на территорию этой страны»⁵⁷².

В конце июля в связи с очевидностью затягивания войны французская публицистика начала искать более значимые причины начала кампании. Необходимость заставить Россию соблюдать Тильзитский мир уже не укладывалась в общую картину происходящих действий. Периодическая печать стала акцентировать внимание на миротворческих целях Наполеона, а именно на том, что он призван наказать Россию за агрессию по отношению к соседним странам, в частности, по отношению к Польше. Так, 21 июля французская публика увидела в газетах обращение Наполеона к полякам, в котором император утверждал их, что они должны поддержать Великую армию, так как эта война затеяна ради восстановления их независимости: «Эта война вернет вам Родину, которой у вас не было в течение многих лет. Именно ради независимости Польши мы вступили в этот бой. Франция поможет восстановить статус вашего государства, который был непременно уничтожен»⁵⁷³.

Польский вопрос стал основным аргументом во французской публицистике, подтверждающим справедливость и честность намерений французского императора. Именно к этому факту апеллировали политические памфлеты, выходившие в течение июля и августа 1812 года. В этом плане представляет интерес произведение «Вторая поль-

⁵⁷⁰ Le Journal de l'Empire 1812: 5 juillet.

⁵⁷¹ Ibid: 21 juillet.

⁵⁷² Ibid: 5 juillet.

⁵⁷³ Ibid: 21 juillet.

ская война»⁵⁷⁴ агента французской секретной службы Ж.М. Року. Автор попытался подтвердить факт агрессивного характера политики России по отношению к Польше и призывал защитить соседние страны от территориальных претензий Александра I. В целом, французская публицистика, представляя русскую кампанию как справедливую со стороны Наполеона, делала акценты на том, что Великая армия призвана защитить Европу от агрессии России. В сущности, уже в течение июля во французской публицистике произошла некая трансформация в оценках смысла русской кампании – от утверждений о нарушении Тильзитского мира Россией до акцентирования на освободительном характере войны во имя освобождения Польши.

Если во французской периодике указывались не политические причины и говорилось о необходимости защиты чести государства, то в русской публицистике смысл этой войны стал сводиться к тезису нападения «безбожников». В этом плане весьма показательным обращением митрополита Московского Платона к русскому императору, опубликованное в газетах 23 июля: «Августейший монарх, покусится алчный враг простерть за Днепр злобное оружие, - и этот фараон погрязнет здесь с полчищем своим. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку – страшно выговорить! Реку крови человеческой. Франция познает в Бога Господа отмщений; а Россия возчувствует, исповедает, воспевает к нему»⁵⁷⁵. В целом, религиозный аспект в публицистике достаточно быстро начал становиться главным механизмом объединения русского народа против неприятеля. В то время как для французов главный аргумент заключался в необходимости сохранения мира в Европе.

Пропаганда обеих стран, стремившаяся утверждать в общественном сознании заранее смоделированные «коды» объяснения событий, преуменьшала военные возможности неприятеля. Так, во французской публицистике отступление русской армии в начале войны обосновывалось не каким-то заранее составленным планом, а трусостью русских и варварским отношением к своей же собственной земле: «Русские сожгли значительные продовольственные запасы в своих селениях, что привело к огромным потерям не только для их финансов, но и в целом для существования народа»⁵⁷⁶.

В свою очередь, русская периодическая печать не комментировала причины отступления армии, а только «зомбировала» общество устрашающей информацией о том, что французы варварски уничтожают все на своем пути. Почти в каждом выпуске газет в начале войны

⁵⁷⁴ Rocques 1812.

⁵⁷⁵ Северная почта 1812: 271.

⁵⁷⁶ Le Journal de l'Empire 1812: 19 juillet.

звучало предостережение: если жители не окажут ⁵⁷⁷сопротивление французам, то неприятель не оставит их в живых

В начальной фазе войны публицистика стремилась убедить общество в том, что победа близка, обосновывая подобное утверждение слабостью внешнеполитических позиций неприятеля. В российских газетах публиковались статьи о неудачах французов в Испании, вызванные самоотверженностью испанцев в борьбе за свою свободу. В свою очередь, французская публицистика ссылалась на то, что Петербургу придется в скором времени пойти на подписание мирного договора, так как Англия не спешит ей на помощь, а в одиночестве Россия не решится сражаться с Великой армией. Подобные утверждения об эфемерности союза Великобритании и России подкреплялись сообщениями из Лондона, в которых англичане выражали некоторую озабоченность нерешительностью русской армии в борьбе с Наполеоном: «Мы предполагаем, что Россия все же предпримет решительные действия. Наполеон перешел через Неман и предложил русскому императору сражаться, но войска Александра бежали перед сильнейшей армией. Французский император расположил главную квартиру в Вильно. Это создает значительные проблемы, так как Наполеон теперь может пойти на Санкт-Петербург. Он хорошо подготовился к войне, а русский император не имеет ⁵⁷⁸достаточных сил, чтобы оказать сопротивление этой сильной армии»

В течение августа французскому обществу сообщалось о постоянном продвижении Великой армии вглубь России, при этом неоднократно отмечалось, что отступление – это незапланированное действие со стороны русских, а результат слабости их армии. 5 августа был опубликован интересный сюжет, связанный со сражением под Смоленском: «Жители Смоленска встревожены внезапным появлением неприятеля. Все важные объекты были эвакуированы в Москву. Офицер, посланный императорам для эвакуации магазинов в Орше, был удивлен тем, что город уже находится во власти ⁵⁷⁹французов». Французская периодика, несмотря на стремление уничтожительно отзываться о неприятеле, все же демонстрировала некоторую объективность. В «Журналь де Л'Амбир» было опубликовано воззвание якобы русских солдат к французам, в котором утверждалось, что Россия воюет не с Францией, но с тщеславием Наполеона: «Французские солдаты! Вас вновь вынуждают идти на новую войну. Вы считаете, что русские к

⁵⁷⁷ «Получаются ежедневные известия о том, с какою жестокостью поступают французы в тех местах, кои ими заняты, или через кои они проходили. Очевидные свидетели рассказывают, что где французы от обывателей не встречали обороны, там производя в домах грабеж они многим хозяевам прибавили ноги к полу гвоздями...» (Северная почта 1812: 283).

⁵⁷⁸ Le Journal de l'Empire 1812: 23 juillet.

⁵⁷⁹ Ibid: 5 août.

вам несправедливы, вы в этом ошибаетесь. Россия воюет только против тщеславия Наполеона. Вы полагаете, что русская армия слаба. Нет, она может принять бой, тогда вы окажетесь в трудном положении»⁵⁸⁰. В этом же номере газеты был опубликован ответ якобы солдат Великой армии, в котором отмечалось, что главное преимущество французского народа перед русским заключается в осознании принципов свободы и чести. Упоминалось, что Александр I из-за тщеславия сам спровоцировал Францию на войну, подвергнув опасности свой народ. Очевидно, что после знакомства с подобным, у французской публики не оставалось сомнений в том, что их правитель принял верное решение, развязав с Россией войну.

Вера французов в своего императора постоянно подкреплялась информацией о военных достижениях Наполеона в России. 5 августа французы получили одно из таких сообщений: «Успехи французской армии описаны в последнем бюллетене. Когда анализируешь карту военных действий, впечатляешься результатами действий Наполеона, которые предвещают победу в этой кампании. Французские войска находятся на русской территории недалеко от Санкт-Петербурга, Киева и Москвы, трех главных городов России. В течение 15 дней позиции русской армии стали еще более уязвимыми»⁵⁸¹. В целом, наполеоновская пресса на первом этапе кампании убеждала французов в том, что Великая армия в скором времени вернется домой с новой победой.

В начале сентября французская публика стала получать сообщения о результатах первых сражений Великой армии. 5 сентября был опубликован XIII бюллетень, в котором сообщалось о победах французов на всех направлениях, на которых велись военные действия. Прежде всего, под Смоленском. В бюллетене было отмечено, что, несмотря на выгодную для нее стратегическую позицию, русская армия уклонилась от битвы. Затем была дана всеелявшая ужас картина, которая развернулась перед глазами французов на подступах к Смоленску: дороги в городе были устланы трупами русских солдат, здания были объаты огнем, как «Помпеи во время извержения Везувия». Из последующих выпусков «Журналь де Л'Ампир» французское общество узнало, что, несмотря на пожар, Великой армии все же удалось найти в городе огромные продовольственные запасы⁵⁸². Из подобного рода сообщений должно было следовать, что все усилия русских ослабить французскую армию потерпели крах. В публикации с сарказмом упоминалось, что Россия, испытывая недостаток в военных силах, вынуждена формировать народное ополчение: «Русские с начала войны пытаются поднять движение рабов-крестьян, которых они вооружили

⁵⁸⁰ Ibid: 6 août.

⁵⁸¹ Ibid: 5 août.

⁵⁸² Le Journal de l'Empire 1812: 7 septembre.

пиками. Создано уже 5000 подобных подразделений; которые стали объектом насмешек, даже в самой русской армии»⁵⁸³.

По мере продвижения Великой армии вглубь России, во французской публицистике образ неприятеля становился все более агрессивным. Особенно часто публиковались сюжеты, описывающие уничтожение русскими собственных городов. Так, 7 сентября французские читатели увидели в газетах отрывки из писем французских солдат из Смоленска, передававшие их первые впечатления о России. Отправители писали, что они смогли продвинуться вглубь России, выражали восхищение красотой города, одновременно возмущаясь тем, что русские, отступая, сожгли его прекрасные здания: «Русская армия, отступая с поля битвы, подожгла город. Когда мы вошли, то увидели горящие здания, улицы, покрытые телами мертвых русских, огонь освещал эту ужасную картину»⁵⁸⁴. Во втором письме, опубликованном в том же номере, была отмечена военная слабость русской армии: «Русские придерживаются тактики отступления, они продвигаются к Москве. Мы вновь отбросили их в опустошенную местность, заняв их лучшие провинции».

В отечественной прессе о сражении за Смоленск не упоминалось, но только описывались ужасающие картины, вызванные действиями французов-«безбожников» на оккупированной территории: «Варварские и ужасные поступки врагов наших по всем местам коим они ходят, свидетельствуют о том, что они не уважают церковь. Французы осуществили набег в с. Надва Смоленского уезда. Французы разграбили имущество в Священническом доме, потом схватили висевшие на стене церковные ключи, повели священника и двух причетников к церкви с обнаженными саблями. Едва успели они отпереть ограду и двери, как уже нашли в церкви двух французов, влезших прежде их в окно. Вся команда вошла потом и производила над святынею ругательства. Шкафы и сундуки разломаны, и взяты из них все священные сосуды и вещи, кои были серебряные. Медные деньги рассыпаны по полу; ризница оставлена. Между тем над священнослужителями держали обнаженные сабли, угрожая им смертью»⁵⁸⁵.

Основной принцип информационной войны, связанный с формированием часто взаимоисключающих представлений об одних и тех же событиях, наиболее ярко проявился в образе Бородинского сражения⁵⁸⁶. Французское общество узнало о крупной битве русской кампании из газет 23 сентября, прочитав радостное известие: «Враг

⁵⁸³ Ibidem.

⁵⁸⁴ Ibidem.

⁵⁸⁵ Северная почта 1812: 275.

⁵⁸⁶ Земцов: 2014.

полностью разбит»⁵⁸⁷. В последующих выпусках публиковались письма французских солдат, принявших участие в сражении, в которых подтверждался факт победы Великой армии и неоднократно упоминалось, что враг понес значительные потери. В свою очередь, в отечественных газетах отмечалось, что французы отступили перед мощью русской армии⁵⁸⁸. Так, благодаря периодической печати, в сознании двух народов прочно укоренились, казалось бы, взаимоисключающие представления, ставшие основой для формирования памяти о событии.

Подобное противоречие стало характерно и для описаний в периодической печати картин пребывания Великой армии в Москве. Публицистика двух стран акцентировала внимание только на тех аспектах, которые были выгодны только одной стороне. В отечественных газетах никоим образом не комментировались причины сдачи города. Наоборот, в тяжелейший для страны период пресса пыталась поднять народный дух примерами героизма, громогласно заявляя, что народ всей страны, включая и Урал, объят чувством патриотизма⁵⁸⁹. Пребывание французских солдат в Москве сводилось на страницах периодики к сюжетам разгрома варварами прекрасного города: «Некоторые жители, которые не успели покинуть Москву рассказывали, что французы грабят дома, ломают ненужную им мебель. Во многих улицах Москвы пожары не перестают, и столица курится непрерывно дымом, который свидетельствуя варварство врагов наших, кажется призывает из окрестностей храбрый Христоролюбивый народ Российский на отмщение врагам Отечества»⁵⁹⁰.

Подобная информация была нацелена на то, чтобы российское общество, довольствуясь надеждой на скорое завершение войны,

⁵⁸⁷ Le Journal de l'Empire 1812: 23 septembre.

⁵⁸⁸ Кутузов от 29 августа императору: «Баталия, от 26 августа бывшая, была самая кровопролитная из всех тех, которые в новейших временах известны. Место баталии нами одержано совершенно, и неприятель тогда ретировался в ту позицию, с которой пришел нас атаковать; но чрезвычайная потеря с нашей стороны сделанная, особливо тем, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дороге. Сегодня нахожусь я в деревне Наре, и должен отступить еще на встречу к войскам, идущим ко мне из Москвы на подкрепление. Пленные сказывают, что неприятельская потеря чрезвычайно велика, и что общее мнение во французской армии, что они потеряли ранеными и убитыми 40 тыс. чел. Кроме дивизионного генерала Бонами, который взят в плен, есть другие убитые, между прочими Даву ранен» (Северная почта 1812: 309).

⁵⁸⁹ В Сычевском уезде из всех мест крестьяне и мещане с косами, топорами, вилами и объявили, что они ни на пядь не пойдут из своего уезда, пока останутся только в живых. Ими командует отставной майор, который не назвал своего имени. Какая розница между селениями, в коих крестьяне обороняются и бьют неприятеля и между теми, в коих французы не встречают обороны (Северная почта 1812: 314).

Даже Урал объят патриотизмом. «не дадим доброго Царя и святой Руси в обиду иноплеменику; все готовы умереть за нашего Отца и за нашу православную веру. Таким образом, на самом Урале пылает любовь к монарху и отечеству (Там же: 315).

⁵⁹⁰ Северная почта 1812: 319.

сохранит спокойствие даже в то время, когда неприятель находился в древней столице России. Это настроение поддерживалось сообщениями о поражениях французов в Испании, о том, что англичане скоро войдут в Париж, пока Наполеон в Москве: «Здесь многие говорят, что и во Франции распространился уже слух, что английские войска обще с Гишпаскими вскоре войдут во Францию, и посетить могут Париж. Еще говорят, что и правительство Французское, по повелению начальника своего, заботится уже о мерах к преграждению пути сим названным гостям. Ежели слухи сии справедливы, то нет ни малейшего сомнения, что сам Наполеон посещение войсками Англинскими Парижа почитает весьма возможным»⁵⁹¹.

В конце сентября русские читатели наконец-то смогли прочесть долгожданную информацию о преследовании неприятеля: «Я продолжаю мое движение около Москвы. Завтра армия, сделав фланговый марш, на Калужскую дорогу, и послав сильные партии на Можайскую, весьма озаботить должна тыл неприятельский. Сим способом надеюсь я, что неприятель будет искать мне дать сражение, которого на выгодном местоположении равных успехов как при Бородине я ожидаю»⁵⁹². Подобные сообщения притупляли чувства горечи от потери города, создавая впечатление, что оставление Москвы было своеобразной ловушкой для неприятеля.

Стремясь не допустить появления каких-либо сомнений в обществе относительно действий своего императора, французская пресса представляла пребывание Наполеона в Москве как вершину триумфа, торжества цивилизации над варварством. В честь этой победы была поставлена опера «Освобожденный Иерусалим», символизирующая победу Запада над Востоком в ходе крестового похода. Не случайно премьера этого произведения состоялась во время пребывания французов в Москве. Реплики, фразы, которые звучали со сцены, были более чем актуальны. Слова одного из героев, к примеру, явно вызвали ассоциации с тем, что Россия отказывается подписывать мир, и французы вынуждены вести затяжную войну до полной победы:

Итак! Вы отклоняете мир!

Вы отказываетесь от моих условий! Тогда я должен объявить вечную войну!

Звучала мысль и о нарушении неприятелем обычаев войны, почему крестоносцы и были должны сражаться с особой жестокостью:

Давайте предадимся справедливой мести!

Давайте накажем подлых сарацин за наглость!

Пусть стены этого города станут нашим триумфом!

⁵⁹¹ Там же: 321.

⁵⁹² Там же: 325.

Французская пресса все чаще стала упоминать в публицистике об отсталости русских по сравнению с европейцами. В момент пребывания Великой армии в Москве вышел специальный номер журнала «Французский зритель», в котором акцентировалось внимание на том, что только благодаря влиянию западной культуры Россия смогла приблизиться к западной цивилизации. В журнале особо была отмечена деятельность императора Петра Великого, который осознавал факт отсталости России по сравнению с европейскими странами, и поэтому понимал необходимость сотрудничества с Западом⁵⁹³. В сознании общества должно было создаваться представление о том, что посланники Запада и на этот раз принесли в Россию цивилизацию.

В свою очередь, русская публицистика описывала пребывание французов в древней столице как пример бесчестия Франции: «Каждый выходец из Москвы подтверждает, что французы производят там непрерывные грабежи и неистовства их превосходят всякое воображение»⁵⁹⁴. Так события в Москве в 1812 г. стали для обеих сторон примером варварского поведения неприятеля.

Если в течение сентября отечественная публицистика целенаправленно отказывалась от каких бы то ни было объяснений по поводу сдачи Москвы, то с начала октября на страницах печати все чаще стали заявлять об этом событии, как об удачном военно-стратегическом шаге русской армии. С целью убедить общество в ничтожности способностей неприятеля с начала октября стал выходить специальный выпуск журнала «Сын Отечества», в котором акцентировалось внимание на том, что Москва – это победа русских, которые остановили Наполеона: «Храбрые войска императора АЛЕКСАНДРА остановили ныне бурное стремление сего потолка. В сие время можно предложить суждения свои о ложной славе, озарявшей Бонапарта доньше»⁵⁹⁵. В течение октября этот журнал публиковал песни, анекдоты, которые были призваны убедить общество в том, что Москва стала местом гибели французов:

Хоть Москва в руках французов:
Это, право, не беда! – Наш фельдмаршал
князь Кутузов
Их на смерть впустил туда⁵⁹⁶.

Почти в каждом выпуске журнала «Сын Отечества» за октябрь публиковались отрывки из писем солдат Великой армии, свидетельствовавшие о том, что французы столкнулись с серьезными проблемами в Москве. Так, в одном из якобы перехваченных писем французский

⁵⁹³ Le Spectateur français au XIXme siècle 1812: 381.

⁵⁹⁴ Северная почта 1812: 328.

⁵⁹⁵ Сын Отечества 1812.: № 1.

⁵⁹⁶ Там же.

солдат раскаивался в том, что находится в составе Великой армии: «В Москве покрыли мы себя стыдом и преступлениями. Унизительно после того носить французский мундир. С каким нетерпением ожидаю я минуты сбросить его с плеч!». Отечественная публицистика в течение октября публиковала юмористические сюжеты, изображающие межкультурное столкновение французов и русских в Москве, в которых первые оказываются всегда глупее вторых»⁵⁹⁷. Активно внушалась мысль о том, что именно французы, в соответствии со своей дикарской природой, сожгли Москву.⁵⁹⁸

Чем ужаснее была информация об осквернении города французами, тем долгожданнее стало освобождение древней столицы. Конечно, когда в середине октября русское общество получило первую весть об освобождении Москвы, оно стало считать, что заслуга в этом принадлежит исключительно русской армии и Богу: ««Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву 11 октября; но и убегая умышлял он поразить новою скорбью Христолюбивый народ Русский, взорвав подкопами Кремль и Божие храмы... Часть стен Кремлевских и почти все здания взлетели на воздух или истребились пожаром; а Соборы и храмы, вмещающие мощи Святых, остались целы и невредимы, в знамение милосердия Господня к Царю и Царству Русскому»⁵⁹⁹. В конце октября стали выходить многочисленные оды, восхвалявшие освобождение города, в которых подчеркивалось, что на стороне России Бог, которого французы отвергли⁶⁰⁰.

⁵⁹⁷ Один русский пленный кирасир взят был в денщики саксонским офицером, и приметя, что новый господин его постится уже несколько дней сряду, предложил ему пойти в ближнюю деревню (под Москвою) где обещал доставить ему все нужное. Офицер принял с радостью сие предложение. Кирасир привел его в огород, и велел ему взрыть одно место, где, по словам его, спрятаны съестные припасы, а сам обещал обойти деревню и поискать еще чего-нибудь. Саксонец усердно принялся за работу; кирасир между тем собрал всех деревенских баб, вооружил их косами и рогатинами, и привел в огород. Они связали обманутого гостя, и одна из них привела его на рогатине к нашим передовым постам (Сын Отечества 1812: № 1).

⁵⁹⁸ Там же: 2.

⁵⁹⁹ Северная почта 1812: 360.

⁶⁰⁰ Ода на освобождение Москвы: Москва взята! – благодаренье Всевышнему царю царей Столицы сей за избавленье, Которой овладел злодей; Он лютостям не зная меры, Попрал закон святятыя веры, Жег, грабил все, что только мог, Коснулся праху душ блаженных, Дерзнул и в алтарях священных Лишь кровь. – Но есть всесильный Бог (Сын Отечества 1812: № 1).

Если в отечественной прессе Москва стала символом победы религии над безбожием, то во французской – проявлением варварства русских. В течение октября во французских газетах появились сообщения, дышавшие возмущением, и которые должны были свидетельствовать о том, что именно русское правительство осмелилось поджечь Москву, чем вызвало со стороны местных жителей.

Конечно, французская пресса попыталась факт захвата города превратить в акт подлинного триумфа французов, убеждая общество в том, что это событие должно принести победу и завершение кампании. Так, в октябре, когда Великая армия начала уже отступление из Москвы, парижская публика продолжала жить теми героическими представлениями об этой войне, которые почерпнула из газет. Ко всему прочему, именно в это время во Франции было опубликовано несколько од на русскую кампанию, которые получили широкую известность⁶⁰¹. По иронии судьбы, когда французские солдаты боролись за жизнь в снегах России, парижская публика вдохновлялась поэтическими произведениями, восхвалявшими победы Великой армии в ходе этой кампании. Возможно, эти произведения в дальнейшем скрасили горечь французов от новостей о лишениях армии во время отступления из России.

По основным идейным линиям эти произведения схожи. В качестве основной причины войны в них вновь упоминается несоблюдение условий Континентальной блокады со стороны России: «Вместо того, чтобы с ней (Англией – А.П.) бороться, Россия считает ее союзником»⁶⁰². Оды убеждали читателей в том, что Наполеон стремился создать единую Европу, а Россия и Англия этому препятствовали. В одах говорилось, что русские, будучи не способны вести цивилизованную войну, вынуждены прибегать к варварским методам. Ожесточившись из-за поражения в битве, русские сожгли Москву:

Казак во время отступления,
Взбешенный явным пораженьем,
С особым рвеньем город жег... Я
вижу стариков, детей и женщин,
Дух испускающих меж стенами пылающих домов⁶⁰³.

В то же время, по мнению сочинителя оды, французы отстаивали честь своей страны и должны гордиться победой под Москвой:

С гордостью Вы можете сказать:
Я сражался в бою под Москвой,
Я мстил за честь Империи,
Я защищал мир в Европе⁶⁰⁴.

⁶⁰¹ См.: Quaynat 1812; Désaugiers 1812.

⁶⁰² Quaynat 1812: 3.

⁶⁰³ Désaugiers 1812: 7.

Некоторые подробности пребывания Великой армии в Москве французское общество смогло узнать из газет только в начале ноября. В этих сообщениях, в основном, утверждалось, что французы в Москве столкнулись только с одной проблемой – пожарами, которые устроили русские. Так, в отрывке одного письма, опубликованном в газете, французский солдат выражал возмущение по поводу того, что русское правительство поджогами поставило под угрозу не только жизни неприятелей, но и местных жителей: «Этим утром император провел смотр войск и воодушевляющими словами поддержал нас. Погода прекрасная. Местные жители, вернувшиеся в Москву, выражали негодование в адрес своего правительства по поводу поджогов. В оставленных домах все время находим все больше водки. Офицеры и солдаты снабжены продовольствием на всю зиму. Солдаты чувствуют себя хорошо...»⁶⁰⁵.

В целом, статьи в правительственных газетах продолжали создавать иллюзию победы французов, никак не комментируя причины столь длительной задержки в Москве. Когда Великая армия покинула Москву, во французских газетах стали появляться сообщения о том, что Наполеон планирует пойти на Санкт-Петербург. В подтверждение данного известия 2 ноября была опубликована выдержка из Санкт-Петербургской газеты от 20 сентября: «Некоторые меры были предприняты в Петербурге для эвакуации наиболее важных объектов. Это вызвано отнюдь не страхом перед неприятелем, так как он не сможет пойти на этот город»⁶⁰⁶. Конечно, под воздействием подобных сообщений у большей части читающей публики захват французами Москвы ассоциировался с победой или, по крайней мере, со скорым достижением мира на условиях Наполеона.

Почти каждый выпуск газеты убеждал французов в том, что Великая армия гордится своими успехами в этой войне и вскоре добьется решающей победы. В «Журналь де л'Амбир» от 4 ноября был опубликован отрывок письма одного французского офицера, который свидетельствовал о том, что Великая армия еще сильна: «К нам каждый день прибывает подкрепление; наша армия огромна. Наши раненые стали выздоравливать благодаря тому, что воздух стал прохладным. Два дня назад пошел первый снег. Мы предпринимаем возможные действия, дабы устроиться на зимних квартирах. Время от времени мы встречаем русских дезертиров, в основном, поляков, которые оказались под знаменами этой страны. Они утверждают, что русская армия находится в более плохом состоянии, чем наша. Император всегда верхом на коне. Не было дня, чтобы мы его не видели, он собира-

⁶⁰⁴Ibidem

⁶⁰⁵Le Journal de l'Empire 1812: 1 novembre.

⁶⁰⁶Ibid.: 2 novembre.

ется начать новый этап кампании. Война только укрепляет его здоровье»⁶⁰⁷.

Читая XXV бюллетень Великой армии, французское общество узнало, что император движется на Тулу и Калугу для размещения армии на зимних квартирах. В том же выпуске «Журнал де л'Амбир», в котором был опубликован бюллетень, был представлен краткий обзор писем французских солдат из Москвы: «Французские солдаты пишут о блестящей победе под Москвой, которая способствовала быстрому продвижению Великой армии к этому городу; овладение им должно было обеспечить победителей удобными зимними квартирами. Однако ненависть неприятелей-варваров побудила их к принятию ужасного решения – разрушить собственный город»⁶⁰⁸. Следует заметить, что в ноябре на страницах французских газет образ неприятеля стал более агрессивным.

В конце ноября без каких-либо объяснений в газетах было указано, что армия размещается на зимние квартиры не в Москве, а между Смоленском, Витебском и Минском: «С прибытием XXVI бюллетеня мы получили письма из главной квартиры Великой армии; она была 1 ноября в Вязьме, недалеко от Смоленска. Предполагается, что вся армия разместится между Смоленском, Витебском и Минском. Однако главной целью императора остается движение на Петербург. Невозможно вообразить, чтобы русские сожгли и разрушили свою главную столицу. Возможно, мир будет подписан в Петербурге. Совершенно очевидно, что концентрация армии произойдет в районе Смоленска и Витебска, так как армия не сможет пойти на Петербург, не получив отдыха. Очевидно, что так как русские не осознали своего поражения, необходимо достичь Петербурга. Если поход в Москву унизил престиж России, то экспедиция в Петербург может привести к ее падению, и она будет исключена из числа национальных государств»⁶⁰⁹. В этом же сообщении писалось о цивилизационном отличии Франции от России: «Наконец, в нашей стране существует безграничное доверие к власти, которое вдохновляется военным гением и героической историей. Неприятель же, напротив, даже не замечает вокруг себя причин для скорби и уныния: разрушенные города, опустелые деревни. Это все результат ничем не подкрепленного чувства имперского величия. Только вообразите, что неприятельская армия свободно передвигается по центру страны, а русские не признают себя побежденными»⁶¹⁰.

⁶⁰⁷ Ibid.: 4 novembre.

⁶⁰⁸ Ibid.: 9 novembre.

⁶⁰⁹ Ibid.: 17 novembre.

⁶¹⁰ Ibidem.

В тот момент, когда Великая армия уже сдавала свои позиции в России, французское общество продолжало верить в иллюзию побед Наполеона, не зная о тех лишениях, которые пришлось преодолеть армии во время отступления к Смоленску. Французская пресса, активно продолжая подкреплять подобные представления, писала лишь о фактах успеха Великой армии. Так, 18 ноября французы смогли прочесть XXVII бюллетень о сражении под Малоярославцем; в соответствии с бюллетенем, Великая армия первой пошла в атаку и одержала победу в этой битве⁶¹¹. Российская же пресса иначе представила данное событие: «В 5 часов утра завязалось дело, которое впоследствии с приближением всех наших войск сделалось довольно значущим сражением, и продолжалось до 11 часов ночи. Предметом сражения был город, который восемь раз занимаем был нашими войсками; при последнем же ударе наших стрелков остался он за нами»⁶¹².

В конце ноября, когда сообщения из Великой армии стали поступать все реже, во французских газетах стали появляться заметки, призванные убедить общество в том, что война, предпринятая Наполеоном против России, вписывается в некую историческую закономерность. К примеру, 21 ноября в «Журналь де л'Амбир» появилась статья, в которой проводилась аналогия между войнами Карла Великого и войнами Наполеона: «Карл Великий был вынужден вести войну против варваров. Авары, которые жили на территории современной России, неоднократно нападали на владения императора, но Карл не успел начать с ними войну. Конечно, Российская Империя более сильное государство, чем авары. Однако поход в Москву поколебал ее могущество. Вторая экспедиция может привести к ее окончательному падению. Россия представляет собой серьезную угрозу для соседних государств. Не бойтесь длительной войны с эти народом, как когда-то с саксами. Трех месяцев будет вполне достаточно, чтобы подорвать престиж великой России. Без сомнения, в дальнейшем история расскажет, что для того чтобы унижить более сильную Империю, эта страна разрушила свои города»⁶¹³.

Если в начале кампании французские газеты, в основном, акцентировали внимание на успехах французского императора, то в конце войны они стали «зомбировать» общество примерами неудач и агрессивных действий русских. На страницах газет вновь появляются статьи о политике России в Польше. Так, 23 ноября была опубликована заметка «Русские в Польше», в которой автор попытался проанализировать действия России по отношению к этому государству со времен Екатерины Великой, отметив, что им движет идея восстановления

⁶¹¹ Ibid.: 18 novembre.

⁶¹² Северная почта 1812: 376.

⁶¹³ Le Journal de l'Empire, 1812. 21 novembre.

справедливости. Выводы к статье были представлены в форме обращения к российскому правительству: «Необходимо признать свою вину в несправедливости по отношению к Польше. Если отрицать содеянное, то можно лишиться престола. В России власть монарха основана на запугивании и насилии»⁶¹⁴.

Более того, французская пресса пыталась убедить читателей в том, что даже англичане, союзники русских, относятся к ним как к варварам. 26 ноября французские газеты перепечатали информацию из английской прессы, в которой были опубликованы выдержки из путешествия Э. Кларка. В «Журналь де Л'Амбир» была помещена цитата из книги путешественника, которая характеризовала тираническую систему России: «Несколько русских дворян более богаты, чем наши английские пэры. Но также есть и огромное число очень бедных людей; такое разделение на богатых и бедных всегда имеет следствием развитие коррупции. В чувственном наслаждении они не знают ни законов, ни чести. Весь образ их жизни, сама тираническая система распространяется с трона до низов общества»⁶¹⁵.

Если французская публицистика для преодоления травмы поражения в основном принижала неприятеля, то отечественная с ноября сконцентрировалась на описании военных действий, которые, как утверждалось в газетах, должны были привести к полному разгрому французов. Так, на страницах российской прессы в конце ноября сообщалось о планируемом объединении армий адмирала П.В. Чичагова и генерала П.Х. Витгенштейна в районе Березины для окончательного уничтожения неприятеля⁶¹⁶. В дальнейшем информация о результатах этой операции уже не публиковалась. В конце ноября в газетах было только сообщено, что французы находятся в ужасном положении: «Вообразите себе, что отчаяние их так велико, что они сами бросаются в огонь, и друг друга колот: сему я был очевидный свидетель»⁶¹⁷.

Конечно, французская печать игнорировала необходимость информирования общества об ужасах отступления Великой армии, создавая впечатление, что солдаты просто возвращаются на Родину из очередной кампании. Так, 28 ноября, когда французы пережили трагедию на Березине, в «Журналь де Л'Амбир» были опубликованы равнодушные официальные фразы: «Великая армия осуществила переправу», «ничего примечательного с армией не произошло»⁶¹⁸. Для создания иллюзии торжественного возвращения французов в Париж газе-

⁶¹⁴ Ibid.: 23 novembre.

⁶¹⁵ Ibid.: 26 novembre.

⁶¹⁶ Северная почта 1812: 427.

⁶¹⁷ Выписка из письма, полученного из Вильны от 30 ноября 1812 года (Северная почта 1812: 437).

⁶¹⁸ Le Journal de l'Empire 1812: 28 novembre.

ты 29 ноября (20 дней спустя) сообщили о том, что 8 ноября был открыт мраморный бюст Его Величества в зале Отель де Вилль⁶¹⁹.

В течение нескольких дней французские газеты вообще не публиковали информации о русской кампании, тем более не озвучивали ее печальные результаты, создавая впечатление, что Франция по праву может гордиться своей армией. Однако после возвращения французских солдат из России оставлять общество в неведении было уже невозможно и поэтому впервые об итогах кампании французы были проинформированы через публикацию из Лондонской газеты: «Российская империя сражалась с сильнейшей армией мира. Энтузиазм русских, несмотря на трудности и опасности, только рос. Подобного примера патриотизма мы не сможем найти в истории государств»⁶²⁰.

В этом же номере газеты была опубликована информация о праздновании годовщины провозглашения Империи. В газете особо отмечалось, что вечером после торжества французская публика слушала оперу Д. Чимарозы «Горации», основная идея которой заключалась в том, что не стоит оплакивать тех, кто достойно сражался за Родину.

Первоначальное осмысление русской кампании в публицистике основывалось на сравнении поведения французских и русских солдат в период войны. Так, 10 декабря был опубликован анонс спектакля театра «Варьете» под названием «Семья москвитов». Сюжет был связан, как сегодня бы сказали, «с межкультурными контактами» французских солдат с жителями Москвы в октябре 1812 г. В соответствии со сценарием спектакля, во время пожара пострадал дом одной семьи; русская женщина, недавно родившая ребенка, пережив страх, потеряла молоко, и теперь ей нечем было кормить младенца. Но благородные французы, в отличие от ее соотечественников, оказали женщине помощь, подарив козу, которую купили у одного русского купца. Комментарий в газете к этому спектаклю отразил цель этой постановки: «Спектакль продемонстрировал великодушные французов в сравнении с поведением неприятеля»⁶²¹.

С середины декабря французские газеты стали публиковать информацию о результатах военных действий, формируя в сознании общества представление о том, что Великая армия выиграла все сражения кампании. Так, 11 декабря французы узнали, что Наполеон провел успешную военную операцию на Березине⁶²². 22 декабря в газетях была опубликована выдержка из швейцарской периодики об этом со-

⁶¹⁹Ibid.: 29 novembre.

⁶²⁰Ibid.: 7 décembre.

⁶²¹Ibid.: 10 décembre.

⁶²²Ibid.: 11 décembre.

бытии: «Швейцарцы мужественно сразились с русскими. Ничто их не остановило. Это прекрасная страница нашей военной истории»⁶²³.

Обсуждение результатов войны в Сенате, отчет о чем был опубликован 21 декабря 1812 г., было призвано подкрепить иллюзию бравурности в отношении результатов русской кампании⁶²⁴. Речи депутатов должны были закрепить официальный образ событий 1812 г. в памяти французов: «Сир, французы одержали победу в походе на Москву. Неприятель не может говорить об успехе. Результаты его действий заключаются лишь в опустошении собственной страны, в поджоге древней столицы. В этой варварской тактике проявилась его дикость»⁶²⁵. Наполеон, согласившись с этими словами, добавил, что значительные потери Великой армии были вызваны лишь суровым климатом.

Так, уже после завершения кампании продолжилась война образов. Письмо маршала Л.Н. Даву, опубликованное в январе 1813 г., прекрасно демонстрировало противоречивость в восприятии русских и французов событий войны и невозможность принять версию противника: «Я с изумлением прочитал Санкт-Петербургские газеты, в которых пишут о том, что русские выиграли все сражения с Наполеоном. Как можно так нагло обманывать свой народ! Видимо, им очень трудно признать взятие Москвы. Они также не объявили себя побежденными в сражениях под Малоярославцем и на Березине»⁶²⁶.

Итак, пресса формировала и стремилась закрепить на будущее основные образы 1812 г. в сознании, как французов, так и русских. В последующие после русской кампании годы эти образы войны будут систематически актуализироваться в исторической памяти России и Франции. Большинство газет, ориентируясь на формирование соответствующей правительственной установке психологической атмосферы в обществе, предлагало заранее подготовленные варианты осмысления событий, мало соотносившиеся с действительностью.

Список источников и литературы

Земцов 2014 – Земцов В.Н. Французская пресса 1812 года о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы Международной научной конференции, 2-4 сентября 2013 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014. 628 с.

Северная почта 1809– Северная почта. СПб., 1809.

⁶²³Ibid.: 22 décembre.

⁶²⁴Ibid.: 21 décembre.

⁶²⁵Ibidem.

⁶²⁶Ibid.: 30 janvier.

- Северная почта 1812** – Северная почта. СПб., 1812.
- Тарле 2010** – Тарле Е.В. Печать во Франции при Наполеоне I. М., 2010.
- Туган-Барановский 1995** – Туган-Барановский Д.М. Лошадь, которую я пытался обуздать // Новая и новейшая история. 1995. №2.
- Désaugiers 1812** – Désaugiers M.A. Chansons et poésies diverses. P., 1812. **Huyghe 2001** – Huyghe F., Adams J. The Next World War: Computers Are the Weapons and the Front Line Is Everywhere. L., 2001.
- Kauffer 1999** – Kauffer R. L'arme de la désinformation. P., 1999.
- Le Journal de l'Empire 1810** – Le Journal de l'Empire. P., 1810.
- Le Journal de l'Empire 1812** – Le Journal de l'Empire. P., 1812.
- Le Moniteur universel 1812** – Le Moniteur universel. P., 1812. Juillet.
- Le Spectateur français 1812** – Le Spectateur français au XIXme siècle, ou Variétés morales, politiques et littéraires, recueillies des meilleurs écrits périodiques, 1812 т. 12. С. 381.
- Quaynat 1812** – Quaynat M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou. P., 1812
- Rocques 1812** – Rocques J.G. Seconde guerre de Pologne. P., 1812.

A.A. Postnikova

**THE RUSSIAN CAMPAIGN OF NAPOLEON OF 1812 IN A
MIRROR OF INFORMATION WAR
(ON MATERIALS OF THE FRENCH AND
RUSSIAN PRESS OF 1812)**

Domination over information space was the determining factor of forming of public opinion and public consciousness at all times. Especially brightly it is shown during the state and international conflicts. The perspective of information wars especially popular became recently. However researchers in this plan most often address experience of history of the 20th century and the present. Meanwhile, at least important material in judgment of these problems offers us 19th century. It became an era of blossoming of periodicals which, for society of that time was the unique source of information on the taking place events. The author on the basis of the analysis of the French and Russian newspapers of 1812 came to a conclusion that materials of the press became a basis for forming of images of war of 1812 in historical memory of both French, and Russians. The majority of newspapers, being guided by forming to the corresponding government installation of the psychological atmosphere in society, offered in advance prepared options of judgment of events which were a little corresponding to reality.

Key words: information space, historical memory, Russian campaign

О РОЛИ НАДСОСЛОВНЫХ СТРАТЕГИЙ В МОДЕЛИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПАРТИКУЛЯРНЫХ ИНСТИТУТОВ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье выявлены основные направления правовой политики российского самодержавия по отношению к национальным регионам и институтам местного законодательства, выявлен ее интеграционный потенциал, показано соотношение между общеимперским правом и юридическим партикуляризмом, в том числе и в сфере сословного законодательства. Законотворческая тенденция к сохранению национально-политической идентичности ряда партикулярных институтов права рассматривается как часть надсословной стратегии Российского государства нового времени, направленной на укрепление социально-политического имиджа верховной императорской власти.

Ключевые слова: национально-политическая идентичность, надсословная монархия, имперское государство, правовой партикуляризм, законодательные стратегии, государственно-территориальное единство.

Становление идеологии и законодательной политики России Нового времени в области моделирования надсословной политико-правовой стратегии происходило по мере формирования и развития имперской формы государственно-правового устройства. Постепенная формализация статуса самодержавного монарха в качестве гаранта территориально-государственного единства сопровождалась последовательным укреплением его ведущей роли в области создания юридической основы социально-политического пространства Российской империи, предполагавшей наличие сословной стратификации. В историко-правовом отношении обе составляющих законотворческой деятельности правительственных кругов отличаются ярко выраженной тенденцией к институционализации самодержавия как формы верховной монархической власти, стабилизация которой осуществлялась в ряде случаев с учетом национальной и политической идентичности местных регионов.

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law University (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

В новейшей историко-правовой литературе вторая половина XVII в. обоснованно оценивается как время формирования имперской тенденции государственного строительства. Именно с этого времени в правовой системе Российского государства местное право приобретает роль самостоятельного носителя юридической информации и начинает использоваться в качестве правового инструмента обеспечения государственного единства. Правовой партикуляризм характеризуется как неотъемлемый элемент юридической политики, нацеленной на обособление общегосударственного и местного права для достижения оптимального уровня правовой автономии национальных регионов в ходе «становления Российской империи как сложного государственно-но-правового образования»⁶²⁷.

Общеизвестно, что исторические истоки возникновения проблемы консолидации местных обычаев и узаконений с общегосударственным правом восходят к государственным образованиям Древнего Востока и античности, имевшим имперскую форму организации государственной власти. В европейской правовой цивилизации архетипом империи принято считать постреспубликанский Рим, где длительное время имперское право имело для провинций субсидиарное значение и применялось лишь при наличии серьезных пробелов в местных правовых системах⁶²⁸.

Достижение государственного единства в условиях расширения географических границ имперского государства, состоящего из национально-территориальных регионов с различным уровнем развития права, правосознания и правовой культуры, предполагает санкцию верховной власти на сохранение местных правовых институтов. Последующая корректировка правового регулирования в духе сохранения высокого уровня организационно-регулятивного воздействия метрополии на вошедшие в ее состав земли позволяет, в конечном итоге, определить степень должного сочетания централизма и партикуляризма в юридической политике имперской власти. Применительно к России периода Нового времени данная проблема рассматривается отечественными и зарубежными государствоведами в контексте выявления юридической специфики политико-правового пространства Российской империи и способов легитимации регулятивной деятельности ее правительственной элиты.

Например, отличительная черта теоретико-правовых исследований, посвященных выявлению политико-организационных стратегий принудительного властвования носителей верховной власти в императорской России, заключается в обосновании ее юридической природы с точки зрения юриспруденции интересов. Российская империя

⁶²⁷ Кодав , Февралев 2013: Местное право национальных регионов... :74–75.

⁶²⁸ Кодав , Февралев 2013: Местное право национальных регионов ... :75–76.

обычно рассматривается как единое, унитарное государство, обладающее сложной территориально-политической организацией. По словам Н. М. Коркунова, «с постепенным разрастанием территории ... границы ее охватывали собой одно за другим множество самостоятельных прежде государств или владений других держав». При этом российская верховная власть в случае практической необходимости «сохраняла за присоединенными областями их местные законы и учреждения, предоставляя им иногда более или менее широкую местную автономию»⁶²⁹.

Следует отметить, что длительное сохранение в российском государственном праве санкции верховной власти на ту или иную степень юридического партикуляризма способствовало возникновению двойственной теоретико-исторической трактовки тезиса о единстве и нераздельности ее территориального пространства, закрепленной в 1-й статье Основных государственных законов от 23 апреля 1906 года. На рубеже XIX – XX вв. в государствоведческой литературе отмечалось, что речь в данном случае идет, прежде всего, об объединении государства в его «территориальном составе» на основе единства публичных властных правомочий монарха в «определенных территориальных границах», исключающего всякое произвольное распоряжение ими.

В то же время Б. Э. Нольде справедливо полагал, что симметричность российского государственного устройства, достигнутая к началу XX столетия, была результатом длительного сохранения в юридической политике самодержавия автономных элементов управления национальными и окраинными регионами. Он предлагал сосредоточить исследовательскую практику на изучении особой прагматики юридических конструкций, опосредованных политико-исторической конъюнктурой и, в целом - казуистичных⁶³⁰. Одни и те же земли, вошедшие в состав имперского государства по международно-правовым договорам, могли иметь статус областных автономий при безусловном приоритете верховной власти или же самостоятельных государственных образований, передающих полномочия своих властителей российским самодержцам посредством государственной унии. Так или иначе, но ведущий принцип законодательной политики России нового времени заключался в признании национально-территориальной специфики ряда местных узаконений.

В историко-юридической литературе, развивающей традиции классической науки государствоведения, отмечается преемственность российской юридической политики императорского периода в области конструирования правового статуса местных регионов со старо-

⁶²⁹ Там же: 188.

⁶³⁰ Коркунов 1909: 131-132, 35-36, 88; Нольде 1911: 244-245, 280-281.

московской практикой государственного строительства. Наличие ярко выраженного правового партикуляризма в Древней Руси привлекало, например, П. И. Числова, который объяснял его происхождение «различием географических, климатических, общественных и экономических условий» жизни разрозненных славянских племен. Их длительное сохранение содействовало автономизации местных регионов от великокняжеской власти, что усугублялось длительным сохранением феодальной раздробленности и расцветом локального законодательства при сохранении юридического значения Русской правды в качестве общегосударственного источника древнерусского права⁶³¹.

По оценкам новейших исследователей, основополагающую роль в выработке юридической стратегии взаимодействия центральной великокняжеской власти «с населением отдельных, как правило, вновь приобретенных территорий» играли государственные уставные грамоты. Территориальная локализация права нашла отражение и в междукняжеских договорах⁶³². Подчеркивается и организующая роль Соборного Уложения 1649 г. в проведении институциональной грани между общегосударственным и местным правом, включая обычаи⁶³³. Мнение о наличии в императорской России местных правовых систем, отражающих специфику правового регулирования в национальных регионах, высказывается сегодня и в историко-политологических исследованиях⁶³⁴.

В ряде случаев, когда речь шла о присоединении территорий, заселенных народами, живущими на стадии догосударственного юридического быта, урегулирование отношений подданства происходило на почве сохранения традиционной модели властвования. В результате происходило повышение социально-политической роли местных элит, выполняющих функцию посредничества между верховной государственной властью и ее новыми подданными.

В свою очередь, верховная государственная власть, взявшая под контроль со второй половины XVI в. процесс строительства городов и городков на освоенных к тому времени пространствах Сибири, целенаправленно предпринимала меры для сокращения частных инициатив первопроходцев. Служилые люди, выразившие желание идти на Восток в поисках новых богатств, были обязаны ставить в известность о своих планах местных воевод. В царских наказах, адресованных администрации вновь построенных сибирских городов, содержалось предписание, согласно которому «волости каждой местности в

⁶³¹ Леонтович 1869: 24–28; Числов 1914: 20–21; Кодан, Февралев 2013 Местное право национальных регионов... : 77–79 и далее.

⁶³² Кодан, Февралев 2013: Местное право национальных регионов... : 74–154.

⁶³³ Там же: 130; Кодан 2013: 239–293.

⁶³⁴ Воробьева 2011: 25; Лаптева 1998: 4; Блинов 1905: 3.

отношении уплаты ясака должны причисляться к тем городам, к которым они ближе расположены»⁶³⁵.

Одновременно московское правительство через посредничество воевод старалось расположить в свою пользу еще не присягнувшие на верность царю кочевые народы, обещая им всяческие милости, религиозную свободу и сохранение кочевий. В то же время, как свидетельствуют материалы летописей и тексты шерстных записей, эти послабления почти никогда не распространялись на уплату ясака, скрепленного отношения подданства⁶³⁶.

В исключительных случаях, когда речь шла о государевой милости по случаю каких-либо знаменательных событий общегосударственной важности, сбор ясака мог быть временно приостановлен царским указом. Предусматривалась и возможность отстранения служилых людей от ясачных сборов с последующей их передачей надежным представителям национальной знати, « кому мочно верить... чтобы они... и сами не корыстовались и не таили»⁶³⁷. Указанная тенденция нашла продолжение в законодательстве Российской империи, регулирующем отношения центрального правительства с кочевыми народами.

Традиционализм, имевший место в практике управления теми восточными и южными регионами России, где автохтонное население находилось на догосударственной стадии развития, не исключал их

политико-юридической интеграции в имперское пространство и словесную структуру общества, как административными, так и правовыми способами. Последовательное закрепление таковых в Своде законов Российской империи не исключало развития так называемой «вольной колонизации», которая осуществлялась вопреки воле правительства путем бегства от рекрутчины, крепостной зависимости, городского тягла и тому подобных проблем податного населения центральных земель. Применительно к Сибири более распространенной формой ее освоения в XVII – первой половине XIX вв. стала официальная правительственная колонизация « по указу», представлявшая собой разнообразные способы принудительного заселения восточных рубежей русскими людьми, включая служилые категории, ссыльнопоселенцев и некоторое количество вынужденных переселенцев-маргиналов⁶³⁸.

⁶³⁵ Миллер 1937: 316.

⁶³⁶ Там же: 318.

⁶³⁷ № 31. 1599 г. июня 25. – Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье об освобождении сибирских ясачных людей от уплаты ясака на 7108-й год // Миллер 1937: 381-382; № 39. 1600 г. декабря 8. – Грамота царя Бориса Федоровича в Пельм воеводе Ти-хону Траханиотову о сборе ясака с сибирских ясачных людей на 7109-й год // Там же: 390–391.

⁶³⁸ Любавский 2000: 260–261, 25–262.

Законодательная политика имперского государства в западных регионах, включенных в состав России на протяжении XVIII в., отличалась значительно более высокой степенью корреляции с ее право-государственным укладом. Этому содействовала ориентированность российской политической элиты в целом и носителей верховной самодержавной власти в частности на европейский уровень правовой культуры и правосознания. Кроме того, речь в данном случае шла о землях, где длительное время существовали высокоразвитые монархии, а общественные отношения веками регулировались шведским, магдебургским, немецким и польско-литовским правом. Общеизвестно, что высокий уровень рецепции Литовских Статутов предопределил историко-юридическую специфику большинства правовых институтов Соборного Уложения 1649 г. Данные факторы стали мощным катализатором официального курса на интеграцию национальных регионов европейской части России в имперское государство. В то же время они способствовали осторожности российских законодателей по отношению к местным источникам права и традиционным право-вым институтам, включая статусы сословной стратификации.

Историко-юридическая сущность правовых компромиссов, допущенных верховной самодержавной властью в западных регионах, нашла отражение в нормативно-правовых актах XVIII – первой половины XIX вв. Исключительный интерес для понимания особенностей российской законодательной политики в сфере реализации имперской парадигмы представляют узаконения, составленные с целью разграничения сферы действия общегосударственного и местного права в Прибалтике.

Здесь подтверждение существовавших ранее прав и привилегий местного населения было подчинено соображениям политической конъюнктуры и представляло собой более или менее пространное изъятие из общегосударственного законодательства. Этим обстоятельством объясняется большое количество сепаратных указов XVIII в., закрепляющих особый статус некоторых западных регионов Российской империи. Их последующая систематизация, прежде всего, была вызвана потребностью формально-юридического закрепления приоритета общегосударственного законодательства над местными узаконениями, легитимность которых обеспечивалась высочайшей санкцией.

Данная законодательная стратегия ярко выражена в начальных статьях Свода остзейских постановлений, согласно которым «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, от Самодержавной Власти исходящих...», но «с местными в некоторых их частях изменениями». Особое внимание составители Свода уделили вопросу о правовых пределах местных автономий, подчеркнув, что их предоставление полностью зависит от воли вер-

ховной власти. Во всех же прочих случаях «действие общих законов Империи сохраняет и в сих губерниях и областях полную свою силу»⁶³⁹.

В источниках права, составление которых происходило по мере выстраивания имперской модели взаимодействия общегосударственных административно-распорядительных институтов с прибалтийскими регионами, неплохо прослеживается смена приоритетов в отношении российских законодателей к вопросу о возможном уровне автономии местных узаконений. В правоведческой литературе XIX столетия обсуждение данной проблемы велось с целью выявления должных пределов соотношения общеимперского и балтийского права. При этом право монарха вносить изменения в местное законодательство было аксиомой, а в качестве ее юридического обоснования выдвигались некоторые положения аккордных пунктов и узаконений Петра I, где упоминаются так называемые «права Высочества»⁶⁴⁰.

Западнический колорит петровских преобразований не исключал спонтанности многих законодательных инициатив первой четверти XVIII в., продиктованных Северной войной и, в силу этого, не свободных от пробелов и коллизий. Влияние военного времени и нестабильного международного положения России, вынужденной учитывать постоянную смену внешнеполитических приоритетов ведущих европейских держав, оказало аналогичное воздействие и на законодательную политику Петра I в Прибалтике. Нормативно-правовые акты, регулирующие порядок присоединения балтийских регионов к Российскому государству, отличаются отчетливой типологизацией формы и содержания. В то же время условия капитуляций и сдачи отдельных городов, процедурные вопросы, объем прав и привилегий, сохраненных за разными земскими единицами, сословные гарантии и иные подобные вопросы решались в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и стратегической важности того или иной территории. Некоторые принятые на законодательном уровне решения были продиктованы идеологическими мотивами или переменами международно-правового характера, возникшими под воздействием Ништадского мира 1721 г. Правообразующая роль была отведена и притязаниям России на имперский статус и ведущее место в иерархии европейских дворов. К середине 1720-х гг. данная правовая парадигма превратилась в составную часть «петровского наследия» и в полной мере оказалась востребована на высочайшем уровне в ходе легитимации итогов каждого дворцового переворота.

Таким образом, имперский фактор моделирования местного балтийского права был дополнен фактором политическим, основанием

⁶³⁹Цит. по: Нольде 1911: 406–407.

⁶⁴⁰Нольде 1911: 407–409.

которого служила потребность верховной императорской власти в стабилизации. Это, в свою очередь, диктовало обращение законодателя к проблеме интеграции сословных институтов балтийского законодательства в общеимперское право при сохранении местных особенностей социальной стратификации и статусных признаков отдельных групп прибалтийского населения.

Вышеперечисленные концепты российской законодательной политики формировались постепенно, но следует констатировать их присутствие уже в ранних нормативно-правовых актах петровского времени, регулирующих условия военной сдачи Риги, Ревеля и других крупных городов Прибалтийского региона. В переговорах с городской администрацией и гарнизонами, которые сподвижники Петра вели от высочайшего имени по вопросу о дальнейшем статусе вновь присоединяемых территорий и местного населения, активное участие принимали сословные корпорации. В зависимости от сложившейся военно-политической обстановки в капитуляциях, аккордных пунктах и жалованных грамотах был закреплён неодинаковый объём будущих прав и привилегий для балтийских земель и отдельных сословий.

Многие вопросы решались спонтанно, а их обсуждение инициировалось верхушкой рыцарства и влиятельными бюргерами. В ряде случаев, когда речь заходила об определении будущего объёма действия шведского и польско-литовского права применительно к отдельным земским единицам, обсуждение нюансов мирного урегулирования геополитической ситуации в Прибалтике откладывалось до принятия высочайшего решения. На отсутствие продуманной концептуальной парадигмы дальнейшего развития местного законодательства в балтийском регионе указывают и допущенные на нормативно-правовом уровне упоминания о временном характере санкционированных Петром I привилегий, окончательная судьба которых должна была решаться на международно-правовом уровне уже после окончания войны и в зависимости от её политических результатов. Таким образом, юридическая составляющая «балтийского вопроса» формировалась под мощным воздействием внешнеполитического фактора, имела в виду создание нормативно-правовой основы для интеграции Российского государства в систему европейских держав и, в целом, может рассматриваться как неотъемлемая часть петровской вестернизации.

В итоге был создан своеобразный прецедент моделирования политики государственного единства в условиях монархии абсолютистского типа, соответствие которого нормам международного права не подвергалось сомнению при заключении Ништадского мира. Гарантируя на международно-правовом уровне сохранение привилегированного статуса жителей Прибалтики, русско-шведский мирный

трактат не закреплял неизменного объема уже существующих привилегий, что обеспечивало свободу действий верховной государственной власти в разработке перспективных стратегий дальнейшей интеграции прибалтийского региона.

Действие жалованных грамот и иных нормативно-правовых актов, конституирующих статус земель Лифляндии и Эстляндии в составе Российского государства, сохранялось, но в условиях длительного отсутствия законодательно закрепленных пределов правового партикуляризма могло произвольно пересматриваться из соображений административно-управленческого характера и требовало высочайшего подтверждения от каждого нового носителя верховной власти до тех пор, пока не состоялась систематизация остзейского права. На протяжении XVIII –первой четверти XIX вв. немаловажная роль в функционировании механизма юридического обеспечения правового статуса прибалтийских земель отводилась внешнеполитическому фактору, так как утверждение значительной части высочайших инициатив в данной сфере происходило на фоне территориального расширения Российской империи и отражало реалии международной обстановки в Европе, включая «похолодание» отношений с Швецией, политику «восточного барьера» и участие России в разделах Польши.

Давая оценку правообразующей деятельности ближайших преемников Петра I по балтийскому вопросу, следует учитывать и специфику организации верховной императорской власти в России XVIII столетия в условиях отсутствия правового механизма престолонаследия. В период дворцовых переворотов утверждение власти каждого нового монарха сопровождалось принятием блока нормативно-правовых актов, нацеленных на утверждение преемственности проводимого им политико-юридического курса с мероприятиями предшественников и, прежде всего, Петра I как легитимного родоначальника императорской фамилии. После 1725 г. подтверждающие жалованные грамоты об особом статусе Остзейского края и остзейских сословий стали обязательным элементом императорского правотворчества. Это свидетельствовало не только об отсутствии юридической определенности допустимых пределов действия местного права, но и о заинтересованности российских самодержцев в наличии таковых лагун в условиях недостаточного уровня централизации властных структур и «размытости» их функций.

В новейшей историко-правовой науке справедливо акцентируется внимание на весьма высоком уровне корреляции местного и общеимперского законодательства в области регулирования сословных прав и преимуществ, действовавших в регионах Прибалтики. С этим мнением следует согласиться, так как его концептуальное подтверждение содержится в нормах Остзейского свода. В частности, уже

первые статьи Введения, которое принято рассматривать как своеобразную общую часть, предпосланную местным узаконениям, отмечено, что таковые представляют собой «изменения в общих законах», получают юридическую силу от единой Власти Самодержавной и «простираются на те только губернии и области, коим они особо предоставлены...»⁶⁴¹.

Подводя итог, следует констатировать наличие в остзейском законодательстве скрытой, но достаточной последовательной надсословной тенденции, присущей, в целом, законодательной политике Российского государства исследуемого периода. Доминирование верховной самодержавной власти над местными сословиями обеспечивалось посредством компромиссного отношения законодателей к вопросу о старинных привилегиях остзейских городов, дворянских обществ и евангелически-лютеранской церкви. С одной стороны, сохранялась средневековая основа этих привилегий, что в известной мере тормозило модернизацию ряда местных правовых институтов, сохранявших сословную замкнутость, не соответствующую рациональному духу законодательства нового времени. С другой стороны, прибалтийская модель регулирования прав состояния во многом определяла законодательные инициативы российской верховной власти в области сословной стратификации общеимперского уровня и хорошо «встраивалась» в их концептуальную парадигму.

Представляется, что правовая стратегия избранная российскими законодателями XVIII – первой половины XIX столетия по отношению к коренным сословиям Остзейских губерний в наибольшей степени отражает компромиссную сущность интеграционной политики самодержавного государства в области социальной стратификации национальных регионов.

В основном, корректировке подвергались те местные узаконения, которые затрагивали компетенцию российской верховной императорской власти. Если речь шла о сохранении прежних «народных состояний», законодатель предпочитал осторожность, приступая к унификации местных узаконений в тех случаях, когда имели место пробелы, коллизии или какие-либо сложности для административно-

⁶⁴¹ См., например: ПСЗ I. Т. 4. № 2301 (1710. – Сентября 30. – Жалованная грамота дворянству Княжества Лифляндского. – В подтверждение прежних их прав, а особливо данной от Польского Короля Сигизмунда Августа в Вильне 1561 года привилегии, касательно шляхетских их прав, статуту, вольностей, достоинств и законных их маестностей...; № 2303 (1710. – Октября 12. – Решение Государя Петра I на предоставленные в волю Его Величества, при сдаче города Риги, пункты, с объявлением Монаршаго благоволения Магистрату и городу Риге...; № 2404 (1710. – Октября 12. – Решение Государя Петра I на предоставленные в волю Его Величества пункты дворянства и жителей Лифляндских, при покорении их Российской Державе); Т. 6. № 3819. П. 10..(1721. – Августа 30. – Трактат, заключенный на конгрессе в Ништадте...); Кодан, Февралев 2013: Местное право Прибалтики ... : 125 – 147; Свод 1845: П. 2.

распорядительной деятельности центрального правительства в регионах.

Особый механизм правового регулирования был предусмотрен для социально-территориальных пространств, в которых по разным причинам «происходила полная локализация государственно-правовой системы». К числу таковых принято относить, прежде всего, Финляндию, где до начала XX в. декларировалось сохранение отправных положений Основных законов Шведского королевства, корректировка которых осуществлялась исходя из принципа верховенства императорской власти, в том числе и в сословно-правовой сфере. Элементы национальной автономии сохранялись в Польше, где российские законодатели в силу политической сложности выстраивания отношений с местной сословной элитой до начала XX в. сохраняли специфику местного самоуправления и ориентировались в разработке норм гражданского права, прежде всего, на французские образцы. Тенденция к сохранению местных особенностей сословной структуры и принципов стратификации, особенно по отношению к нелояльной национальной аристократии, которая неохотно вливалась в российское дворянство, присутствовала в партикулярном праве закавказских земель и Бессарабии. Таким образом, сословно-правовой фактор был превращен в важное звено интеграционной политики российских законодателей Нового времени, которые не торопились демократизировать общественный строй как в центральных губерниях, так и в районах местных национально-территориальных автономий для обеспечения доминирующего статуса самодержавной власти в политической системе Российской империи⁶⁴².

Список источников и литературы

- Блинов 1905** – Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905.
- Воробьева 2011** – Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР. – М.: ФИВ, 2011.
- Кодан 2013** – Кодан С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX в.) // *ВВ: проблемы политики и общества*. 2013. № 4. С. 239 – 293.
- Кодан, Февралев 2013** – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право Великого Княжества Финляндского в правовой системе Российской империи: интеграция, источники, трансформации

⁶⁴² Кодан, Февралев 2013: Местное право Великого Княжества Финляндского ... :258 – 317; Кодан, Февралев 2013: Местное право Царства Польского ... 246 – 295; Кодан, Февралев. 2013: Формирование ... :230 – 285.

(1808 – 1917 г.) // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 3. С.258 – 317.

- Кодан, Февралев 2013** – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право национальных регионов Российской империи: истоки, место в политике и идеологии, юридическая природа (вторая половина XVII – начало XX вв.) // NB: вопросы права и политики. 2013. № 2. С. 74 – 154.
- Кодан, Февралев 2013** – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право Прибалтики в правовой системе Российской империи: интеграция, систематизация, унификация (XVIII – начало XX вв.) // NB: вопросы права и политики. 2013. № 7. С. 125 – 147.
- Кодан, Февралев 2013** – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право Царства Польского: формирование, источники, трансформации (1815 – 1917гг.) // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 3. С.246 – 295.
- Кодан, Февралев 2013** – Кодан С. В., Февралев С. А. Формирование и развитие местного права в Бессарабии в составе Российской империи (1812 - 1917 гг.) // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 4. С. 230 – 285.
- Коркунов 1909** – Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909.
- Лаптева 1998** – Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). – М.: Наука, 1998.
- Леонтович 1869** – Леонтович Ф. И. История русского права. – Одесса: Городская типография Сод.Алексомати, 1869. Вып. 1. 155 с.
- Любавский 2000** – Любавский М. К. Историческая география России. – СПб.: Лань, 2000.
- Миллер 1937** – Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.;Л: Изд-во Академии Наук СССР, 1937. Т. 1.
- Нольде 1911** – Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. – СПб.: Типография «Правда», 1911.
- ПСЗ I** – Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830 – 1917. – Собр. I. Т. 4, 6.
- Свод 1845** – Свод местных узаконений Губерний Остзейских, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Ч. I. Учреждения. СПб., 1845. – СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.

Числов 1914 – Числов П.И. Курс истории русского права. Вып. I. Введение. История источников права.– М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1914.

E. S. Sokolova

**ON THE ROLE OF SUPRA-ESTATE STRATEGIES IN
MODELING NATIONAL-POLITICAL IDENTITY OF
PARTICULAR LEGAL INSTITUTION OF THE RUSSIAN EMPIER
(PROBLEM STATEMENT)**

The article reveals the main directions of legal policy of the Russian autocracy in relation to the national regions and institutions of local legislation, revealed its integration potential, shows the relationship between the General law and legal particularism, including in the area of estates law. The legislative trend towards preservation of national-political identity of a number of particular institutions of law considered as part of supra-estate strategy of the Russian state the new time aimed at strengthening the socio-political image of the Supreme Imperial power.

Key words: national-political identity, supra-estate monarchy, Imperial government, legal particularism, legal strategies, state and territorial unity.

Код ВАК 07.00.09

B. A. Shihov

**ВОЙНА 1812-1815 ГГ. И «ТРАНСПОРТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
В США**

Статья посвящена взаимосвязи таких явлений, как англо-американская война 1812-1815 годов и американская «транспортная революция». Рассматриваются три периода «транспортной революции» - строительство сухопутных магистралей, строительство речных каналов, строительство железнодорожных путей, их особенности и отличительные черты, непосредственные последствия «транспортной революции», ее взаимосвязь с другими экономическими явлениями того времени. Дается краткий обзор американской историографии, посвященной «транспортной революции».

Ключевые слова: англо-американская война 1812-1815 годов; Законы об эмбарго и запрете импорта; «транспортная революция»; отчет Голлати-

Шихов Владимир Анатольевич, аспирант Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); учитель истории и обществознания в МОУ Гимназия (г. Нижняя Салда).

Shihov Vladimir, postgraduate student of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Teacher of History and Social Science of Gymnasium (Russia, Nizhnyaya Salda).

Телефон/Phone: +7 (34345) 3-14-57. Электронная почта/E-mail: shihoff2013@yandex.ru.

на; наземная транспортная система США; речные каналы США; железнодорожная транспортная система США.

Англо-американская война 1812 года в американской историографии носит название «Второй войны за независимость». И это совершенно оправданно. Хотя противоречия, вызвавшие войну, и не были разрешены в ходе вооруженного конфликта между Великобританией и США, однако это событие может служить своеобразным водоразделом в недолгой, на тот момент, истории Соединенных Штатов. После этой войны облик страны радикально изменился.

Новым явлением стало формирование национального самосознания, что свидетельствовало о глубоких переменах на ментальном уровне. Люди больше не называли себя представителями той или иной территории – виргинцами или пенсильванцами, а стали именовать себя в первую очередь американцами. Фактически возникла новая идентичность, национальная по своей сути. Американский историк Р. Римини отмечает, что «то, что сегодня называют американским характером, стало постепенно складываться после Англо-американской войны 1812 г.»⁶⁴³ Именно события этой войны, а если конкретно, артиллерийский обстрел англичанами Балтимора и вид американский флаг над бруствером, вдохновили Френсиса Скотта Ки на написание стихотворения, позднее ставшего национальным гимном Соединенных Штатов – «Звездно-полосатый флаг»⁶⁴⁴.

Однако эти важные перемены повлияли не только на формирование национальной самоидентификации американского народа, но и на другие сферы общественной жизни Америки. Существенные изменения коснулись культуры, экономики, внешнеполитических отношений, структуры внутривластной системы США. В конце концов, и причины Гражданской войны 1861-1865 гг. лежат в области последствий войны 1812-1815 гг. Именно в 1810-е гг. ряд решений Верховного Суда США, носивших концептуальный характер, окончательно отдали приоритет в конфликте интересов в пользу центрального правительства перед интересами отдельных штатов. Например, в деле «Маккалох против Мэриленда» объявлялся недействительным налог штата с местного отделения федерального банка, и как следствие, ни один штат теперь не мог облагать налогами федеральные учреждения. В результате дела «Гиббона против Огдена» суд объявил, что только конгресс может управлять межштатовской и внешней торговлей, отменив монополию на использование пароходов⁶⁴⁵.

⁶⁴³ Римини 2015: 104.

⁶⁴⁴ Макиннерни 2011: 157-158.

⁶⁴⁵ Римини 2015: 104-105.

Во внешней политике важнейшим проявлением последствий войны 1812-1815 гг. стала разработка и принятие «доктрины Монро», определившей судьбу Соединенных Штатов на международной арене, без малого, на сто лет вперед. Отстояв в ходе войны свою политическую независимость, американцы восприняли этот документ как проявление дипломатического суверенитета, как действие, направленное на защиту своих законных территорий. Детище президента Джеймса Монро и госсекретаря Джона Квинси Адамса, свод правил международного лидерства, принятый на заседании Конгресса в конце 1823 г., стал новой, самостоятельной страницей в истории американской дипломатии и внешней политики⁶⁴⁶.

Важнейшим событием в культурной истории Соединенных Штатов стало зарождение на волне патриотизма и в условиях формирования национального самосознания, собственной американской литературы. Именно после победы в войне, на фоне консолидации американской нации и возникновения американской идентичности, в 1815-1830 гг. создаются произведения, основанные на местных сюжетах. К писателям, обратившимся к американской действительности, в первую очередь, следует отнести, во-первых, Вашингтона Ирвинга, писавшего о людях и местах, до боли знакомых простым американцам, во-вторых, Джеймса Фенимора Купера, с его произведениями, посвященными американской истории и жизни фронта.

Однако наиболее важным последствием войны с Великобританией для американского общества, наряду со вспышкой патриотизма, стала происходившая в это время промышленная революция. Контуры этого явления, определившего направление и ход американской истории XIX в., могли быть совершенными другими, если бы не внешнеполитические события первых пятнадцати лет этого столетия. Закон об эмбарго 1807 г., Закон о запрете импорта 1809 года, непосредственно англо-американская война 1812-1815 гг. и вынужденное в результате этого возникновение таких явлений, как импортозамещение и высокие таможенные тарифы – все это привело к переориентации американской экономики. Соединенные Штаты за короткое время превратились из страны торговой, экспортирующей сырье и импортирующей фабрикатy, в страну индустриальную, снабжающую полмира своими промышленными изделиями. Была построена независимая национальная экономика, финансовый капитал перенес свои интересы в виде инвестиций с торговли на производство. Наибольшего прогресса достигли железоделательное и хлопкопрядильное производство. К примеру, после окончания войны уже через несколько лет в Новой Англии

⁶⁴⁶ Макинерни 2011: 162-163.

было построено 140 хлопкопрядильных фабрик, на которых работало 500 000 веретен⁶⁴⁷.

Следует отметить, что до начала XIX в. рост экономики был «экстенсивным», практически совпадая с приростом народонаселения. Однако позднее мы можем наблюдать другие цифры – население удваивалось каждые 23 года, а валовой национальный продукт – через 15 лет. В промежуток времени между войной 1812-1815 гг. и Гражданской войной 1861-1865 гг. ежегодный рост национального дохода составлял в среднем 1,7% в год. Именно после англо-американской войны 1812-1815 гг., в результате ее прямых последствий, американская экономика стала расти быстрее, чем население⁶⁴⁸.

Одной из предпосылок такого бурного экономического подъема должно было стать развитие транспортных путей. Однако до 1815 г. ситуация в этой области оставалась плачевной. Единственным рентабельным средством перевозки грузов на большие расстояния были парусники и плоскодонные баржи. Жителю Филадельфии, например, было проще добраться до Бостона, Нью-Йорка, Чарльстона или Лондона, чем до Питтсбурга, потому что это были морские порты. Перевоз тонны груза через Атлантику равнялся по себестоимости его же транспортировке по суши на тридцать миль. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в то время трансатлантическая торговля преобладала над внутренней, сухопутной; фермеры жили натуральным хозяйством, ремесленники работали на заказ на местный рынок, а большинство промышленных товаров приобреталось в Англии. И решить транспортные проблемы американского общества и экономики можно было, только приняв и реализовав целый комплекс мер, которые в ближайшие пятьдесят лет в корне изменили характер торговых взаимоотношений. И эти изменения стали возможны после окончания войны 1812-1815 гг., в результате так называемой «транспортной революции», как ее справедливо называют историки, ставя ее по очередности и по важности на первое место в списке других подобных экономических явлений, известных как «рыночная революция», «промышленная революция», «аграрная революция».

В чем суть «транспортной революции»? При первом приближении очевидно, что «транспортная революция... создала надежную инфраструктуру рыночной экономики, прочные опоры национального рынка, который стал в свою очередь важнейшим условием и стимулом аграрной и промышленной революций»⁶⁴⁹.

Концепция «транспортной революции» была создана и разработана американским историком Дж. Р. Тейлором в монографии 1951

⁶⁴⁷ Римини 2015: 105-106.

⁶⁴⁸ Макферсон 2012: 26.

⁶⁴⁹ Согрин 2013: 79.

г. под названием «Транспортная революция 1815-1860 гг.»⁶⁵⁰. Позднее к этой проблематике, внося свои дополнения и коррективы, обращались многие историки, такие как У. Ростоу, Р. У. Фогел, А. Фишлоу и др.⁶⁵¹. Более подробно со взглядами сторонников и критиков теории «транспортной революции» можно познакомиться в работе Н. Н. Болховитинова «США: проблемы истории и современная историография»⁶⁵². Хронологические рамки «транспортной революции» занимают примерно первые шестьдесят лет XIX в. За это время «транспортная революция» прошла три этапа. До 1820-х гг. преобладало активное массовое строительство проезжих дорог, магистралей, улучшение наземной транспортной системы. В 1820-х гг. основная ставка была сделана на водные пути сообщения, на строительство речных каналов. И наконец, с середины 1840-х гг. важнейшим звеном транспортной системы Соединенных Штатов становятся железные дороги, к 1860 г. одержавшие убедительную победу над сухопутными магистральями и речными каналами. Коснемся кратко сути каждого из вышеперечисленных периодов «транспортной революции».

К особенностям первого периода можно отнести следующее. Ни в какое другое время потребность в транспортных улучшениях не была столь необходимой, как во время, которое последовало вслед за войной 1812 г. Военные действия обнаружили непригодность существовавшей транспортной системы, а последующее заселение западных земель сделало потребность ее улучшения необходимой мерой. Надо отметить, что строительство магистральных дорожных путей поддерживалось, во-первых, государством, во-вторых, властями штатов, в-третьих, частным предпринимательством. Соединение этих трех начал привело к появлению в дорожном строительстве предпринимательских корпораций. Цель создания этой формы частно-государственного капитала – получение дохода. Главный источник дохода – пошлины, которые собирались специальными службами. Прибыли, впрочем, были небольшими, в среднем 2-3 %⁶⁵³. Причины низких прибылей, а часто и убытков частно-государственных дорожных корпораций были самые различные⁶⁵⁴. Следует отметить, что до 1807 г. федеральное правительство практически не вмешивалось в строительство и усовершенствование дорожных магистралей. Изменение федеральной политики произошло в результате отчета Голлатина о необходимости санкционирования Конгрессом расхода в 20 млн долларов на внутреннее дорожное строительство⁶⁵⁵. Последствием изменения политики феде-

⁶⁵⁰ Taylor 1951.

⁶⁵¹ Rostow 1960; Fogel 1964; Fishlow 1965.

⁶⁵² Болховитинов 1980: 116-117.

⁶⁵³ Meyer 2003: 3.

⁶⁵⁴ Pessen 1985: 126.

⁶⁵⁵ Богарт 1927: 158.

рального правительства в плане дорожного строительства стала постройка Камберлендской дороги, или Национального тракта, которая окончилась в 1838 году и обошлась правительству в 4 млн 300 тыс. долларов⁶⁵⁶. Подведя итоги первого периода «транспортной революции», можно отметить следующее: в течение нескольких десятилетий наблюдался бум дорожного строительства, что существенно укрепило как экономические взаимосвязи между штатами, так и саму американскую экономику.

Второй период «транспортной революции» – строительство речных каналов. Это стало возможным в связи с изобретением речных пароходов в 1807 г. и их первых рейсов по ведущим водным торговым артериям страны – Огайо и Миссисипи. Первой ласточкой в строительстве крупных речных каналов стал канал Эри, длиной 363 мили, соединивший Великие Озера и Гудзон, Северо-Восток и Северо-Запад США, центры промышленности и производства продуктов питания. Канал строился восемь лет, начиная с 1817 г., а уже через десять лет эксплуатации полностью окупил себя⁶⁵⁷. Для доказательства успешности речных каналов в то время и их преимущества над сухопутными магистралями достаточно привести некоторые финансовые показатели. Стоимость перевозки между двумя экономическими центрами страны упала примерно в 10-12 раз, время сократилось в три раза, а доход уже на второй год составил 750 тыс. долларов⁶⁵⁸. Успех канала Эри привел к настоящему буму в строительстве речных каналов, пик которого пришелся на период с середины 1820-х по середину 1830-х гг. Всего после 1815 г. и до 1860 г. было построено водных путей протяженностью 4200 миль⁶⁵⁹. За это время количество речных пароходов увеличилось с 7 до 817 судов⁶⁶⁰. Самым дорогим проектом стала система каналов стоимостью более 10 млн долларов через Аллеганские горы, соединившая Филадельфию и Питтсбург, и законченная в 1834 г.⁶⁶¹ Это время Дж. Р. Тейлор назвал «золотым веком речного пароходства»⁶⁶². Главным отличием строительства каналов от строительства сухопутных дорог был источник финансирования. Если дорожные магистрали финансировались корпорациями, где главную роль играл частный капитал, то в строительстве речных каналов первую скрипку играли финансы штатов, а федеральное правительство участвовало в нем, предоставляя землю из национального фонда. Всего государственные капиталовложения составили две трети общих затрат на строи-

⁶⁵⁶ Богарт 1927: 159.

⁶⁵⁷ Богарт 1927: 161.

⁶⁵⁸ Согрин 2013: 80.

⁶⁵⁹ Puth 1988: 145.

⁶⁶⁰ Wallion 1998: 190.

⁶⁶¹ Богарт 1927: 162.

⁶⁶² Taylor 1951: 38.

тельство⁶⁶³. В структуре внутреннего долга штатов в 1838 г. траты на строительство каналов занимали первое место⁶⁶⁴. Речные каналы стали первым в истории США примером деятельности государственного капитализма.

Третий этап – это железнодорожное строительство. Главное значение железных дорог состояло в разрушении областных перегородок и ориентации промышленного развития страны по новым руслам. Железные дороги строились в западном и восточном направлениях, пересекали горы и соединяли разрозненные части Америки. С введением в эксплуатацию железных дорог американская экономика вступала в совершенно новую фазу развития. Однако в первые десятилетия железнодорожного строительства, примерно до 1840 г., они не могли серьезно конкурировать с реками и каналами. Но потом началось то, что некоторые исследователи назвали «железнодорожной революцией», а У. Ростоу объявил «взлетом экономического роста». Ростоу объяснял этот «взлет экономики» тем, что железнодорожное строительство потребляло половину производимого в стране железа, подталкивало к развитию другие отрасли, выступало локомотивом национальной экономики⁶⁶⁵. Всего за 20 лет до 1860 г. протяженность путей выросла в 10 раз и достигла 30 625 миль. Таким образом, железные дороги к 1860 г. закономерно стали лидером «транспортной революции», одержав уверенную победу над сухопутными магистралями и речными каналами. Согласно американской статистике, в 1860 году по железным дорогам прошло в полтора раза больше грузов, чем по каналам тех же коммуникационных систем⁶⁶⁶. Одной из главных причин успешности такого железнодорожного бума стала государственная политика. Федеральные инвестиции составили треть общих капиталовложений в железнодорожные проекты, Вашингтон бесплатно выделил под строительство 20 млн акров земли из национального фонда (территория, равная Техасу), резко снижались налоги на строительные материалы для железных дорог⁶⁶⁷.

Таким образом, американская «транспортная революция», начавшаяся в 1815 г., и явившаяся прямым следствием англо-американской войны 1812-1815 гг., привела к целому ряду изменений в американской экономике и американской общественной жизни. Были созданы первые в Америке корпорации с уставным капиталом в млрд долларов. Развитие транспортного сообщения привело к расширению сети мануфактурных предприятий, поскольку теперь всем про-

⁶⁶³ Sellers 1991: 44.

⁶⁶⁴ Богарт 1927: 164.

⁶⁶⁵ Rostow 1960.

⁶⁶⁶ Согрин 2013: 82.

⁶⁶⁷ Taylor 1951: 94-97.

изводителям гарантировалась быстрая доставка товаров на рынки. Укреплялись экономические и политические связи между экономическими регионами страны. Вдоль новых транспортных путей – сухопутных, речных, железнодорожных – возникали новые города и поселки, появлялись новые экономические центры. Усовершенствование системы пассажирского и грузового транспорта внутри страны привело к расцвету внутренней торговли, а американцы стали рассматривать друг друга как коммерческих партнеров. И самое главное, американская «транспортная революция» стала важнейшим условием ускорения американской «промышленной революции».

Список источников и литературы

- Богарт 1927** – Богарт Э. Экономическая история Соединенных Штатов. – М.: изд-во «Экономическая жизнь», 1927.
- Болховитинов 1980** – Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. – М., 1980.
- История США 1983** – История США: в 4-х тт. – Том 1. – М.: Наука, 1983.
- Макинерни 2011** – Макинерни Д. США. История страны. – М.: Эксмо, 2011.
- Макферсон 2012** – Макферсон Дж. Боевой клич свободы. Гражданская война 1861-1865. – Екатеринбург: Гонзо, 2012.
- Римини 2015** – Римини Р. Краткая история США. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015.
- Согрин 2013** – Согрин В. В. Центральные проблемы истории США. – М.: изд-во «Весь Мир», 2013 .
- Согрин 2010** – Согрин В. В. Исторический опыт США. – М.; 2010.
- Шпотов 1991** – Шпотов Б. М. Промышленный переворот в США. В двух частях. – М.; 1991.
- Fishlow 1965** – Fishlow A. American Railroads and Transformation of the Ante-Bellum Economy. – Cambridge (Mass), 1965.
- Fogel 1964** – Fogel R. W. Railroads and American Economic Growth. – Baltimore, 1964.
- Meyer 2003** – Meyer D. R. The Roots of American Industrialization. – Baltimore and London. 2003.
- Pessen 1985** – Pessen E. Jacksonian America: Society, Personality and Politics. – Urbana and Chicago, 1985.
- Puth 1988** – Puth R. C. American Economic History. – Chicago, 1988.
- Rostow 1960** – Rostow W. W. The Stages of Economic Growth. – Cambridge (Mass), 1960.
- Sellers 1991** – Sellers Ch. The Market Revolution. Jacksonian America 1815-1846. – New York, Oxford, 1991.

Taylor 1951 – Taylor G. R. The Transportian Revolution, 1815-1860. – N. Y., 1951.

Wallion 1998 – Wallion G. M., Rockoff H. History of American Economy. – N. Y., etc., 1998.

Vladimir. A. Shihov

THE WAR OF 1812-1815 GG. AND "TRANSPORT REVOLUTION" IN THE USA.

The article is devoted to interrelation of these phenomena, as the Anglo-American war 1812-1815 years and the American "transportation revolution. "Examines three periods of "transport revolution" – the construction of overland highways, construction of river channels, construction of Railways, their characteristics and distinctive features, a direct consequence of the "transport revolution", its relationship with other economic phenomena of the time. Author gives a brief overview of American historiography, dedicated to the "transport revolution".

Keywords: Anglo-American war 1812-1815; Laws on embargo and prohibition of the import; "transport revolution"; report Gallatin; ground transportation system of the United States; river channels of the United States; railway transport system of the USA.

Код ВАК 07.00.03; 07.00.09

В.Н. Земцов

СЕМИОТИКА ИМПЕРСКОЙ СТОЛИЦЫ: ПАРИЖ

(Рец. на кн.: Delage I., Prevot C. Atlas de Paris au temps de Napoléon. Préface de T. Lentz. Paris: Parigramme, 2014. 223 p.)

Представлена рецензия на альбом французских исследователей И. Де-лажа и К. Прево, посвященный Парижу эпохи Наполеона I. Авторы поставили перед собой цель выявить, что именно сделало Париж «столицей мира» и в чем заключался и заключается пафос «титула» имперской столицы. На основе блестящего анализа динамики и особенностей развития города в наполеоновскую эпоху, привлекая, в том числе, и статистические данные, ученые показывают ключевую роль в этом инфраструктуры, связанной как с благоустройством городской среды, так и со сферой культуры и науки.

Ключевые слова: история Парижа, эпоха Наполеона, городская среда.

15 августа 1812 г., в день рождения Наполеона I, когда он сам во главе Великой армии подходил к Смоленску, в Париже, на берегу Сены были заложены два грандиозных здания – Дворец архивов и Дворец университета. Планам их строительства в те годы не удалось осуществиться – поражение наполеоновской армии в России, а затем низложение императора заставили на долгие годы забыть об этих великих проектах.

Великолепный альбом-исследование «Атлас Парижа времен Наполеона», подготовленный двумя замечательными историками французской столицы и изданный in quarto⁶⁶⁸, является частью обширной серии подобных работ, включающей, помимо других, «Атлас Парижа Средних веков» и «Атлас Парижа времен Османа». Издание, подобное «Атласу Парижа времен Наполеона», помогает не только реконструировать внешний облик города наполеоновской эпохи, но и заставляет

Земцов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; доктор исторических наук, профессор.

Zemtsov Vladimir, the Head of the Department of General History of Ural State Pedagogical University (620017, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Professor of Chair of Modern and Current History of Ural Federal University after first President of Russia B.N. Eltzin; Dr. of History, professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.

⁶⁶⁸ Delage, Prevot 2014

поставить ряд серьезных вопросов, касающихся, в том числе, и важных методологических аспектов постижения прошлого. Так, концепция «мест памяти», сформулированная исследовательским коллективом во главе с П. Нора в 1970-1980-е гг., казалось бы, за 30-40 лет уже исчерпала свой познавательный потенциал, превратившись в «общее место» для многих работ и став дежурной отсылкой к методологическому обоснованию той или иной диссертации. Однако представляемый нами «Атлас» свидетельствует, скорее, об обратном: о возможности и необходимости значительной «наполняемости» и конкретизации положений того, что мы называем «местами памяти».

В любом случае, материал «Атласа» остро ставит перед читателем и более конкретный вопрос о том, что же именно сделало Париж «столицей мира», и в чем заключался и заключается пафос «титула» имперской столицы. На первый взгляд может показаться, что эпоха Наполеона означала для Парижа, прежде всего, воздвижение тех объектов, которые должны были прославлять самого императора и его победы – триумфальные арки (Арки на площади Звезды и на площади Карузель), мосты (Йены, Аустерлица), улицы (Наполеона, Бонапарта и пр.), площади (Империи, Маренго и пр.) и т.д. Действительно, топонимика города увековечила славу новой монархии Бонапартов и блеск ее оружия (примечательно, что подобных объектов в современном Париже даже больше, чем было в эпоху Консульства и Первой империи, и отнюдь не только из-за реконструкции времен барона Османа), однако главные перемены в жизни города той поры оказались связаны не с этим. Париж преобразился по существу.

Прежде всего, он стал городом «среднего класса». Открывались многочисленные рестораны и кафе. Уже в 1807 г. трактироресторанов было не менее 56, где подавали 28 сортов рыбы, 15 видов жаркого и 44 вида десертов, предлагали великолепную карту вин, включавшую вина немецкие и испанские, а за один вечер через ресторан мадам Грапп могло пройти до 600 посетителей. Появились первые пассажи (Сен-Оноре, Деревянная галерея, Монтескьё и др.), заполненные бутиками и кафе, украшенные фонтанами. Было разбито множество парков, садов и аллей, в которых прогуливалась публика самого разного достатка, демонстрируя себя, свои наряды и свое благополучие. Появилось первое газовое освещение...

Возникновение подобных ростков «общества потребления» покоилось на солидном экономическом фундаменте. Париж демонстрировал и это. В 1806 г. в городе была проведена большая Промышленная выставка, развернутая на эспланаде Дворца инвалидов. Специально для Парижской фондовой биржи построен дворец Броньяр; открыт Центральный банк Франции (Банк де Франс); созданы 22 торговые палаты; введены биметаллизм и государственная монополия на эмис-

сию ценных бумаг; наконец, в 1807 г. издан Коммерческий кодекс. В самом городе работало немало предприятий, в основном, текстильных, а в пригородах шла переработка сахарной свеклы...

Организация жизни в городе, пережившем ужасы революции, была упорядочена: введен новый земельный кадастр, систематизирована нумерация домов (впервые стороны улиц были разделены на четные и нечетные), бесперебойно работали почта и усовершенствованный телеграф Шаппа, больше стали строить многоэтажных зданий (до 7 этажей!), в городской черте с 1804 г. закрыли все кладбища... Среди новых погостов, организованных теперь за чертой города и проникнутых романтической атмосферой английского парка, было и знаменитое ныне кладбище Пер-Лашез.

Париж времен Наполеона – это еще и мир театров, музеев и музыки. Подсчитано, что за годы своего правления Наполеон посетил ни много ни мало 374 драматических и музыкальных спектакля. Официальные театры – Опера, Императорская академия музыки, Одеон (Театр императрицы), Опера-комик, Комеди-франсез и др. – получали значительное государственное содержание. Под покровительством властей была Парижская консерватория. Немало было сделано и для организации развлечений простонародья – работали Театр марионеток, Оптический иллюзион, Панорамы (они представляли собой виды различных городов в период важных исторических событий), Китайские бани, цирк Франкони, где выступали дрессированные лошади, общественные балы и прочее.

Несмотря на закрытие еще при Консульстве множества печатных изданий (в 1799 г. их было 70, а в 1800 г. только 13), четыре газеты, выходившие в Париже, предоставляли читателям (в особенности, *Journal d'Empire*, имевший 20 тыс. подписчиков) достаточно разнообразную информацию, включая новости экономики, моды, культурной жизни и публикуя объявления. Количество библиотек и типографий (часто они представляли собой единое целое), сосредоточенных в Париже, было огромно. В 1811 г. их было зафиксировано 302! Существовало множество публичных библиотек, среди которых особенно выделялась Национальная библиотека (она в те годы делилась на 4 отдела: на собственно библиотеку, содержащую 450 тыс. томов; кабинет античности; кабинет гравюр – 5 тыс. единиц хранения; галерею рукописей – 72 тыс. единиц хранения), библиотека Мазарини (60 тыс. томов), библиотека Арсенала (190 тыс. томов) и библиотека Пантеона (80 тыс. томов).

В городе находилось множество научных и учебных заведений. Самыми известными были Национальный институт (Академия) и Императорский университет (создан в 1806-1808 гг., заменив собой чисто теологическую Сорбонну), включавший четыре факультета – права;

медицины; наук (математики и физики); словесности и теологии. Именно Наполеон ввел историю в систему образования и академической науки. Согласно законам 1806-1808 гг., в составе словесного факультета университета была создана кафедра истории, которой с 1812 г. руководил Ф. Гизо. Он же стал руководителем подобной кафедры в Высшей нормальной школе. Параллельно в Национальном институте была создана секция истории и древней литературы.

Огромные усилия предпринимались в Париже по сохранению того, что называется «овеществленной памятью». В 1802 г. выходят знаменитые зарисовки Д.В. Денона «Путешествия по Нижнему и Верхнему Египту». С тех пор весь город оказывается охваченным египтоманией, и древнеегипетские мотивы густо насыщают новый стиль, получивший название ампира. При всей ущербности такого «популяризаторства» следует признать, что всеобщая увлеченность тех лет «египтологией» сыграла ключевую роль в сохранении и изучении древней цивилизации. То же, хотя и в меньшей степени, следует отнести к широкому распространению романских мотивов, проявившихся, прежде всего, в символике военного престижа. Небывалый размах приобрел Лувр как музей шедевров мирового искусства. Помимо него был создан и специальный Музей французских монументов.

Еще в 1794 г. во Франции были учреждены так называемые Национальные архивы (Archives nationales), но только в 1803 г. архивохранилище заняло пристойное здание – Дворец Субиз. Посетив его в 1811 г., Наполеон пришел к выводу о необходимости строительства нового обширного и, главное, специально для хранения документов приспособленного здания. Немедленно был разработан проект Дворца архивов – огромного комплекса, имеющего, по замыслу, четыре внутренних двора – и определено достойное место для его возведения. Однако пройдет еще 200 лет, прежде чем Франция найдет силы реализовать подобный замысел. В 2013 г. на окраине нынешнего Парижа – в Сен-Дени – будет возведено огромное здание Национальных архивов, и историки, в том числе и российские, смогут там работать в максимально комфортных условиях, нередко размышляя при этом о специфике посещения архивов другой столицы... А то и вспоминая охваченный дымом и пламенем московский ИНИОН...

Список источников и литературы

Delage, Prevot 2014 – Delage I., Prevot C. Atlas de Paris au temps de Napoléon. Préface de T. Lentz. Paris: Parigramme, 2014. 223 p.

Vladimir N. Zemtsov

SEMIOTICS OF THE IMPERIAL CAPITAL: PARIS

(Book rev.: Delage I., Prevot C. Atlas de Paris au temps de Napoléon.
Préface de T. Lentz. Paris: Parigramme, 2014. 223 p.)

Presents a review of the album by French researchers Delage I. and K. Prevost dedicated to Paris of the time of Napoleon I. Authors set a goal to identify what made Paris the "capital of the world" and what was and is the pathos of the "title" of the Imperial capital. On the basis of a brilliant analysis of the dynamics and peculiarities of development of the city in the Napoleonic era, involving, including, and statistics, scientists show key role in this infrastructure associated with the development of the urban environment and the sphere of culture and science.

Key words: history of Paris, the era of Napoleon, urban environment.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Запад, Восток и Россия:
Проблемы национальной и политической идентичности
в исторических исследованиях**

Вопросы всеобщей истории
Выпуск 18

Главный редактор: В. Н. Земцов
Оригинал-макет: А. И. Голотина

Подписано в печать 12.10.2016 Формат 60x84/16. Бумага для множ. ап.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 17,67. Тираж 500 экз. Заказ № 4742
Отдел множительной техники
Уральский государственный педагогический университет
620017 Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26
Адрес в Интернете: www.uspu.ru
E-mail: hist@uspu.ru
